УДК 94(100)"15/21"(082)
ББК 63.3(0)5я43+63.3(0)6я43

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

№ 3
МАЙ–ИЮНЬ

2021

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В МАЕ 1957 ГОДА ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛИ: РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

Главный редактор **В.С. Мирзеханов**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Одд Арне Вестад (США), **А.Б. Давидсон** (Россия), **Штефан Карнер** (Австрия), **Элен Каррер д'Анкосс** (Франция), **Николаус Катцер** (Германия), **Доминик Ливен** (Великобритания), **Г.Ф. Матвеев** (Россия), **В.С. Мясников** (Россия), **В.В. Наумкин** (Россия), **Рольф Тоштендаль** (Швеция), **А.О. Чубарьян** (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Йорг Баберовски (Германия), **Л.С. Белоусов** (Россия), **Д.М. Бондаренко** (Россия), **В.И. Журавлева** (Россия), **Владислав Зубок** (Великобритания), **Суви Кансикас** (Финляндия), **С.Я. Карп** (Россия), **М.А. Липкин** (Россия), **Леонид Люкс** (Германия), **А.Г. Матвеева**, зам. главного редактора (Россия), **В.С. Мирзеханов**, главный редактор (Россия), **Мари-Пьер Рей** (Франция), **Дональд Рейли** (США), **Л.П. Репина** (Россия), **И.М. Савельева** (Россия), **Е.Ю. Сергеев** (Россия), **В.В. Согрин** (Россия), **Грегори Фриз** (США), **Б.Л. Хавкин** (Россия), **П.П. Черкасов** (Россия), **Франтишек Штеллнер** (Чехия)

Ответственный секретарь **И.А. Фадеев**

Адрес редакции: 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: http://nni.jes.su
e-mail: novistor57@mail.ru

© Российская академия наук, 2021
© Институт всеобщей истории РАН, 2021

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 3
MAY–JUNE

2021

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY:
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhan Mirzekhanov**

EDITORIAL COUNCIL

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria), **Hélène Carrère d'Encausse** (France), **Nikolaus Katzer** (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom), **Gennadiy Matveev** (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia), **Rolf Torstendahl** (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia), **Petr Cherkasov** (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia), **Boris Khavkin** (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany), **Anna Matveeva**, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia), **Donald Raleigh** (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia), **Yevgeny Sergeyev** (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic), **Victoria Zhuravleva** (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A
Web-site: http://nni.jes.su
e-mail: novistor57@mail.ru

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Мирзеханов В.С., Ланник Л.В. Батумская подсистема как пространство Османской гегемонии в Закавказье в 1918 году: к постановке вопроса 5
Власова О.А. Три возраста самосознания: методологические кризисы историографии в зеркале истории философии 23

НОВОЕ ВРЕМЯ

Эрлихсон И.М. «Ради общего блага»: идейно-концептуальные основы британской полиции .. 34
Гаврилов С.Н. Причины роспуска Военно-морского совета: развал английского флота или война группировок при дворе Якова I? 49
Плавинская Н.Ю. Монтескье и его «Размышления об универсальной монархии в Европе» 64
Готовцева А.Г. Наполеон на Святой Елене: символы европейской поэзии XIX века 83
Казаков В.П. Бартоломе Митре: политик и историк 101

XX ВЕК

Богомолов И.К. Первая мировая война в воспоминаниях американского журналиста Стэнли Уошберна 115
Матвеев Г.Ф. Польша в советской внешней политике с конца 1919 до 16 июля 1920 года 130
Сарабьев А.В. Глобальное звучание вариантов независимости Ливии. 1937 год 144
Щетинская Я.В. Роль корпорации «РЭНД» в развитии социальных наук и советологии в США (1945–1956 годы) 159
Синицын Ф.Л. «Два социализма»: советское восприятие «Скандинавской модели» во второй половине 1960–1970-х годах 172
Рабуш Т.В. Союзники СССР и советская политика в Афганистане в 1980-е годы 185

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

Симонян Р.Х. Страны Балтии: миграционные процессы после вступления в Евросоюз 202

СООБЩЕНИЯ

Стегний П.В. «Я буду царствовать или погибну». Новые материалы Государственного архива РФ о переписке великой княгини Екатерины Алексеевны с английским послом Чарльзом Хенбери-Уильямсом в 1756–1757 годах (окончание) 214

РЕЦЕНЗИИ

Искюль С.Н. Наполеон Бонапарт: третья и последняя биография на русском языке (Н.А. Троицкий. Наполеон Великий. Т. 1. Гражданин Бонапарт. 526 с.; Т. 2. Император Наполеон. 549 с. Подг. к публ., вступ. ст. М.В. Ковалева, Ю.Г. Степанова. М., 2020) 232
Нагорная О.С. Новый взгляд на феномен СЭВ (М.А. Липкин. Совет экономической взаимопомощи. Исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979). М., 2019) 237
Туминская О.А. Музеология и музеография (В.Г. Ананьев. История зарубежной музеологии: идеи, люди, институты. М., 2018) 240

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гернет К.Н. Международная научная конференция «Ялта 1945: уроки истории» 246
Бобкова М.С. К 70-летию Марины Павловны Айзенштат 248

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

Mirzekhanov V.S., Lannik L.V. The Batum Subsystem as a Space of the Ottoman Hegemony in Transcaucasia in 1918 5
Vlasova O.A. Three Ages of Self-Consciousness: The Methodological Crises of Historiography in the Mirror of the History of Philosophy 23

MODERN HISTORY

Erlihson I.M. "For the Public Utility": the Ideological and Conceptual Foundations of the British Police 34
Gavrilov S.N. Reasons for the Dissolution of the Navy Board: the Collapse of the English Navy or the Struggle of Factions at the Court of James I? 49
Plavinskaia N.Y. Montesquieu and His "Reflections on the Universal Monarchy in Europe" 64
Gotovtseva A.G. Napoleon on Saint Helena: Symbols of European Poetry of the 19th century 83
Kazakov V.P. Bartolomé Mitre: Politician and Historian 101

20th CENTURY

Bogomolov I.K. The First World War in the Memoirs of the American Journalist Stanley Washburn .. 115
Matveev G.F. Poland in Soviet Foreign Policy from late 1919 to 16 July 1920 130
Sarabiev A.V. Global Sounding Options for Libyan Independence. 1937 144
Shchetinskaia Ia.V. The Role of RAND Corporation in the Development of Social Sciences and Soviet Studies in the USA in 1945–1956 159
Sinitsyn F.L. "Two Socialisms": The Soviet Perception of the "Scandinavian Model" in the Second Half of the 1960s and 1970s 172
Rabush T.V. Allies of the USSR and Soviet Policy in Afghanistan in the 1980s..... 185

CONTEMPORARY HISTORY

Simonyan R.H. The Baltic States: Migration Processes after Joining the European Union..... 202

MESSAGES

Stegny P.V. "I Shall Either Perish or Reign". New Materials from State Archive of Russian Federation on the Correspondence Between Grand Duchess Catherine and the British Ambassador Charles Hanbury Williams in 1756–1757 (Final part)..... 214

REVIEWS

Iskyul S.N. Napoleon Bonaparte: the Third and the Last Biography in Russian (N.A. Troizky. Napoleon the Great. Vol. 1. Citizen Bonaparte. 526 p.; Vol. 2. Emperor Napoleon. 549 p. Prepared k publ., intro. st. M.V. Kovalev, Yu.G. Stepanov. Moscow, 2020) 232
Nagornaya O.S. A New View on the Phenomenon of the Comecon (M.A. Lipkin. The Council for Mutual Economic Assistance. Historical Experience of an Alternative Global World Order (1949–1979). Moscow, 2019)..... 237
Tuminskaya O.A. Museology and Museography (V.G. Ananiev. The History of Foreign Museology: Ideas, Persons, Insitutions. Moscow, 2018) 240

ACADEMIC LIFE

Gernet K.N. International Conference "Yalta 1945: Lessons of History" 246
Bobkova M.S. On the 70th Anniversary of Marina Pavlovna Eisenstatt 248

DOI: 10.31857/S013038640014691-8

© 2021 г. **В.С. МИРЗЕХАНОВ, Л.В. ЛАННИК**

БАТУМСКАЯ ПОДСИСТЕМА КАК ПРОСТРАНСТВО ОСМАНСКОЙ ГЕГЕМОНИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ В 1918 году: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Мирзеханов Велихан Салманханович *— доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).*
E-mail: lum62@yandex.ru
Researcher ID: J-1238-2018; Scopus Author ID: 57202778122

Ланник Леонтий Владимирович *— кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).*
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
Researcher ID: ABD-9832-2020; Scopus Author ID: 57211606261

Аннотация. События и процессы, развернувшиеся на территориях, ставших постимперскими после Первой мировой войны, представляют собой сложнейшее поле исследования, особенно в регионах с такой широкой этноконфессиональной палитрой, как Закавказье (Южный Кавказ). Возрождение этнонациональных построений в историописании стран Восточной Европы и Ближнего Востока специалистами, активно занимающимися периодом 1914–1923 гг., проецирует современные конфликты на прошлое, деформируя анализ политического пейзажа этого региона. Это вызывает необходимость выдвижения новых моделей реконструкции динамики трансформации постимперских пространств, свободных от политической конъюнктуры и схематичных подходов национально ориентированной историографической традиции. Примером этого может являться не вызывавшая до сих пор пристального внимания исследователей система международных отношений, сложившаяся на основе Брестского мира Центральных держав с Советской Россией, в той его части, что касалась Закавказья. Ее региональный эффект был отмечен попытками изменить, переструктурировать и даже деформировать систему за счет Батумских договоров, заключенных 4 июня 1918 г. Османской империей с рядом кавказских государств, возникших на обломках державы Романовых. Особенности прошедших в регионе в феврале–мае 1918 г. переговоров на фоне продолжающихся боевых действий не только выявили, но и обострили целый ряд территориальных, политических и этнических конфликтов. Завершение Великой войны на Кавказском фронте не принесло мир региону, борьба была не окончена, а преобразована в более сложную структурно многостороннюю и многослойную схватку за гегемонию на Кавказе. Беспрецедентную роль в ней, благодаря распаду Российской империи и глубокой дестабилизации Османской империи в 1918 г., стали играть Германская и Британская империи. Это требует поместить события и процессы на Кавказе, рассматриваемые до сих пор в рамках гражданских войн и войн за независимость в регионе, в транснациональный контекст, что позволяет иначе оценить роль Брестского мира и Батумских договоров в истории всех затронутых ими стран. Рассмотрение условий и последствий этих соглашений вне рамок нарративов конкурирующих национальных историографий позволяет прояснить логику многих геополитических процессов не только в 1914–1923 гг., но и в последующие десятилетия.

Ключевые слова: Закавказье, Первая мировая война, Кавказский фронт, Брестский мир, Батумские договоры 1918 г., Батумская подсистема.

V.S. Mirzekhanov, L.V. Lannik

The Batum Subsystem as a Space of the Ottoman Hegemony in Transcaucasia in 1918

Velikhan Mirzekhanov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: lum62@yandex.ru
Researcher ID: J-1238-2018; Scopus Author ID: 57202778122

Leonty Lannik, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
Researcher ID: ABD-9832-2020; Scopus Author ID: 57211606261

Abstract. The events and processes that unfolded in the post-imperial spaces during and after the Great War represent a very complex field of research, especially in regions with such a wide ethno-confessional variety as Transcaucasia (also known as the South Caucasus). The revival of ethno-national narratives of the period between 1914–1923 in the historiography of the countries of Eastern Europe and the Middle East projects modern conflicts into the past, distorting the analysis of the political landscape of the region. This makes it necessary to put forward new models for reconstructing the dynamics of transformation of post-imperial spaces, free from political conjuncture and schematic approaches of the nationally oriented historiographical tradition. An example of this is the system of international relations that has not yet attracted the attention of scholars, which was formed on the basis of the Treaty of Brest-Litovsk concluded between the Central Powers and Soviet Russia, affecting also the South Caucasus. Its regional effect was marked by attempts to change, restructure, and even deform the system through the Treaty of Batum signed on June 4, 1918, between the Ottoman Empire and the three Transcaucasian states that emerged from the wreckage of the Russian Empire. The peculiarities of the negotiations and parallel military operations that took place in the region in February–May of 1918 not only revealed the existence of several territorial, political, and ethnic conflicts but also aggravated them. The end of the Great War on the Caucasian Front did not bring peace to the region: the struggle was not over, but transformed into a more complex, structurally multi-sided and multi-layered, struggle for hegemony in the Caucasus. Due to the collapse of the Russian Empire and the structural destabilisation of the Ottoman Empire in 1918, the German and British Empires began to play an unprecedented role in it. This requires placing the events and processes in the Caucasus, which are still considered within the framework of civil wars and wars of independence in the region, in a transnational context, which allows assessing differently the role of both the Treaty of Brest-Litovsk and the Treaty of Batum in the history of all the countries affected by them. Considering the terms and consequences of these agreements outside the narratives of competing national historiographies makes it possible to clarify the logic of many geopolitical processes not only in 1914–1923 but also in the following decades.

Keywords: Transcaucasia, the First World War, the Caucasian Front, the Treaty of Brest-Litovsk, the Treaty of Batum, the Batum subsystem.

Великая война на Восточном и Кавказском фронтах не окончилась после подписания перемирий в Брест-Литовске, Фокшанах и Эрзинджане в декабре 1917 г. Мира в Восточную Европу не принесла и последующая серия мирных договоров (в Брест-Литовске, Бухаресте, Берлине, Батуме), хотя обстоятельства их заключения не подразумевали какой-либо неопределенности в статусе победителей и проигравших. Никаких шансов на достижение действительно стабильной обстановки и на прекращение вооруженного противостояния не было не только из-за отсутствия к этому доброй воли договаривавшихся сторон. Скорее, наоборот,

несмотря на явное стремление стран-подписантов к устойчивому миру, заключаемые соглашения были в принципе не способны зафиксировать новые реалии в регионе. Во-первых, это было исключено на фоне продолжавшейся и вступившей в стадию кульминации Первой мировой войны. Во-вторых, ряд подписанных еще в первом квартале 1918 г. мирных договоров не был увязан в целостную систему и не ставил важнейшую проблему: управляемой трансформации огромного пространства распавшейся империи Романовых. С учетом близкой перспективы распада и других империй, в первую очередь Австро-Венгрии и Османской Турции, такой подход со стороны государственных деятелей Центральных держав был по-своему объясним, но не имел перспектив. Темп событий и сложность конфликтов, затронувших половину территории Евразии, исключали последовательную имплементацию любых, даже самых выгодных победителям, договоров. Практическая задача преобразования постимперских пространств в интересах поддержания целостности уцелевших в войне империй оказалась не по силам ни творцам Бреста, ни тем, кто и не подумал учесть его уроки, готовя серию договоров в Версале.

Помимо социальных, этнических и религиозных конфликтов, все территории бывшей Российской империи оказались заложниками противостояния двух коалиций великих держав, а также сложной борьбы внутри каждой из них за влияние и передел плодов одержанных побед. Региональная специфика становилась в этом контексте лишь инструментом и поводом к проекции геополитических столкновений на местный «материал»[1]. В регионах, исторически находившихся на стыке сразу нескольких империй, это приводило к наиболее сложному развитию событий и подбору акторов. Исследовательские задачи, поставленные в региональном масштабе, оказывались непосильными даже коллективам исследователей, с учетом по меньшей мере языковых проблем. Темы основных исследований, как будет показано ниже, были сформулированы таким образом, что в них, как правило, избегали целостного анализа процессов, обращаясь к рассмотрению отдельных составляющих конфликта. Скованный единой логикой процесс искусственно разбивался на серию параллельных и якобы не связанных друг с другом двух- или трехсторонних противостояний, отграниченных национальными или хронологическими рамками, которые подбирали, исходя из текущей политической конъюнктуры, т.е. через призму реалий иных десятилетий, а затем и другого столетия.

Едва ли не самой сложной по структуре, интенсивности и пластичности процессов оказалась политическая ситуация в Закавказье: на всем пространстве между линией Кавказского фронта, к декабрю 1917 г. пределом германо-турецкого продвижения в Персию, побережьем Каспийского моря от Энзели до Петровска[2], Тереком и Главным Кавказским хребтом. Крайняя неоднородность данной территории столь очевидна, что ее можно отнести к единому региону лишь с существенными оговорками.

По состоянию на начало XX в. территории в очерченных выше пределах объединял по меньшей мере тот факт, что все они являлись (пост)имперским пространством сразу трех империй, находившихся на разных стадиях распада: Российской, Османской и Персидской. Все более интенсивное воздействие на развитие региона и деформацию прежних общественно-политических структур оказывала многогранная активность еще двух империй: Британской и Германской. В ходе Первой мировой войны две эти великие державы, ранее не имевшие прямого доступа к землям между Черным и Каспийским морями, получили беспрецедентные возможности для наращивания влияния в прежней зоне явного доминирования Российской империи, действуя сразу по обе стороны образовавшихся фронтов. Быстро прогрессирующая с конца 1917 г. фрагментация постимперского

---

[1] См. подробнее: *Мирзеханов В.С.* Пересечение и взаимовлияние региональной и национальной истории: методологические этюды // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). URL: https://history.jes.su/s207987840012994-2-1/ (дата обращения: 15.01.2021).

[2] Ныне – г. Бендер-Энзели и г. Махачкала.

пространства не только увеличила количество акторов в региональных процессах, но и усложнила задачу минимальной прогностики вплоть до невозможности предсказать даже общую динамику в расстановке сил. При этом каналы воздействия и перспективы вмешательства Великобритании и Германии обрели новые масштабы, что также стало важнейшим фактором во всех процессах трансформации Закавказья с конца 1917 г. до, по меньшей мере, подписания Лозаннского договора 1923 г.

Безусловно, сложнейшим по структуре и насыщенности периодом внутри этой эры болезненной ломки прежних имперских структур и границ стал «брестский» период. Его можно датировать промежутком между декабрем 1917 г., т.е. подписанием перемирий на фронтах распадающейся русской армии, и декабрем 1918 г. – завершением вывода германских и османских войск с территорий бывшей Российской империи и началом нового этапа британского военного присутствия в ключевых портах региона. Именно в этот период максимума достигло и прямое воздействие западноевропейских держав на определение судьбы территорий между Черным и Каспийским морями и бывшей Османской империи. Это вызывает особое внимание к этому периоду в истории Южного Кавказа и требует сложной источниковедческой и историографической экспертизы данной проблемы.

Рассмотрение указанного промежутка в истории обозначенного макрорегиона диктует необходимость выбора приоритетов в реконструкции логики событий. Национальные историографии – при учете их существенных плюсов, в первую очередь фактологических, – оказываются почти не релевантными для исследований даже общерегионального масштаба не только в силу ангажированности и политизированности, но и в связи с общей фрагментарностью и недостаточным уровнем обобщения описываемых событий. Целый ряд явлений, вызывающих пристальный интерес специалистов из Грузии, Армении, Азербайджана, ряда национальных республик РФ, Абхазии, Южной Осетии, оказывается искусственно лишенным контекста и общей логики взаимодействия. История постимперского пространства подменяется историей в новых этнонациональных вариациях без сколько-нибудь убедительных методологических оснований. Ее пытаются вписать даже в архитектуру и тектонику международных отношений начала XXI в., «решая» с помощью исторического материала любых эпох задачи национального строительства, о пагубности чего десятилетиями предупреждают ученые[3].

Во многом аналогичные недостатки можно констатировать и в подходах и канонах новейшей российской и турецкой историографий. В многослойном по логике и масштабам конфликте в Закавказье они сосредотачиваются на приоритетном для себя уровне – межнациональном, межконфессиональном (как турецкая, ведущая полемику с армянскими учеными из разных стран) или социальном (как советская, а нередко и постсоветская), – игнорируя иные измерения анализируемых процессов, даже если это заводит в логический и эмоциональный тупик сразу целый ряд претендующих на обоснование концепций складывания текущего территориально-государственного устройства. В первую очередь это касается исследования воздействия на регион внешних сил – британских и германских эмиссаров, – а также направляемых ими денежных потоков и организаторов местных вооруженных сил. Исключения, выбивающиеся из такого общего подхода, есть и в российской, и в турецкой историографии, однако до сих пор им не удалось «переломить» прежнюю историографическую картину. Несмотря на ряд успешных исследовательских проектов и академический энтузиазм отдельных специалистов, до сих пор остается недостаточным по объему и темпу трансфер достижений и диалог ведущих специалистов из стран, которые сыграли огромную роль в прошлом и настоящем региона.

---

[3] См., например: *Suny R.G.* Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations // The Journal of Modern History. 2001. Vol. 73. № 4. P. 862–896.

Ярчайшим примером этого являются дискуссии вокруг преследований армян и ряда других этноконфессиональных общностей, поступательное развитие которых[4] окончилось к началу 2010-х годов и даже явно регрессирует под влиянием сорвавшей историзацию данной проблематики текущей внешнеполитической конъюнктуры. Неоднозначный эффект возымела также серия юбилеев независимости различных закавказских республик и иных событий 1918–1921 гг. Сказывается и системная коммерциализация науки. К сожалению, в погоне за вниманием читателей даже академические исследования явно фокусируются на болевых точках, а не на аналитических проблемах и заполнении зияющих лакун в историографии[5].

Аспект внешнего имперского влияния значительно больше интересует западноевропейскую историографию, в том числе германских и британских специалистов, однако нередко основные успехи на этом пути были достигнуты еще в эпоху холодной войны[6]. Поэтому современным исследователям приходится базироваться на работах, не свободных от реалий всестороннего идеологического противостояния. Кроме того, в трудах, десятилетия сохраняющих значение базовых, нередко встречаются неточности и фактические ошибки (в датах, последовательности событий, должностях и званиях действующих лиц и т.д.)[7]. При всех успехах «новой имперской истории» в 2000-х годах следует отметить, что это направление оказалось не свободно от конъюнктуры соответствующей эпохи, порой концентрируясь исключительно на критике практик имперских центров или на их негативном воздействии на имперские окраины. При всей важности и аргументированности данных исследований они далеко не всегда способны описать действия имперских властей на геополитическом уровне, ведь не учитывают логику великодержавных устремлений, концентрируясь на гуманитарных и культурных аспектах давления на местное население в ущерб жестким закономерностям затяжного противостояния имперских элит. Спецификой российской историографии является затянувшееся

---

[4] См. о попытках организовать дискуссионные площадки одним из самых востребованных в западной историографии специалистом армянского происхождения по истории региона: *Суни Р.Г.* Диалог о геноциде: усилия армянских и турецких ученых по осмыслению депортаций и резни армян во время Первой мировой войны // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011. С. 75–114.

[5] Это хорошо видно по заглавию новейшей и фактически первой масштабной биографии Талаат-паши: *Kieser H.-L.* Talât Pascha. Gründer der modernen Türkei und Architekt des Armeniergenozids. Eine politische Biografie. Zürich, 2020. Ни одной масштабной монографии по истории германской оккупации Грузии в 1918 г. нет до сих пор, несмотря на ряд опубликованных и в СССР, и в Грузии, и в Германии документов и материалов. В том числе потому, что есть попытки уклониться от признания самого факта оккупации, заменив это иными военно-политическими терминами. Аналогичные работы по истории германского военного присутствия в Финляндии, Польше, Прибалтике, на Украине продолжают публиковаться. См., например: *Hentilä M., Hentilä S.* 1918 – das deutsche Finnland: die Rolle der Deutschen im finnischen Bürgerkrieg / aus dem Finn. von B. Schweitzer. Bad Vilbel, 2018.

[6] *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien – München, 1966 (Mainz, 2010); *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T. I. Ihre Basis in der Orient-Politik und ihre Aktionen 1914–1917; T. II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien – Köln – Weimar, 1975, 1992; *Zürrer W.* Kaukasien 1918–1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978; *Idem.* Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmachteneinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern – Frankfurt a.M. – Las Vegas, 1978. С советской стороны достаточно назвать: *Завриев Д.С.* К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тбилиси, 1947; *Хейфец А.Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы Гражданской войны (1918–1920). М., 1964; *Пипия Г.Н.* Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М., 1978.

[7] См., например, версию рассматриваемых в данной статье событий в Закавказье в феврале–июне 1918 г. в знаменитой работе Ф. Фишера: *Фишер Ф.* Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / Пер. с нем. и комм. Л.В. Ланника. М., 2016. С. 572–579.

преодоление прежней советской модели описания «эпохи Гражданской войны и интервенции», поэтому по-настоящему новые работы по истории межимперской борьбы, Большой игры и вакуума власти на Востоке в межвоенный период появились сравнительно недавно[8].

Ответ на многие открытые или даже не ставившиеся до сих пор вопросы могли бы дать масштабные публикации новых источников. Национальные правительства еще на стадии дипломатического признания пытались сформировать собственную документальную версию событий вокруг становления новых государств[9]. На следующей стадии развития историографии нередко предпринимались попытки создания корпуса источников по двусторонним отношениям, хотя с учетом большого количества конкурирующих акторов в Закавказье создания полноценного набора таких документальных сборников вряд ли приходится ожидать. В постсоветский период предпринимались попытки по публикации документов и созданию истории отдельных республик в 1917–1921 гг.[10], однако эти усилия довольно фрагментарны и свелись к актуализации ряда локальных сюжетов.

Для рассмотрения истории постимперских пространств, особенно таких фронтирных зон, как Закавказье, фундаментальное значение имеют и действия локальных акторов, и межимперские взаимоотношения. Именно анализ межимперского взаимовлияния и соперничества способен поставить контакты с региональными партнерами и сателлитами той или иной державы в контекст, не прослеживающийся при реконструкции только двусторонних отношений. Поэтому для рассматриваемой темы важны не только грузино-, армяно-, азербайджано-германские и -османские отношения, а в большей степени германо-османские, германо-советские и германо-российские, а также аналогичные факторы, раскрывающие деятельность Британской империи в регионе. Еще более показательными были бы подборки источников по коалиционному взаимодействию с региональными/локальными акторами, которые демонстрировали бы сложнейшие внутрикоалиционные коллизии, однако таких работ, как и вообще трудов по коалиционной стратегии в годы Великой войны, до сих пор крайне мало[11].

Следует констатировать, что, несмотря на определенные усилия по вводу в оборот новых источников[12] и по переизданию и переводу (или хотя бы оцифровке) мемуаров[13], многое из некогда опубликованного германскими и британскими эмиссарами в регионе, а также деятелями Османской империи и новых независимых государств давно превратилось в библиографическую редкость[14]. По-прежнему немало невостребованных

---

[8] См., например: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918–1924. СПб., 2019; *Улунян А.А.* Туркестанский плацдарм 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019.

[9] Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919.

[10] См.: *Марыхуба И.* Абхазия: прошлое и настоящее. Сухум, 2007; Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская республика (1918–1919 гг.). Документы и материалы / Под ред. Х.А. Амирханова и др. Махачкала, 2013.

[11] Общекоалиционные исследования, особенно по истории Центральных держав, до сих пор не получили должного развития. Помимо уже указанной работы В. Биля, можно лишь приветствовать появление едва ли не первой работы по коалиционным действиям Центральных держав на Салоникском фронте в надежде, что вскоре соответствующие работы последуют и по Кавказскому фронту: *Bachinger B.* Die Mittelmächte an der Saloniki-Front 1915–1918. Zwischen Zweck, Zwang und Zwist. Paderborn, 2018.

[12] Например: Friedrich Freiherr Kreß von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / Hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020.

[13] См., например: *Niedermayer O.v.* Unter der Glutsonne Irans. Kriegserlebnisse der deutschen Expedition nach Persien und Afghanistan. München, 1925; *Blücher W.v.* Zeitenwende in Iran. Erlebnisse und Beobachtungen. Bieberach, 1949; *Бэйли Ф.* Миссия в Ташкент / Пер. с англ. А. Михайлова. М., 2013.

[14] Список может быть очень длинным, например: *Essad Bey.* Blut und Öl im Orient. Leipzig, 1929; *Volk H.* Öl und Mohammed: “Der Offizier Hindenburgs” im Kaukasus. Breslau, 1938.

исследователями рукописей, написанных участниками событий в Закавказье, в том числе иностранного происхождения, и в российских архивах[15]. Разумеется, сравнительно полный обзор историографии и перспектив изучения указанного круга проблем возможно дать лишь в рамках специального монографического исследования или серии статей. Но и после краткого обзора следует отметить необходимость «перезагрузки» сложившихся в историографиях концепций и нарративов.

Исходя из источниковой и историографической ситуации, сложившейся за столетие политических дискуссий и исторических исследований, возможно предложить следующую рабочую гипотезу, призванную вывести изучение вопроса за рамки канонов национально ориентированного повествования. Она призвана систематизировать на новой основе накопленный огромный объем фактологии и базовые версии основных событий в избранный период истории региона и диагностировать сохраняющиеся логические лакуны или зоны умолчания в общей ткани реконструируемых процессов на постимперском пространстве. Плюсы и минусы предлагаемой ниже версии, разумеется, подлежат апробации и обсуждению в международном сообществе специалистов. Только это позволит констатировать достижение заявленных целей и общую корректность нового подхода к сложнейшему клубку событий в очерченном выше макрорегионе в 1918 г., а в дальнейшем – и в 1914–1923 гг.

Общая системность динамики международных отношений, тем более в Новое и Новейшее время, давно не подвергается сомнению[16]. Всякое масштабное соглашение между группой стран оказывается включено в сложную структуру взаимодействия в степени и на уровне, порой совершенно не отвечающим пожеланиям или предположениям творцов договора. При этом до сих пор в историографии и теории международных отношений преобладает тенденция исследовать действительно состоявшиеся и юридически оформившиеся международно-политические системы, эволюцию которых можно проследить в масштабе длительного периода времени, как правило, в несколько десятилетий. Однако не существует методологических оснований к принципиальному отказу от анализа едва наметившихся или быстро свернутых систем международных отношений, существовавших недолго. Новейшие исследования показывают, что недоучет воздействия «несостоявшихся» систем и подсистем и порожденных ими проблем сказался не только на развитии и трансформации глобальных версий мироустройства, в частности Версальской, но и на последующих попытках их осмысления[17]. Одним из примеров такой «failed system» является Брестская система международных отношений, появившаяся к началу 1918 г. на пространствах Восточной Европы, а затем Передней Азии в связи с якобы одержанной Центральными державами победой на Восточном и Кавказском фронтах Великой войны. Она была призвана оформить гегемонию Германской империи и обеспечить существенное расширение сферы влияния ее союзников за счет постимперских пространств, в первую очередь на территории бывшей Российской империи, также в Румынии, Персии, Афганистане, а по мере становления системы – и в других государствах и регионах Евразии. Косвенным доказательством ее существования и восприятия Антантой данной угрозы являются условия Компьенского перемирия,

---

[15] Например, подготовленные некогда к печати и почти неизвестные исследователям воспоминания начальника штаба у Халил-паши, затем у Нури-паши в 1917–1918 гг. германского подполковника Э. Паракена: *Paraquin E.* Erinnerungen aus dem Nahen Orient 1917/18. [s.l., s.a].

[16] *Миньяр-Белоручев К.В.* Взаимодействие ядра и периферии системы международных отношений в историческом аспекте // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 5–20.

[17] Война во время мира: военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923. Сборник статей / Ред. Р. Герварт и Д. Хорн. М., 2014; *Мирзеханов В.С.* Версаль и Турция: тернистый путь к национальному государству // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 6 (80). URL: https://history.jes.su/s207987840006002-1-1/ (дата обращения: 15.01.2021).

аннулировавшие все договоры, заключенные Германией на Востоке (статья 15)[18], что следует воспринимать как носившее системный характер неприятие государствами-победителями всех параметров переустройства громадного региона Центральными державами.

На ходе событий в самой активной фазе трансформации отразилась значительная инерция предшествующих усилий обеих воюющих коалиций. Сказывался еще довоенный передел сфер влияния в регионе, выразившийся в серии сложных компромиссов между Великобританией, Германией и Россией в 1912–1914 гг., а также в перипетиях становления различных фаз младотурецкой диктатуры. Уже в 1915 г. после задействования всеми воюющими и конкурирующими сторонами средств этноконфессиональной мобилизации местного населения (и не только армян и айсоров, но и части картвельского населения формированием Грузинского легиона, а также традиционных попыток проецировать влияние халифа на горцев Северного Кавказа) стало очевидно, что итоги Первой мировой войны приведут к радикальным, но не управляемым переменам в расстановке сил и в границах внутри единого географически, но крайне неоднородного во всех остальных отношениях макрорегиона между двумя морями. Системность перемен, происходивших на всей указанной выше территории, иллюстрирует и тот факт, что к середине 1915 г. (всего через полгода после вступления в войну Османской империи) стало очевидно, что нейтралитет Персии не может остановить распространения и на ее земли начавшихся необратимых процессов дестабилизации. Едва стихшая в стране после 1911 г. ожесточенная борьба различных группировок старательно раздувалась обеими коалициями, причем Россия и Великобритания, как и в предшествующие десятилетия, действовали открыто, а то и демонстративно, а Германия и Порта пытались использовать все более острое недовольство таким явным унижением персидского суверенитета[19]. Не сумели остаться в стороне от схватки даже представители нейтральной Швеции, занимавшие влиятельные позиции в создаваемой жандармерии, а с 1915 г. ставшие одной из главных прогерманских сил в Тегеране.

Кампания 1916 г. лишь закрепила сложившиеся тенденции, ведь захваченные русской армией громадные территории Восточной Анатолии оказались перед перспективой возможной потери османского суверенитета. Это свидетельствовало о начале пост- либо межимперской трансформации огромной территории между Трабзоном, Эрзинджаном, оз. Урмия и русско-турецкой границей, установленной по Берлинскому трактату. Кроме того, следует отметить общественные настроения и атмосферу, крайне важные и чувствительные для данного региона, сложившиеся после сенсационной капитуляции британских войск под Кут-эль-Амарой и триумфом Центральных держав в Дарданеллах (конец декабря 1915 г. – начало января 1916 г.). Данная тенденция только укреплялась ходом событий и на протяжении почти всей кампании 1917 г., когда прекращение активных боевых действий на Кавказском фронте, предотвратившее катастрофу османской армии, было во многом компенсировано знаковыми поражениями в Месопотамии (падение Багдада) и в Палестине (потеря Иерусалима), а также ускоренной деградацией системы снабжения турецких войск на всех театрах военных действий и явной неспособностью подготовить контрнаступление хотя бы на одном из фронтов даже с более масштабной, чем прежде, германской и австро-венгерской помощью. В 1917 г. еще раз были развеяны надежды на усиление антиантантовских группировок в Афганистане

---

[18] Аналогичные принципы были заложены и в других перемириях, подписанных до этого союзниками Германии, в том числе в Мудросском перемирии с Османской империей от 30 октября 1918 г.

[19] См., подробнее: *Gehrke U.* Persien in der deutschen Orientpolitik während Ersten Weltkrieges, 2 Bde. Stuttgart, 1960; *Истягин Л.Г.* Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М., 1979; *Казем-Заде Ф.* Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М., 2004.

и Персии[20]. Вплоть до конца ноября 1917 г. не было и очагов гражданской войны в тылу Кавказского фронта и на Северном Кавказе, несмотря на быструю дезорганизацию базовых административных и общеимперских экономических структур в России. Таким образом, каких-либо перспектив для успешной османской экспансии на восток и северо-восток не ожидалось вплоть до известий о большевистской революции.

И без того ощутимая динамика трансформации региона, становившегося после революции в России уже постимперским пространством, была резко ускорена развалом русской армии, ее поспешной и плохо управляемой демобилизацией и быстрым обострением обстановки в Закавказье. Хотя османская военная элита далеко не сразу сполна оценила степень беспомощности российских военных структур и недееспособность властей уже заявившего о своей автономии региона к югу от Кавказского хребта, признаки резкого изменения в соотношении сил были очевидны. Не смогли – в том числе по климатическим и инфраструктурным причинам – отвлечь на себя дополнительные силы и войска Британской империи, взявшие с декабря 1917 г. паузу, если не считать попыток быстро перехватить контроль над ранее российской зоной влияния в Северной Персии.

Новая фаза беспрецедентной дестабилизации в регионе началась в связи с комплексом событий, связанных с Октябрьской революцией в России. Важнейшими следствиями решений, принятых в ноябре–декабре 1917 г. в Петрограде и Брест-Литовске, стал выход Закавказья из-под контроля центральной российской власти, а также специфические условия демобилизации Кавказского фронта после перемирия в Эрзинджане (подписано после переговоров 15–18 декабря 1917 г.)[21]. Последняя не имела аналогов среди всех остальных соединений русской армии, ведь сопровождалась кровопролитными межнациональными стычками, которые вылились впоследствии в волну масштабного военизированного насилия на Южном Кавказе в 1918–1922 гг.[22] Дальнейшие стадии обоих процессов – отделения Закавказья от России и ликвидации прежних вооруженных сил с неудачными попытками их замены национальными вооруженными формированиями – гарантировали специфику положения региона в условиях неожиданного поражения Антанты на Кавказском театре военных действий. Для эффективных контрмер бывшим союзникам России необходимы были крупные силы (а не только отправленные в Энзели британские отряды Данстервиля)[23], рычаги влияния на местные элиты (особенно в Баку и Тифлисе) и не менее нескольких месяцев для реструктуризации лояльных державам Согласия сил с помощью финансовой и военной поддержки. Всеми этими возможностями Великобритания (а тем более Франция) не обладала. Правда, крайне слабыми были и силы Германии в регионе, которые были в лучшем случае сопоставимы с британским потенциалом. В этих условиях единственной крупной силой, стремящейся к субъектной внешней политике (т.е. к экспансии) на Южном Кавказе[24], оказалась Османская империя. Это и предопределило динамику событий и следующий этап трансформации постимперских пространств по меньшей мере до крушения османских фронтов в Сирии и Месопотамии во второй половине сентября 1918 г.

Базовую логику последующих процессов – пусть и не всегда осознанную основными акторами событий – определял тот факт, что по меньшей мере теоретически новое

---

[20] *Blücher W.v.* Op. cit. S. 62ff.

[21] Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 13–23; *Шахин Э.* Отделение Кавказа от России в первые послереволюционные годы (1917–1918) // Русский сборник. Т. 28. Гражданская война и интервенция в России. М., 2020. С. 59–63.

[22] *Croissant M.P.* The Armenia – Azerbaijan Conflict: Causes and Implications. London, 1998; *Муханов В.М.* Кавказ в революционную пору...: к истории Закавказья в 1917 – первой половине 1918 г. М., 2017.

[23] См., подр.: *Денстервиль.* Британский империализм в Баку и Персии 1917–1918. Воспоминания / Пер. Б. Руденко. Тифлис, 1925.

[24] В данном случае имеется в виду утвердившийся в современной историографии термин, хотя с географической точки зрения это понятие дискуссионное.

устройство региона определял Брестский мирный договор от 3 марта 1918 г., ряд статей которого (как и до этого перемирия, подписанного в Бресте) прямо затрагивал территории Южного Кавказа. В связи с многочисленными лакунами и беспрецедентным в истории дипломатии ходом согласования данного «соглашения» он был обречен на многочисленные осложнения даже в ходе его добровольной имплементации всеми странами-подписантами. Это гарантировало и постоянную доработку, и редактирование его условий, в том числе за счет подписания серии новых соглашений между Центральными державами и новыми кавказскими государствами, возникшими на обломках Российской империи. Хотя они были довольно плохо согласованы друг с другом, однако объединялись по меньшей мере фактом инсталлирования германской гегемонии во всей Восточной Европе и на контролируемых Четверным союзом территориях Ближнего Востока. Заинтересованность и Германской империи, и Австро-Венгрии, и Советской России в прочном мире на основе договора от 3 марта с неизбежностью вела хотя бы к попыткам выстроить работающую, действенную систему международных отношений, которую логично называть Брестской системой. Разумеется, весомые предпосылки к ее созданию никак не исключали противоположных тенденций и деструктивных (в системном отношении) целей и действий различных региональных держав. На Южном Кавказе такими «анти-брестскими» силами оказались едва ли не все основные акторы событий, ведь Закавказская федерация в логике своих действий отказывалась признавать обязательными для себя любые договоры, подписанные большевистским правительством. Резко негативную роль в становлении устойчивого «брестского порядка» быстро стала играть и подписавшая договор от 3 марта Османская империя, ведь уже в середине февраля 1918 г. (когда возобновилось наступление турецких войск) стало казаться, что вакуум власти в регионе предоставляет возможность его переустройства полностью под диктовку Порты без учета даже германского диктата, не говоря о притязаниях Совнаркома.

Важнейшим признаком будущего оформления Закавказья в локальную подсистему стали не только переговоры в Трапезунде, но и специфическая манера их сочетания с продолжением наступления османских войск вне зависимости от хода консультаций и обсуждаемых договоренностей. Следует отметить, что именно здесь сложилась модель, вскоре опробованная во время операции «Фаустшлаг», т.е. в ходе наступления германских, а затем и австро-венгерских войск, продолжавшегося не только до подписания мира в Брест-Литовске 3 марта, но и после него. Выстраивавшая под свою диктовку «окончательный» облик мира с Советской Россией Германия недооценила угрозу своевольных действий младотурок в далеком регионе, ведь она полагала, что сможет удовлетворить их амбиции, предложив им сформулировать свои притязания в последний момент перед подписанием соглашения. Итогом этой импровизации стал достаточно опасный своей нечеткостью пункт договора об определении судьбы трех провинций (санджаков), полученных Россией после войны 1877–1878 гг., по итогам плебисцита, что провоцировало Османскую империю на попытку обеспечить выгодные для себя условия проведения этого народного голосования. Однако еще более тяжелые последствия возымел отказ закавказских политиков признавать Брестский мир, ведь они не считали себя связанными обязательствами перед петроградским правительством. Такое следствие конфликта между грузинскими меньшевиками и большевиками, постепенно устанавливавшими однопартийную диктатуру в России, стало настоящим окном возможностей для османского диктата.

Его успешное развитие было вызвано грубыми ошибками в оценке расстановки сил. Хотя развал русской армии был очевиден, а демобилизация ее привела к беспомощности Советской России перед наступлением германских войск с 18 февраля, применительно к Закавказью столь однозначного превосходства османских дивизий не ожидали. Тяжелейшее положение, в котором находились войска Блистательной Порты, казалось, исключало крупные успехи даже против не слишком согласованно действующих национальных

корпусов на основе бывших частей русской армии. Так же полагали и политики в Тифлисе, сильно переоценивая способность национальных вооруженных сил остановить османскую экспансию, а также не осознавая истинные масштабы амбиций младотурок – им впервые за много лет представилась возможность одержать легкие победы.

Убедившись, что подписание Брестского мира вовсе не означает немедленной его имплементации Германией, Австро-Венгрией и Советской Россией, а также в намерении Закавказья вести сепаратные мирные переговоры вне зависимости от условий договора от 3 марта, младотурки приступили к зондированию пределов диктата. Трапезундская мирная конференция, открывшаяся 14 марта в только что взятом войсками Порты «без разрыва перемирия» городе, свелась к затяжкам, не имевшим обязательного характера декларациям различных политиков и к ультиматуму от 6 апреля о принятии турецких условий возможного мира. Он был отвергнут, закавказская делегация вернулась в Тифлис.

До этого момента обстановка в Закавказье складывалась без масштабного участия главных акторов брестского переустройства, не осознавших в должной мере опасности оформления не контролируемой ими подсистемы международных отношений в регионе, где они были лишены существенных рычагов прямого воздействия. Основная стратегия Берлина и Москвы в этом регионе была «заочно» солидарной: не допустить выхода ситуации из-под контроля и пресечь ее дальнейшее развитие без указаний с их стороны. Это означало намерение минимизировать отличие нового устройства Закавказья от предусмотренного в договоре от 3 марта 1918 г. баланса сил (хотя допускалось частичное согласие с уже состоявшимися переменами, в том числе за счет апробированной методики с «волеизъявлением» нужного результата). Германия и Советская Россия собирались навязать новым закавказским государствам статус младших партнеров, а главное – снять с себя необходимость масштабного и прямого вмешательства, особенно военного, даже пригрозив именно этим для необходимого результата.

Османская империя к концу марта пришла к осознанию обратной цели: установления не-брестского порядка в Закавказье. Благодаря ошибкам в расчетах и запоздалой реакции военно-политического руководства Германии на то, чтобы заставить турок от этого отказаться, а затем медленно, но верно встроить деформированный ими и плохо продуманный в Бресте новый порядок устройства Южного Кавказа, ушло по меньшей мере полгода, до начала октября 1918 г. За время «переговоров» в Трапезунде войска Порты заняли все потерянные в 1915–1917 гг. территории, включая Эрзерум, и начали оккупацию Карсской области. Требование турецкой стороны о признании закавказскими политиками условий Брестского мира было снято. Закавказская делегация во главе с А.И. Чхенкели к началу апреля убедилась, что три провинции (Ардаган, Батум, Карс) – минимальная «цена» за остановку османской экспансии, хотя готова была торговаться дальше. Однако в неизбежности территориальных потерь по сравнению с границей 1878 г. было крайне сложно убедить других лидеров, оставшихся в Тифлисе, особенно армянскую часть сейма. Переговоры были разорваны, что привело к новому витку оформления устройства Закавказья под диктовку из штаба командующего османскими войсками в регионе Вехиб-паши.

Последний ускорил наступление на батумском направлении уже 8 апреля, а 15 апреля этот важнейший порт был взят. Накануне в Тифлисе объявили войну Османской империи, неожиданно запросив у Советской России помощи против турецкой агрессии, «от врагов красного флага». Оказать ее в военном отношении последняя была не в состоянии, по крайней мере быстро. К тому же флирт между Москвой и Тифлисом оказался недолгим: ведь ценой за него были категорические требования признания Закавказьем власти Совнаркома и переформирования сейма и кабинета министров. Поэтому всего через несколько дней последовал логичный разворот в противоположном направлении.

Усиление военного давления со стороны турок привело к тому, что сторонники войны с ними (а значит, и с Германией) во главе с Е.П. Гегечкори вынуждены были уступить

власть А.И. Чхенкели, ориентировавшемуся на Четверной союз, что сразу привело к разрыву с контролируемой местными большевиками Абхазией[25]. И немцам, и туркам было очевидно, что рыхлая Закавказская демократическая федеративная республика еще менее способна добиться выгодного для себя мира, нежели большевистская Россия. В Тифлисе крепло лидерство Чхенкели, склонявшегося (по наглядному опыту в Трапезунде) к сделке с Турцией. Падение кабинета Гегечкори сопровождалось официальным отделением от Советской России 22 апреля[26]. Провозглашение независимости от Москвы Закавказской федерации должно было стать решающим юридическим основанием для пресечения большевистской активности и для скорейшего оформления итогов войны 1914–1918 гг. на Кавказском фронте, внезапно оказавшейся выигранной турками. Независимость Закавказья от большевистской России была желанной для лидеров сейма, однако платой за нее стал бы полный отказ от надежд на мир, хотя бы на большевистских, т.е. брестских, условиях. Это было недвусмысленно продемонстрировано турецкой стороной, как только она 23 апреля получила сообщение о произошедших в Закавказье политических переменах и о готовности немедленно сесть за стол переговоров. Младотурки планировали организовать возвращение тифлисских делегатов в Трапезунд, где в уклонении от продиктованных условий и была бы поставлена точка, так же как это было сделано с большевистскими делегатами в Бресте 1–3 марта[27]. Однако, поскольку к моменту нового приступа миролюбия в Тифлисе Карс еще не был взят, турецкий генералитет не спешил возобновить мирную конференцию, а потому сразу напомнил о требовании восстановить границы 1877 г. Вскоре Карс был захвачен турецкими войсками, а в ходе боевых действий все чаще сказывался национальный раскол между войсками Закавказской федерации.

В Москве, узнав о ходе переговоров о судьбе Закавказья и о начале турецкого вторжения за пределы установленных в Бресте границ, попытались по дипломатическим каналам немедленно вмешаться. Это спровоцировало встречные усилия Германии по контролю за этими нежданными для нее последствиями отказа от признания Бреста отделившимися регионами России. Германия же, очевидно, не желала подобной самостоятельности, но и не могла справиться с последствиями усложнения системы и предотвратить появление не только конфликтов, но и горизонтальных или полувертикальных связей в сложной иерархии Брестской системы и ее подсистем.

С большим запозданием германские эмиссары резко интенсифицировали консультации в Стамбуле для согласования пределов турецкой экспансии, завершившиеся заключением 27 апреля 1918 г. подготовленного главой османского Генерального штаба германским генерал-майором Г. фон Сектом секретного соглашения в Константинополе (Стамбуле). Документ фиксировал уже достигнутые османской армией успехи, особенно против армян, но предотвращал экспансию турок в сторону Тифлиса и Баку. В те же дни германские военные инстанции согласовали позицию на будущих переговорах под эгидой Турции о судьбе Закавказья, разработав инструкции для своего делегата – военного атташе в Стамбуле генерал-майора О. фон Лоссова, который должен был действовать как представитель германского правительства, а не Германского Верховного главнокомандования в годы Первой мировой войны. Готовность Германской империи признать результаты долгожданных османских побед в Закавказье была важнейшим условием для согласия Порты вернуться к переговорам с сеймом, хотя куда охотнее они пошли бы на это без участия германского делегата, как и поступили в Трапезунде.

---

[25] Борьба за Октябрь в Абхазии. Сборник документов и материалов 1917–1921 / Под ред. Г.А. Дзидзария. Сухуми, 1967. С. 61–72.

[26] См. одну из наименее цензурированных советских версий событий: *Ставровский А.* Закавказье после Октября. М.–Л., 1925. С. 32–48.

[27] Это трактуется как мирная инициатива османской стороны, что с учетом продолжавшегося наступления османской армии выглядит почти сарказмом: *Шахин Э.* Указ. соч. С. 80–82.

28 апреля последовало соответствующее заявление Порты в адрес побежденных, а новую конференцию предполагалось открыть в уже контролируемом турецкой армией Батуме. Тем временем едва успевший прибыть в Москву германский посол в России граф Мирбах довел до сведения Народного комиссариата иностранных дел, что в предстоящей конференции будет участвовать и официальный германский представитель. Вплоть до своей гибели 6 июля 1918 г. он продолжал тщетные попытки добиться признания Советской Россией самостоятельности Закавказья.

Младотурецкое правительство и армия, продолжая бои с армянскими формированиями и наступая на тифлисском и эриванском направлениях, добились согласия Закавказской федерации на возобновление переговоров, открывшихся в Батуме 11 мая 1918 г.[28] В высокопоставленную турецкую делегацию включили и Джемаль-пашу[29]. Фактически единственное полномасштабное заседание конференции состоялось в день ее открытия, 11 мая, когда Халил-бей представил новые турецкие требования, превосходившие все самые мрачные ожидания грузин и армян[30]. Предъявленные в Батуме турецкой делегацией новые территориальные условия сильно отличались от «брестских» рубежей, границы 1877 г. Это подтолкнуло закавказских лидеров привлечь к батумским переговорам Германию[31]. 14 мая Национальный совет Грузии, более не заботясь о судьбе других членов федерации, решил обратиться к германскому правительству с официальной просьбой об активном участии германского представителя в урегулировании турецко-грузинских споров[32]. Согласие не заставило себя ждать. О вмешательстве в конфликт, нараставший значительно быстрее, чем могли судить в Берлине и Спа, подумывали еще в конце апреля[33]. Отправленный в Батум фон Лоссов стал связным между Германским Верховным главнокомандованием и внешнеполитическим ведомством, что не могло не раздражать главу министерства иностранных дел Р. фон Кюльмана. Поставленная задача оказалась, как и ожидали в министерстве, но не в Германском Верховном главнокомандовании, весьма непростой. 15 мая 1918 г. Лоссов известил Берлин о своих первых и неудачных посреднических усилиях у турецких представителей. Османские войска тем временем заняли Александрополь. 19 мая Лоссов предложил и грузинской делегации взять на себя труд по установлению компромисса с турками[34]. Это стало решающим шагом к форсированию переговоров сразу несколькими сторонами.

Констатировав притязания турок на весь регион до Каспия и Владикавказа включительно, предстоящий выход Грузии из единой Закавказской федерации, Лоссов сформулировал программу действий[35]. Осознавая необходимость новых инструкций в создавшейся ситуации, он 25 мая покинул Батум, сев на торговое судно под кайзеровским

---

[28] См. грузинскую версию событий от члена огромной (45 человек) закавказской многонациональной делегации: *Авалов З.* Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг. Воспоминания. Очерки. Paris, 1924. С. 35–53.

[29] Впоследствии он упорно доказывал виновность армян в турецкой экспансии в Закавказье, возлагая именно на них ответственность за захваты османскими войсками территорий в феврале–мае 1918 г. В его недописанных и опубликованных посмертно мемуарах цитировались отчеты из Эрзерума русского подполковника Твердохлебова, однако точность цитирования вряд ли возможно проверить: *Djemal Pascha A.* Erinnerungen eines türkischen Staatsmannes. München, 1922. S. 359–384.

[30] Это признает и турецкая историография: *Шахин Э.* Указ. соч. С. 86–87.

[31] *Ланник Л.В.* После Российской империи. Первая германская оккупация 1918 г. СПб., 2020. С. 383–395.

[32] Борьба за победу советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917–1921 гг.) / Сост. С.Д. Беридзе и др. Тбилиси, 1958. С. 264.

[33] См.: *Baumgart W.* Op. cit. S. 177–178.

[34] Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 302–307; Из истории иностранной интервенции в Армении. Документы и материалы / Под ред. Х.А. Бадаляна. Ереван, 1970. С. 116–117, 124–125.

[35] Он запросил присылку германских военных судов и дивизии, хотя бы слабого состава, что впоследствии и было сделано: *Bihl W.* Op. cit. T. II. S. 56.

флагом. Отправился он, однако, не в Стамбул, а в Поти, где довел дело оформления германского протектората над Грузией до конца[36]. 28 мая в Поти, точнее на судне «Минна Хорн», Лоссов подписал двусторонние соглашения об условиях вхождения Грузии в сферу интересов Германии (включая займы, пользование железными дорогами и правила хождения германской валюты)[37]. Тем временем 26 мая 1918 г. турецкая делегация (за 4 часа до получения известий о самороспуске Закавказского сейма)[38] предъявила ультиматум в 72 часа принять территориальные условия, обеспечивающие устойчивую связь между собственно турецкой и азербайджанской территориями за счет Грузии и Армении. Узнав о распаде федерации (фактически по грузинской инициативе), Халил-бей попросту переадресовал те же требования уже отдельным государствам – Азербайджанской Демократической республике, Грузинской Демократической республике, Демократической республике Армения.

Германские ведомства были твердо уверены, что решающий раунд в определении судьбы Закавказья последует в Стамбуле на конференции под их управлением, где они готовились поставить турецкие амбиции под контроль жесткими угрозами прекращения военно-финансовой помощи (отзыв Секта и всех офицеров, отказ от защиты территориальной целостности Османской империи и т.д.). Пришедшие 28–29 мая новости – об окончательном распаде Закавказья, о подписании блока германо-грузинских соглашений Лоссовым (с точки зрения Р. фон Кюльмана – с превышением его полномочий)[39] и о готовности турок продолжать навязывать свою волю в регионе даже при явном неудовольствии Германии – обесценили все запоздалые попытки германских центральных ведомств взять ситуацию под контроль. Тем не менее германский консул в Тифлисе граф Ф.-В. фон дер Шуленбург (работавший там и до 1914 г.) успел 1 июня довести до сведения Халил-бея, что младотурок с их требованием передать под турецкий контроль грузинские железные дороги уже опередила Германия, а пересмотреть ее соглашения с Грузией не получится[40]. Вскоре о том же заявили и грузинские дипломаты, ведшие двойную игру в ожидании активного вмешательства Германской империи и неизбежной ревизии османского диктата. В результате германские и турецкие войска немедленно получили приказы, как себя вести в случае стычек на станциях грузинских железных дорог, что гарантировало перестрелки и жертвы в случае конфликта союзников.

Предотвратить оформление долгожданного османского (младотурецкого) триумфа было уже невозможно. Двусторонние встречи с грузинскими и армянскими делегатами заняли около четырех дней. Попытки Грузии блефовать германской поддержкой были быстро пресечены, ведь османы слишком хорошо знали, что никакими реальными силовыми средствами в регионе Германия не обладает. 4 июня 1918 г. были подписаны Батумские договоры о мире и о дружбе (в том числе между Портой и Демократической республикой Армения), а также дополнительные соглашения[41], сформировавшие отдельный «закавказский Брест» или, по меньшей мере, «закавказскую редакцию» договора от 3 марта. Помимо получения якобы уже уступленных Турции в Бресте трех провинций (санджаков), Османская империя приобретала территорию в 12,5 тыс. кв. км от Ахалциха до Нахичевани с населением (до массовых миграций) около 650 тыс. человек, из которых мусульмане составляли около 220 тыс. Общие приобретения по сравнению

---

[36] В современной грузинской историографии последующий период называется «взаимодействием», а термин «оккупация» в отношении присутствия германских войск в Закавказье не употребляется вовсе: *Chanturia L.* Hundert Jahre der ersten Repubik Georgiens und Deutschland // Erster Weltkrieg im östlichen Europa und die russischen Revolutionen 1917 / Hrsg. von A. Trunk, N. Panych. Berlin, 2019. S. 29–40.

[37] Борьба за победу советской власти в Грузии. С. 275–279.

[38] *Авалов З.* Указ. соч. С. 61–62.

[39] См.: *Bihl W.* Op. cit. T. II. S. 59–63.

[40] *Пипия Г.В.* Указ. соч. С. 42.

[41] Из истории иностранной интервенции в Армении. С. 154–167, 169–174.

с границами 1877 г. составили 43,3 тыс. кв. км, лишив Грузию и Армению не менее одной пятой их территорий в пределах российского Закавказья. Более того, такой результат был получен после отказа турок от присоединения и еще нескольких округов, «уступленных» Грузии и будущему Азербайджану[42]. В этот же день младотурки подписали договоры о дружбе (т.е. о военной помощи) и с эмиссарами Горской республики, и с азербайджанской делегацией, всего шесть соглашений. Таким образом, общее число документов, положенных в основу нового продиктованного Портой порядка на землях между Черным и Каспийским морями, достигло 20[43].

Османская империя, вернув себе границы едва ли не 1828 г., посчитала себя слишком сдержанной в официальных требованиях, а потому продолжила наращивать оккупированные территории. Но и на пике османского триумфа, в момент оформления Батумской подсистемы международных отношений, проблем в имплементации ее базовых договоров от 4 июня было столько, что жизнеспособность созданного устройства региона вызывала самые серьезные опасения. Германская империя и Советская Россия были убеждены в необходимости стабилизации Брестской системы[44], а также включения в пространство ее функционирования Закавказья, что требовало сложных компромиссов между региональными акторами и великими державами. Параметры германо-грузинского взаимодействия были пока неизвестны, однако само его существование позволяло Грузии оказывать сопротивление османской экспансии, блокируя переброски войск по своей территории. Быстро прогрессировал конфликт в Абхазии, на которую претендовали и Тифлис, и Москва, и эмиссары Горской республики. Потерявшая значительные территории Армения оказалась в состоянии прогрессирующей гуманитарной катастрофы. Известный армянский командир Андраник Озанян отказался признать Батумский договор, не остановившись перед разрывом с ереванским правительством, и попытался прорваться в Персию на соединение с англичанами. Относительно лояльные к младотуркам Азербайджан и Горская республика не контролировали и четверти территорий, на которые претендовали, включая столицы. Все великие державы, претендующие на контроль над регионом,– Германская империя, Британская империя и Советская Россия – не имели возможности блокировать османскую активность немедленно, однако не скрывали вектор своих устремлений именно в этом направлении. Перечисленные факторы предопределили не только быстрый итоговый крах Батумской подсистемы, но и недолгий ход имплементации продиктованных младотурецким правительством 4 июня 1918 г. договоров.

Библиография

Авалов З. Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг. Воспоминания. Очерки. Paris, 1924.

Борьба за Октябрь в Абхазии. Сборник документов и материалов 1917–1921 / Под ред. Г.А. Дзидзария. Сухуми, 1967.

Борьба за победу советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917–1921 гг.) / Сост. С.Д. Беридзе и др. Тбилиси, 1958.

Бэйли Ф. Миссия в Ташкент / Пер. с англ. А. Михайлова. М., 2013.

Война во время мира: военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923. Сборник статей / Ред. Р. Герварт и Д. Хорн. М., 2014.

Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии 1917–1918. Воспоминания / Пер. Б. Руденко. Тифлис, 1925.

Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919.

---

[42] *Bihl W.* Op. cit. T. II. S. 239–240. Текст договора с Грузией и всех дополнительных договоров и приложений: Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 343–365.

[43] *Шахин Э.* Указ. соч. С. 91.

[44] *Ланник Л.В.* Указ. соч. С. 33–70.

Завриев Д.С. К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тбилиси, 1947.

Из истории иностранной интервенции в Армении. Документы и материалы / Под ред. Х.А. Бадаляна. Ереван, 1970.

Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М., 1979.

Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М., 2004.

Ланник Л.В. После Российской империи. Первая германская оккупация 1918 г. СПб., 2020.

Марыхуба И. Абхазия: прошлое и настоящее. Сухум, 2007.

Миньяр-Белоручев К.В. Взаимодействие ядра и периферии системы международных отношений в историческом аспекте // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 5–20.

Мирзеханов В.С. Пересечение и взаимовлияние региональной и национальной истории: методологические этюды // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). URL: https://history.jes.su/s207987840012994-2-1/ (дата обращения: 15.01.2021).

Мирзеханов В.С. Версаль и Турция: тернистый путь к национальному государству // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 6 (80). URL: https://history.jes.su/s207987840006002-1-1/ (дата обращения: 15.01.2021).

Муханов В.М. Кавказ в революционную пору...: к истории Закавказья в 1917 – первой половине 1918 г. М., 2017.

Пипия Г.Н. Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М., 1978.

Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918–1924. СПб., 2019.

Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская республика (1918–1919 гг.). Документы и материалы / Под ред. Х.А. Амирханова и др. Махачкала, 2013.

Ставровский А. Закавказье после Октября. М.–Л., 1925.

Суни Р.Г. Диалог о геноциде: усилия армянских и турецких ученых по осмыслению депортаций и резни армян во время Первой мировой войны // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011. С. 75–114.

Улунян А.А. Туркестанский плацдарм 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019.

Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / Пер. с нем. и комм. Л.В. Ланника. М., 2016.

Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы Гражданской войны (1918–1920). М., 1964.

Шахин Э. Отделение Кавказа от России в первые послереволюционные годы (1917–1918) // Русский сборник. Т. 28. Гражданская война и интервенция в России. М., 2020. С. 45–99.

Bachinger B. Die Mittelmächte an der Saloniki-Front 1915–1918. Zwischen Zweck, Zwang und Zwist. Paderborn, 2018.

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien – München, 1966 (Mainz, 2010).

Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T. I. Ihre Basis in der Orient-Politik und ihre Aktionen 1914–1917. Wien – Köln – Weimar, 1975.

Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T. II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien – Köln – Weimar, 1992.

Blücher W.v. Zeitenwende in Iran. Erlebnisse und Beobachtungen. Bieberach, 1949.

Chanturia L. Hundert Jahre der ersten Repubik Georgiens und Deutschland // Erster Weltkrieg im östlichen Europa und die russischen Revolutionen 1917 / Hrsg. von A. Trunk, N. Panych. Berlin, 2019. S. 29–40.

Croissant M.P. The Armenia – Azerbaijan Conflict: Causes and Implications. London, 1998.

Djemal Pascha A. Erinnerungen eines türkischen Staatsmannes. München, 1922.

Essad Bey. Blut und Öl im Orient. Leipzig, 1929.

Friedrich Freiherr Kreß von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / Hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020.

Gehrke U. Persien in der deutschen Orientpolitik während Ersten Weltkrieges, 2 Bde. Stuttgart, 1960.

Hentilä M., Hentilä S. 1918 – das deutsche Finnland: die Rolle der Deutschen im finnischen Bürgerkrieg / aus dem Finn. von B. Schweitzer. Bad Vilbel, 2018.

Kieser H.-L. Talât Pascha. Gründer der modernen Türkei und Architekt des Armeniergenozids. Eine politische Biografie. Zürich, 2020.

Niedermayer O.v. Unter der Glutsonne Irans. Kriegserlebnisse der deutschen Expedition nach Persien und Afghanistan. München, 1925.

Paraquin E. Erinnerungen aus dem Nahen Orient 1917/18. [s.l., s.a.].

Suny R.G. Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations // The Journal of Modern History. 2001. Vol. 73. № 4. P. 862–896.

Volk H. Öl und Mohammed: "Der Offizier Hindenburgs" im Kaukasus. Breslau, 1938.

Zürrer W. Kaukasien 1918–1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978.

Zürrer W. Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmachteneinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern – Frankfurt a.M. – Las Vegas, 1978.

References

Avalov Z. Nezavisimoct' Gruzii v mezhdunarodnoj politike 1918–1921 gg. Vospominaniya. Ocherki [The independence of Georgia in the international politics of 1918–1921. Memories. Essays]. Paris, 1924. (In Russ.)

Bejli F. Missiya v Tashkent / Per. s angl. A. Mihajlova [Mission to Tashkent / Translated from English by A. Mikhailov]. Moskva, 2013. (In Russ.)

Bor'ba za Oktyabr' v Abhazii. Sbornik dokumentov i materialov 1917–1921 / Pod red. G.A. Dzidzariya [The struggle for October in Abkhazia. Collection of documents and materials 1917–1921 / Ed. G.A. Dzidzaria]. Suhumi, 1967. (In Russ.)

Bor'ba za pobedu sovetskoj vlasti v Gruzii. Dokumenty i materialy (1917–1921 gg.) / Sost. S.D. Beridze i dr. [The struggle for the victory of Soviet power in Georgia. Documents and materials (1917–1921) / Comp. S.D. Beridze et al.]. Tbilisi, 1958. (In Russ.)

Denstervil'. Britanskij imperializm v Baku i Persii 1917–1918. Vospominaniya / Per. B. Rudenko [Dunsterville. British Imperialism in Baku and Persia 1917–1918. Memoirs / Translated B. Rudenko]. Tiflis, 1925. (In Russ.)

Dokumenty i materialy po vneshnej politike Zakavkaz'ya i Gruzii [Documents and materials on the foreign policy of Transcaucasia and Georgia]. Tiflis, 1919. (In Russ.)

Fisher F. Ryvok k mirovomu gospodstvu. Politika voennyh celej kajzerovskoj Germanii v 1914–1918 gg. / Per. s nem. i komm. L.V. Lannika [A leap to world domination. The policy of military goals of Kaiser's Germany in 1914–1918. Translate from German and comm. L.V. Lannik]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Hejfec A.N. Sovetskaya Rossiya i sopredel'nye strany Vostoka v gody Grazhdanskoj vojny (1918–1920) [Soviet Russia and the neighboring countries of the East during the Civil War (1918–1920)]. Moskva, 1964. (In Russ.)

Istvagin L.G. Germanskoe proniknovenie v Iran i russko-germanskie protivorechiya nakanune pervoi mirovoi voine [The German expansion in Iran and Russian-German controversies on the eve of the First World War]. Moskva, 1979. (In Russ.)

Iz istorii inostrannoj intervencii v Armenii. Dokumenty i materialy / Pod red. H.A. Badalyana [From the history of foreign intervention in Armenia. Documents and materials / Ed. H.A. Badalyan]. Erevan, 1970. (In Russ.)

Kazem-Zadeh F. Bor'ba za vliyanie v Persii. Diplomaticheskoe protivostoyanie Rossii i Anglii [Russian and Britain in Persia]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Lannik L.V. Posle Rossijskoj imperii. Pervaya germanskaya okkupaciya 1918 g. [After the Russian Empire. The first German Occupation of 1918]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)

Maryhuba I. Abhaziya: proshloe i nastoyashchee [Abkhazia: Past and present]. Suhum, 2007. (In Russ.)

Min'yar-Beloruchev K.V. Vzaimodejstvie yadra i periferii sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij v istoricheskom aspekte [Interaction of the core and periphery of the system of international relations in the historical aspect] // Novaia i noveishaia istoriia [Modern and Contemporary History]. 2020. № 4. S. 5–20. (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Peresechenie i vzaimovliyanie regional'noj i nacional'noj istorii: metodologicheskie etyudy [Intersection and mutual influence of regional and national history: methodological studies] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2020. T. 11. Vyp. 12 (98). URL: https://history.jes.su/s207987840012994-2-1/ (access date: 15.01.2021). (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Versal' i Turtsiia: ternistyi put' k natsional'nomu gosudarstvu [Versailles and Turkey: a thorny path to a national state] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational journal "History"]. 2019. T. 10. Vyp. 6 (80). URL: https://history.jes.su/s207987840006002-1-1/ (access date: 15.01.2021). (In Russ.)

Muhanov V.M. Kavkaz v revolyucionnuyu poru...: k istorii Zakavkaz'ya v 1917 – pervoj polovine 1918 g. [The Caucasus in the revolutionary era...: on the History of Transcaucasia in 1917 – the first half of 1918]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Pipiya G.N. Germanskij imperializm v Zakavkaz'e v 1910–1918 gg. [German imperialism in Transcaucasia in 1910–1918]. Moskva, 1978. (In Russ.)

Sergeev E.Yu. Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskie otnosheniya: ot intervencii k priznaniyu, 1918–1924 [The Bolsheviks and the British. Soviet-British relations: from Intervention to Recognition, 1918–1924]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

Shahin E. Otdelenie Kavkaza ot Rossii v pervye poslerevolyucionnye gody (1917–1918) [Separation of the Caucasus from Russia in the first post-revolutionary years (1917–1918)] // Russkij sbornik. T. 28. Gragdanskaya voyna i intervenziy v Rossii [Russian collection. Vol. 28. Civil war and intervention in Russia]. Moskva, 2020. S. 45–99. (In Russ.)

Soyuz ob"edinennyh gorcev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917–1918 gg.) i Gorskaya respublika (1918–1919 gg.). Dokumenty i materialy / Pod red. H.A. Amirhanova i dr. [Union of the United Mountaineers of the North Caucasus and Dagestan (1917–1918) and the Mountain Republic (1918–1919). Documents and materials / Eds H.A. Amirkhanov et al.]. Mahachkala, 2013. (In Russ.)

Stavrovskij A. Zakavkaz'e posle Oktyabrya [Transcaucasia after October]. Moskva – Leningrad, 1925. (In Russ.)

Suni R.G. Dialog o genocide: usiliya armyanskih i tureckih uchenyh po osmysleniyu deportacij i rezni armyan vo vremya Pervoj mirovoj vojny [Dialogue on the Genocide: the Efforts of Armenian and Turkish Scholars to Comprehend the deportations and massacres of Armenians during the First World War] // Imperiya i naciya v zerkale istoricheskoj pamyati [Empire and Nation in the Mirror of Historical Memory]. Moskva, 2011. S. 75–114. (In Russ.)

Ulunyan A.A. Turkestanskij placdarm 1917–1922. Britanskoe razvedyvatel'noe soobshchestvo i britanskoe pravitel'stvo [Turkestan bridgehead 1917–1922. The British Intelligence community and the British Government]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Voina vo vremia mira: Voenizirovannye konflikty posle Pervoi mirovoi voiny. 1917–1923. Sbornik statei / Red. R. Gervart i D. Khorn [War in time of peace: Paramilitary conflicts after the First World War. 1917–1923. Collection of articles / Eds R. Gervart and D. Horn]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Zavriev D.S. K novejshej istorii severo-vostochnyh vilajetov Turcii [On the Recent History of the North-Eastern Vilayets of Turkey]. Tbilisi, 1947. (In Russ.)

Bachinger B. Die Mittelmächte an der Saloniki-Front 1915–1918. Zwischen Zweck, Zwang und Zwist. Paderborn, 2018.

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien – München, 1966 (Mainz, 2010).

Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T. I. Ihre Basis in der Orient-Politik und ihre Aktionen 1914–1917. Wien – Köln – Weimar, 1975.

Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T. II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien – Köln – Weimar, 1992.

Blücher W.v. Zeitenwende in Iran. Erlebnisse und Beobachtungen. Bieberach, 1949.

Chanturia L. Hundert Jahre der ersten Repubik Georgiens und Deutschland // Erster Weltkrieg im östlichen Europa und die russischen Revolutionen 1917 / Hrsg. von A. Trunk, N. Panych. Berlin, 2019. S. 29–40.

Croissant M.P. The Armenia – Azerbaijan Conflict: Causes and Implications. London, 1998.

Djemal Pascha A. Erinnerungen eines türkischen Staatsmannes. München, 1922.

Essad Bey. Blut und Öl im Orient. Leipzig, 1929.

Friedrich Freiherr Kreß von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / Hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020.

Gehrke U. Persien in der deutschen Orientpolitik während Ersten Weltkrieges, 2 Bde. Stuttgart, 1960.

Hentilä M., Hentilä S. 1918 – das deutsche Finnland: die Rolle der Deutschen im finnischen Bürgerkrieg / aus dem Finn. von B. Schweitzer. Bad Vilbel, 2018.

Kieser H.-L. Talât Pascha. Gründer der modernen Türkei und Architekt des Armeniergenozids. Eine politische Biografie. Zürich, 2020.

Niedermayer O.v. Unter der Glutsonne Irans. Kriegserlebnisse der deutschen Expedition nach Persien und Afghanistan. München, 1925.

Paraquin E. Erinnerungen aus dem Nahen Orient 1917/18. [s.l., s.a.].

Suny R.G. Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations // The Journal of Modern History. 2001. Vol. 73. № 4. P. 862–896.

Volk H. Öl und Mohammed: “Der Offizier Hindenburgs” im Kaukasus. Breslau, 1938.

Zürrer W. Kaukasien 1918–1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978.

Zürrer W. Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmachteneinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern – Frankfurt a.M. – Las Vegas, 1978.

DOI: 10.31857/S013038640010032-3

© 2021 г. **О.А. ВЛАСОВА**

ТРИ ВОЗРАСТА САМОСОЗНАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ ИСТОРИОГРАФИИ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

***Власова Ольга Александровна** – доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).*
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»).
E-mail: o.a.vlasova@gmail.com
Researcher ID: N-4191-2015

Аннотация. В статье анализируются особенности методологического самосознания истории философии в сравнении с самосознанием истории. Предлагается авторский подход: выделяется три кризиса философской историографии, которые отмечают тупик интерпретативных схем, невозможность пользоваться старыми методами и одновременно недостаточную проработку новых. Методологические кризисы стимулируют обращение науки к самой себе. История философии проходит три историографических кризиса, каждый из которых является поворотным для развития ее самосознания: кризис предмета (XVII–XVIII вв.), кризис метода (конец XIX – начало XX в.) и кризис актора (вторая половина XX в.). Их составляющие анализируются в сравнении с аналогичными в исторической науке. История философии зарождается в попытке обособиться от истории мысли и философии, определяя свой предмет как историю философской мысли, прогрессивные попытки приблизиться к истине. На волне методологических дискуссий в гуманитарных науках, дифференциации гуманитарного знания, а также становления истории как самостоятельной науки история философии ставит вопрос специфического историко-философского метода. Вслед за историками она развивает метод понимающей интерпретации, могущей дать ей как доступ к субъективному мысленному опыту прошлого, так и возможность объективной его фиксации. Невозможность решения проблемы соотношения объективного и субъективного в историко-философской практике приводит к проблематизации перспективы актора. Ситуация постмодерна в историческом знании углубляет кризис интерпретативных схем: проблематизируются не только критерии достоверности интерпретации и возможность ее объективности, но и идентичность исследователя, что вновь обращает его к собственному предмету и методу. Таким образом, замыкается круг самосознания, давая истории философии стимул для проблематизации собственной методологии и источник саморазвития.

Ключевые слова: история философии, история, историография, историк философии, предмет, методология, актор, кризис науки.

O.A. Vlasova

Three Ages of Self-Consciousness: The Methodological Crises of Historiography in the Mirror of the History of Philosophy

Olga Vlasova, Saint-Petersburg State University, Department of History of Philosophy (Saint-Petersburg, Russia).

The Research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 17-18-01440 "Anthropological dimension of the history of philosophy").
E-mail: o.a.vlasova@gmail.com
Researcher ID: N-4191-2015

Abstract. The paper discusses the characteristics of the methodological identity of the history of philosophy through comparison with the self-consciousness of historical science. The author identifies three crises of philosophical historiography, which mark the impasse of interpretive schemes, the inability to use old methods, and at the same time insufficient development of new ones. Methodological crises stimulate the science's turn to itself. The history of philosophy goes through three historical crises: the crisis of the object (17th–18th centuries), the crisis of the method (late 19th – early 20th centuries), and the crisis of the actor (second half of 20th century). The history of philosophy is born in an attempt to isolate itself from the history of thought and philosophy, defining its object as the history of philosophical thought, progressive attempts to come closer to the truth. In the wake of methodological discussions in the Humanities, the differentiation within humanistic knowledge, as well as the formation of history as an independent science, the history of philosophy poses the question of the existence of a specific historical and philosophical method. The Postmodern situation in historical knowledge deepens the crisis of interpretative schemes: not only the criteria for the reliability of interpretation and the possibility of its objectivity are problematized, but also the identity of the researcher which again turns him to his subject and method. Thus, the circle of self-consciousness closes, giving the history of philosophy an impetus to problematize its methodology and source of development.

Keywords: history of philosophy, history, historiography, historian of philosophy, object, methodology, actor, a crisis of science.

Историческая наука, как мировая, так и отечественная, вот уже несколько десятилетий осмысливает последствия постмодернизма. Ставя вопросы историзма, универсальности и региональности, пытаясь совместить общий социальный контекст и единичный исторический факт в плоскости микро- и макро-, историки приспосабливаются к методологическим реалиям. Будучи связанной с историей веками родства, общей методологий и контекстом, история философии в акцентировании историографии, тем не менее, не повторяет ее путь. Мировая сцена, конечно же, выглядит не так однозначно: вслед за историками пишут об историзме[1] и проблемах метода[2], статусе истории философии как философской и исторической науки[3]. Отечественная традиция на этом фоне практически безмолвствует, и обидные упреки в методологическом «несознании»[4] в какой-то мере справедливы. А между тем традиционный путь «вслед за историками» сегодня может принести истории философии не только осознание основ, но и новые горизонты на будущее.

В настоящей статье предпринимается попытка показать, что в плане методологии путь «вслед за историками» практиковался историками философии на протяжении веков. Сегодня для того, чтобы понять актуальную историографическую ситуацию и

---

[1] *Morgan M.L.* The Goals and Methods of the History of Philosophy // The Review of Metaphysics. 1987. Vol. 40. № 4. P. 717–732; *Makkreel R.A.* Traditional Historicism, Contemporary Interpretations of Historicity, and the History of Philosophy // New Literary History. 1990. Vol. 21. № 4. P. 977–991; *Normore C.G.* What is to be done in the history of philosophy // Topoi. 2006. Vol. 25. P. 75–82.

[2] *Popkin R.* Philosophy and the History of Philosophy // The Journal of Philosophy. 1985. Vol. 82. № 11. P. 625–632; *Mash R.* How Important for Philosophers is the History of Philosophy? // History and Theory. 1987. Vol. 26. № 3. P. 287–299; *Frede M.* The History of Philosophy as a Discipline // The Journal of Philosophy. 1988. Vol. 85. № 11. P. 666–672.

[3] *Mandelbaum M.* The History of Ideas, Intellectual History, and the History of Philosophy // History and Theory. 1965. Vol. 5. № 5. P. 33–66; *Kelley D.R.* What is happening to the history of ideas? // Intellectual News. 1996. Vol. 1. № 1. P. 36–50; *Hutton S.* Intellectual History and the History of Philosophy // History of European Ideas. 2014. Vol. 40. № 7. P. 925–937.

[4] *Киселева М.С.* История философии – интеллектуальная история – история идей // История философии: вызовы XXI века / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М., 2014. С. 148–158.

увидеть ее дальнейшие перспективы, можно смотреть не со стороны философии, а со стороны истории. Отчетливо заметно, что как дисциплина с двойным «историко-философским» статусом история философии всегда развивалась в методологических кризисах, общих для «исторической» и «философской» историографии. И даже возможно, что ее место и роль в гуманитарных науках в целом становятся более устойчивым, если рассматривать ее как «специальную историю».

Метафора кризиса при этом может использоваться в традиционном для философии науки смысле. «Значение кризисов заключается именно в том, что они говорят о своевременности смены инструментов»[5], – подчеркивает Т. Кун. Кризисы историографии и для истории, и для истории философии отмечают тупик интерпретативных схем, невозможность пользоваться старыми методами и одновременно пока недостаточную проработку новых. Эти методологические кризисы стимулируют обращение науки к самой себе, развитие ее рефлексии. История философии проходит три историографических кризиса, каждый из которых является поворотным для развития ее самосознания: первый – кризис предмета (XVII–XVIII вв.), второй – кризис метода (конец XIX – начало XX в.) и третий – кризис актора (вторая половина XX в.). Названия, разумеется, условны, а вся амплитуда составляющих проступает в сопоставлении с аналогичными поворотами в исторической науке.

Кризис предмета есть кризис рождения истории философии, наблюдавшийся в XVIII в. История философии еще не существовала как университетская специальность, не мыслилась в качестве самостоятельной отрасли философии или области изысканий, поэтому часто становилась синонимична общей истории мысли. Часты были жизнеописания, биографии, рассказы об идеях в контексте общего умонастроения эпохи, без углубления в анализ текстов, без четкого прослеживания влияний, в общем, без необходимости следовать какому-то канону исследования. На этом додисциплинарном этапе своего развития история философии была органично связана с историей мысли, являлась одной из ее областей, и такое положение дел не доставляло неудобств ни исследователям, ни читателям.

Процессы обособления начинает Христиан Томазий, он наделяет историю философии статусом обязательного введения к философии и начинает процесс ее обособления от истории, в том числе истории мысли. Его дело продолжает Христиан Август Хойманн, который настаивает, что история философии не является простым изложением идей философа и рассказом о его жизни, но предстает как история поиска истины и постепенного прогресса человечества на этом пути. Такой философской историей философии не может заниматься обычный историк мысли, она подвластна только философу, который имеет об истине четкое представление[6].

Традицию обособления историков философии в отдельную группу завершает Якоб Бруккер, который окончательно отделил философию от мудрости, трактуя последнюю как практику по истине, а первую как теорию истины, ее получение, сохранение, приумножение[7]. Превращая историю философии в теоретическую науку, Бруккер говорил о недостаточности обычной истории философов, но настаивал на необходимости развития истории доктрин или философских систем. Причем последняя должна включать не только разбор их содержания, но и исследование обстоятельств их появления в биографическом и историческом плане. Именно Бруккер заговорил об этих аспектах как об историко-биографическом фоне философских учений.

---

[5] *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2002. С. 111.

[6] Models of the History of Philosophy. Vol. II. From the Cartesian Age to Brucker / Eds G. Piaia, G. Santinello. Dordrecht etc., 2011. P. 409, 427.

[7] *Бруккер Я.* Критическая история философии, служащая руководством к прямому познанию ученой истории, изданная в пользу обучающагося российскаго юношества. М., 1788.

Уже для Хойманна актуальной являлась проблема достоверности историко-философских суждений, и он призывает обратиться от субъективных источников (которыми можно назвать субъективные истории жизни) к объективным: искать историко-философский материал в терминологии философов прошлого, поскольку именно в терминологическом ряду отражены в своей объективной форме их идеи. Бруккер, не довольствуясь обычным терминологическим исследованием, настаивает на необходимости исследования исторического развития философских систем, прояснения их оснований. Он призывает сохранять обязательное исследование биографии и исторического фона, поскольку без этого невозможно понимание учения философов прошлого как системы, невозможно полноценное контекстное исследование прогресса человеческого разума, с которым тогда и связывается история философии[8].

Заметно, что вначале история философии идентифицирует себя между двумя полюсами: историей мысли и философией как таковой, стремясь занять между ними срединное положение. Она не становится ни историей, ни философией, стремясь получить выгоды от этого двойного статуса. Обособление тогда ограничивается уточнением предметной области: история философии начинает говорить только о философах и искать детерминанты развития философии внутри ее самой (развитие разума или стремление к истине). Практика и методы ранних историков философии ничем не отличаются от таковых у историков мысли. Они еще не проблематизируются, заимствуясь в готовом виде. Методы называются, они уже сопоставляются с другими, но их специфика применительно к новой области еще не является проблемой. Несмотря на предметный разрыв и самостоятельное самоопределение, методологическое самосознание истории философии начнет развиваться только вслед за методологическим самосознанием истории, в общем поле рефлексии.

Кризис метода происходит в истории философии вслед за другими гуманитарными науками и протекает на волне методологических споров XIX–XX вв. Естественные науки тогда интенсивно развивались и начали задавать стандарты исследования и критерии объективности для гуманитариев. Последние всячески сопротивлялись этой ситуации и стремились уточнить специфику своего объекта, равно как и специфику метода его исследования. Историки, затем филологи и психологи, а потом уже и философы начинают определять свою цель как исследование духовной жизни людей прошлого и настоящего. Разумеется, в разработке понимающей методологии историки отличают себя от психологов.

Тогда история выделяется из общего комплекса общественных наук и определяет себя как наука о прошлом, при этом отделяясь от философии истории. Она не претендует на разговор о настоящем, не говорит об универсальных закономерностях развития исторического, не ищет надсобытийных мотивов, а стремится обратиться к событиям прошлого. Она, с одной стороны, уходит от метафизики с ее традицией усматривать причины развития в движении Духа и обращается к реальности, а с другой – ищет иной, отличный от естественнонаучного, идеал объективности. Попытка балансировать приводит к дискуссиям о методологии и развитию метода понимания.

Отцом исторической традиции понимающей интерпретации стал Иоганн Густав Дройзен, представитель малогерманской школы историков, который в своих работах и лекциях сделал «понимание» неотъемлемой частью исторической интерпретации. Во многом именно Дройзен превратил историю в подлинную науку. «Для Дройзена вопрос о методологическом суверенитете истории был действительно первостепенным»[9].

---

[8] *Longo M.* Geistige Anregungen und Quellen der Bruckerschen Historiographie // Jacob Brucker (1696–1770): Philosoph und Historiker der europäischen Aufklärung / Hrsg. W. Schmidt-Biggemann, Th. Stammen. Berlin, 1998. S. 159–186.

[9] *Савельева И.М., Полетаев А.В.* «Возведение истории в ранг науки». К юбилею Иоганна Густава Дройзена // Диалог со временем. 2008. № 25 (1). С. 42.

Он был движим потребностью отыскать те методы, которые позволили бы истории стать объективной наукой, причем не переносил общенаучные методы в поле исторических исследований, но ратовал за разработку собственных, которые будут адекватны изучаемому предмету. Как разъясняет Ю.А. Васильев, «науке, по Дройзену, *следует найти методы*, чтобы получить объективный критерий и контроль непосредственного и субъективного восприятия прошлого. Это позволит обосновать, исправить и углубить осмысление того, что некогда было исторической реальностью»[10]. Пониманию здесь отведена центральная роль.

Дройзен уподобляет понимание исследователя тому пониманию, которое мы демонстрируем в обыденной жизни: «Я понимаю говорящего, если я, стоя напротив него, слышу его слова, воспринимаю интуицию и акценты его речи, выражение его глаз, мимику лица, его жесты. Ибо полное выражение его самой внутренней сущности, в данный момент взволнованной или расстроенной, прорывается здесь наружу, и это его внутреннее состояние я воспринимаю по его внешним проявлениям, чувствуя, что он чем-то взволнован, его взволнованность заставляет меня сопереживать тому, что происходит в его душе. Таким образом он стал для меня понятным»[11].

Несмотря на кажущийся чрезмерный психологизм, Дройзен ищет в понимании не столько доступ к ушедшей в века душевной жизни, сколько возможность понять факты, «постичь их как выражение того, что в них хотели выразить». «То, что у нас имеется в качестве исторического материала, – подчеркивает Дройзен, – является выражением и отпечатком волевых актов, и их-то мы и должны попытаться понять в этих их выражениях»[12]. Для того чтобы понять исторические события, нужно понять вызвавшие их комплексы противоборствующих волевых актов, которые и составляют то, что принято называть «личной волей», «гением народа», «прозорливостью эпохи».

Обрисованный Дройзеном круг понимания охватывает 1) сам исторический материал и его прагматическую интерпретацию, 2) социальный контекст и картину времени, схватываемые интерпретацией условий, 3) воззрения великих деятелей и массы ведомых, доступ к которым дает психологическая интерпретация, 4) духовную общность людей, прояснить которую можно посредством «интерпретации по нравственным силам». Только путем сочетания этих различных стратегий понимания, по убеждению Дройзена, возможно получить в результате не произвольную фантазию, а достоверную картину прошлого.

Позднее понимающая история Дройзена была воспринята в философском ключе. «Лишь много позднее эта тема возникла в работах Дильтея, Риккерта и др., вплоть до “понимающей социологии” Макса Вебера»[13]. При этом для истории оказался важным один момент, на который косвенно указывают эти авторы. Дело в том, что историки говорили в XIX в. о понимании, стремясь определить идентичность нарождавшейся науки, которая тогда появляется вследствие дифференциации социально-гуманитарного знания и начинает определять себя, прежде всего, как науку о прошлом. История философии, мыслящая себя с момента своего становления в качестве отдельной отрасли в Германии как пропедевтика к философии, не может ограничиваться этим статусом. В ней закономерно возникает вопрос о значении историко-философского понимания прошлого для философского осмысления настоящего. Во Франции, к примеру, эти дискуссии вылились в обсуждение дилеммы историчности философских систем и вечности философской истины, которая находит в них выражение (Э. Брейе, М. Геру, Л. Брун).

---

[10] *Васильев Ю.А.* Историка Иоганна Густава Дройзена как методология истории // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 219.

[11] *Дройзен И.Г.* Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб., 2004. С. 234.

[12] Там же. С. 235.

[13] *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем. 2007. № 18. С. 94.

Понимающая история философии мыслит себя как история мысли и часть «наук о духе». Она развивает посылы Дильтеевой «критики исторического разума» и предполагает трактовку истории философии как этапа самоосмысления философии, причем «самоосмысление» здесь четко идет в Дильтеевом ключе как «живое восхождение от всех содержащихся в науке положений к основаниям их правомочности и предпосылкам с целью установления посредством такой редукции их относительной значимости и границы»[14]. История философии в смене идей и концептов (в историческом исследовании субъективных актов мышления философов прошлого) предлагает материал для подобного восхождения, по-прежнему являясь пропедевтикой к самой философии.

Рабочий метод герменевтической историко-философской традиции – понимание, циркулирующий, как и в истории, в классической триаде «переживание – выражение – понимание». При этом, разумеется, понимание не ограничивается психологическим, но способствует диалектике субъективного и объективного: историк философии постигает мышление философа прошлого, однако, проясняя его душевное движение, восходит к осмыслению структуры духовной жизни в целом и ее динамики в культуре и истории, а затем к историческому и культурному миру в целом.

В Германии понимающую традицию развивали Карл Ясперс и Мартин Хайдеггер, в ранний период испытавшие влияние Дильтея и положившие его в основание собственного историко-философского метода. При этом Ясперс больше психологизировал понимание и посредством его пытался воссоздать духовную надысторическую целостность философии и культуры. Хайдеггер в понимающей интерпретации обращался к истоку. У обоих понимающая история философии служила романтическим идеалам воссоздания «братства» философов. Во Франции на складывание понимающего стиля оказало влияние оживление неоплатонизма, бергсонизм и немецкая историко-философская герменевтика (в лице того же Ясперса). Эмиль Брейе говорит о творческой работе интерпретации и почти мистическом продолжении традиции. Поль Рикёр делает понимающую интерпретацию основным методом истории философии.

Кризис метода, разразившийся во времена стремительного развития естественных наук и обретения гуманитариями собственной идентичности, выявил дилемму, которую метко обозначил Р. Коллингвуд: «Как возможно познание, а не непосредственное переживание индивидуального?»[15]. Ведь понимание дает субъективное переживание, а для науки необходимо объективное познание. Этой логике следует П. Вен, когда говорит о ремесле историка: «Историк делает интриги понятными. Поскольку речь идет о человеческих интригах, а не, например, геологических драмах, то и мотивы их будут человеческими»[16]. Методологические споры того времени так и не привели к успешным решениям. Не нашедший ответа вопрос возникает в другой перспективе: в следующий кризис, только по отношению к самому историку, а не практикуемому им методу.

Несмотря на неразрешимость дилеммы «субъективного/объективного» по отношению с историческому и историко-философскому методу, этот период словно бы дает истории философии успокоение: многочисленные методологические работы, герменевтическая волна позволяют ей не только занять прочное место в философии, но и наладить отношения с другими гуманитарными науками, только теперь в качестве отдельной отрасли с собственной методологией. Однако это успокоение привело к новым поискам.

Устав усматривать в истории философии движение истины и прочитывать в произведениях коллизии сокровенного мышления философов прошлого, история философии обращается одновременно к развитию концептов и развитию практик, к социальным рамкам исторических форм философствования, а также философским институциям

---

[14] *Плотников Н.С.* Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея. М., 2000. С. 83.
[15] *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 166.
[16] *Вен П.* Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 2003. С. 109.

и традициям. В новой ситуации постмодерна она ставит в центр дискуссий не научный статус или метод, а собственное мировоззрение.

Кризис актора отмечает ситуацию, возникшую вслед за «вызовами постмодернизма», когда в рамках исторического знания начинают проблематизироваться не только отдельные аспекты методов и теории, но ставятся под сомнение основания практики: классическое представление об историзме, достоверность исторического метода и фигура историка. А.В. Черняев обращает внимание на истоки происходящего: «За несколько последних десятилетий западная историческая наука совершила впечатляющей методологический прорыв, который связан главным образом с антропологизацией истории, ее фокусировкой уже не на истории текстов и истории событий, а на самом бытии человека в прошлом. Одним из последствий этого сдвига явилось существенное расширение поля зрения историков»[17]. Разумеется, эти изменения и дискуссии отразились и на истории философии, к ним добавилось влияние постмодернистской парадигмы интерпретации. Антропологизация в постановке проблемы метода – следствие антропологизации предмета, который этим методом пытаются схватить.

Л.П. Репина выделяет три важнейших аспекта историографии, которые ставятся под сомнение: 1) понятие исторической реальности и идентичность историка; 2) критерии достоверности источника; 3) саму возможность объективности в историческом познании[18]. Заметно, что в восприятии историков происходит коренное изменение отношения к собственной литературности и нарративности: в большинстве случаев именно она проблематизируется не как позитивная возможность, а как негативная основа метода. История начинает расцениваться как нарративная форма отношения к прошлому, да и само прошлое теперь расценивается как результат исторической наррации. Именно в контексте этого поворота ведутся исторические дискуссии о нарративности истории[19], исторических фактах и фикциях и акцентируется необходимость целостного подхода, которым должно выступить социокультурное, контекстное исследование в сочетании микро- и макроподходов[20].

Движение исторической науки становится более понятным из другой перспективы. В своей тунисской лекции «Живопись Мане» Мишель Фуко среди прочего попытался осмыслить суть той революции, которая произошла в живописи начала XX в.[21] В качестве основного новшества, характеризующего новаторский подход Эдуарда Мане, Фуко называет выделение картины, полотна как самостоятельного объекта, самостоятельного игрока. Мане играет с фактурой полотна, нарочно ломает перспективу, десинхронизирует световые потоки – все это лишь для того, чтобы утрированно показать, что живопись не передает, а конструирует реальность, что произведение искусства не отражает естественный порядок, а выводит перед нашим взором искусственный, словом, что искусство – это искусство, а не естество.

В истории и истории философии XX в., вслед за естественными науками, т.е. в контексте общего движения науки вообще, происходит осознание искусственности методологических ориентиров, интерпретаций, условности хронологий и проблематизация самой историчности, а также фигуры историка. Это осознание в исторической науке выстраивается вокруг понимания искусственности, а точнее, конструктивности «идеи истории как воображаемой картины прошлого». Р. Коллингвуд назвал это коперниканским поворотом

---

[17] *Черняев А.В.* История философии и новая историческая наука // История философии: вызовы XXI века / Под ред. Н.В. Мотрошиловой. М., 2014. С. 159.

[18] *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 122.

[19] *Анкерсмит Ф.* Нарративная логика: семантический анализ языка историков. М., 2003.

[20] *Ревель Ж.* Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 110–127.

[21] *Фуко М.* Живопись Мане. СПб., 2011.

исторического знания, связывая его с тем, что историк осознает: его мысль «обладает неким критерием, которому должны соответствовать его так называемые авторитеты, критерием, на основании которого они и подлежат критической оценке»[22].

В истории философии осознание особенностей историко-философской практики продолжается в рамках философской герменевтики. Типичным примером характерной проблематизации здесь является историко-философская теория Поля Рикёра, который в своих работах словно бы связывает неклассические и постнеклассические исследования. Вслед за Карлом Ясперсом, которому были посвящены его первые работы, он говорит о необходимости историко-философского понимания, вслед за Марсиалем Геру развивает идею «исторической реконструкции произведения»[23]. Однако в своих исследованиях он особенно подчеркивает конструктивность получающейся историко-философской структуры. Акцент на конструктивности, а не на реконструкции, как это было в спорах первой половины XX в., – отличительная черта истории философии последнего полувека.

Дискуссии о нарративности истории философии и конструктивности ее подхода развиваются представителями постмодернистской волны. Выразителем этой позиции является Жиль Делёз, подчеркивающий творческую природу истории философии и деятельности историка философии. Последний, подобно портретисту, не копирует оригинал, но акцентирует определенные черты, и именно это делает изображаемое лицо живым. Историко-философские портреты, «как и в живописи, их следует сделать похожими, но для этого нужно использовать другие средства, которые не представляют собой подобие оригиналу: сходство должно быть создано, и не посредством воспроизведения (довольствуясь пересказом того, что сказал философ). [...] История философии не должна повторять то, что сказал какой-либо философ; она должна говорить о том, что он неизбежно подразумевал то, о чем он не говорил, но что, однако, присутствовало в том, что он говорил»[24].

Дискуссии микро- и макротекста и контекста сближают историю философии с историей в пространстве интеллектуальной истории. Проблематику нарративности сталкивают с проблематикой контекста споры об анахронизме. Так, рассматривая жанровое своеобразие историко-философской практики, Ричард Рорти противопоставляет историческую и конструктивную реконструкцию, сближая первую с историческим методом, а вторую – с философской рефлексией как таковой. Он стремится озвучить проблему контекста, обсуждая подходы истории духа и интеллектуальной истории. Первая, казалось бы, пытается уловить особенности развития духовного в конкретную эпоху и должна бы соединять макро- и микроподходы, однако на самом дела оказывается, что лишь квалифицирует наличие фундаментальной проблематики, выделяет подходящие фигуры.

При этом жанр интеллектуальной истории Рорти называет почвой современной истории философии. Интеллектуальная история помогает сохранить почтение к фигурам прошлого и одновременно выводит диалог с ними в широкую перспективу гуманитарных наук, спасая историю философии от окостенения. «Нам, – пишет Рорти, – нужна другая история мысли – такая, которая позволила бы сделать наш разговор с философами-предшественниками более увлекательным, насыщенным и полновесным»[25]. Именно интеллектуальная история мыслится как поле, в котором история философии станет свободной для поиска новых ориентиров.

Подводя итоги, уместно оживить тот образ, который практически каждый человек связывает со словами «исследователь» или «ученый». Они – те, кто исследуют: это ботаник с лупой или биолог над микроскопом, врач за рентген-аппаратом, физик в лаборатории

---

[22] *Коллингвуд Р.Дж.* Указ. соч. С. 229.
[23] *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995. С. 252.
[24] *Делёз Ж.* Переговоры, 1972–1990. СПб., 2004. С. 177.
[25] *Рорти Р.* Историография философии: четыре жанра. М., 2017. С. 108.

за приборной доской, химик, склонившийся над пробиркой. Этот устоявшийся обыденный образ метко фиксирует три составляющие науки: предмет (что), метод (как) и исследователя (кто). В гуманитарных науках в каждой точке мы обнаружим проблемность: что исследуют гуманитарные науки (какую видимую или невидимую реальность)? какими методами они пользуются (что значит «осмыслять», «анализировать» и проч.)? кто является гарантом научности? что делает исследователь? как он работает? Эти три точки – предмет, метод, актор – точки проблематизации гуманитарных наук в целом, и неудивительно, что кризисы исторического и историко-философского знания проходят именно через них.

История философии зарождается в попытке обособить то «что», которое она схватывает от истории мысли и философии, определяя свой предмет как историю философской мысли, прогрессивные попытки приблизиться к истине. По отношению к философии она мыслит себя как пропедевтическое введение, обращаясь к которому в опыте саморазличения философия успешнее и точнее определяет свое актуальное настоящее.

Уточняя предмет и обособляя его как от философии, так и от истории мысли, на волне методологических дискуссий в гуманитарных науках, в процессе дифференциации гуманитарного знания, а также одновременно со становлением истории как самостоятельной науки с собственной методологией, история философии проблематизирует свое «как» и ставит вопрос специфического историко-философского метода. Вслед за историками она развивает метод понимающей интерпретации, способной дать как доступ к субъективному мысленному опыту прошлого, так и возможность объективной его фиксации.

Невозможность решения проблемы соотношения объективного и субъективного в историко-философской практике приводит к проблематизации перспективы актора: того, кто ведет исследования, получает доступ к прошлому и становится его проводником в настоящем. Ситуация постмодерна в историческом знании углубляет кризис интерпретативных схем: проблематизируются не только критерии достоверности интерпретации и возможность ее объективности, но и идентичность исследователя, вновь обращает его к собственному предмету, заставляет его также задуматься о том, что же он все-таки исследует и о чем говорит: прошлое или настоящее. Таким образом, замыкается круг самосознания, давая истории философии как научной отрасли неугасающий стимул для проблематизации собственной методологии и источник ее саморазвития.

Библиография

Анкерсмит Ф. Нарративная логика: семантический анализ языка историков. М., 2003.

Бруккер Я. Критическая история философии, служащая руководством к прямому познанию ученой истории, изданная в пользу обучающагося российскаго юношества. М., 1788.

Васильев Ю.А. Историка Иоганна Густава Дройзена как методология истории // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 218–226.

Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 2003.

Делёз Ж. Переговоры, 1972–1990. СПб., 2004.

Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб., 2004.

Киселева М.С. История философии – интеллектуальная история – история идей // История философии: вызовы XXI века / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М., 2014. С. 148–158.

Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

Кун Т. Структура научных революций. М., 2002.

Плотников Н.С. Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея. М., 2000.

Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 110–127.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.

Рорти Р. Историография философии: четыре жанра. М., 2017.

Савельева И.М., Полетаев А.В. «Возведение истории в ранг науки». К юбилею Иоганна Густава Дройзена // Диалог со временем. 2008. № 25 (1). С. 26–54.

Савельева И.М., Полетаев А.В. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем. 2007. № 18. С. 69–97.

Фуко М. Живопись Мане. СПб., 2011.

Черняев А.В. История философии и новая историческая наука // История философии: вызовы XXI века / Под ред. Н.В. Мотрошиловой. М., 2014. С. 159–165.

Frede M. The History of Philosophy as a Discipline // The Journal of Philosophy. 1988. Vol. 85. № 11. P. 666–672.

Hutton S. Intellectual History and the History of Philosophy // History of European Ideas. 2014. Vol. 40. № 7. P. 925–937.

Kelley D.R. What is happening to the history of ideas? // Intellectual News. 1996. Vol. 1. № 1. P. 36–50.

Longo M. Geistige Anregungen und Quellen der Bruckerschen Historiographie // Jacob Brucker (1696–1770): Philosoph und Historiker der europäischen Aufklärung / Hrsg. W. Schmidt-Biggemann, Th. Stammen. Berlin, 1998. S. 159–186.

Makkreel R.A. Traditional Historicism, Contemporary Interpretations of Historicity, and the History of Philosophy // New Literary History. 1990. Vol. 21. № 4. P. 977–991.

Mandelbaum M. The History of Ideas, Intellectual History, and the History of Philosophy // History and Theory. 1965. Vol. 5. № 5. P. 33–66.

Mash R. How Important for Philosophers is the History of Philosophy? // History and Theory. 1987. Vol. 26. № 3. P. 287–299.

Models of the History of Philosophy. Vol. II. From the Cartesian Age to Brucker / Eds G. Piaia, G. Santinello. Dordrecht etc., 2011.

Morgan M.L. The Goals and Methods of the History of Philosophy // The Review of Metaphysics. 1987. Vol. 40. № 4. P. 717–732.

Normore C.G. What is to be done in the history of philosophy // Topoi. 2006. Vol. 25. P. 75–82.

Popkin R. Philosophy and the History of Philosophy // The Journal of Philosophy. 1985. Vol. 82. № 11. P. 625–632.

References

Ankersmit F. Narrativnaia logika: semanticheskii analiz iazyka istorikov [Narrative Logik: Semantic Analysis of Historians Language]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Brucker Ja. Kriticheskaia istoriia filosofii, sluzhashhaia rukovodstvom k priamomu poznaniiu uchenoi istorii, izdannaia v pol'zu obuchajushhagosia rossiiskago iunoshestva [A critical history of philosophy]. Moskva, 1788. (In Russ.)

Chernjaev A.V. Istoriia filosofii i novaia istoricheskaia nauka [History of Philosophy and a New Historical Science] // Istoriia filosofii: vyzovy XXI veka / Pod red. N.V. Motroshilovoi [History of Philosophy: challenge of the 21st century / Ed. N.V. Motroshilova]. Moskva, 2014. P. 159–165. (In Russ.)

Collingwood R.D. Ideia istorii. Avtobiografia [The Idea of History. An Autobiography]. Moskva, 1980. (In Russ.)

Deleuze J. Dialogi, 1972–1990 [Dialogues]. Sankt-Peterburg, 2004. (In Russ.)

Droysen J.G. Istorika. Lektsii ob entsiklopedii i metodologii istorii [Historics. Lectures on enciclopedia and methodology of history]. Sankt-Peterburg, 2004. (In Russ.)

Foucault M. Zhivopis' Manet [Manet Painting]. Sankt-Peterburg, 2011. (In Russ.)

Kiseleva M.S. Istoriia filosofii – intellektual'naia istoriia – istoriia idej [History of Philosophy – Intellectual History – History of Ideas] // Istoriia filosofii: vyzovy XXI veka [History of Philosophy: challenge of the 21st century]. Moskva, 2014. P. 148–158. (In Russ.)

Kuhn T. Struktura nauchnyh revoliutsii [The structure of scientific revolutions]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Plotnikov N.S. Zhizn' i istoriia. Filosofskaia programma Vil'gel'ma Dil'teia [Life and history. The philosophical program of Wilheim Dilthey]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Repina L.P. Istoricheskaia nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaia praktika [Historical science at the turn of the 20th–21st centuries: social theories and historiographical practice]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Revel J.-F. Mikroistoricheskii analiz i konstruirovanie social'nogo [Microhistorical analysis and constriction] // Odissej. Chelovek v istorii. 1996 [Odyssey. Man in the History. 1996]. Moskva, 1996. P. 110–127. (In Russ.)

Rikoer P. Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germenevtike [Conflict of interpretations]. Moskva, 1995. (In Russ.)

Rorty R. Istoriografiia filosofii: chetyre zhanra [The Historiography of Philosophy: Four Genres]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Saveljeva I.M., Poletaev A.V. Stanovlenie istoricheskogo metoda Ranke, Marx, Droysen [Developing of historical method: Ranke, Marx, Droysen] // Dialog so vremenem [Dialogue with Time]. 2007. № 18. P 69–97. (In Russ.)

Saveljeva I.M., Poletaev A.V. "Vozvedenie istorii v rang nauki". K iubileiu Ioganna Gustava Droyzena ["Developing the history as a science". On the anniversary of Johann Gustav Droysen] // Dialog so vremenem [Dialogue with Time]. 2008. № 25 (1). P. 26–54. (In Russ.)

Vasiljev Yu.A. Istorika Ioganna Gustava Droyzena kak metodologiia istorii [The historiography of Johann Gustav Droysen as the methodology of science] // Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]. 2016. № 2. P. 218–226. (In Russ.)

Veyne P. Kak pishut istoriiu. Opyt epistemologii [Writing History: Essay on Epistemology]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Frede M. The History of Philosophy as a Discipline // The Journal of Philosophy. 1988. Vol. 85. № 11. P. 666–672.

Hutton S. Intellectual History and the History of Philosophy // History of European Ideas. 2014. Vol. 40. № 7. P. 925–937.

Kelley D.R. What is happening to the history of ideas? // Intellectual News. 1996. Vol. 1. № 1. P. 36–50.

Longo M. Geistige Anregungen und Quellen der Bruckerschen Historiographie // Jacob Brucker (1696–1770): Philosoph und Historiker der europäischen Aufklärung / Hrsg. W. Schmidt-Biggemann, Th. Stammen. Berlin, 1998. S. 159–186.

Makkreel R.A. Traditional Historicism, Contemporary Interpretations of Historicity, and the History of Philosophy // New Literary History. 1990. Vol. 21. № 4. P. 977–991.

Mandelbaum M. The History of Ideas, Intellectual History, and the History of Philosophy // History and Theory. 1965. Vol. 5. № 5. P. 33–66.

Mash R. How Important for Philosophers is the History of Philosophy? // History and Theory. 1987. Vol. 26. № 3. P. 287–299.

Models of the History of Philosophy. Vol. II. From the Cartesian Age to Brucker / Eds G. Piaia, G. Santinello. Dordrecht etc., 2011.

Morgan M.L. The Goals and Methods of the History of Philosophy // The Review of Metaphysics. 1987. Vol. 40. № 4. P. 717–732.

Normore C.G. What is to be done in the history of philosophy // Topoi. 2006. Vol. 25. P. 75–82.

Popkin R. Philosophy and the History of Philosophy // The Journal of Philosophy. 1985. Vol. 82. № 11. P. 625–632.

DOI: 10.31857/S013038640009738-9

© 2021 г. **И.М. ЭРЛИХСОН**

«РАДИ ОБЩЕГО БЛАГА»: ИДЕЙНО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ БРИТАНСКОЙ ПОЛИЦИИ

Эрлихсон Ирина Мариковна *– профессор Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина (Рязань, Россия).*
E-mail: i.erlihson@365.rsu.edu.ru
Researcher ID: AAE-9499-2021

Аннотация. Автор обращается к проблеме властных отношений в эпоху реформирования уголовного правосудия в Великобритании XVIII в. В указанный период система противодействия преступности включала различные силы и подразделения, чья деятельность финансировалась крайне неравномерно из частных и государственных источников. Это обстоятельство вкупе с критическим настроем различных слоев британского общества относительно использования милитаризированных сил для поддержания гражданского правопорядка снижало эффективность правоохранительных механизмов и соответственно приводило к беспрецедентному росту преступности, ставшему популярным направлением общественного дискурса.

Предметом анализа является малоизученный трактат Генри Филдинга «Исследование причин участившихся преступлений...» (1751 г.), написанный выдающимся драматургом и романистом, занимавшим должность мирового судьи Вестминстера и Мидлсекса. Уникальность положения Г. Филдинга заключалась в том, что богатый опыт работы в области политической журналистики и юриспруденции позволил ему не просто бороться с лондонской преступностью, а разрабатывать идейно-концептуальные основы британской правоохранительной практики.

В трактате содержались не только критика современных Филдингу уголовно-правовых механизмов и системы судопроизводства (возбуждение обвинения за счет пострадавшей стороны, произвольность выносимых приговоров, практика королевского помилования), но и концептуально-теоретические положения, обосновывающие необходимость и задающие направления будущего кардинального реформирования уголовной юстиции. Оставаясь на идеологической платформе неореспубликанизма, Г. Филдинг полагал, что именно государство является гарантом гражданского правопорядка, и аргументировал необходимость создания официальной государственной структуры, обладающей монополией на осуществление функций по контролю за преступностью.

Ключевые слова: Г. Филдинг, Великобритания, XVIII в., преступность, свобода, безопасность, неореспубликанизм.

I.M. Erlihson

"For the Public Utility": the Ideological and Conceptual Foundations of the British Police

Irina Erlihson, Ryazan State University named for S.A. Yesenin (Ryazan, Russia).
E-mail: i.erlihson@365.rsu.edu.ru
Researcher ID: AAE-9499-2021

Abstract. The author addresses the problem of power relations in the era of criminal justice reform, presented in historical narratives, taking into account the socio-cultural context and realities of eighteenth-century Great Britain. In the 18th century, the British system of crime control consisted of a large number of actors financed extremely unevenly from private and public sources. This fact, coupled with the British society's critical attitude to the use of militarized forces to maintain civil law and order, reduced the effectiveness of law enforcement mechanisms and led to an unprecedented increase in crime, being a popular area of public discourse.
The subject of analysis is Henry Fielding's little known treatise "An Enquiry into the causes of the late increase of robberies." (1751), written by an outstanding playwright and novelist when he served as justice of the peace of Westminster and Middlesex districts. The uniqueness of H. Fielding's position is that his rich experience in the field of political journalism and jurisprudence allowed him not only to fight London crime but to develop the ideological and conceptual foundations of British law enforcement practice.
The treatise contained not only a criticism of the modern criminal law mechanisms and the judicial system (prosecution at the expense of the injured party, arbitrariness of sentences, practice of royal pardon) but also conceptual and theoretical provisions substantiating the need and setting directions for the future radical reform of criminal justice. Remaining on the ideological platform of neo-republicanism, H. Fielding believed that it was the state who had to guarantee civil law and order. He also argued the necessity of a state official structure with a monopoly to implement crime control functions.

Keywords: H. Fielding, Great Britain, 18th century, crime, liberty, security, neo-republicanism.

В XVIII в. сложившаяся система противодействия преступности уже не удовлетворяла новым социальным условиям, которые диктовали поиск новых форм контроля и необходимость возникновения принципиально новой системы правопорядка. Отечественный исследователь проблемы А.Л. Гуринская полагает, что уже в период раннего средневековья сложилась система противодействия преступности, которая начала меняться с середины XVIII в., отделившись от локальных сообществ и перейдя в зону ответственности государства[1]. В Великобритании становление полиции как профессионального института сопровождалось трудностями, что во многом было обусловлено спецификой английского менталитета. Ле Блан, один из первых ученых, занимавшихся сравнительной аналитикой, писал, что «англичанин скорее согласится быть ограбленным на большой дороге, чем допустить вероятность вторжения в частное пространство правительственных агентов»[2].

Гипотетически функции поддержания правопорядка могли бы быть поручены милиции. По закону 1181 г. каждый англичанин от 16 до 60 лет обязан был содержать

---

[1] *Гуринская А.Л.* Полицейская деятельность в Великобритании до создания полиции: ранее средневековье – XVIII век // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2015. № 6 (47). С. 15.

[2] Цит. по: *McFlynn F.* Crime and punishment in 18th century England. Routledge, 1989. P. 17.

вооружение, стоимость которого варьировалась в зависимости от принадлежности к одной из пяти категорий, связанных с имущественным цензом, и должен был являться по призыву в случае военной опасности. Благодаря серьезному реформированию в эпоху правления последних Стюартов милиция стала постоянным институтом в рамках окружного правления. В частности, законодательный билль 1662 г.[3] предоставлял лейтенантам право содержать часть милиционной армии на постоянной основе для поддержания порядка на местном уровне, что позволяло приводить солдат в состояние полной боевой готовности, если обстоятельства требовали противостоять мятежу или подстрекательству к оному.

В конце XVII в. милиция фактически утратила военную роль, что несколько компенсировалось ростом ее политической роли в управлении графствами. Р. Таннер связывал ослабление милиции в эпоху Реставрации с заменой ее на профессиональную армию, хотя слово «замена», на наш взгляд, не совсем корректно, учитывая их параллельное существование и дублирование отдельных функций охраны правопорядка: «После Реставрации лейтенанты и местная милиция стали главным оплотом обороны и обеспечения безопасности в провинции, тем не менее за сохранявшимися регулярными войсками оставалась важная функция охраны общественного порядка. Правительство... не полагалось на армейских офицеров и солдат регулярной армии при осуществлении полицейских функций и охране населенных пунктов. Оно организовало вовлечение местных жителей в организацию их собственной обороны и обеспечение безопасности, сохраняя за собой общее руководство»[4]. Учитывая, что «в Англии постоянная регулярная армия не имела глубоких традиций, население относилось с болезненным подозрением к любым попыткам своих монархов решить проблему ее отсутствия»[5], идея военного вмешательства в гражданские дела не пользовалась популярностью, а скорее наоборот, в силу разных причин. Во-первых, несмотря на то, что в правление Якова II вооруженные силы были более равномерно распределены по стране, быстрое реагирование оставалось проблематичным и часто войска прибывали на место назначения спустя несколько дней после начала волнений, что снижало эффективность их действий. Во-вторых, присутствие профессиональных военных было дискомфортно для местного населения, поскольку жители обязаны были предоставлять им свои дома для постоя. Положение, по которому размещение солдат могло производиться только с согласия домовладельцев, на практике часто нарушалось, что приводило к многочисленным конфликтам. И, наконец, многие офицеры считали ниже своего достоинства подавлять гражданские беспорядки в мирное время.

Крупный историк-криминолог Фрэнк МакФлинн в авторитетном исследовании «Преступление и наказание в Англии XVIII века» убежден, что в начале XVIII столетия единственная постоянная система отправления уголовного правосудия на местном уровне покоилась на плечах мировых судей и приходских констеблей. Фактически обязанности, выполняемые мировыми судьями, можно условно разделить на судебные и административные. В первую группу входили первоначальное следствие по всем проступкам, попадавшим в категорию «фелония» (felony) и «мисдеминоры» (misdemeanor), – сокращенное судопроизводство без присяжных по уголовным делам по преступлениям, за которые полагались штрафы и заключение сроком до трех месяцев, судебно-полицейское разбирательство в области трудовых отношений найма; а во вторую – взимание комитатских податей, выдача различного рода дозволительных

---

[3] An Act for ordering the Forces in the several Counties of this Kingdom. 1662. 14 Car. II. P. 3. URL: https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/pp358-364 (дата обращения: 16.02.2020).

[4] *Сарапкина Е.Н.* Законодательное регулирование деятельности милиции в Англии в середине XVII века // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 4. С. 112.

[5] *Станков К.Н.* Военные реформы английского короля Якова II Стюарта // Вести Волгоградского государственного университета. Серия 4: история. 2010. № 1. С. 104.

свидетельств и надзор за правильным действием различных частей окружного и приходского управления[6]. В каждом графстве было несколько мировых судей, действовавших либо автономно, либо вместе в малых и специальных заседаниях (petty and special sessions). На них каждый год из числа жителей определенной местности назначались старшие и младшие констебли, которые приводили в исполнение в округах и приходах предписания и приговоры мировых судей.

Объем обязанностей и ответственности мировых судей и констеблей постоянно возрастал, достигнув уровня юрисдикции, охватывающей фактически все аспекты местного самоуправления. «Охрана закона и порядка могла привести к встречному судебному иску, особенно если магистраты, поддавшись панике, прибегали к помощи военных для разрешения локальных конфликтов или давали разрешение открыть огонь без уважительной причины. Мировые судьи ходили по острию бритвы: превышение власти грозило осуждением за причиненный урон, излишняя же мягкость – обвинением в некомпетентности»[7]. Мнение местных жителей порой было важнее, чем следование букве закона, и потому констебли буквально оказывались между двух огней. Состоятельные собственники требовали неукоснительного поддержания общественного порядка, бедняки же активно сопротивлялись вмешательству констеблей. Ситуация осложнялась еще и тем, что полномочия магистратов были достаточно жестко ограничены территорией прихода или графства, что обуславливало соперничество и не позволяло координировать действия, если этого требовала необходимость. Неслучайно в XVIII в. распространяется практика делегирования функций констебля в том случае, если гражданин не хотел самостоятельно исполнять возложенную на него обязанность, что свидетельствовало о тенденции к профессионализации полицейских функций.

Правительство не субсидировало институт мировых судей, хотя они имели право взимать небольшую плату за свои услуги. В Вестминстерском статуте (1130 г.) требования к кандидатам на эти должности включали в себя: дворянское звание, мужской пол, законопослушность и добропорядочность[8]. «Для достижения звания (именно почетного звания) мирового судьи необходимо было принадлежать к местному джентри и получать в год не менее 100 фунтов стерлингов. Джентльмен, назначенный мировым судьей и желающий быть действительным членом мировой юстиции, был обязан предварительно получить в государственной канцелярии особое полномочие (writ of dedimus potestatem), без которого звание мирового судьи имело значение только почетного титула»[9].

В XVIII в. усиливается функция магистратов как властной базы дворянства. Благородное происхождение должно было обуславливать экономическую независимость, потому традиционно считалось, что мировые судьи должны работать безвозмездно в силу почетного характера должности. Но в XVIII в. становилось все труднее найти крупных землевладельцев, хотевших стать мировыми судьями, учитывая объем дел, с которым им приходилось сталкиваться, и то, что они часто подвергались физическому, вербальному и юридическому насилию. И хотя общее количество мировых судей росло, реальная доля активной мировой юстиции не превышала и половины их численности.

Мировые судьи часто становились объектом едкой критики. Еще в правление Карла II английский поэт Самуэль Батлер нарисовал сатирический портрет, в котором воплотились худшие черты тех, чей профессиональный долг требовал неукоснительного соблюдения буквы закона во имя незыблемости социальных норм и гражданского правопорядка.

---

[6] *Колоколов Н.А.* Мировая юстиция: вчера, сегодня, завтра // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 132.

[7] *McFlynn F.* Op. cit. P. 19.

[8] Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. академика В.М. Корецкого. М., 1961. С. 207–311.

[9] *Колоколов Н.А.* Указ. соч. С. 132.

Ханжа, который много лет
Чинил под видом блага вред.
Вестминстер знает и Хиксхолл,
Как ловко он интриги плел.
Он вхож в правительственный круг,
Закону он и враг, и друг.
Он на расправу быстр и крут,
А несогласный шел под кнут.
Когда он присуждает штраф,
Неважно, прав ты, иль не прав.
За черствый хлеб и горький эль
Быстрей развязывай кошель!
Для тех же, кто презрел закон,
Он благодетель и патрон[10].

Одной из самых неоднозначных фигур XVIII столетия был знаменитый Томас де Вейль, в 1729 г. вошедший в коллегию мировых судей Вестминстера и Мидлсекса и остававшийся там до самой смерти в 1746 г. Правительство, прекрасно осознавая стратегическую важность Вестминстера, следило за тем, чтобы в списки магистратов попадали только лояльные кандидаты, способные проводить правительственные решения и принимать необходимые меры, даже если они будут непопулярны среди населения.

Де Вейль получал солидное жалованье от казны: ему выплачивалась сумма 250 фт. ст. в год от казначейства. В 1738 г. он был назначен генеральным инспектором импорта и экспорта с доходом 600 фт. ст. в год. В течение 17 лет он был самым активным судьей в Лондоне, и хотя его часто обвиняли в коррупции, в том числе протекции борделей, Вейль никогда не был публично уличен в противозаконных действиях.

Когда де Вейль умер, правительству трудно было найти достойную кандидатуру, но в конце концов его место занял выдающийся драматург, публицист, один самых блестящих интеллектуалов эпохи Просвещения Генри Филдинг[11].

В октябре 1748 г. он вступил в должность мирового судьи в округе Вестминстер, а с 13 января 1749 – в Мидлсексе. Друзья Филдинга отнеслись к его назначению с изрядной долей скепсиса, и даже его недруги сочли необходимым выразить ему сочувствие. Думается, Филдинг отдавал отчет, какие соблазны таит его новая должность, а также и то, что его предшественники порядком дискредитировали ее. Отголоски этого можно встретить в «Дневнике путешествия в Лиссабон», написанном уже после того, как он передал свои полномочия брату: «Один из моих предшественников, помню, хвалился, что зарабатывал в своей должности 1000 фунтов в год; но как он это делал (если, впрочем, не врал) – это для меня тайна. Его (а ныне мой) секретарь говорил мне, что дел у меня столько, сколько до меня не бывало; я и сам знаю, что их было столько, сколько в силах провести человек. Горе в том, что оплата, если она и причитается, такая низкая и столько делается задаром, что, если бы у одного мирового судьи хватало дел, чтобы занять двадцать секретарей, ни сам он, ни они не зарабатывали бы много»[12].

---

[10] Hudibras in three parts written in the times of the late wars by Samuel Butler, Esq. with annotation and glossary. Published by the Ex-Classics Project, 2009. P. 230. URL: https://www.exclassics.com/hudibras/hudibras.pdf (дата обращения: 25.07.2019). Перевод И.М. Эрлихсон.

[11] В 1740 г. Г. Филдинг закончил обучение в юридической школе в Среднем Темпле, получив квалификацию барристера и право адвокатской практики. См.: *Васильева С., Эрлихсон И.* Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века. Очерки интеллектуальной истории. СПб., 2020. Рецензию на книгу см.: *Соколов А.Б.* Преступность и наказания в Англии XVIII века // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 233–237.

[12] *Филдинг Г.* Дневник путешествия в Лиссабон // *Филдинг Г.* Избранные сочинения. М., 1989. С. 603.

Любые правовые явления и процессы, в том числе правонарушения, подвержены циклическим колебаниям, в которых обязательно наличествует фаза критического состояния. Одним из факторов, стимулирующих рост преступности в георгианскую эпоху, были войны: с их началом количество процессов по обвинению в кражах и разбоях в Олд-Бейли резко уменьшалось, тогда как окончание знаменовало увеличение числа уголовных преследований. Так, 1713, 1748, 1763, 1783 гг. были отмечены волнообразным ростом преступности и количества выносимых смертных приговоров. «Назначение Филдинга пришлось как раз на пиковую точку цикла роста преступности, и криминальный разгул на улицах Лондона стал катализатором его активности, не только на исполнительном, но и на законодательном уровне»[13]. Свою первостепенную задачу он видел в последовательной и бескомпромиссной борьбе с преступностью, тем более что в течение 1750 г. криминогенная обстановка на улицах Лондона ухудшилась. «В феврале 1750 г. газета "Penny Post" сообщала, что городские тюрьмы настолько переполнены, что заключенных приходится сковывать по двое, а то и по трое во избежание побега. Десятого числа того же месяца "General Advertiser" упоминала, что в течение недели более 40 грабителей, взломщиков, бродяг предстали перед судьей Филдингом.... Очевидно, что особняк на Боу-стрит был центром энергичной кампании против воров, убийц, разбойников с большой дороги, профессиональных игроков. ...Именно туда, как это следовало из регулярных объявлений в "General Advertiser", для опознания преступников приглашались пострадавшие, а также их слуги»[14]. В январе и июле 1750 г. Филдинг был избран председателем четвертных сессий в Вестминстере, а 9 октября «General Advertiser» анонсировала выход нового памфлета автора «Приключений Тома Джонса», где «будут рассмотрены некоторые причины участившихся грабежей, недостатки законодательства, а также предложены методы для предотвращения роста этого зла в будущем»[15]. О своевременности памфлета свидетельствовала речь Георга II, который, открывая сессию парламента 17 января 1751 г., призвал депутатов искоренить надругательства над жизнями и собственностью его подданных.

Трактат «Исследование причин участившихся преступлений» с посвящением лорду-канцлеру Филипу Хардвику был опубликован в январе 1751 г. Целью «Исследования» Филдинг декларировал укрепление государства, улучшение нравов и блага народов. По мнению судьи, ситуация дошла до критической черты, когда следовало положить конец этому «дерзкому и нахальному злу», угрожающему не только жизням и собственности, но и системе национального правосудия и законам. Преступность выросла до таких масштабов, что приняла организованный характер. «Преступники сколачивали банды, содержали казну, у них специально обученные люди, которые, переодевшись, смешиваются с компаниями добропорядочных граждан. Они преуспели в искусстве обмана, воровства, грабежа, они в совершенстве овладели бесчисленными уловками, позволяющими обходить законы. Они подкупают свидетелей и обвинителей, а иногда и тех, кто должен стоять на страже правосудия»[16].

Показательно, что Филдинг, объясняя, почему обратился к столь низкой теме, во-первых, использует категорию «здоровье государства» как метафору для отражения процессов общественной жизни: «Небывалый рост преступности в последние годы заслуживает некоторого внимания, хотя он не дошел до возможного пика. Болезни естественного и политического тела редко достигают кризисной точки,

---

[13] *Эрлихсон И.М.* Генри Филдинг и специфика историко-правового сознания в контексте преобразований английской уголовно-исполнительной системы XVIII столетия // Imagines Mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. 2019. Т. 10. № 5. С. 77.

[14] *Godden M.G.* Henry Fielding. A memoir including newly discovered letters and records with illustrations from contemporary prints. London, 1910. P. 218–219.

[15] Ibid. P. 221.

[16] *Fielding H.* An enquiry into the causes of the late increase of robbers, etc. with some proposals for remedying this growing evil in which the present reigning vices are impartially disposed. London, 1751. P. 4.

особенно если они питаются недостатками конституции»[17]. Легитимирующая сила полиции, по его мнению, проистекала из сочетания интересов души индивидуума и здоровья государства.

Во-вторых, он оперирует понятием «общее благо» (public utility) и подчеркивает, что просто «одно намерение послужить обществу заслуживает похвалы, даже если результат не оправдает ожиданий»[18]. Хотя до выхода «Введения в основание нравственности и законодательства» И. Бентама оставалось более 40 лет, фактически данное утверждение отражает один из постулатов утилитаризма: «полезность, возможность быть средством решения какой-либо задачи – самый значимый критерий оценки всех явлений»[19]. На наш взгляд, представляется вполне справедливым мнение, что «Филдинг был прагматиком и хотел изменить общественные устои. Больше, чем другие писатели его эпохи, он подвергал нападкам лицемерие тех, кто молился, но ничего не делал... Филдинг был одним из новых англичан, поэтому, встречаясь с научной или общественной проблемой, он верил в то, что необходимо действовать»[20].

Филдинг сетует на тотальное расслабление правительства, которое не желает оценить масштаб нависшей над ним угрозы: «Сказать прямо, главный замысел данного труда – пробудить гражданскую власть от летаргического сна... Доколе в нашем королевстве будут править бал преступники? Они объединяются в многочисленные банды, открыто насмехаясь над законами. Дело доходит до того, что офицер, имея на руках ордер на задержание, не смеет предъявить его, так как на крик негодяя моментально сбегутся 20 или 30 молодчиков, вооруженных до зубов и готовых прийти на выручку своему подельнику»[21].

По мнению Филдинга, безнаказанность, а следовательно, беспримерная дерзость преступников, коренится в юридической безграмотности населения и недостатке гражданской сознательности. Дж. Стивен оценивал уголовное право конца XVII–XVIII в. как «устарелую, нескладную, систему узаконений», не отвечающую целям и требованиям практики. «В течение 120 лет уголовное право было беспрестанно дополняемо все новыми и новыми уголовными статутами. Вследствие накопления этих статутов, издаваемых без всякой связи между собою, без всякого порядка с целью противодействовать учащению известных правонарушений, которые стали по какой-нибудь причине обращать на себя общественное внимание, законы до того перепутались, что их никто не знал, не исключая самих юристов. Зло усиливалось еще и от необходимости судебного толкования многих статей статутов; судебные приговоры, толкующие законы, пользуясь авторитетом, становились вспомогательным правом, имеющим обязательную силу»[22]. По общему праву, любое частное лицо, не обличенное должностными полномочиями, без ордера могло задержать человека, совершившего фелонию, прибегнув к мерам физического воздействия. Более того, клич «держи вора!» налагал обязанность на присутствовавших при этом принять участие в задержании преступника. «Но нет страны, – возмущается Филдинг, – где бы преобладала вульгарная максима, гласящая, что “общее дело – ничье дело”, где большинство людей пестуют свою гражданскую добродетель сознанием того, что они не совершают преступление, довольствуясь только этим»[23].

---

[17] Ibid. P. 1.

[18] Ibidem.

[19] *Остроумов Н.В., Соловьев С.А., Фомичев М.Н.* Правовые идеи утилитаризма в контексте экономической жизни Великобритании XIX века // Юридическая наука. История и современность. 2015. № 7. С. 167.

[20] См.: *Уткина О.Л.* Добродетель – центральная тема произведений Г. Филдинга // Наука и образование: проблемы и перспективы: материалы междунар. (заочной) науч.-практ. конф. / Под ред. А.И. Вострецова. Прага, 2016. С. 129–133.

[21] *Fielding H.* Op. cit. P. 145.

[22] Уголовное право Англии в кратком очертании. Сочинение Дж. Фиц–Дж. Стифена / Пер. В. Спасовича. СПб., 1865. С. 85.

[23] *Fielding H.* Op. cit. P. 158.

Правительство пошло по пути материального поощрения гражданской сознательности населения: парламентский акт 1693 г.[24] устанавливал награду в 40 фт. ст. за поимку преступника в случае вынесения ему обвинительного приговора. Институт вороловства – один из самых спорных и неоднозначных явлений в истории английского уголовного сыска[25], но в ракурсе рассматриваемой проблематики нас интересует исключительно взгляд Филдинга на его функциональность в качестве механизма противодействия преступности. В середине XVIII в. в Лондоне действовало около 30–40 вороловов, преимущественно людей, в прошлом профессионально контактировавших с преступным миром. Как правило, их карьера начиналась с должности констебля, которая предполагала посещение и обыски домов с дурной славой, или тюремного надзирателя. Следовательно, у вороловов была великолепная возможность познакомиться с худшими представителями человечества, и потому они могли безошибочно отличить преступника, какую бы маску он ни выбрал для маскировки – благородного джентльмена, добропорядочного буржуа или честного ремесленника. Еще один нюанс: суды часто привлекали преступников как свидетелей, сдав своих сообщников, они немедленно возвращались к прежнему ремеслу. Вороловы были хорошо знакомы с подобного рода публикой, что играло им на руку, так как вероятность того, что на следующей сессии бывший свидетель станет главным обвиняемым, была довольно высока.

Фактически позиция писателя относительного феномена вороловства в условиях описываемого периода была исторически оправданной: слияние частного интереса и необходимости решения общественной задачи с учетом человеческого фактора было достаточно эффективным. Эта точка зрения была логически продолжена Джоном Филдингом (1721–1780), в 1754 г. сменившим брата на посту мирового судьи Вестминстера и Мидлсекса. В трактате «План по предотвращению грабежей в двадцати милях от Лондона» (1753 г.) он подчеркивал, что «истинный воролов должен быть слугой общества, получающим справедливое вознаграждение за свои труды, и если кто-то из их числа совершит акт несправедливости и произвола, он будет немедленно решением магистрата исключен из числа вороловов»[26].

Объектом критики Г. Филдинга стала английская система судопроизводства, чья специфика была фактором, снижающим эффективность правосудия и генерирующим постоянный рост преступности. В описываемый период система правосудия опиралась на механизмы частного обвинения, и хотя обязанности по розыску и аресту преступников лежали на констеблях, а ордер выдавался мировым судьей, на практике жертвам преступления приходилось финансово стимулировать представителей власти, чтобы те осуществляли свои прямые полномочия.

Поиск и отбор свидетелей, доставка их в город, где проходили ассизы, содержание свидетелей были сопряжены со значительными издержками. Часто на обвинителях лежало такое бремя, которое они не могли нести по причине либо необразованности, либо бедности, о чем Филдингу с его солидным адвокатским стажем было известно не понаслышке: «Если сложить расходы и издержки от потерянного времени, то сумма окажется настолько внушительной, что несчастный потерпевший явит собой сказочный образец гражданской добродетели, если предпочтет инициировать процесс, а не скрыть факт преступления и смириться с убытками, дабы многократно их не преумножить»[27].

---

[24] The Highwaymen Act 1693 (4 & 5 Wm & Mary). URL: https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol6/pp390-391 (дата обращения: 23.01.2020).

[25] Подробный историографический анализ данной проблемы представлен в статье: *McElwain W.* The Necessary Evil of the Eighteenth-Century English Thief-Taker // Tulane History Journal. Sept. 2011. URL: https://tulanehistoryjournal.files.wordpress.com/2011/09/mcelwain_thethieftaker2.pdf (дата обращения: 18.04.2018).

[26] *Fielding J.* A plan for preventing robberies within twenty miles of London with an account of the rise and establishment of real thieftakers. London, 1753. P. 10.

[27] *Fielding H.* Op. cit. P. 170.

Г. Филдинг предлагал возложить судебные расходы полностью на графство, правда не конкретизировал, за счет чего будут аккумулироваться необходимые средства. Но в рамках системы английского судопроизводства, где общество априори не играло роль истца, задача была трудноисполнимой. В середине XIX в. Дж. Стивен называл несбыточным план, предполагающий установить чиновника, который бы занимался расследованием и сбором доказательств, а также постоянных коронных адвокатов для ведения обвинения или возложить эту обязанность на констеблей графства или города. С 1752 г. государство финансово поддерживало истцов, желающих отстаивать свои права в суде, но поддержка была весьма скромной. Потому компенсаторные механизмы могли быть созданы только посредством частной инициативы заинтересованных собственников, защищающих свое имущество. Первое общество для привлечения правонарушителей к ответственности появилось в 1744 г., в его состав входил 21 человек, а со второй половины XVIII в. в связи с ростом преступности начинается бум создания подобных обществ.

Данные о точном количестве обществ для привлечения правонарушителей варьируются, но разные источники приводят информацию, что в XIX в. функционировало от 500 до 4000 обществ[28]. Деятельность обществ была вполне созвучна духу Просвещения, для которого объединение личного эгоистического интереса и добродетели в «естественный порядок вещей» было одним из главных моральных постулатов.

Показательно, что Г. Филдинг, исследуя, казалось, чисто юридическую проблему, уделил внимание нравственно-этическому аспекту. Он явно оседлал любимого конька, так как понятие «доброе сердце» (good nature, буквально «добрая природа») являлось основой его этической концепции, прослеживаемой в романах, стихах, эссеистике. «Добросердечие, которое призывает людей сочувствовать несчастьям других и не позволяет вовлекать их в бедствия и неприятности даже ради собственного блага, из всех присущих человеку черт, несомненно, самое достойное. Человеколюбие и милосердие – единственные из человеческих страстей, сами по себе являющиеся абсолютным благом как для отдельного человека, так и для общества»[29].

Хотя Г. Филдинг считал «доброе сердце» свойством темперамента, данным человеку от природы, по верному утверждению М. Баттестина, «его концепцию следует отличать от расплывчатого сентиментализма, к которому деградировала этика разумного эгоизма... Поскольку это была прежде всего социальная добродетель, “добрая природа” Филдинга, как и Аддисона, включала также и разум, дополняя чувство жалости трезвым рассуждением о ее предмете»[30]. В силу того, что довольно значительную часть любого сообщества составляют мошенники и негодяи, он рекомендует добросердечным людям быть бдительными, укрощать пылкость своего сердца, а главное, выбирать правильные объекты для этой страсти. «Недостаток этой мудрости способствует тому, что доброе сердце приводит его обладателя к ошибкам, болезненным для него и пагубным для общества. Если человек добр, он должен понимать, что его основной долг – это долг стране, для безопасности которой установлены законы, следовательно, его обязанность вносить посильный вклад в их исполнение»[31].

Добросердечие по отношению к правонарушителям сродни желанию спасать волков из овечьего стада, что является не только глупостью, но и чистым варварством. Чтобы сделать добрых людей умнее, Филдинг предлагает им поразмыслить над списком отвратительных деяний, которые совершают преступники, объявляющие войну чужой

---

[28] См.: *Гуринская А.Л.* Полицейская деятельность в Великобритании до создания полиции: середина XVIII–XIX в. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2015. № 5 (46). С. 35.

[29] *Fielding H.* Op. cit. P. 165–166.

[30] Цит. по: *Зыкова Е.П.* Генри Филдинг как моралист // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 5. С. 12.

[31] *Fielding H.* Op. cit. P. 167–168.

собственности и наслаждающиеся ужасом беспомощных жертв, коих они калечат и убивают без уважения к возрасту, полу и статусу: «Представьте эту картину, и вы сразу поймете, кто именно из участников этого чудовищного спектакля заслуживает сочувствия»[32]. Еще опаснее безрассудное добросердечие мировых судей, помноженное на страшный простор, предоставляемый их усмотрению в вынесении решений. «Путаница, происходящая от этой чрезмерной, хотя и не на всех простирающейся строгости в наказании обыкновенных и более тяжких преступлений, и широкий произвол, предоставленный судьям в отношении к мисдеминорам, усилились еще в течение XVIII столетия от чрезвычайного умножения уголовных статутов. Законы Англии представляют великое разнообразие наказаний, которые, однако, не сообразуются с постепенностью или оттенками в вине, но имеют характер произвола или чистой прихоти»[33]. Филдинг настаивает: магистрат должен уметь контролировать страсти, разделять личное и профессиональное, так как природа взывает к мягкости, а закон – к твердости. «Великий Макиавелли утверждал, что суровость не только выгодна, но и необходима, потому как прощение, даруемое одному, подобно слабому звену в цепи правосудия воодушевляет больше, чем пугают 20 приведенных в исполнение приговоров»[34].

Высшим же проявлением опрометчивого «добросердечия» является практика королевского помилования, по ироничному замечанию Филдинга, являющаяся излюбленной прерогативой Его Величества, бьющей по карману Его подданных. «В Лондоне рекордер докладывал королю в совете после каждой сессии о лицах, приговариваемых к смертной казни, король лично принимал участие в рассмотрении доклада и решал, кто из приговоренных должен быть наказан смертной казнью, а кто нет»[35]. По мнению Филдинга, подобная практика сводит на нет смысл уголовного законодательства, призванного сеять семена ужаса в сердцах силой примера. И таким примером, вопреки устоявшейся традиции, должны стать не публичные казни, а оперативное, конфиденциальное и торжественное отправление правосудия. Существующую же практику Филдинг характеризует как «позор на глазах всего христианского мира», так как нарушаются три вышеупомянутых базовых принципа: оперативность, конфиденциальность, торжественность. Первое необходимо для поддержания в человеческом сознании неразрывной связи между преступлением и наказанием: «исполнение приговора должно осуществляться как можно скорее, чтобы жалость к преступнику утонула в отвращении к его омерзительным деяниям, в противном случае в человеческих сердцах невольно пробуждается жалость к тому, кто принимает смерть с дерзостью и бравадой»[36].

Филдинг предлагал соорудить во дворе Олд-Бейли виселицу и исполнять приговоры немедленно в присутствии судей: «Я оставляю вам решать, что произведет большее впечатление: “судный день” в Олд-Бейли или разнузданная тайбернская вакханалия?»[37]. Замысел тех, кто некогда задумал объединить понятие стыда и смерти, не оправдался, и «день, который должен покрыть преступника позором, превращается для него в момент славы, а триумфальное шествие в Тайберн вызывает сочувствие у кротких сердцем и восторг у дерзких духом»[38]. Потому предполагаемая «дидактическая» сила отвратительных спектаклей, связанных с публичными казнями, не предотвращает преступления, а, напротив, генерирует их.

Несомненно, «Исследование» – это глубокий общественный трактат, где содержались конкретные и конструктивные идеи по комплексу проблем, связанных с организованной

---

[32] Ibid. P. 168.
[33] Уголовное право Англии... С. 94.
[34] *Fielding H*. Op. cit. P. 185.
[35] Уголовное право Англии... С. 95–96.
[36] *Fielding H*. Op. cit. P. 192.
[37] Ibid. P. 196.
[38] Ibid. P. 180.

преступностью в столице и методами борьбы с ней. Филдинг изложил свое видение причин роста преступности, и если некоторые он считал устранимыми, то в отношении других был настроен менее оптимистично в силу знакомства с практической стороной дела. Он досконально проанализировал ключевые недостатки английской уголовной юстиции:

1. Возбуждение обвинения есть акт свободного волеизъявления потерпевшего.
2. Дороговизна уголовного преследования.
3. Неуместная снисходительность и необъективность присяжных и судей.
4. Избирательная жестокость наказания и его несоответствие принципам определенности, соразмерности и неотвратимости.

Биограф Г. Филдинга П. Роджерс не без оснований полагает, что ему удалось в отличие от многих сочетать высокие нравственные упования с деловым учетом реальных возможностей. «Есть основания думать, что – помимо закона о спиртном – и другие акты создавались под влиянием его трактата. Особенно это очевидно в связи с “Актом о предотвращении ужасного преступления – убийства”, принятым в парламенте в 1752 г., а также в связи с предшествовавшим ему законом “О непотребных домах”. Другие законопроекты, озабоченные положением беднейших слоев населения и требовавшие усовершенствования работных домов, не прошли в парламенте из-за организованной оппозиции, но все они были вдохновлены Филдингом»[39].

Центральная идея трактата Г. Филдинга, что без безопасности не может быть свободы, необходимой для счастливой и продуктивной жизни. Эта идея утвердилась еще в XVII в., а в XVIII в., как пишет Г. Берчелл, свобода и безопасность практически превращаются в синонимы[40]. Свобода, по мысли Филдинга, зиждется на обладании собственностью, причем собственность понимается не только как имущество: это и предметы, принадлежащие тебе, и некоторая моральная добродетель, верность, соответствие самому себе. С точки зрения неореспубликанской парадигмы, в рамках которой свобода определялась с точки зрения независимости от господства, конец безопасности и порядка, базовых условий верховенства закона, неизбежно ведет к краху свободы, а, следовательно, системы.

Кому отдавал приоритет Филдинг – правам человека как личности или воле государственных учреждений? Чтобы постичь полный смысл аргументов писателя необходимо оценить его концепцию свободы и того, как преступность может угрожать ей. Филдинг опирался на давние традиции неоклассических политических аргументов, связывающих здоровье государства с его свободой. В целом, анализируемая через призму взглядов римских моралистов и историков свобода была определена не просто как свобода от вмешательства, но и как свобода от зависимости и доминирования. Никто не мог почувствовать себя свободным, если его действия имели возможность быть управляемыми деспотичной волей кого-либо еще, хотя бы даже это вмешательство на самом деле никогда не имело бы места.

Аргументом здесь является то, что состояние порабощения, противоположное свободе, с позиции неоримской традиции[41] может с легкостью происходить равно от нападения преступных элементов и регулярной армии, бывшей популярной целью оппозиции. Угроза гнета и, как следствие, страх быть ограбленным или убитым были, с точки зрения свободы от господства, весомым уменьшением состояния свободы. Покуда правительство было неспособно справиться с растущей угрозой преступности, общество жило бы в состоянии угнетения из-за постоянной угрозы насилия.

---

[39] *Роджерс П.* Генри Филдинг. Биография. М., 1984. С. 116–117.

[40] *Burchell G.* Peculiar interest: civil society and governing “the system of natural liberty” // The Foucault effect: studies in govern mentality: with two lectures by and an interview with M. Foucault / Eds G. Burchell, C. Gordon, P. Miller. Chicago, 2001. P. 139.

[41] О неоримской теории в Англии в эпоху Нового времени см.: *Скиннер К.* Свобода до либерализма. СПб., 2006.

Чтобы доказать, что политики должны вмешиваться в проблемы преступности, Филдинг приводит многочисленные доказательства того, что распространение пороков и зла в низших сословиях угрожает дестабилизации конституции, которая в свою очередь являлась гарантом свободы. Концептуальной основой его аргументации было утверждение, что конституция не статична по своей природе, как многие могут представить, а наоборот, изменчива, как английский климат. Учитывая, что нравы и образ жизни населения были частью конституции, следовательно, если они менялись, она (конституция) также подлежала изменениям, и здесь, так же как в физическом теле, болезнь в одной его части немедленно влияла на состояние всего организма в целом.

Меняющиеся экономические реалии с течением времени переплавлялись в новую политико-правовую практику жизни: рост рыночного общества создавал угрозу свободе, меняя нравы «низших классов». Преступность была неразрывно связана с праздностью и нищетой, потому наряду с государственной деятельностью по обнаружению преступлений проблема могла быть решена за счет усиления контроля над бедными с помощью уголовно-правовых механизмов, совершенствования законодательства о бедности и бродяжничестве, административных мер и благотворительности.

Делая ставку на официальную систему уголовной юстиции, основанную на принципах оперативности расследования и неотвратимости наказания, Г. Филдинг фокусировал внимание на идее предупреждения (превенции) преступления. «Филдинги лелеяли идею о создании превентивной полиции, которая обладала бы механизмами и упорядоченными знаниями для того, чтобы осуществлять широчайший надзор за теми слоями населения, которые представляли наибольшую опасность для общества»[42].

Безусловно, Томас де Вейль, начавший вести свои судебные дела из офиса сначала на Лестер-сквер, а затем на Боу-стрит, заложил основы для стратегического курса, продолженного Генри и Джоном Филдингами. Особняк на Боу-стрит с 1739 г. превратился в центр уголовных расследований, оставаясь в этом качестве более века. «Городские олдермены не возлагали функцию уголовного розыска на магистраты. Томас де Вейль и Филдинги реализовывали ее, поощряя нанятых ими констеблей из небольших правительственных субсидий, так что деятельность последних ассоциировалась именно с Боу-стрит»[43].

Оценки деятельность Генри Филдинга на должности мирового судьи Вестминстера и Мидлсекса варьируются от патетического восхищения его гражданскими и личными добродетелями до более трезвой констатации, что великий писатель вполне коррелировал с духом времени, а это не всегда требовало от человека идейной принципиальности. Лавры «отца» английской полиции традиционно отдают Джону Филдингу. Это справедливо, так как он был выдающимся социальным реформатором, внесшим огромный вклад в укрепление гражданского правопорядка и борьбу с криминальными элементами. Он создал первые вооруженные отряды для патрулирования лондонских улиц, первым начал печатать в газетах приметы находящихся в розыске преступников и устраивать опознания и очные ставки.

Но бесспорно и то, что именно Генри Филдинг фактически заложил теоретически-концептуальные основы британской правоохранительной практики, реализуемой Джоном Филдингом на протяжении следующих десятилетий. Великий романист уловил тенденцию времени: состоятельные слои общества осознали необходимость пожертвовать частью своей свободы ради безопасности не в абстрактно-философском, а в сугубо прагматичном смысле: неприкосновенность жилища и сохранность движимого имущества вкупе со стремлением оградить себя от маргинальных групп.

---

[42] *Гуринская А.Л.* Полицейская деятельность в Великобритании до создания полиции: середина XVIII–XIX в. С. 34.

[43] *Beattie J.M.* Policing and Punishment in London, 1660–1750. Urban crimes and the limits of terror. Oxford, 2001. P. 420.

Генри и Джон Филдинги ратовали за то, чтобы полицейская деятельность была технической, бюрократической, аполитичной и экспертной. Население не должно быть допущено к непосредственному осуществлению полицейских функций, не обладая специализированными знаниями и навыками, но гражданская инициатива есть залог успеха профессиональной деятельности по обнаружению преступлений. «Я осознаю, что нет власти, которая бы обязывала граждан действовать определенным образом, но убежден, что если они положат на весы свою репутацию и личный интерес, они все же сделают то, что закон предписывает каждому индивиду для общего блага», – писал Дж. Филдинг, мотивируя сотрудничество не принуждением, а гражданской сознательностью[44].

Следовательно, население выступает не объектом управления, а полноценным партнером государства, от лица которого осуществляется правоохранительная деятельность. Существование полиции обусловлено доверием общественности и ее добровольным участием в добровольном соблюдении закона. Это коренное отличие британской модели «policing by consent» (охрана правопорядка по согласию) от континентальной, что было закреплено в разработанных Робертом Пилем девяти принципах, ставших идеологической основой Акта о столичной полиции 1829 г.

Библиография

Гуринская А.Л. Полицейская деятельность в Великобритании до создания полиции: ранее средневековье – XVIII век // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2015. № 6 (47). С. 14–20.

Гуринская А.Л. Полицейская деятельность в Великобритании до создания полиции: середина XVIII–XIX в. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2015. № 5 (46). С. 32–38.

Зыкова Е.П. Генри Филдинг как моралист // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Том 70. № 5. С. 3–17.

Колоколов Н.А. Мировая юстиция: вчера, сегодня, завтра // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 131–134.

Остроумов Н.В., Соловьев С.А., Фомичев М.Н. Правовые идеи утилитаризма в контексте экономической жизни Великобритании XIX века // Юридическая наука. История и современность. 2015. № 7. С. 165–172.

Роджерс П. Генри Филдинг. Биография. М., 1984.

Сарапкина Е.Н. Законодательное регулирование деятельности милиции в Англии в середине XVII века // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 4. С. 112–114.

Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб., 2006.

Соколов А.Б. Преступность и наказания в Англии XVIII века // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 233–237.

Станков К.Н. Военные реформы английского короля Якова II Стюарта // Вести Волгоградского государственного университета. Серия 4: история. 2010. № 1. С. 103–108.

Уголовное право Англии в кратком очертании. Сочинение Дж. Фиц–Дж. Стифена / Пер. В. Спасовича. СПб., 1865.

Уткина О.Л. Добродетель – центральная тема произведений Г. Филдинга // Наука и образование: проблемы и перспективы: материалы междунар. (заочной) науч.-практ. конф. / Под ред. А.И. Вострецова. Прага, 2016. С. 129–133.

Филдинг Г. Дневник путешествия в Лиссабон // *Филдинг Г.* Избранные сочинения. М., 1989. С. 571–652.

Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. академика В.М. Корецкого. М., 1961.

Эрлихсон И.М. Генри Филдинг и специфика историко-правового сознания в контексте преобразований английской уголовно-исполнительной системы XVIII столетия // Imagines Mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. 2019. Т. 10. № 5. С. 75–84.

An Act for ordering the Forces in the several Counties of this Kingdom. 1662. 14 Car. II. P. 3. URL: https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/pp358-364 (дата обращения: 16.02.2020).

---

[44] *Fielding J.* Op. cit. P. 14.

Beattie J.M. Policing and Punishment in London, 1660–1750. Urban crimes and the limits of terror. Oxford, 2001.

Burchell G. Peculiar interest: civil society and governing "the system of natural liberty" // The Foucault effect: studies in govern mentality: with two lectures by and an interview with M. Foucault / Eds G. Burchell, C. Gordon, P. Miller. Chicago, 2001. P. 119–151.

Fielding H. An enquiry into the causes of the late increase of robbers, etc.. with some proposals for remedying this growing evil in which the present reigning vices are impartially disposed. London, 1751.

Fielding J. A plan for preventing robberies within twenty miles of London with an ac-count of the rise and establishment of real thieftakers. London, 1753.

Godden M.G. Henry Fielding. A memoir including newly discovered letters and records with illustrations from contemporary prints. London, 1910. P. 218–219.

Hudibras in three parts written in the times of the late wars by Samuel Butler, Esq. with annotation and glossary. Published by the Ex-Classics Project, 2009. P. 230. URL: https://www.exclassics.com/ hudibras/hudibras.pdf (дата обращения: 25.07.2019).

McElwain W. The Necessary Evil of the Eighteenth-Century English Thief-Taker // Tulane History Journal. Sept. 2011. URL: https://tulanehistoryjournal.files.wordpress.com/ 2011/09/mcelwain_ thethieftaker2.pdf (дата обращения: 18.04.2018).

McFlynn F. Crime and punishment in 18th century England. Routledge, 1989.

The Highwaymen Act 1693 (4 & 5 Wm & Mary). URL: https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol6/pp390-391 (дата обращения: 23.01.2020).

References

Erlihson I.M. Genri Filding i specifika istoriko-pravovogo soznaniya v kontekste preobrazovanij anglijskoj ugolovno-ispolnitel'noj sistemy XVIII stoletiya [The specifics of historical and legal consciousness in the context of the English penitentiary system transformation in the 18th century] // Imagines Mundi: Al'manah issledovanij vseobshchej istorii XVI–XX vv. [Imagines Mundi: Almanac of General History research 18–19th centuries]. 2019. T. 10. № 5. P. 75–84. (In Russ.)

Fielding H. Dnevnik puteshestviya v Lissabon [Journal of a Voyage to Lisbon] // *Fielding H.* Izbrannye sochineniya [Selected works]. Moskva, 1989. (In Russ.)

Gurinskaya A.L. Policejskaya deyatel`nost` v Velikobritanii do sozdaniya policii: ranee srednevekov`e – XVIII vek [Police activity in the UK before the creation of the police: earlier the Middle Ages – 18th century] // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: novye gumanitarnye issledovaniya [Bulletin of the Oryol State University. New Humanitarian Studies Series]. 2015. № 6 (47). P. 14–20. (In Russ.)

Gurinskaya A.L. Policejskaya deyatel`nost` v Velikobritanii do sozdaniya policii: seredina XVIII–XIX v. [Police activity in the UK before the creation of the police: mid 18–19th centuries] // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: novye gumanitarnye issledovaniya [Bulletin of the Oryol State University. New Humanitarian Studies Series]. 2015. № 5 (46). P. 32–38. (In Russ.)

Kolokolov N.A. Mirovaya yusticiya: vchera, segodnya, zavtra [Peace Justice: Yesterday, Today, Tomorrow] // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2018. № 5. P. 131–134. (In Russ.)

*Ostroumov N.V., Solov`ev S.A., Fomichev M.N.* Pravovye idei utilitarizma v kontekste ekonomicheskoj zhizni Velikobritanii XIX veka [Legal ideas of utilitarianism in the context of the economic life of Great Britain in the 19th century] // Yuridicheskaya nauka. Istoriya i sovremennost`[Legal Science. History and modernity]. 2015. № 7. P. 165–172. (In Russ.)

Rogers P. Genri Filding. Biografiya [Henry Fielding. Biography]. Moskva, 1984. (In Russ.)

Sarapkina E.N. Zakonodatel`noe regulirovanie deyatel`nosti milicii v Anglii v seredine XVII veka [Legislative regulation of police in England in the middle of the 18th century] // Vestnik Akademii ekonomicheskoj bezopasnosti MVD Rossii [Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2010. № 4. P. 112–114. (In Russ.)

Skinner K. Svoboda do liberalizma [Freedom before liberalism]. Sankt-Peterburg, 2006. (In Russ.)

Sokolov A.B. Prestupnost' i nakazaniya v Anglii XVIII veka [Crime and punishment in England of the 18th century] // Novaya i novejshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 1. P. 233–237. (In Russ.)

Stankov K.N. Voenny`e reformy` anglijskogo korolya Yakova II Styuarta [The English King James Stuart's the Second Military Reforms] // Vesti Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya [News of Volgograd State University. Series 4: History]. 2010. № 1. P. 103–108. (In Russ.)

Ugolovnoe pravo Anglii v kratkom ochertanii. Sochinenie Dzh. Ficz-Dzh. Stifena [A History of the Criminal Law of England. Composition by J. Fitz–J. Stephen] / Perevod [Translated] V. Spasovich. Sankt-Peterburg, 1865. (In Russ.)

Utkina O.L. Dobrodetel` – central`naya tema proizvedenij G. Fildinga [Virtue is the central theme in the works of H Fielding] // Nauka i obrazovanie: problemy i perspektivy: materialy Mezhdunarodnoj (zaochnoj) nauchno-prakticheskoj konferentzii / Pod red. A.I. Vostreczova [Science and education: problems and prospects: materials International (correspondence) scientific and practical. conference / Ed. A.I. Vostretsov]. Praga, 2016. P. 129–130. (In Russ.)

Vasiliev S., Erlichson I. Prestuplenie i nakazanie v anglijskoj obshchestvennoj mysli XVIII veka. Ocherki intellektual'noj istorii [Crime and Punishment in 18th century English Social Thought. Essays on Intellectual History]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)

Xrestomatiya pamyatnikov feodal`nogo gosudarstva i prava stran Evropy/ Pod red. V.M. Koreczkii [Anthology of European Feudal State and the Law Documents / Ed. V.M. Koreczkii]. Moskva, 1961. (In Russ.)

Zykova E.P. Genri Filding kak moralist [Henry Fielding as a moralist] // Izvestiya RAN. Seriya literatury` i yazy`ka [News of the Russian Academy of Sciences. Series of literature and language]. 2011. Vol. 70. № 5. P. 3–17. (In Russ.)

An Act for ordering the Forces in the several Counties of this Kingdom. 1662. 14 Car. II. P. 3. URL: https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/pp358-364 (access date: 16.02.2020).

Beattie J.M. Policing and Punishment in London, 1660–1750. Urban crimes and the limits of terror. Oxford, 2001.

Burchell G. Peculiar interest: civil society and governing 'the system of natural liberty // The Foucault effect: studies in govern mentality: with two lectures by and an interview with M. Foucault / Eds G. Burchell, C. Gordon, P. Miller. Chicago, 2001. P. 119–151.

Fielding H. An enquiry into the causes of the late increase of robbers, etc.. with some proposals for remedying this growing evil in which the present reigning vices are impartially disposed. London, 1751.

Fielding J. A plan for preventing robberies within twenty miles of London with an ac-count of the rise and establishment of real thieftakers. London, 1753.

Godden M.G. Henry Fielding. A memoir including newly discovered letters and records with illustrations from contemporary prints. London, 1910.

Hudibras in three parts written in the times of the late wars by Samuel Butler, Esq. with annotation and glossary. Published by the Ex-Classics Project, 2009. P. 230. URL: https://www.exclassics.com/hudibras/hudibras.pdf (access date: 25.07.2019).

McElwain W. The Necessary Evil of the Eighteenth-Century English Thief-Taker // Tulane History Journal. Sept. 2011. URL: https://tulanehistoryjournal.files.wordpress.com/2011/09/mcelwain_ thethieftaker2.pdf (access date: 18.04.2018).

McFlynn F. Crime and punishment in 18th century England. Routledge, 1989.

The Highwaymen Act 1693 (4 & 5 Wm & Mary). URL: https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol6/pp390-391 (access date: 23.01.2020).

DOI: 10.31857/S013038640013208-6

© 2021 г. **С.Н. ГАВРИЛОВ**

ПРИЧИНЫ РОСПУСКА ВОЕННО-МОРСКОГО СОВЕТА: РАЗВАЛ АНГЛИЙСКОГО ФЛОТА ИЛИ ВОЙНА ГРУППИРОВОК ПРИ ДВОРЕ ЯКОВА I?

Гаврилов Сергей Николаевич *– кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия).*
E-mail: sngavrilov@sfedu.ru
Researcher ID: M-1742-2016

Аннотация. История английского военного флота первых Стюартов значительно хуже изучена, чем история военно-морских сил тюдоровского периода, сопряженная с началом превращения Англии в великую морскую державу.
В историографии закрепилось мнение, согласно которому за время правления Якова I некогда мощный военно-морской флот был доведен до катастрофического состояния. В значительной мере это мнение основывается на очень узком круге источников, в первую очередь на отчете Комиссии по расследованию злоупотреблений на флоте 1618 г., описывающем многочисленные факты коррупции, а также констатирующем развал военного флота, несмотря на очень большие деньги, выделявшиеся на его содержание. Итогом деятельности Комиссии стал роспуск Военно-морского совета, отвечавшего с 1546 г. за поддержание флота, и замена его Военно-морской комиссией, которая состояла из бывших проверяющих.
Данное исследование также построено на анализе отчета Комиссии. Особое внимание уделяется поведению главы Военно-морского совета Роберта Манселла, продавшего свою должность накануне проверки. Анализируется позиция нового лорда-адмирала герцога Бэкингема, назначение которого было встречено с неприязнью офицерами Совета. Результаты исследования дают возможность поставить под сомнение традиционную точку зрения о развале флота и предложить новый взгляд на то, что именно явилось главной причиной роспуска Военно-морского совета. По мнению автора, прежде всего он был обусловлен борьбой придворных группировок и изменением политической конъюнктуры при королевском дворе.

Ключевые слова: Великобритания, морской флот, Военно-морской совет, Роберт Манселл, королевский двор, Яков I Стюарт.

S.N. Gavrilov

Reasons for the Dissolution of the Navy Board: the Collapse of the English Navy or the Struggle of Factions at the Court of James I?

Sergey Gavrilov, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).
E-mail: sngavrilov@sfedu.ru
Researcher ID: M-1742-2016

Abstract. The history of the English Navy of the early Stuart era is far less studied than the history of the naval forces of the Tudor period, usually associated with the beginning of the transformation of England into a great maritime power. In historical science, it is generally accepted that during the reign of James I the once-powerful Navy was brought to a catastrophic state. This view is largely based on a very

narrow set of sources, primarily, on the Report of The Jacobean Commissions of Enquiry of 1618, which lists numerous instances of corruption, as well as stating the collapse of the Navy, despite the very large sums of money allocated for its maintenance. The work of the Commission resulted in the dissolution of the Navy Board, responsible for the maintenance of the fleet since 1546, and its replacement by a Naval Commission consisting of former commissioners. This study is based on the analysis of the Commission's Report. Special attention is also paid to the behaviour of the head of the Navy Board, Sir Robert Mansell, who had sold his post on the eve of the audit. The results of the study make it possible to question both the traditional account of the collapse of the fleet and to doubt the reason for the dissolution of the Navy Board associated with the alleged collapse. Among the major reasons for the dissolution of the Board, the author highlights the factional struggle and the change in the political situation at the Royal court.

Keywords: English Navy, Navy Board, Robert Mansell, factions, James I Stuart.

В истории военно-морских сил Англии события 1618 г. сыграли важнейшую роль. Именно в этом году был распущен Военно-морской совет (Совет морских дел), орган, учрежденный Генрихом VIII в 1546 г. и с тех пор управлявший флотом и обеспечивавший его функционирование в качестве государственного института. Его функции были переданы Военно-морской комиссии.

Поводом для столь радикального шага стал вердикт созданной летом того же года и проработавшей несколько месяцев Комиссии по расследованию злоупотреблений на флоте. В ее отчете работа флотской администрации признавалась неудовлетворительной, констатировался развал флота, несмотря на солидный уровень его финансирования[1]. Столь однозначные выводы не могли не вызвать возмущение офицеров Совета, многие из которых держали патенты на занятия должностей пожизненно. Но их попытка выразить свое несогласие была пресечена самим Яковом I, запретившим офицерам вмешиваться в дела флота. Не избежал неприятностей и престарелый лорд-адмирал Англии Чарльз Говард, граф Ноттингем, занимавший этот пост с 1585 г. Вскоре ему пришлось уйти в почетную отставку и передать свою должность молодому фавориту короля Джорджу Вильерсу, маркизу Бэкингему.

Упомянутый отчет не назовешь беспристрастным. Временами возникает ощущение, что перед нами обвинительный приговор членам военно-морской администрации; деятельность главных офицеров Совета и их подчиненных представлена в самом неблагоприятном свете. В каждой части отчета вскрываются те или иные злоупотребления. При этом на 50 страницах документа не упомянуто ни одного имени, как будто составители пытались заранее избежать обвинений в преднамеренной атаке против конкретных лиц. Но в их упоминании и не было необходимости, все прекрасно знали, на ком лежит вина.

В центре критики – бывший казначей Совета и его фактический глава сэр Роберт Мансел. Вряд ли у современников возникали сомнения, что именно он являлся главным виновником безобразий, творившихся во флотской сфере. В результате его махинаций коррупционная сеть опутала флот сверху донизу, от самого казначея и до последнего снабженца в доках.

«Мы обнаружили главные и внутренние причины всех беспорядков в безмерном увеличении служб и скудости оплаты. Главные офицеры передают полномочия и дела нижестоящим и своим клеркам, и некоторые из них, уполномоченные получать снабжение, имеют из него долю для себя от купцов-поставщиков. И этим людям поступают от главных офицеров устные приказы, в чем они не сознаются, когда это требуется. И что наиболее неудобное, так это получение поручений на выдачу денег и складских припасов Его Величества людьми, которые должны быть очень заинтересованы в правильности его расходов. Дела велись так и до сих пор ведутся таким образом, что нет

[1] The Jacobean Commissions of Enquiry 1608 and 1618 / Ed. A.P. McGowan. London, 1971. P. 265. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

ни должных записей того, что́ поступает, ни должного приказа, выдаваемого на расход, отсутствует и какой-либо особый учет» (с. 273–274).

Описываемая история довольна интересна. Расформирование Совета нельзя рассматривать как рядовое событие, ведь в течение 60 с лишним лет этот орган поддерживал функционирование всей военно-морской системы. Его создание в 1546 г. стало революционным шагом, который знаменовал превращение английского флота в постоянно действующий государственный институт.

Удивительно, но в исторической науке этот сюжет так и не стал объектом пристального внимания. По традиции, заложенной современниками, время правления Якова I Стюарта в истории военно-морских сил воспринимается исследователями как период упадка. В конце XIX в. М. Оппенхейм, первый историк, отказавшийся от «героического» подхода к изучению морского прошлого своей страны, даже еще не приступив к изложению фактического материала по истории соответствующего периода, делает вывод: «24 марта 1603 г. орудие, выкованное Генрихом VIII и сбереженное Елизаветой, попало в слабенькие ручки Якова Стюарта. Елизавета оставила Англию владычицей морей; королевские военно-морские силы, завещанные королевой ее наследнику, были лучшим военным флотом... Яков же, унаследовавший флот, способный идти куда угодно и выполнить все что угодно, позволил ему разрушаться, тратя на флот больше денег во время мира, чем Елизавета делала это во время войны; он подбирал наименее способных людей для управления им... Показателем результатов его слабого и бесполезного правления стало постыдное фиаско 1625 г. и падение престижа Англии»[2]. Ему вторит и современный исследователь Р. Кенни, по словам которого с восшествием на престол Якова «любимое детище Тюдоров» оказалось в небрежении. Для короля-миротворца военно-морские силы являлись обузой. Это привело к тому, что «флот превратился в ожиревший, безжизненный, вялый организм, обворовывавшийся теми, кто на нем служил»[3].

Наибольшее внимание деятельности Комиссий уделил А. Макгован. Он посвятил статью-введение к современному изданию их отчетов «Якобитские комиссии по расследованию 1608 и 1618 гг.». Но даже Макгован склонен следовать выводам комиссионеров и историков XIX–XX вв. Он приходит к выводу, что «назначение сэра Роберта Манселла казначеем Совета морских дел означало практически катастрофу для военно-морского флота» (с. xiv).

Отчасти такая позиция исследователей объясняется, во-первых, восприятием состояния и роли военно-морского флота на фоне славной морской истории эпохи Тюдоров и, во-вторых, почти полным отсутствием альтернативных источников по состоянию флота. Фактически единственным источником, помимо самих отчетов Комиссий по расследованию 1608 и 1618 гг., являются записи Сэмюэля Пипса[4], секретаря Комиссии Адмиралтейства второй половины XVII в., однако вряд ли они способны дополнить наши знания о происходившем, ибо записи в большей своей части построены на пересказе упомянутых отчетов. В то же время отсутствуют источники, отражающие позицию критикуемых в отчете должностных лиц.

Таким образом, сохраняется необходимость более детального анализа событий тех дней и действительного состояния королевского флота. Это позволит нам предложить принципиально иной подход к объяснению причин расформирования Военно-морского совета и замены его Военно-морской комиссией.

Итак, главным виновником плачевного состояния флота представлен казначей последнего, хотя и не названный по имени. Его поведение накануне проверки помогает пролить некоторый свет на происходящее.

---

[2] *Oppenheim M.* A History of the Administration of the Royal Navy and of Merchant Shipping in Relation to the Navy. London – New York, 1896. P. 184–185.

[3] *Kenny R.W.* Elizabeth's Admiral: the Political career of Charles Howard, earl of Nottingham, 1536–1624. Baltimore, 1970. P. 293.

[4] Pepys MSS. Magdalene College Cambridge.

Роберт Мансел был неординарной личностью. Родился он в 1573 г. в семье дворянина средней руки сэра Эдварда Мансела. По традиции единственной достойной карьерой четвертого ребенка отнюдь не богатых родителей представлялась военная служба. Впрочем, молодой человек и сам рад был сбежать подальше от размеренной сельской жизни в Мэргаме. С детства он отличался задиристостью и страстью к приключениям, качествами, особо ценными в условиях бурного XVI в., предоставлявшего широкие возможности для людей, готовых рисковать.

К 1596 г. относится первое свидетельство его участия в морской кампании. В Кадисской экспедиции под командованием лорда-адмирала графа Ноттингема способности и отвага молодого офицера были замечены[5]. За заслуги его возвели в рыцари. Учитывая, что в 1596 г. ему исполнилось уже 23 года и он занимал должность офицера, вероятно, что он уже приобрел полезный опыт морских плаваний. С этого момента его карьера стремительно пошла в гору. В 1599 г. он уже сам командовал эскадрой у побережья Ирландии, а в следующем году патрулировал проливы. В 1601 г. в руки Мансела попала богатая добыча – ему посчастливилось захватить шесть ганзейских торговых судов с грузом специй, принадлежавших португальцам[6]. Это был огромный успех, на смелого молодого человека обратила внимание сама королева, ценившая дерзость и отвагу «морских псов». Весной 1603 г., на момент смерти Елизаветы, Мансел занимал должность вице-адмирала Ла-Манша и Ирландского моря.

Без преувеличения можно сказать, что к моменту восшествия на престол в 1603 г. Якова Стюарта Мансел являлся одним из самых опытных морских офицеров. И хотя его вряд ли можно поставить в один ряд с Дрейком, Хоукинсом, Рэли и многими иными из числа елизаветинских «морских псов», назначение на должность казначея Военно-морского совета он заслужил честно, не раз показав в реальной боевой обстановке свои профессиональные качества.

В истории с роспуском Совета морских дел внезапная продажа Робертом Манселлом должности казначея выглядит очень странно. В апреле 1618 г. он вступает в переговоры по поводу ее продажи с сэром Уильямом Расселом, членом Московской компании[7], и уже 18 мая они заключают соглашение[8]. Причем все это происходит всего лишь за две недели до первого упоминания о создании Комиссии по расследованию на заседании Тайного совета 4 июня[9] и за месяц с небольшим до ее назначения 23 июня[10].

Сама по себе продажа должности являлась распространенной практикой. Осознавая пагубность последней, власти пытались принимать меры по ее искоренению. В 1552 г. был даже издан «Акт против покупки и продажи должностей»[11], направленный на борьбу с торговлей постами именно в военно-морской сфере, однако он не принес желаемого результата. Средневековое представление о том, что должность являет собой нечто данное в держание и ею можно распоряжаться по своему усмотрению, изживалось с трудом.

Таким образом, удивление вызывает не сам факт продажи, а то, что Мансел продал должность, которая на протяжении 14 лет обеспечивала рост его состояния и предоставляла ему посредством тщательно выстроенной системы коррупционных связей огром-

---

[5] *Laughton J.K.* Mansell, Sir Robert // Dictionary of National Biography. Vol. XXXVI. London, 1893. P. 88–89.

[6] Calendar of State Papers. Domestic series. Elizabeth, 1601–1603; with Addenda, 1547–1565 / Ed. M.A.E. Green. Vol. VI. London, 1870. P. 114.

[7] Progresses, Processions and Magnificent Festivities of James the First, His Royal Consort, Family and Court / Ed. J. Nichols. Vol. III. London, 1828. P. 478.

[8] *Kenny R.W.* Op. cit. P. 298–299.

[9] Acts of the Privy Council of England 1618–1619 / Ed. J.V. Lyle. Vol. 36. London, 1929. P. 157.

[10] *Gardiner S.R.* History of England from the accession of James I to the outbreak of the Civil War, 1603–1642. Vol. III. London, 1883. P. 204.

[11] The Admiralty Statutes. London, 1875. P. 1–3.

ную власть в военно-морской сфере, по размерам бывшей еще со времен Тюдоров вторым департаментом после королевского хаузхолда[12]. Сэр Роберт явно дорожил постом и в свои 45 лет уходить на покой не собирался. Следовательно, к принятию решения его могла подтолкнуть лишь абсолютная уверенность в том, что нахождение в этой должности сопряжено с грядущей опасностью, которую он не в состоянии будет преодолеть.

Недругов у Мансела было предостаточно. А будучи клиентом Чарльза Говарда, он являлся и удобной мишенью для всех тех, кто хотел ослабить влияние лорда-адмирала. Одним из самых могущественных недоброжелателей долгое время оставался лорд-хранитель тайной печати Генри Говард, граф Нортгемптон. Именно он совместно со своим агентом сэром Робертом Коттоном, известным библиофилом и членом парламента, стал в 1608 г. инициатором создания первой Комиссии по расследованию. Как предполагает А. Макгован, критикуя обвинявшихся в злоупотреблениях офицеров Военно-морского совета, Нортгемптон преследовал политические цели, а именно подрывал влияние своего кузена, лорда-адмирала Чарльза Говарда (с. XIV).

Весьма интересно то, что первый патент на учреждение Комиссии от 30 марта 1608 г. был выпущен на имя самого лорда-адмирала (с. XIV). Но тот, видимо, воспринял это как оскорбление и демонстративно отказался ее созывать. Спустя месяц был выпущен новый патент на имя Генри Говарда, и в этом документе среди комиссионеров лорд-адмирал числился под вторым номером (с. 2). Впрочем, ее участником он остался лишь на бумаге, его подписи нет ни на одном листе отчетов.

Не менее интересно и поведение Мансела во время первой Комиссии по расследованию. Его бездействие можно расценивать как уверенность либо в своей невиновности, либо в сильной поддержке не только лорда-адмирала, но и самого короля. Он открыто демонстрировал свое пренебрежение к проверке, продолжая творить то, что комиссионеры описывали как нарушения. Лучше всего это видно на примере скандала, связанного с постройкой королевского флагмана «Принс Ройял». Привлеченные к проверке независимые кораблестроители вскрыли ужасающие факты многочисленных нарушений, среди которых использование на строительстве сырого и гнилого леса (с. 230–231). Нортгемптон, в течение нескольких месяцев безуспешно пытавшийся достичь своей цели, потребовал учредить отдельную комиссию по расследованию злоупотреблений, творившихся при строительстве флагмана.

В этой ситуации у короля, ранее старавшегося не замечать работу Комиссии, не осталось выбора. В мае 1609 г., через год с лишним после начала проверки, он был вынужден вмешаться. Дабы хоть в чем-то удовлетворить Нортгемптона поначалу он намеревался обвинить лишь старшего королевского кораблестроителя Пинеаса Питта. Вскоре стало понятно, что Питт являлся исполнителем. Следовательно, предъявляя обвинения ему, нужно будет обвинить и казначея Мансела. Учитывая это, не приходится удивляться и итогу более чем годовой деятельности первой Комиссии. И хотя ее подробный отчет в 250 страниц весьма впечатляет, главным виновникам были предъявлены выборочно лишь те обвинения, которые, как заранее предполагалось, они с легкостью опровергнут[13]. Отчет стал «холостым выстрелом» Нортгемптона. Король лишь попенял главным фигурантам расследования и выразил надежду, что в будущем они будут нести службу более прилежно. Все они сохранили посты и, что гораздо важнее, остались в фаворе у короля.

Нортгемптон не смирился. Итогом многочисленных петиций, адресованных королю, стало разрешение на проведение новой проверки. Впрочем, на этот раз Комиссия даже не собралась, ибо Роберт Мансел сыграл на опережение. Он заручился помощью некоего Джеймса Уайтлока, члена Палаты общин и непримиримого критика королевских прерогатив. Уайтлок заявил о незаконности действий Комиссии, поскольку они являются вторжением в дела имущества и личности подданных короля без законного на то основания (с. XVII).

---

[12] *Peck L.L.* Court Patronage and Corruption in Early Stuart England. Boston, 1990. P. 107.
[13] The Autobiography of Phineas Pett / Ed. W.G. Perrin. London, 1917. P. 64–67.

И хотя в условиях опасности обострения конфронтации с Палатой общин Комиссию не созвали, сам Яков, видимо, решил, что на этот раз его любимец в своем поведении перешел все допустимые границы. Проявление чрезмерной дерзости служащего закончилось для него заключением в тюрьму Маршалси, а его приятель Уайтлок оказался в тюрьме Флит. Впрочем, долго сидеть в застенках им не пришлось. Представ вскоре перед Тайным советом, они выказали должное смирение и отказались от прежних заявлений, а взамен получили королевское прощение и свободу.

Представляли ли оба описанных случая угрозу для сэра Роберта? Ответить однозначно нельзя. С одной стороны, противники в лице лорда-хранителя тайной печати Генри Говарда и довольно много сделавшего для укрепления позиций Якова I Роберта Брюса Коттона имели большую власть и влияние, с другой же – его защитниками были лорд-адмирал и сам король. Опасность того, что им могут пожертвовать, была минимальна, да и сам Мансел был человеком отчаянным, готовым сражаться за свою должность до последнего.

Вопрос стоит поставить иначе. Действительно ли то, что вскрыла Комиссия или могла вскрыть новая проверка, расценивалось в то время как преступления или хотя бы как серьезные нарушения, за которые неизбежно должна была последовать кара? В наши дни многие из действий офицеров Совета трактовались бы как преступления, но в условиях начала XVII в. корона и общество гораздо спокойнее воспринимали практику использования должности в личных интересах.

Считалось, что ради выполнения обязанностей служащий должен был при необходимости расходовать собственные средства. Например, в 1538 г. хранитель складов Эрита и Дептфорда Уильям Гонсон заявил, что корона задолжала ему 2142 фунта и 10 шиллингов[14]. Современник рассматриваемых событий и автор Военно-морских трактатов Уильям Монсон одним из важнейших качеств казначея флота называет способность «внести большие суммы денег для спокойствия Его Величества и удовлетворения подданных, которые иначе будут ворчать и требовать свое жалование»[15]. Обратная сторона подобного отношения – осознание права распоряжаться постом по своему усмотрению, в том числе получать личную прибыль, если ее получение не наносит убытков королю. Показательны слова присяги контроллера военно-морского флота, в которой оговаривалась необходимость выполнения «обязанностей, прямо способствующих наибольшей выгоде Его величества, а не собственной выгоде путем нанесения убытков его Величеству»[16]. За нанесенный короне ущерб во многих случаях служащий отправлялся в отставку с королевским прощением, дающим право претендовать на новую должность. Во времена Генриха VIII была введена даже специальная формулировка «grand pardon» или «grand release».

Новое восприятие службы приживалось медленно. Комиссия 1608 г. дает пример этому. Среди манускриптов Пипса есть любопытный документ «Истинная дисциплина в военно-морском флоте и обязанности его офицеров»[17], составленный Робертом Коттоном от имени Комиссии. В нем описана идеальная модель поведения бюрократа, основанная на жестком разделении частного и общественного интереса. Так или иначе, итоговая позиция в деле трактовки подобных злоупотреблений зависела от политической конъюнктуры, т.е. от расклада сил при дворе. В 1608 г. этот расклад был не в пользу комиссионеров.

Для достижения поставленной задачи нам также важно понять состояние военно-морских сил на момент проверки 1618 г., ведь современники и историки говорят именно о развале флота. Наличие же злоупотреблений вовсе не обязательно подразумевает развал. Для прояснения ситуации необходимо обратиться к отчету Комиссии.

---

[14] *Davies C.S.L.* The Administration of the Royal Navy under Henry VIII; the Origins of the Navy Board // English Historical Review. Vol. 80. 1965. P. 268–288.

[15] The Naval Tracts of Sir William Monson in six books / Ed. M. Oppenheim. Vol. III. London, 1913. P. 416.

[16] Pepys MSS. Magdalene College Cambridge. 2876. P. 653.

[17] Ibid. P. 644–648.

Документ делится на две части. Первая посвящена состоянию флота, вторая содержит итоги расследования дел и злоупотреблений флотской администрации, объясняет их причины и предлагает меры по их искоренению. Наибольший интерес, учитывая поставленную задачу, представляет первая, поскольку она показывает истинное состояние кораблей, анализ которого и позволяет делать вывод о масштабах развала флота и степени виновности в нем офицеров Совета. В данной части перечислены корабли именно так, как они поименованы в книгах казначея, а также указано техническое состояние каждого из них и расходы на их содержание. Интересно, что из примерно 50 страниц отчета первая часть занимает лишь чуть более 7. Впрочем, это не удивляет, ведь, как видно из названия Комиссии по расследованию злоупотреблений на флоте, основной целью являлся поиск нарушений.

Итак, согласно первому пункту отчета, носящему название «Количество кораблей, как они поименованы в книгах казначея, с их тоннажем и командами в гавани и в морях», на момент проверки годными для службы признавались 23 корабля общим тоннажем в 10 690 т (с. 258). Средний тоннаж кораблей составлял примерно 465 т, так что сравнивая их с кораблями периода правления Елизаветы Тюдор, средний тоннаж которых был менее 400 т[18], можно отметить, что они внушительнее в своих размерах. Самым крупным являлся не так давно вошедший в строй флагман «Принс Ройял» (1200 т), тот самый корабль, со строительством которого был связан скандал при проверке 1608 г. К годным для службы также причислены и вспомогательные суда, среди которых указаны 2 парусно-гребных хоя (100 и 80 т), использовавшихся для транспортировки грузов, и лихтер (200 т), представлявший собой несамоходную баржу (с. 259).

К следующей группе «Поврежденных и негодных для службы» авторы относят 9 кораблей, 2 пинасы и кетч общим тоннажем в 4490 т. К ним примыкают и 4 галеры по 100 т каждая (с. 259). Расходы на их починку не предусматривались, составители документа рассматривали их как навсегда утраченные.

Ремонтным работам и расходам на введение в строй кораблей первой группы посвящен следующий пункт, содержащий суммы расходов на устранение дефектов и повреждений на указанных кораблях. Согласно подсчетам, наибольших расходов (5379 фунтов 11 шиллингов 3 пенса) требовали работы по реконструкции «Рейнбоу» (500 т) и «Энтилоуп» (350 т), стоявших в сухом доке Дептфорда. Что касается остальных кораблей, находившихся в гаванях, то на их восстановление, включая расходы на лодки, мачты, канаты, ярды и помпы, требовался 4541 фунт. Таким образом, для введения в строй кораблей первой группы необходимо было 9920 фунтов 11 шиллингов 3 пенса (с. 260). Указанная цифра не являлась окончательной, ведь корабли нуждались в новой оснастке. Видимо, не доверяя мастерам военного флота, комиссионеры привлекли к инспекции независимых специалистов из Тринити Хауз, корпорации, отвечавшей за организацию навигации в территориальных водах Англии и Уэльса и обслуживавшей навигационные средства. Объединенная комиссия мастеров подсчитала всё необходимое для переоснащения такелажем и парусами каждого корабля в отдельности. Общие расходы на такелаж, как указывалось в отчете, составят 3287 фунтов 11 шиллингов, еще 2 тыс. фунтов понадобится на оснащение кораблей парусами (с. 259–260).

Простое сложение дает окончательную сумму в 15 207 фунтов 11 шиллингов 3 пенса, требовавшуюся для введения в строй всех 23 кораблей королевского флота, причем около 40% из нее предполагалось потратить на восстановление двух кораблей. Указанная сумма вовсе не выглядит пугающей, она, учитывая значительную инфляцию, вполне сопоставима с бюджетом флота довоенного периода правления Елизаветы Тюдор[19].

Могут ли итоги тщательной проверки, приведенные в первой части отчета, говорить о том, что королевский флот находился в плачевном состоянии? Именно в этом Комиссия

---

[18] *Oppenheim M.* Op. cit. P. 120–125.
[19] Ibid. P. 161.

пытается убедить тех, для кого предназначен отчет. Об этом свидетельствует и логика его структуры. Короткая «техническая» часть перетекает в более эмоциональную по стилю изложения и посвященную злоупотреблениям бóльшую часть, превосходящую первую в семь раз. В сознании читателя, вполне естественно, в первую очередь отложатся факты, изложенные во второй части, и через их призму он будет воспринимать изложенное в начале документа. Причем все приведенные факты злоупотреблений были вполне достоверны, что усиливает воздействие как на короля и его окружение, так и на современного читателя.

Но стоит взглянуть на изложенные данные о состоянии флота объективно. Прежде всего обращает на себя внимание указанное количество годных к службе кораблей. Сравнивая размеры флота Якова I и флота Тюдоров, комиссионеры, а вслед за ними и историки приходили к выводу о катастрофическом состоянии военно-морских сил первого представителя Стюартов.

Тюдоровский военный флот представлял собой грозную силу. Его создателем по праву может считаться Генрих VIII. К концу его правления постоянно действующий флот, согласно подсчетам М. Оппенхейма и Т. Глазго, насчитывал 53 военных корабля[20]. Функционирование обеспечивалось разветвленным аппаратом, превратившимся в 1546 г. в отдельное ведомство во главе с имевшим высокую степень независимости в принятии решений Советом морских дел. В отличие от средневекового, собиравшегося от случая к случаю по мере необходимости, созданный Генрихом VIII флот являлся постоянно действующим государственным институтом.

Это «любимое детище Генриха» ревностно оберегалось последующими представителями династии. Наследник Генриха молодой Эдуард VI буквально «болел» кораблями, за короткое время его правления военно-морские силы оставались, пожалуй, единственной сферой, расходы на которую не урезались, несмотря на нехватку денег в казне. Но с восшествием в 1553 г. на трон Марии флот начал стремительно сокращаться. Только за 1554–1555 гг. оказалось продано не менее 14 кораблей[21]. И хотя под конец ее правления была принята программа строительства новых кораблей, столь большим, как во времена Генриха VIII и Эдуарда VI, королевский флот уже не станет. На протяжении второй половины века, во времена правления Елизаветы, он будет достигать 40–45 кораблей. В 1600 г., незадолго до ее смерти, согласно квартальному отчету казначея флота, у короны имелось 42 корабля[22].

Количественный показатель действительно свидетельствовал о сокращении флота, что отрицательно воспринималось современниками. Их горечь легко понять, ведь это были «стены Англии», защитившие независимость страны в годы Армады. На глазах англичан в прошлое уходила целая эпоха. Теперь уже никто не слышал о военных подвигах на море, о «наказании» «надменных испанцев», сердца которых сжимались в страхе, лишь только мелькнут на горизонте паруса Хоукинса, Дрейка или Рэли. Все эти герои теперь остались жить лишь в памяти, а военные корабли простаивали в доках и гаванях. Ностальгия по славному прошлому в определенной степени влияла и на членов Комиссии при подготовке отчета.

В отличие от современников, мы не можем делать выводы о разложении флота Якова Стюарта как на основе сравнения количественных показателей с флотом Тюдоров, так и руководствуясь тем, что военно-морские силы не бороздили моря ради громких побед. Для понимания истинной картины гораздо важнее осознать, какую роль должны были выполнять королевские корабли сравниваемых эпох в осуществлении стратегических планов.

---

[20] *Glasgow T.* List of Ships in the Royal Navy from its Infancy to the defeat of the Spanish Armada // Mariner's Mirror. 1970. Vol. 56. P. 301–303; *Oppenheim M.* Op. cit. P. 49–51.

[21] The National Archives. Exchequer. 351/2195. London.

[22] Rawlinson MS. Bodleian Library. A. 206. Oxford.

Основатель английского флота Генрих VIII при любых условиях сохранял право на проявление инициативы на море и неукоснительно требовал от частных владельцев предоставить корабли в распоряжение короны в полном соответствии с традициями вассальной службы. Этому курсу, несмотря на затруднительные обстоятельства, старались следовать Эдуард VI и Мария в то недолгое время, что находились у власти. Но Елизавета I под напором нарастающих трудностей была уже не в состоянии следовать установленным правилам.

Проблемой быстрого роста дефицита казенных средств воспользовалась парламентская оппозиция, которая все чаще отказывала Елизавете в одобрении новых налогов на продолжение военных действий[23]. Попытки Джона Хоукинса, в 1577 г. получившего патент на занятие должности казначея Совета морских дел[24], оптимизировать расходы внедрением контрактной системы финансирования флота[25] были сорваны начавшейся англо-испанской войной.

В этих условиях использование королевских кораблей в морских кампаниях становилось слишком дорогим удовольствием. Многие из них сдавались внаем либо играли роль пая короны в частных экспедициях. К 1561 г. относится первое упоминание участия королевы в организации такого предприятия[26]. С тех пор эта практика стала повседневной. Наполовину частные, наполовину государственные полувоенные предприятия стали символом елизаветинской эпохи. Обратной стороной такой политики оказался переход инициативы на море в частные руки. Даже разработка стратегии войны подчас осуществлялась частными лицами. Мощные корабли королевского флота теперь все чаще играли роль вспомогательных. Можно не сомневаться, что роль королевского флота начала падать за несколько десятилетий до восшествия Якова I на престол.

Учитывая тенденции второй половины XVI в., размеры флота 1618 г. и его действительное состояние не выглядят столь пугающими, каковыми их рисовали комиссионеры. Королевский флот размером в 20–25 кораблей рассматривался специалистами как оптимальный еще в годы правления Елизаветы Тюдор[27]. Такие силы, не будучи слишком обременительными для казны и поддерживаемые в состоянии боеготовности, были вполне способны решать стоявшие перед ними задачи как в мирное, так и в военное время. Именно такими мы обнаруживаем их на момент проверки Комиссии. Более того, смерть Елизаветы знаменовала выход из тяжелой для страны войны. Яков I же позиционировал себя на международной арене в качестве миротворца.

Вряд ли комиссионеры, среди которых были отнюдь не случайные для флота люди, не осознавали новых реалий. Неофициальным главой Комиссии являлся Джон Кок, один из наиболее работоспособных государственных служащих своего времени, человек, прекрасно разбиравшийся в финансовых вопросах флота, с 1591 г. и до восшествия Якова на трон служивший помощником казначея Военно-морского совета. Да и названная самими комиссионерами сумма, необходимая для приведения флота в полную боеготовность, свидетельствовала о том, что, за исключением двух кораблей, остальные нуждались лишь в малом ремонте, вполне обычном после долгого простаивания деревянных судов. Так что истинное, по-видимому, довольно сносное состояние основной массы кораблей не должно было вызывать столь негативной реакции, поскольку размер флота и его состояние оказывались вполне достаточными для выполнения текущих задач мирного времени, в первую очередь – патрулирования проливов.

---

[23] *Dietz F.* English Public Finance. Vol. II. London, 1964. P. 94.

[24] The National Archives. Exchequer. 351/2214.

[25] *Adams S.* New Light on the “Reformation” of John Hawkins; the Ellesmere Naval Survey of January 1584 // English Historical Review. 1991. Vol. 105. P. 97–111.

[26] The National Archives. State Papers. 12/26/43.

[27] British Naval Documents 1204–1960 / Eds J.B. Hattendorf, R.J.B. Knight. Aldershot, 1993. P. 62–70.

Учитывая все вышеизложенное, можно предполагать, что Комиссия сочла необходимым использовать возможность, которую предоставляли многочисленные нарушения, чтобы нанести удар по военно-морской администрации с учетом благоприятного политического момента. В новых политических условиях с подачи комиссионеров то, что ранее воспринималось как само собой разумеющееся, легко могли истолковать как серьезные злоупотребления. В пользу этого говорит и внезапная продажа Робертом Манселлом должности, за которую он ранее готов был держаться всеми силами. Возможно, он почувствовал грозившую ему опасность, обусловленную изменением расстановки сил при дворе.

Власть Манселла и его «неприкасаемость», подобно власти и положению любого человека на любой ступени административной и политической иерархии начала XVII в., держалась на патронатных связях. Видимым проявлением отношений патрона и клиента часто являлись символы и ритуалы.

В этом отношении интересным выглядит подмеченное британской исследовательницей Л. Пек сравнение «символических» компонентов деятельности обеих Комиссий по расследованию[28]. В ходе первой проверки флота король в 1609 г. посетил Вулич, где шли работы по постройке будущего флагмана «Принс Ройял». На тот момент сопровождаемое скандалами противостояние между комиссионерами и флотской администрацией длилось многие месяцы, и ему, казалось, не будет конца. Интересно, что в этой поездке Якова сопровождали не члены Комиссии, а лорд-адмирал Чарльз Говард, которому формально подчинялся Военно-морской совет, и принц Генри, союзник Говарда. Поездка являлась своеобразным ритуалом, ведь еще со времен Тюдоров стало традицией посещение верфей монархом, а вот выбор сопровождающих монарха лиц являлся открытой демонстрацией того, в чью пользу должно разрешиться надоевшее королю противостояние. И граф Нортгемптон, конечно, не мог не понять намека. В свою очередь, как говорилось ранее, для казначея флота это было подтверждением того, что опасаться нечего.

Аналогичной ситуация оставалась и спустя несколько лет. Вероятно, этим и объясняется столь дерзкое поведение Роберта Манселла, доведшее его до тюрьмы. Находясь в застенках Маршалси, он имел возможность осознать те границы дозволенного, за которые ему переходить не следует, ибо власть его и его патрона отнюдь не безгранична, и все, в конечном итоге, зависит от короля – единственного источника королевского фавора. В эпоху Ренессанса корона использовала придворный патронаж и практику щедрых вознаграждений для осуществления политического контроля[29]. Отныне Манселл старался не лезть в политику, правил игры не нарушал и мог быть уверен, что в условиях сложившейся при дворе системы группировок, которая скреплялась клиентско-патронатной сетью, его деятельность на посту казначея Военно-морского совета не будет вызывать больших нареканий.

В начале 1610-х годов при королевском дворе действовали несколько «партий», группировавшихся вокруг лиц, приближенных к монарху и служащих своеобразными распределителями королевских милостей. Лидером одной из группировок в начале правления Якова был Роберт Сесил, граф Солсбери, государственный секретарь и лорд-казначей, человек имевший огромный политический опыт, накопленный еще в правление Елизаветы Тюдор. Вплоть до своей смерти в 1612 г. он доминировал при дворе. Мощной была и «партия» Говардов, которую условно можно назвать «испанской». Поначалу к числу ее лидеров относился лорд-хранитель Тайной печати Генри Говард, граф Нортгемптон, а затем его племянник лорд-казначей Томас Говард, граф Саффолк, объединявшие вокруг себя многочисленных представителей фамилии. После 1611 г. их важнейшим союзником стал королевский фаворит Роберт Карр, граф Сомерсет, женившийся на Фрэнсис Говард, дочери Томаса. Говардам

[28] *Peck L.L.* Op. cit. P. 160.
[29] Ibid. P. 15.

противостояла группировка, условно именуемая «французской». В нее входил герцог Леннокс и другие шотландцы при дворе короля, а также граф Карлайсл. К ним примыкали те, кто стоял на достаточно жестких антииспанских позициях, а именно архиепископ Кентерберийский Джордж Эббот, королева Анна, граф Пемброк, лорд-канцлер Элсмере и государственный секретарь Ральф Уинвуд[30].

«Внутрипартийное» единство не стоит воспринимать как монолитное. Внутри каждой группировки были разногласия. Именно лорд-хранитель Тайной печати Генри Говард спровоцировал первую проверку флотской администрации, подчинявшейся его старшему кузену Чарльзу. Впрочем, после смерти Генри Говарда в 1614 г. лорд-адмирал не имел сильных противников, готовых бросить ему вызов. Хотя он и не стремился играть при дворе первую скрипку, его незаменимость была столь велика, что в начале XVII в., казалось, ни одна комиссия не могла считаться полной, если в ее состав не входил Ноттингем[31]. В свою очередь такое устойчивое положение патрона гарантировало безопасность Манселлу и всей его клиентской сети.

Визит на верви Дептфорда в 1619 г. для осмотра двух строившихся кораблей, состоявшийся после ухода Манселла, свидетельствовал о новой расстановке сил. На этот раз Якова сопровождали не представители администрации флота, а ставший наследником после кончины Генри принц Карл и новый лорд-адмирал герцог Бэкингем. Это означало для членов военно-морской администрации самые печальные последствия. Их всех отправили в отставку, хотя и на весьма почетных условиях, а сам Военно-морской совет заменили Военно-морской комиссией. Не менее знаковым в связи с происходящим был и выбор названий обоих кораблей. Первый стал именоваться «Бэкингем энтранс», второй же, как сообщает в своем письме современник событий Джон Чемберлейн, именно в честь хорошей работы комиссионеров и грядущих изменений в управлении флотом получил название «Реформейшн»[32].

Мог ли в мае 1618 г. Манселл знать о готовившейся проверке? Сомнительно. Однако вряд ли он не понимал, что именно к ней и идет дело в условиях новой расстановки сил при дворе. В сентябре 1615 г. был удален от двора Сомерсет, главный союзник Говардов. Но гораздо бóльшую опасность для группировки представлял новый фаворит короля Джордж Вильерс, чье влияние стремительно росло. Изначально он служил лишь орудием в руках представителей «французской» «партии», стремившихся удалить Карра. Его продвижением при дворе занимался архиепископ Эббот, а затем и примкнувшая к нему королева Анна, которая ненавидела Сомерсета[33]. Постепенно Яков превратил его в фактически единственного получателя и распределителя королевских милостей.

Решающим в стремительной карьере Вильерса стал 1617 г. В январе король даровал ему титул графа Бэкингема, а в феврале он вошел в состав Тайного совета. Благосклонность монарха к молодому фавориту становится безграничной. Весьма показательно часто цитируемое биографами Якова Стюарта заявление, сделанное им в Тайном совете по возвращении из поездки в Шотландию, совершенной к компании с Вильерсом. «Я не Бог и не ангел, я лишь человек, подобно остальным. Я признаю, что, подобно обычным людям, я люблю тех, кто мне дорог, больше, чем остальных. Так что вы можете быть уверены, что я люблю графа Бэкингема больше, чем кого бы то ни было, даже больше, чем всех вас, здесь собравшихся. И будьте уверены, в том нет моей вины, ибо Иисус Христос поступал так же, а потому упрекать меня не за что: у Иисуса был Иоанн, а у меня – мой Джордж»[34].

---

[30] Ibid. P. 54.

[31] *Laughton J.K.* Howard, Charles, Lord Howard of Effingham, earl of Nottingham // Dictionary of National Biography. Vol. XXVIII. London, 1891. P. 4.

[32] The Letters of John Chamberlain / Ed. N.E. McClure. Vol. II. Philadelphia, 1939. P. 271.

[33] *Дюшель М.* Герцог Бекингем. М., 2007. С. 54.

[34] Letters of King James VI and I / Ed. G.P. Akrigg. Berkeley, 1984. P. 225.

М. Дюшель считает, что фаворит не представлял непосредственной опасности для Говардов, его не отличали недоброжелательность и злопамятность[35]. Например, когда была создана комиссия для проверки деятельности лорда-казначея Томаса Говарда и в июле 1618 г. тому пришлось подать в отставку, Бэкингем вступился за него перед королем. Возможно, он действительно не испытывал вражды к группировке, изначально настроенной по отношению к нему неприязненно. Однако если и предположить такое, нельзя не учитывать то, что за фаворитом с самого начала стояли непримиримые противники Говардов. В своем тайном послании Бэкингем писал Саффолку, что они «побуждают Его Величество проявить суровость, дабы явить миру пример, способный предотвратить повторение подобных дел. Его Величество выразил намерение выслушать Вас наедине, однако члены комиссии воспротивились, объявив о незаконности подобной процедуры»[36]. Так или иначе, постепенное устранение Говардов осуществлялось либо под руководством Бэкингема, либо при его прямом или косвенном участии.

Как показали события, Мансел ушел вовремя, верно оценив грозящую опасность. После устранения Томаса Говарда последним из влиятельных представителей группировки при дворе останется 80-летний лорд-адмирал. Король питал к графу Ноттингему уважение, ведь некогда именно он вел переговоры с тогда еще шотландским королем Яковом VI о наследовании английского трона, да и при дворе Чарльз Говард старался избегать скандалов. И тем не менее он будет вынужден удалиться вслед за своими родственниками. Неутешительные итоги, к которым придет Комиссия по расследованию злоупотреблений во флоте, не оставят иного выбора – в 1619 г. должность лорда-адмирала достанется Бэкингему. Иного исхода для Манселла и всего Военно-морского совета быть не могло.

Во главе комиссии по расследованию деятельности лорда-казначея и комиссии, занимавшейся делами флота, стояли непримиримые противники Говардов. Особо следует выделить фигуру Лайонела Крэнфилда, ставленника Бэкона и Бэкингема. Сомневаться в том, что генеральный контроллер найдет множество злоупотреблений, не приходилось, ведь как сам Яков, так и противники Говардов, чем бы они ни руководствовались, хотели одного – обнаружения нарушений и наказания виновных. В этой связи сам факт участия Крэнфилда, хотя и получившего патент главного комиссионера лишь 12 февраля 1619 г., но в реальности направлявшего работу Комиссии с самого начала (с. XIX), можно рассматривать как своеобразный посыл, означавший лишь то, что результаты расследования предрешены, они будут весьма плачевными для представителей проверяемого ведомства. В 1624 г., незадолго до своей смерти, король произнесет речь в парламенте, в которой укажет, что Крэнфилда некогда представил ему лорд Нортгемптон. «С тех пор он сделал столь много для моей выгоды, что после смерти графа Нортгемптона Бэкингем оценил его и привел ко мне на службу. Он нашел его настолько прилежным в пополнении моей прибыли, что поддерживал его как против великих, так и против подлых, не щадя никого»[37].

Не менее важна и фигура сэра Джона Кока, игравшего важнейшую роль в расследовании злоупотреблений на флоте. Комиссии Кок был особенно полезен – проработав более 10 лет помощником казначея Военно-морского совета, он был прекрасно осведомлен о всех тонкостях работы Совета. Кок имел личные причины для неприязни как к самому Манселлу, так и порекомендовавшему его королю лорду-адмиралу Ноттингему, ведь с восшествием Якова на английский престол его отправили в отставку вместе с его начальником Фульком Гревилом. Как полагает Ч. Фирт, вероятно, именно при

---

[35] *Дюшель М.* Указ. соч. С. 54.

[36] Цит. по: там же.

[37] *Firth C.H.* Cranfield, Lionel, earl of Middlesex // Dictionary of National Biography / Ed. L. Stephen. Vol. XIII. London, 1888. P. 14.

поддержке Гревила он и был назначен в 1618 г. в Комиссию[38]. Он же останется в ней и тогда, когда она примет характер постоянно действующей. Согласно епископу Годфри Гудмену, именно Кок более, чем другие, сделал для реформ в военно-морской сфере[39].

Происходившее при дворе трудно было не заметить. Вот как изображает сэр Джон Холлс, будущий граф Клэр, в письме к лорду Норрису ситуацию при дворе в июне 1617 г., т.е. за год до интересующих нас событий: «Я признаю, что этот век, в котором мы живем, полон странных и чрезвычайных происшествий; и как мир изначально был всеобщим хаосом и беспорядком, пока законы Бога, природы, человека не дали каждому творению и вещи надлежащее им место, отделив одно от другого, так и теперь через божественное провидение все вещи, приближающиеся к концу своего предустановленного срока, посредством отказа от тех законов и правил, что содержали их в пределах их собственных сфер и расстояний, возвращаются через это искажение к своему изначальному беспорядку; подобно тому, когда прежняя игра закончилась, карты тасуются для следующей»[40].

В мае 1618 г., за месяц до начала работы Комиссии у Манселла, видимо, не осталось сомнений относительно готовящегося удара. Он понимал, что ситуация окончательно вышла из-под контроля, и вслед за Томасом Говардом падет и его патрон, последний из имевших реальный вес представителей «партии» Говардов. Вряд ли у сэра Роберта оставались сомнения и относительно того, как именно будет нанесен удар по лорду-адмиралу, ведь предыдущие попытки осуществлялись именно через расследования злоупотреблений возглавляемой им флотской администрации. Но в отличие от прошлых попыток новая система патронатных связей, краеугольным камнем которой был полный контроль Бэкингема над королем и двором[41], не позволит престарелому Чарльзу Говарду не только защитить своего клиента, но даже и отстоять свои позиции.

То, что Роберт Манселл покинул службу под давлением обстоятельств, свидетельствовали и попытки возвращения, которые он предпримет спустя десять лет. В момент расформирования Военно-морской комиссии в 1628 г. он будет активно продвигать идею восстановления в воссоздающемся Совете морских дел некогда существовавшей, но рано ликвидированной должности лейтенанта, возглавлявшего этот орган. Ради получения этого поста он даже предпримет шаги для примирения с Бэкингемом[42]. Смирив гордость, он готов будет стать клиентом герцога, а ведь в XVI и XVII вв., в отличие от предыдущих эпох, клиент фактически отождествлялся со слугой и даже рабом[43]. Впрочем, все усилия окажутся напрасными, смерть Бэкингема в 1628 г. так и не даст шанса реализоваться планам бывшего казначея.

Итак, изложенные факты, в том числе содержащиеся в отчете Комиссии по расследованию злоупотреблений на флоте, хотя и не дают оснований говорить о хорошем состоянии военно-морских сил, учитывая их сокращение с начала правления Якова I, но и не позволяют констатировать их развал. Как видно из отчета, на момент роспуска Военно-морского совета флот, состоявший из 23 кораблей, которые находились во вполне приличном состоянии, был вполне достаточен для решения стоявших перед ним задач.

---

[38] *Firth C.H.* Coke, Sir John // Ibid. Vol. XI. London, 1887. P. 244.

[39] King James the Fist, by Dr. Godfrey Goodman, Bishop of Gloucester; to which are added, Letters illustrative of the Personal History of the most distinguished Characters in the Court of that Monarch and His Predecessors / Ed. J.S. Brewer. Vol. I. London, 1839. P. 308.

[40] Letters of John Holles 1587–1637 / Ed. P.R. Seddon. Vol. II. Nottingham, 1983. P. 167.

[41] *Peck L.L.* Op. cit. P. 26.

[42] British Library. Additional MS. 64897. fo. 11.

[43] *Peck L.L.* Op. cit. P. 16.

Роспуск Военно-морского совета совпадает по времени с поражением «партии» Говардов, курировавшей его, и утверждением нового расклада политических сил при дворе. Потерю королевского фавора и ожидание готовящегося удара по военно-морской администрации подтверждает поведение казначея флота Роберта Манселла, спешно продавшего свой пост накануне готовящейся проверки. Таким образом, отрицательный вердикт Комиссии по расследованию злоупотреблений 1618 г. в отношении администрации флота можно рассматривать как следствие сложившейся политической конъюнктуры при дворе Якова I Стюарта. Удар по Военно-морскому совету, с одной стороны, мог служить орудием в политической борьбе для устранения лорда-адмирала Ноттингема и еще поддерживавших его сил, а с другой – сам этот удар стал возможен лишь после ослабления влияния Говардов на короля.

Библиография / References

Дюшель М. Герцог Бекингем. М., 2007.

Dushel M. Gertsog Buckingham [Duke of Buckingham]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Acts of the Privy Council of England 1618–1619 / Ed. J.V. Lyle. Vol. 36. London, 1929.

Adams S. New Light on the "Reformation" of John Hawkins; the Ellesmere Naval Survey of January 1584 // English Historical Review. 1991. Vol. 105. P. 97–111.

British Naval Documents 1204–1960 / Eds J.B. Hattendorf, R.J.B. Knight. Aldershot, 1993.

Calendar of State Papers. Domestic series. Elizabeth, 1601–1603; with Addenda, 1547–1565 / Ed. M.A.E. Green. Vol. VI. London, 1870.

Davies C.S.L. The Administration of the Royal Navy under Henry VIII; the Origins of the Navy Board // English Historical Review. 1965. Vol. 80. P. 268–288.

Dietz F. English Public Finance. Vol. II. London, 1964.

Firth C.H. Coke, Sir John // Dictionary of national biography / Ed. L. Stephen. Vol. XI. London, 1887. P. 244–246.

Firth C.H. Cranfield, Lionel, earl of Middlesex // Dictionary of national biography / Ed. L. Stephen. Vol. XIII. London, 1888. P. 14–16.

Gardiner S.R. History of England from the accession of James I to the outbreak of the Civil War, 1603–1642. Vol. III. London, 1883.

Glasgow T. List of Ships in the Royal Navy from its Infancy to the defeat of the Spanish Armada // Mariner's Mirror. 1970. Vol. 56. P. 299–307.

Kenny R.W. Elizabeth's Admiral: the Political career of Charles Howard, earl of Nottingham, 1536–1624. Baltimore, 1970.

King James the First, by Dr. Godfrey Goodman, Bishop of Gloucester; to which are added, Letters illustrative of the Personal History of the most distinguished Characters in the Court of that Monarch and His Predecessors / Ed. J.S. Brewer. Vol. I. London, 1839.

Laughton J.K. Howard, Charles, Lord Howard of Effingham, earl of Nottingham // Dictionary of National Biography. Vol. XXVIII. London, 1891. P. 1–6.

Laughton J.K. Mansell, Sir Robert // Dictionary of National Biography. Vol. XXXVI. London, 1893. P. 88–89.

Letters of John Holles 1587–1637 / Ed. P.R. Seddon. Vol. II. Nottingham, 1983.

Letters of King James VI and I / Ed. G.P. Akrigg. Berkeley, 1984.

Loades D. The Tudor Navy. An Administrative, Political and Military History. Cambridge, 1992.

Oppenheim M. A history of the Administration of the Royal Navy and of Merchant Shipping in relation to the Navy. London – New York, 1896.

Progresses, Processions and Magnificent Festivities of James the First, His Royal Consort, Family and Court / Ed. J. Nichols. Vol. III. London, 1828.

The Admiralty Statutes. London, 1875.

The Autobiography of Phineas Pett / Ed. W.G. Perrin. London, 1917.

The Jacobean Commissions of Enquiry 1608 and 1618 / Ed. A.P. McGowan. London, 1971.
The Letters of John Chamberlain / Ed. N.E. McClure. Vol. II. Philadelphia, 1939.
The Naval Tracts of Sir William Monson in six books / Ed. M. Oppenheim. Vol. III. London, 1913.
Peck L.L. Court Patronage and Corruption in Early Stuart England. Boston, 1990.

DOI: 10.31857/S013038640014692-9

© 2021 г. **Н.Ю. ПЛАВИНСКАЯ**

МОНТЕСКЬЕ И ЕГО «РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОНАРХИИ В ЕВРОПЕ»

***Плавинская Надежда Юрьевна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).*
E-mail: nplav@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6491-2805

Аннотация. Статья, предваряемая кратким очерком жизни и творчества Монтескье, посвящена его малоизвестной работе – «Размышлениям об универсальной монархии в Европе». Тираж этого сочинения, напечатанный в 1734 г., был уничтожен автором по цензурным соображениям. Единственный печатный экземпляр, сохраненный Монтескье, более полутора столетий оставался недоступным читателям, и впервые текст был опубликован лишь в 1891 г. Термин «универсальная монархия» активно использовался в политической лексике Европы с XVI в. Он звучал нейтрально, когда применялся к великим империям прошлого, но в контексте политики XVII–XIX вв. получил негативную коннотацию, указывая на стремление той или иной державы силой утвердить свое превосходство и играть в европейских делах доминирующую роль. С конца XVII в. эти упреки европейцы адресовали Людовику XIV. Задавшись вопросом, может ли один из народов Европы, подобно римлянам, установить владычество над другими, Монтескье дал отрицательный ответ, предложив целый ряд оригинальных аргументов. Он попытался доказать, что новейшие методы ведения войны сделали всякое завоевание разорительным для победителя, что географические особенности Европы препятствуют возникновению обширных деспотических держав, что ни хорошая военная подготовка, ни регулярное пополнение казны золотом и серебром, ни давление духовной власти на светскую не могут обеспечить прочного фундамента для возникновения в Европе новой долговечной империи.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, Монтескье, войны Людовика XIV, универсальная монархия.

N.Y. Plavinskaia

Montesquieu and His “Reflections on the Universal Monarchy in Europe”

Nadezda Plavinskaia, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: nplav@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6491-2805

Abstract. The article, preceded by a brief overview of Montesquieu’s life and works, examines his little known treatise – “Reflections on the Universal Monarchy in Europe”. All copies of the work, printed in 1734, were destroyed by the author for fear of censorship. A single printed copy preserved by Montesquieu remained inaccessible to readers for more than a century and a half, and the text was first published only in 1891. The term “universal monarchy” has been used extensively in the European political lexicon since the 16th century. It sounded neutral when applied to the great empires of the past, but in the context of the politics of the 17–19th centuries, it received a negative connotation, indicating the desire of one or another country to assert its superiority by force and play a dominant role in European affairs. Since the late 17th century, Europeans have addressed these reproaches to Louis XIV. Asking whether one of the peoples of Europe, like the Romans, could establish sovereignty over others, Montesquieu gave a negative answer, offering several original arguments. He tried to prove that the latest

methods of warfare had made any conquest destructive to the victor, that the geographical features of Europe prevented the emergence of vast despotic powers, that neither good military training nor regular replenishment of the treasury with gold and silver, nor the pressure of the spiritual power on the secular one could provide a solid foundation for the emergence of a new lasting empire in Europe.

Keywords: the Age of Enlightenment, Montesquieu, the wars of Louis XIV, the universal monarchy.

«Хотя род мой не относится ни к числу славных, ни к числу захудалых и насчитывает лишь 250 лет подтвержденного дворянства[1], но я к нему привязан...»[2]. Шарль Луи де Секонда (18 января 1689 – 10 февраля 1755) принадлежал к семейству «дворянства мантии»[3], обосновавшемуся на юго-западе Франции, в Гиени, в начале XVII столетия. Его отец, Жак де Секонда, как младший сын в семье не наследовал родовых земель, но мать, Франсуаза де Пенель, принесла мужу в приданое старинный замок Ла Бред, стоявший в трех лье от Бордо. Там и родился будущий писатель, правовед и философ. Он получил образование в престижном ораторианском коллеже в Жюйи, с шестнадцати лет изучал гражданское и каноническое право в университете Бордо, готовясь к традиционной для семьи карьере судейского магистрата, в девятнадцать стал адвокатом Бордоского парламента, а в двадцать пять приобрел пост парламентского советника[4]. Приняв после смерти отца в 1714 г. титул барона де Ла Бред, он вскоре женился на Жанне Лартиг – даме, не отличавшейся знатностью происхождения и к тому же протестантке, но достаточно обеспеченной. А два года спустя он унаследовал от своего бездетного дяди влиятельный пост «président à mortier» в парламенте Бордо[5] и вдобавок к нему еще один баронский титул – титул барона де Монтескье, который с тех пор стал главной составляющей его имени.

Должность в магистратуре приносила некоторый доход (впрочем, главным источником средств были земельные доходы и доходы от торговли вином), но судейская карьера больше соответствовала семейной традиции, чем личной склонности Монтескье, тем более что слишком молодой возраст не позволял ему пользоваться своими полномочиями президента в парламенте в полной мере. Гораздо сильнее его влекли к себе занятия науками и литературные упражнения. В 1716 г. он был избран в недавно учрежденную Академию Бордо[6] и до начала 1730-х годов весьма активно участвовал в ее деятельности.

---

[1] Земли Ла Бред получили статус баронства в 1130 г., но Монтескье вел свою родословную только по мужской линии, отсчитывая ее от предка Секонда, вступившего на службу к Карлу VII в 1451 г. Фьеф Монтескье, пожалованный семейству Секонда королевой Наваррской Жанной д'Альбре, получил статус баронства в 1606 г. См.: *O'Gilvy H.G.* Nobiliaire de Guyenne et de Gascogne. T. 2. Paris, 1858. P. 249–268.

[2] *Montesquieu.* Pensées. Le Spicilège / Éd. établie par L. Desgraves. Paris, 1991. P. 247. № 213 (далее – Pensées, 213; цифра обозначает порядковый номер записи в сборнике «Мои мысли»).

[3] В отличие от «дворянства шпаги», чей привилегированный статус был связан с военной службой, и от «дворянства колокола», чьё аноблирование шло через занятие высоких должностей в администрации городов, представители «дворянства мантии» аноблировались через приобретение административных, судейских и финансовых должностей в королевской администрации. См. подробнее: *Пименова Л.А.* Дворянство Франции XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословий / Под ред. В.А. Ведюшкина. М., 1997. С. 50–80.

[4] Парламентами во Франции в эпоху Старого порядка назывались высшие судебные инстанции. Все должности в них находились в собственности владельцев, которые могли передавать их по наследству, продавать или переуступать за ренту. Об этой практике см.: *Алтухова Н.И.* Формирование права собственности на должности как основа практики vénalité des offices (Франция, XVI в.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 8 (62). URL: https://history.jes.su/s207987840002001-0-1/ (дата обращения: 25.01.2021).

[5] Дословно: «президент в бархатной шапочке». Пост «président à mortier» (в XVIII столетии в парламенте Бордо таких постов было около десятка) давал право на председательство в одной из судебных палат.

[6] Королевская академия наук, изящной словесности и искусств Бордо, учрежденная в 1712 г. и торжественно открытая в 1713 г., пополнялась, главным образом, из числа представителей парламентской аристократии.

Его научное любопытство простиралось в те годы от истории древности до естественных наук – физики, анатомии, наук о земле, в подходе к которым он тяготел к «ригидному» картезианству, сближавшемуся с материализмом[7]. О широте спектра этих интересов свидетельствовали темы его академических докладов и речей: «О причинах эха», «О назначении почечных желез», «О морских приливах и отливах», «О причинах прозрачности тел», «О политике римлян в области религии», «О мотивах, которые должны побуждать нас к знаниям»[8].

В 1721 г. творчество Монтескье впервые привлекло внимание широкого читателя. «Персидские письма», распахнувшие дверь в эпоху Просвещения, стали литературной сенсацией, открытием нового жанра. Смелую карикатуру на Францию конца царствования Людовика XIV и начала Регентства писатель вложил в послания литературных героев, персов-путешественников Узбека и Рики, заключив свои размышления о философии, политике и морали в занимательные рамки, которые сам Монтескье называл «чем-то похожим на роман»[9], а мы сегодня называем эпистолярным романом[10]. Книга содержала саркастический портрет «короля-чародея», рисовала язвительную картину политических и придворных нравов, осуждала фанатизм католической церкви, критиковала финансовую «систему» Джона Лоу.

«Персидские письма» были напечатаны анонимно, но имя автора облетело Европу мгновенно, и громкая слава поманила Монтескье в столицу, в самое сердце «литературной республики». В 1726 г. ему удалось сложить с себя обременительные обязанности парламентского магистрата[11] и полномочия президента Академии Бордо, и с тех пор значительную часть времени он проводил в Париже, лишь изредка навещая семью, однако нисколько не ослабляя при этом связей ни с парламентской аристократией Бордо, ни с кругом бордоских эрудитов и, конечно, нисколько не пренебрегая заботами о своих землях и доходах. Поддержка влиятельных фигур, таких как маршал Франции герцог Бервик (побочный сын изгнанного из Англии короля Якова II), знаменитый писатель Фонтенель или ученый-интеллектуал Пьер Никола Демоле, открыла перед стеснительным провинциалом двери самых блестящих столичных салонов и кружков[12], а литературная слава и светские связи помогли ему стать членом Французской академии (1727), Лондонского Королевского общества (1730), а позднее Королевской академии наук Пруссии (1747).

В 1728–1731 гг. Монтескье совершил длительную поездку по Европе, посетив Австрию, Венгрию, Италию, Швейцарию, германские земли, Голландию и Англию. Путешествие это, отдаленно напоминавшее «grand tour», не имело тем не менее непосредственных культурно-образовательных целей и было предпринято с вполне прагматической целью – добиться какого-либо дипломатического поста при одном из европейских дворов. Вступить на новое поприще Монтескье не удалось, но путешествие чрезвычайно

---

[7] См.: *Bianchi L.* Le jeune Montesquieu et l'Académie de Bordeaux. Érudition, naturalisme et tentations radicales // La Lettre clandestine. 2020. № 28. P. 197–212.

[8] См.: *Rétat P.* Discours académiques // Dictionnaire Montesquieu / Sous la dir. de C. Volpilhac-Auger. URL: http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1376472198/fr/ (дата обращения: 25.01.2021).

[9] *Montesquieu.* Quelques réflexions sur les Lettres persanes // Œuvres complètes de Montesquieu (далее – OC), en 22 vol. Oxford – Napoli; Lyon – Paris, 1998 – издание продолжается; T. 1. 2004. P. 567.

[10] Помимо издания «Персидских писем» в новейшем собрании сочинений в 2018 г. на сайте «Montesquieu, bibliothèque et éditions» размещена обновленная электронная публикация: *Montesquieu.* Lettres persanes / Éd. revue et augmentée par Ph. Stewart et C. Volpilhac-Auger. URL: http://montesquieu.huma-num.fr/editions/fictions-poesies/lettres-persanes/introduction (дата обращения: 25.01.2021).

[11] Не продавая свой пост президента в парламенте, Монтескье уступил его в пожизненное пользование Жану-Батисту д'Альбессару за годовую ренту в 5200 ливров.

[12] О парижских связях Монтескье см.: *Masson N.* Relation parisiennes // Dictionnaire Montesquieu. URL: http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1377667524/fr/ (дата обращения: 25.01.2021); *Rétat P.* Entresol (club de l') // Dictionnaire Montesquieu. URL: http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1376472760/fr/ (дата обращения: 25.01.2021).

расширило горизонт его представлений о Европе, позволив познакомиться с законами и обычаями множества стран, с особенностями их географии и климата. Его путевые записи[13] свидетельствуют о том, как дотошно он «собирал сведения о самой новейшей истории, о военных вопросах и вопросах наследования, об институциях и людях», чтобы лучше понимать общую политическую обстановку в «Европе, находившейся в постоянном движении»[14]. В Англии (где Монтескье задержался на полтора года и где состоялось, в частности, его приобщение к франкмасонству[15]) сильнейшее впечатление произвело на него устройство государственных институтов. Восхищение британской политической системой – так называемой «английской конституцией»[16], обеспечивавшей в его глазах гражданские свободы, – побудило его к размышлениям о достоинствах и недостатках того пути, по которому шла французская монархия, и о политическом устройстве иных европейских государств.

Путешествие оказало огромное влияние на дальнейшее творчество Монтескье, придав ему новое измерение – политическое. Если прежде из-под его пера выходили образцы галантной прозы («Книдийский храм», 1725) и небольшие исторические стилизации («Диалог Суллы с Евкратом», написан ранее 1727 г.), то в 1734 г. он представил на суд читателей смелое и масштабное политико-философское эссе – «Размышления о причинах величия и падения римлян»[17], в котором попытался ответить на волновавший его вопрос: почему народ, некогда столь высоко ценивший свою свободу и обладавший гражданскими добродетелями, безвозвратно утратил и то и другое? При этом его эссе, содержавшее множество явных и скрытых параллелей с недавним прошлым Европы и ее современностью, выходило за традиционные для того времени рамки эрудитских сочинений: Монтескье не описывал историю Рима, но анализировал происходившие в ней процессы. Придавая слову «политика» новый, более современный смысл, он «опрокидывал традиционные отношения между прошлым и настоящим, которые отныне объясняли друг друга»[18]. Одновременно с «Римлянами» им были написаны и «Размышления об универсальной монархии в Европе», о которых подробно будет сказано ниже.

В конце 1748 г. в Женеве анонимно вышел первый небольшой тираж главного труда его жизни. Масштаб замысла и его воплощения отражало длинное название, которое Монтескье дал своему трактату, – «О духе законов, или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т.д., к чему автор прибавил новые исследования о законах римских, касающихся наследования, о законах французских и о законах феодальных». Вслед за женевским сразу же появилось контрафактное парижское издание, а уже на следующий год вышло не менее двенадцати легальных и пиратских перепечаток «Духа законов». Несмотря на цензурные препоны (в 1751 г. Ватикан включил книгу в «Index librorum prohibitorum»), в самое короткое время трактат разошелся по всей Европе. Он имел успех и при монарших дворах: императрица Екатерина II, называвшая это сочинение Монтескье «своим молитвенником», включила многие его идеи в программу будущих преобразований, сформулированную ею в «Наказе»[19]. Однако в течение десятка лет

---

[13] *Montesquieu*. Mes voyages // ОС. Т. 10. 2012.

[14] *Volpilhac-Auger C.* Préface // Montesquieu. Considération sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence / Éd. de C. Volpilhac-Auger avec la collab. de C. Larrère. Paris, 2008. P. 16.

[15] См.: *Chevallier P.* Les ducs sous l'acacia, ou les premiers pas de la franc-maçonnerie française, 1725–1744. Genève, 1994; [*Stewart Ph., Volpilhac-Auger C.*] Montesquieu et la franc-maçonnerie (1735–1737) // ОС. Т. 19. 2014. P. 464–471.

[16] Развернутой характеристике «английской конституции» Монтескье посвятил большую главу «Духа законов» (далее – ДЗ). Книга IX. Глава 6 (далее отсылки на «Дух законов» даются сокращенно).

[17] *Montesquieu.* Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence // ОС. Т. 2. 2000.

[18] *Volpilhac-Auger C.* Op. cit. P. 34.

[19] О месте «Духа законов» в екатерининской инструкции см.: Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения Екатерины II: Первоначальный конспект Наказа. Источники. Переводы. Тексты / Изд. подготовлено Н.Ю. Плавинской. М., 2018. С. 21–66.

вокруг «Духа законов» не смолкала оживленная полемика. Католическая пресса обвиняла писателя в отрицании морального авторитета христианства, публицисты упрекали его в «спинозизме», ставили под сомнение его философские подходы, критиковали его методы анализа политических, экономических и социальных проблем, поставленных в трактате. В ответ на эти обвинения Монтескье выступил в печати с «Защитой Духа законов» (1750), ставшей последним сочинением, опубликованным при его жизни[20].

«Дух законов» поразил современников не только масштабом поднятых им проблем, но и своим стилем: в отличие от авторов тяжеловесных и догматичных сочинений по вопросам права, Монтескье не предлагал никаких готовых схем. Его книга приглашала читателя на живописные и «экзотические» прогулки по странам и эпохам, которые открывали взору широкую панораму человеческих обычаев и общественных установлений. Прослеживая зависимость политического устройства от особенностей страны, ее размеров, населенности, климата, географической среды, от религии, исповедуемой народом, и его нравов, Монтескье привнес в науку о праве и в гуманитарное знание вообще естественно-научный метод, выступив, в частности, одним из основоположников географической школы в социологии. Важное место в книге занимала теория форм власти. Различая три «природы» или «образа правления» – республиканский, монархический и деспотический, он усматривал в последнем следствие вырождения, как монархической власти, так и народного правления. Исследуя особенности каждого из них, Монтескье иллюстрировал их яркими примерами из истории, но при этом не брал на себя роль апологета или судьи. Поэтому каждое поколение читателей истолковывало «Дух законов» по-своему. Французские парламенты отождествляли себя с «посредствующими властями», о которых писал Монтескье, и находили в книге обоснование своих прав ограничивать проявления абсолютной власти короля ремонстрациями. Либерально мыслящих современников Монтескье привлекла нарисованная им картина «английской конституции» – переосмысленная им локковская теория «разделения властей» (законодательной, исполнительной и судебной). Наконец, высокая оценка демократического правления, отразившаяся на страницах «Духа законов», оказала огромное влияние на развитие республиканских идей во Франции и за ее пределами. Осуждение деспотизма, утверждение принципов гражданского гуманизма, гражданской и личной свободы, призыв к веротерпимости, политической умеренности, постепенности в проведении любых преобразований определили историческое значение «Духа законов» в формировании современной политической культуры.

Последние годы Монтескье провел, совершенствуя свои главные книги – «Дух законов», «Римлян» и «Персидские письма». К концу его жизни полемика вокруг них почти угасла, но поток переизданий не прекращался. В 1753 г. он написал свое последнее произведение – «Опыт о вкусе», который был опубликован в VII томе «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера уже после его смерти. Монтескье намеревался окончательно распрощаться со столицей, но вернуться к семье в Ла Бред не успел – зимой 1755 г. он умер от воспаления легких и был похоронен в приходе парижской церкви Сен-Сюльпис. Могила его не сохранилась[21], но имя Монтескье навсегда осталось в пантеоне величайших мыслителей Нового времени.

В 1818 г. хозяин расположенного неподалеку от Бордо замка Ла Бред Жозеф Сириль де Секонда де Монтескье, внук писателя[22], переслал своему двоюродному брату Шарлю Луи де Секонда де Монтескье[23], эмигрировавшему в Англию еще в годы Французской

---

[20] О полемике вокруг «Духа законов» см.: *Montesquieu.* Défense de l'Esprit des lois // OC. T. 7. 2010. P. 71–117.

[21] В соответствии с королевским ордонансом 1776 г. все парижские кладбища, находившиеся внутри городской черты, были ликвидированы из соображений санитарной безопасности, а останки умерших перенесены в катакомбы Томб-Иссуар.

[22] *Секонда Жозеф Сириль де* (1748–1826) – старший сын Дениз, младшей дочери Монтескье.

[23] *Секонда Шарль Луи де* (1749–1824) – единственный сын Жана-Батиста, старшего отпрыска Монтескье.

революции, ящики с рукописями их знаменитого деда[24]. Перед отправкой он составил подробную опись бумаг, в которой среди прочего упоминалась небольшая печатная брошюра «Размышления об универсальной монархии в Европе» (Réflexions sur la monarchie universelle en Europe) с рукописными пометами автора, а также рабочая тетрадь Монтескье, записи в которой открывались словами «Надо будет закончить маленький трактат Универсальная монархия»[25].

Спустя три года, в 1821 г. барон Валькенер опубликовал во «Всемирной биографии» Мишо большой очерк о Монтескье, в котором существование «Размышлений об универсальной монархии» впервые предавалось гласности. Данное им описание[26] свидетельствовало о том, что с содержанием этой ранее неизвестной работы Монтескье Валькенер ознакомился лично еще до того, как она была переправлена через Ла-Манш[27].

В 1824 г. бездетный Шарль Луи де Монтескье скончался в Англии, завещав основную часть своего наследства кузену. Но и Жозеф Сириль через два года умер, и лишь в 1828 г. его сыну, Шарлю Луи Просперу (1797–1871), удалось перевезти рукописи прадеда в родовое гнездо, причем во Францию возвратились не все бумаги Монтескье – по невыясненным причинам многие документы Шарль Луи перед смертью предал огню. Хотя в краткой описи возвращенного, сделанной Шарлем Луи Проспером, «Универсальная монархия» не значилась, по счастью, сожжена она все-таки не была. Довольно скоро вместе с некоторыми рукописями прадеда Шарль Луи Проспер передал ее бордоскому адвокату и политику Жоакиму Лэнэ[28], возможно, с целью подготовки к изданию, которое, впрочем, не было осуществлено. В библиотеке Лэнэ «Универсальная монархия» задержалась надолго, а после смерти Жоакима его младший брат Оноре (Онора) в 1836 г. отдал книжечку (вместе с рукописью «Размышлений о богатствах Испании») издателю Луи Эме-Мартену, также вынашивавшему планы публикации неизданных сочинений писателя[29]. Но и эти планы остались нереализованными, а после его смерти, совершенно

---

[24] После смерти отца Жан-Батист уступил младшей сестре и ее мужу баронство Монтескье, оставив себе только титул барона Ла Бред. Таким образом, старший сын Дениз официально стал бароном де Монтескье, а единственный сын Жана-Батиста оказался всего лишь бароном де Ла Бред. Отлучение от славного имени деда его не устраивало, и, едва повзрослев, Шарль Луи стал самочинно называть себя бароном де Монтескье. Впрочем, семья этому не противилась. В 1790 г., в разгар революции, Шарль Луи эмигрировал в Англию, родители потеряли с ним связь. Из-за сына-эмигранта Жану-Батисту пришлось пережить тюремное заключение, а затем отбиваться от попыток революционных властей наложить секвестр на имущество семьи. Главной его опорой в борьбе с властями стал Жозеф Сириль, поэтому Жан-Батист перед смертью назначил племянника своим наследником. Так Жозеф Сириль оказался хозяином замка Ла Бред. Когда же в годы Консульства Шарль Луи добился исключения себя из списка эмигрантов и побывал на родине, он фактически уступил двоюродному брату свои права на недвижимое и движимое имущество, но в обмен вытребовал себе наиболее почетную часть наследства – рукописи Монтескье.

[25] Catalogue des manuscrits envoyés à mon cousin en Angleterre // OC. T. 1. 2004. P. LXXV.

[26] *Walkenaer Ch.A.* Montesquieu // Biographie universelle, ancienne et moderne. Paris, 1821. T. 29. P. 508–509.

[27] Мы не знаем, при каких обстоятельствах он получил доступ к «Универсальной монархии». Заметим только, что барон Шарль Атанас Валькенер (1771–1852), политический деятель, энтомолог и этнограф, постоянный секретарь Академии надписей, один из основателей Общества французских библиофилов и автор ряда знаменитых биографий (Лафонтена, Горация, г-жи де Севинье), имел в своей коллекции несколько автографов Монтескье. См. об этом: *Plavinskaia N.* Les documents concernant Montesquieu au Musée historique d'État (GIM) à Moscou // Les Archives de l'Est et la France des Lumières. Guide des archives et inédits. II: Inédits / Sous la dir. de G. Dulac et S. Karp. Ferney-Voltaire, 2007. P. 740–745.

[28] При Людовике XVIII уроженец Бордо виконт Жоаким Лэнэ (1767–1835) дважды, в 1814–1815 и в 1815–1816 гг., назначался председателем Палаты депутатов, а в 1816–1818 гг. занимал пост министра внутренних дел.

[29] См.: *Desgraves L.* Inventaire des documents manuscrits des fonds Montesquieu de la Bibliothèque municipale de Bordeaux. Genève, 1998. P. 32.

позабыв о законных владельцах брошюры, наследники продали ее вместе со всей библиотекой Эме-Мартена парижскому книготорговцу Леону Тешенеру.

К тому времени библиофилы уже были наслышаны о существовании «Размышлений об универсальной монархии» Монтескье. В частности, в 1834 г. Жозеф Мари Керар включил это «очень редкое» издание в свою библиографию[30]. Но, по всей видимости, он опирался на информацию из статьи Валькенера и, скорее всего, сам не видел книги. Она «всплыла на поверхность» лишь много лет спустя – в 1886 г. на распродаже коллекции Тешенера, причем на торги попал тот самый экземпляр, который был ранее описан в каталоге Жозефа Сириля де Монтескье. Барон Шарль де Монтескье (1833–1900), сын Шарля Луи Проспера, выкупил его и в 1891 г. опубликовал, наконец, текст «Универсальной монархии»[31], а оригинальная брошюра с авторскими пометами и исправлениями была переплетена в красный сафьян и заняла свое законное место на полках библиотеки фамильного замка[32]. Столетие спустя, в 1994 г., графиня Жаклин де Шабанн (1912–2004) – прямой потомок младшей дочери Монтескье и последняя владелица замка Ла Бред – передала все остававшиеся к тому времени в нем рукописи и книги в дар муниципальной библиотеке Бордо, поэтому сегодня оригинал «Универсальной монархии» находится в ее фондах[33].

Еще Валькенер в свое время установил, что эта 44-страничная брошюра (in-8°, с авантитулом, без указания имени автора и без титульного листа) печаталась в Голландии. Во вступительной статье к изданию 1891 г. уточнялось: «сигнатуры, бумага и шрифты соответствуют тем, что Деборд использовал для издания Римлян»[34]. Нынешние издатели новейшего собрания сочинений Монтескье подтверждают, что единственный экземпляр «Универсальной монархии» действительно вышел из-под прессов амстердамского издателя Жака Деборда (1704–1742)[35], а поскольку мы знаем, что печаталась брошюра одновременно с «Размышлениями о причинах величия и падения римлян», датировать ее следует 1734 г.

Как же случилось, что эта небольшая книжечка уцелела в единственном экземпляре? На данный вопрос ответил сам автор, записав на авантитуле: «Это было напечатано по неудачному списку. Я переиздаю это с исправлениями, которые внес сюда». Дополнительное разъяснение он дал в самом начале текста, над заголовком: «Я написал, чтобы этот вариант уничтожили и напечатали другой, если же какие-то экземпляры были провезены[36], то опасаюсь, что некоторые места могут быть неверно истолкованы». Наконец, в рукописи «Размышлений о богатствах Испании» сохранилось еще одно признание Монтескье: «За этой первой рукописью шла вторая, озаглавленная Универсальная монархия, которую я напечатал вместе с Римлянами, но по некоторым причинам уничтожил». Итак, уже готовый тираж «Размышлений об универсальной монархии в Европе» был пущен издателем под нож по настоянию самого автора, и лишь один экземпляр брошюры Монтескье сохранил как основу для дальнейшей переработки текста. Этот факт, а также наличие рукописных помет автора делают этот экземпляр совершенно уникальным по своей ценности. Однако «некоторые причины», побудившие автора уничтожить целый тираж, все же остаются не вполне прозрачными. Проще всего

---

[30] *Quérard J.M.* La France littéraire, ou Dictionnaire bibliographique. Paris, 1834. T. 6. P. 242.

[31] Deux opuscules de Montesquieu, publiés par le baron de Montesquieu. Bordeaux – Paris, 1891. P. 11–42.

[32] О библиотеке Монтескье см.: *Desgraves L., Volpilhac-Auger C. avec la collab. de F. Weil.* Catalogue de la bibliothèque de Montesqueu à la Brède. Napoli – Paris – Oxford, 1999; Bibliothèque de Montesquieu, catalogue et bibliothèque virtuelle / Sous la dir. de C. Volpilhac-Auger. URL: http://montesquieu.huma-num.fr/bibliotheque/introduction (дата обращения: 25.01.2021).

[33] Bibliothèque municipale de Bordeaux. MS 2511.

[34] Deux opuscules de Montesquieu. P. 4.

[35] OC. T. 2. 2000. P. 322.

[36] Монтескье опасался возможных санкций в случае нелегального ввоза отдельных экземпляров из Голландии во Францию без апробации цензоров Королевской палаты книготорговли и книгопечатания.

предположить, что Монтескье опасался цензурных преследований из-за главы XVII[37], в которой он, пусть в крайне осторожных выражениях, но критически оценивал внешнеполитические амбиции Людовика XIV и не слишком лестно отзывался об отдельных чертах национального характера своих соотечественников. Однако на полях именно этой главы никакой правки он не оставил. А те не слишком многочисленные рукописные исправления текста, которые обнаруживаются в печатном тексте, по большей части носят косметический характер и совершенно не походят на уступки цензурным соображениям. Впрочем, за двумя исключениями. В главе X Монтескье счел благоразумным вычеркнуть замечание о том, что правители варварских племен, населявших Францию до завоеваний Карла Великого, не осмеливались трактовать свою власть как верховную или безграничную, записав на полях: «Это слишком сильно сказано. Наверное, надо изъять эту статью или [нрзб.] ее смягчить? Так». А в главе XV он зачеркнул слова о том, что эдикты Франциска I налагали ограничения на его собственную власть, вписав более нейтральную формулу – «правил он в соответствии с законами». Таким образом, мы вправе заключить, что негативная реакция властей, которой опасался Монтескье, могла быть вызвана не его оценками недавнего правления «короля-солнца», а его более общими рассуждениями о пределах верховной власти монарха и в целом – антиабсолютистским пафосом этого маленького сочинения.

Как же именно Монтескье собирался использовать сохраненный им экземпляр «Универсальной монархии»? Известно, что сразу же после выхода первого издания «Размышлений о причинах величия и падения римлян» он взялся за подготовку второго издания, предполагая включить туда новые главы. Две из них должны были опираться на текст «Универсальной монархии». Отражением этой работы стала так называемая «рукопись Бодмера», составлявшаяся между 1734 и 1738 гг. и озаглавленная «Различные поправки к моим размышлениям о римлянах» (Divers corrections de mes Considérations sur les Romains)[38]. Согласно этому документу первую вставку писатель собирался поместить между главами III и IV «Римлян», а вторую – между главами XVI и XVII. В конечном счете, от этой идеи Монтескье отказался, однако позднее многие части текста «Универсальной монархии» были включены им в «Дух законов». Так, не считая отдельных небольших заимствований, практически целиком была использована глава VIII – она легла в основу ДЗ, XVII, 6, а также ДЗ, VIII, 19. Из главы XVI образовалась ДЗ, XXI, 22. Главы XX и XXI стали началом ДЗ, IX, 6, а глава XXIV превратилась в ДЗ, XIII, 17.

В самой «Универсальной монархии», в свою очередь, также обнаруживаются фрагменты некоторых более ранних (можно сказать, черновых) текстов Монтескье. Прежде всего это относится к главе XVI, почти целиком построенной на материале статей 2, 4, 6–8 его «Размышлений о богатствах Испании»[39] – уже упомянутого выше небольшого сочинения, написанного, видимо, ранее 1727 г. и никогда не публиковавшегося при жизни автора. Главы XXI и XXII «Универсальной монархии» выстроены с опорой на фрагменты, которые были включены им в рукописи, представлявшие собой своеобразные записные книжки: одной из этих рукописей он дал название «Сборник» (Le Spicilège)[40], другой – «Мои мысли» (Mes pensées)[41]: собранные в них заметки самого разного содержания и характера, которые он вел на протяжении всей жизни, представляли собой своеобразную интеллектуальную лабораторию Монтескье. Таким образом,

---

[37] Текст «Универсальной монархии» разделен на 25 пронумерованных фрагментов, которые мы здесь называем главами. Сам автор называл их «статьями» (article).

[38] Мартин Бодмер приобрел эту рукопись (225 л., из которых первые 87 страниц – автограф Монтескье) на аукционе дома Друо в 1939 г. Ныне она хранится в Фонде Бодмера в Колоньи, недалеко от Женевы. См.: OC. T. 2. 2000. P. 48–49.

[39] *Montesquieu*. Considérations sur les richesses de l'Espagne // OC. T. 8. 2003. P. 595–623.

[40] *Montesquieu*. Le Spicilège // OC. T. 13. 2002.

[41] *Montesquieu*. Mes pensées // OC. T. 14–15 (в печати).

«Размышления об универсальной монархии» оказываются тесно связанными с темами, которые занимали писателя на протяжении многих лет и находили место как в его рабочих рукописях, так и в его опубликованных произведениях.

Термин «универсальная монархия» активно использовался в политической лексике Европы с XVI столетия. Он мог звучать вполне нейтрально, если применялся к великим империям давно прошедших эпох и обозначал народы древности, сумевшие распространить свое влияние на обширные территории, – вавилонян, египтян, персов, греков и, конечно, римлян. Однако в контексте международной политики XVII–XVIII вв. он получил отчетливо негативную коннотацию, указывая прежде всего на стремление того или иного государства изменить *status quo* в Европе, силой утвердить свое превосходство над соседями и играть в политических делах доминирующую роль[42]. В годы Тридцатилетней войны в попытках установить на континенте свою «универсальную монархию» европейцы систематически упрекали испанских Габсбургов, точнее, Филиппа IV и главного проводника его политики – всевластного фаворита графа Оливареса. Немецкий философ Самуэль Пуфендорф, прозванный Монтескье «Тацитом Германии»[43], подчеркивал, что замысел «универсальной монархии» подпитывался потоками золота, хлынувшими в испанскую казну из Нового Света[44]. Французский капуцин Жозеф де Пари предъявлял своим читателям документальные доказательства «вечного стремления испанцев к универсальной монархии»[45]. Архиепископ Камбре Фенелон размышлял о том, что успешно противостоять «иностранной державе, которая откровенно стремится к установлению универсальной монархии», могут только оборонительные и наступательные союзы[46].

В последние десятилетия XVII столетия, когда позиции Испании были уже заметно поколеблены, а одним из главных, если не самым главным, игроком на политической сцене Европы стал Людовик XIV, европейцы дружно и не без оснований переадресовали эти обвинения французской короне. Главную роль здесь сыграло усиливавшееся соперничество между Францией и монархией Габсбургов, и не случайно именно на фоне Деволюционной войны между Людовиком XIV и Карлом II имперский дипломат Франсуа Поль де Лизола выпустил один из первых пропагандистских текстов, обвинявших Францию в гегемонистских устремлениях и макиавеллизме. «Щит государства» Лизолы[47] стал началом настоящей памфлетной атаки на Людовика XIV[48].

В частности, немало полемических работ посвятил французской угрозе Лейбниц. В трактате «Размышления о том, каким образом установить внутреннюю и внешнюю общественную безопасность в Империи при нынешних обстоятельствах» (Bedencken,

---

[42] В начале XIX в. госпожа де Сталь пользовалась этим термином для характеристики политических амбиций Наполеона: «Если в поистине хаотичной политике Бонапарта в отношении других народов и имелся какой-либо план, то он заключался в установлении универсальной монархии с ним во главе ...» (*Staël Mme de*. Considérations sur les principaux événements de la révolution française. Paris, T. 2. 1826. P. 28.

[43] *Montesquieu*. Mes voyages // OC. T. 10. 2012. P. 457.

[44] [*Pufendorf S.*] Introduction à l'histoire des principaux États, tels qu'ils sont aujourd'hui dans l'Europe, première partie. Cologne, 1685. P. 96.

[45] [*Paris J. de*] Dessein perpétuel des Espagnoles à la monarchie universelle avec les preuves d'iceluy. [s.l.], 1624.

[46] Œuvres de Fénelon, archevêque de Cambrai, publiés d'après les manuscrits originaux. Paris, T. 22. 1824. P. 306.

[47] [*Lisola F. P. de*] Bouclier d'État et de justice contre le dessein manifestement découvert de la monarchie universelle, sous le vain prétexte des prétentions de la reine de France. [s. l.], 1667.

[48] Le Pot aux roses des Français découvert (1672), La France intrigante (1676), Mauvaise Foy ou violences de la France (1677), La France sans bornes (1684), La Cour de France turbanisée (1686), Les Injustes procédures de Louis XIV (1688), La France toujours ambitieuse et toujours perfide (1689) и проч. См. подробнее: *Bonnet P.* La monarchie universelle de Louis XIV: une notion clé de la pensée politique, de Campanella à Montesquieu // Littératures classiques. 2011. № 76. P. 133–146.

welchergestalt Securitas publica interna et externa und Status præsens im Reich iezigen Umbständen nach auf festen Fuss zu stellen, 1670) он прямо утверждал, «что Франция стремится к универсальной монархии»[49], хотя и готов был отвести ей роль арбитра в европейских делах. В трактате «Египетский совет» (Consilium Ægyptiacum, 1672) он признавал необходимость отвлечь французского короля от его панъевропейских амбиций, для чего развивал фантастический план, который должен был подтолкнуть Людовика XIV к завоеванию Египта. В памфлете «Христианнейший Марс» (Mars Christianissimus, 1684) Лейбниц с язвительной иронией рассуждал о готовности «христианнейшего» короля уничтожать своих братьев по вере[50]. В «Манифесте в защиту прав Карла III» (Manifeste contenant les droits de Charles III, roi d'Espagne, et les justes motifs de son expédition, 1704 г.), в разгар Войны за испанское наследство, он с тревогой предупреждал своих читателей: «Только небеса своим чудесным вмешательством смогут остановить универсальную монархию Бурбонов»[51].

Подобные голоса раздавались со всех сторон. Грегорио Лети, уроженец Милана, ставший официальным историографом Амстердама, призывал европейских государей к борьбе с «универсальной монархией, которую французский король уже установил в Европе»[52]. Пуфендорф, казалось, был несколько более оптимистичен: «Не похоже, что Франция придет к универсальной монархии» – она, конечно, может со временем стать «самым большим королевством Европы, но все же не единственным»[53]. Однако и он не сомневался в стремлении Людовика XIV диктовать свою волю всей Европе. Эсквайр из Глостершира Джордж Смит размышлял о пагубности честолюбивых притязаний французского короля на европейское господство[54].

С окончанием Войны за испанское наследство обвинения Франции в гегемонистских устремлениях несколько поутихли, хотя даже спустя несколько десятилетий после смерти Людовика XIV опасения европейцев рассеялись не вполне, и некоторые памфлетисты продолжали высказывать похожие упреки в адрес его преемника[55]. Но все же следует принять во внимание, что Монтескье писал свои «Размышления об универсальной монархии» в ту пору, когда эта полемика уже потеряла прежнюю остроту и злободневность. Его брошюра ни в какой мере не являлась памфлетом – она представляла собой попытку глубокого теоретического осмысления самой проблемы политической гегемонии и в определенном смысле попытку анализа политических перспектив Европы.

«Может ли случиться при нынешнем состоянии Европы, что один из народов, подобно римлянам, обретет неизменное превосходство над другими?» Открывая свои «Размышления» этим вопросом, Монтескье сразу же дает на него однозначно отрицательный ответ: «Я полагаю, что такое, по-видимому, стало совершенно невозможным» (гл. I). Весь последующий текст представляет собой набор аргументов в поддержку главного тезиса: великие завоевания, которые могли быть успешными в древности, в современную эпоху неизбежно обречены на провал, поскольку сила всякого государства заключается уже не в его военной мощи, не в его способности захватывать чужие территории и подчинять себе более слабых соседей, а в успехах его торговли, в способности длительное время поддерживать собственное экономическое процветание.

Широта исторического материала, привлекаемого Монтескье для анализа, предвосхищает тот метод, который он позже использовал в «Духе законов». Он не ограничивается

---

[49] Œuvres de Leibniz, publiés pour la première fois d'après les manuscrits originaux / Notes et introd. par A. Foucher de Careil. T. 6. Paris, 1865. P. 164.

[50] [*Leibniz G.W. von*] Mars Christianissimus autore germano gallo-græco, ou Apologie de armes du roi très-Chrétien contre les Chrétiens. Cologne, 1684.

[51] Œuvres de Leibniz. T. 3. Paris, 1861. P. 429.

[52] *Leti G.* La Monarchie universelle de Louis XIV, traduite de l'italien de monsieur Leti. Amsterdam, 1701. P. 45 (La monarchia universale del re Luigi XIV scritta da Gregorio Leti. Amsterdamo, 1689).

[53] [*Pufendorf S.*] Op. cit. P. 545.

[54] *Smyth G.* The vanity of conquests and universal monarchy. London, 1705.

[55] La France démasquée, ou projet de la monarchie universelle de l'Europe découvert. La Haye, 1745.

взглядом на недавно отгремевшие войны Людовика XIV, но обращается к самым разнообразным военным конфликтам, истоки или последствия которых, по его мнению, оказались особенно важными для судеб европейских монархий. Он вспоминает и о покорении Карлом Великим варварских народов, атаковавших Европу, и о норманнском завоевании Франции, и о конфликтах между папством и императорами, и о набегах татарских орд на Россию, Венгрию и Польшу, и о противостоянии между французской короной и английскими Плантагенетами, и о долгом соперничестве Франциска I с Карлом V, и о событиях Нидерландской революции, приведших к свержению испанского владычества и созданию Республики Соединенных провинций, и о кампаниях Филиппа IV времен Франко-испанской войны. Все эти столкновения свидетельствуют, что «с тех пор, как государство римлян на Западе рухнуло, обстоятельства нередко складывались так, что казалось, будто Европа должна снова попасть под власть одного народа» (гл. IX), признает Монтескье, однако ни одна попытка силового установления господства не принесла долговременного успеха.

Обратим внимание: он обходит полнейшим молчанием популярную среди его современников концепцию «баланса сил», которая в XVII – начале XVIII столетия воплощала в себе надежды некоторых европейцев на эффективность политики военных межгосударственных союзов как инструмента, способного поставить заслон гегемонистским устремлениям того или иного монарха[56]. Упоминание о «нынешнем равновесии сил» проскальзывает у него лишь единожды в одном из примечаний к главе XXIV. И с точки зрения Монтескье, это «равновесие сил» не только не служит умиротворению Европы, но, напротив, подпитывает существующие конфликты, усиливает «противостояние всех против всех» и, в конечном счете, истощает силы великих держав, побуждая их постоянно наращивать свои вооружения.

Если в древности, напоминает Монтескье, покорение соседних территорий и их последующее разграбление могло способствовать усилению могущества завоевателя и прямому обогащению его казны, то в современную эпоху, когда грабежи считаются «проявлением варварства» и «вызывают лишь справедливое отвращение», войны стали главным инструментом разорения государств: «Римляне во время триумфов вносили в Рим сокровища побежденных ими наций. Сегодняшние победы приносят лишь бесплодные лавры. Когда монарх посылает свою армию во вражескую державу, он сразу же шлет туда и часть своей казны, чтобы обеспечивать войско. Таким образом он обогащает страну, которую едва начал завоевывать, и нередко сам дает ей силы для собственного изгнания» (гл. I). Контакты между народами стали более тесными, поэтому знания о новых способах ведения войны, о новых видах вооружения или о новых приемах фортификации, которые в прежние времена позволяли одной из сторон быстро получить превосходство над противником, распространяются стремительно и осваиваются всеми воюющими сторонами почти одновременно, уравнивая таким образом их силы. К этому же выводу приходил ранее Лейбниц, писавший: «Поскольку сегодня все владеют одинаковым оружием и одинаковыми преимуществами, не стоит надеяться, что посредством военных завоеваний можно основать [универсальную] монархию»[57]. Наконец, прямым разорением оборачивается и готовность монархов бесконечно наращивать численность своих армий. В глазах Монтескье, специально интересовавшегося данным вопросом, это превратилось в настоящее «бедствие, поразившее наше столетие»,– содержание все большего количества войск истощает государственные средства и ведет к образованию государственного долга и к усилению налогового бремени (гл. XXIV). Таким образом, убеждает он читателя, в современной Европе достижение какого-либо господства силой

---

[56] См.: *Zeller G.* Le principe de l'équilibre dans la politique internationale avant 1789 // Aspects de la politique française sous l'Ancien Régime. Paris, 1964; *Bély L.* L'art de la paix en Europe. Naissance de la diplomatie moderne, XVIe–XVIIIe siècles. Paris, 2007.

[57] Œuvres de Leibniz. T. 6. Paris, 1865. P. 165.

оружия представляется невозможным, поскольку стремление к этому неизбежно подрывает экономическое благополучие государства.

Впрочем, даже установившийся мир не гарантирует постоянного процветания ни одной стране, и на то «имеются особые причины», напоминает Монтескье, ведь в Европе все беспрестанно движется, изменяется и зависит от множества обстоятельств – в особенности от мудрости того или иного правительства. Он подчеркивает: ныне «силу составляют богатства, и ни одна нация не обладает сегодня такими преимуществами, которые не могла бы получить другая, еще более богатая нация» (гл. II). Так, несмотря на огромные доходы, английские короли в свое время не смогли удержать в своих руках французские владения. Не удалось установить свою гегемонию в Европе и Австрийскому дому, несмотря на золотой и серебряный дождь, пролившийся на его владения после открытия Нового Света. Вслед за своим другом экономистом Жаном Франсуа Мелоном[58] Монтескье осуждает обогащение метрополий за счет колониальных приобретений и подчеркивает необходимость развития национального производства и земледелия как главного фундамента процветания государства, благоприятствующего, в частности, приросту населения. Обратим внимание, что главный труд Мелона – «Политический очерк о торговле» – вышел в 1734 г., т.е. в то самое время, когда Монтескье напечатал «Универсальную монархию», а затем уничтожил ее тираж[59]. Мелон писал в частности: «Испанцы открыли Америку, но их политика была жестокой. Не сумев подчинить себе местное население, они его уничтожали. Понадобилось заменить его испанцами, которые хлынули туда, погнавшись за наживой, и обескровили собственную страну ради того, чтобы заселить богатую страну золотых копей. Наступила эпоха упадка испанской державы, вызванного этой причиной ...»[60].

Причинам упадка Испании Монтескье посвятил самую большую главу своей «Универсальной монархии», подробно проанализировав, как пренебрежение «природными богатствами ради знаков богатства, которые обесценивались сами по себе», подрывало испанскую экономику (гл. XVI). Произведенные им расчеты скорости падения стоимости серебра в Европе (впоследствии Монтескье перенес эти расчеты из «Универсальной монархии» в «Дух законов»[61], а в 1751 г. они были использованы в статье «Серебро», напечатанной за подписью Дидро в первом томе «Энциклопедии») доказывали читателю: грабеж колоний не ведет к росту богатств метрополии. По мнению Монтескье, деньги являются «воображаемым богатством, знаком богатства», но настоящее процветание любой страны основывается не на них, а на «природных» богатствах – плодах ее земли и населении, которое производит и потребляет эти плоды. Именно поэтому он утверждал: «Разработка шахт в Германии и Венгрии способствует развитию их сельского хозяйства[62], тогда как разработка шахт в странах, подвластных Испании, губит ее собственное земледелие». Введение экономического материала в анализ проблемы «универсальной монархии» свидетельствовало об оригинальности подхода Монтескье и его

---

[58] Экономист Жан Франсуа Мелон (1675–1738), считающийся предшественником физиократов, был в 1712 г. назначен одним из двух секретарей только что созданной Академии Бордо, в которую чуть позже вступил Монтескье.

[59] Это совпадение позволило Мишелю Порре предположить, что Монтескье отказался от обнародования «Универсальной монархии», поскольку чувствовал уязвимость своих аргументов по сравнению с аргументами Мелона (*Porret M.* Introduction // *Montesquieu*. Réflexions sur la monarchie universelle en Europe / Introd. et notes par M. Porret. Genève, 2000. P. 38), однако убедительных оснований этой гипотезы Порре не привел.

[60] [*Melon J. F.*] Essai politique sur le commerce. [s. l.], 1734. P. 52.

[61] ДЗ. XXI. 22.

[62] Эти утверждения основывались на личных наблюдениях: в июне 1728 г. Монтескье посетил медные, свинцовые и серебряные рудники Верхней Венгрии (в настоящее время этот регион принадлежит Словакии); в сентябре – начале октября 1729 г. он побывал на шахтах Гарца в Нижней Саксонии.

стремлении выйти за пределы традиционных аргументов, лежавших прежде почти исключительно в сфере международных отношений и военных конфликтов.

Разнообразие исторических примеров, собранных в этом совсем небольшом по объему сочинении, предвосхищало тот размах, который позже глубоко поразил читателей «Духа законов». Разумеется, в фокусе внимания Монтескье все время остается Европа, но, как замечают Катрин Ларрер и Франсуаза Вейль, подчеркивая безусловное новаторство этого подхода, «Универсальная монархия» «вырывается из замкнутого пространства современной ей политологии... и придает видению европейских проблем глобальный и поистине международный масштаб»[63]. В глазах Монтескье Европа и в своем прошлом, и в своем настоящем оказывается теснейшим образом связанной с Византией и Персией, Китаем и владениями потомков Чингисхана, странами Нового Света и монархиями Востока. И этот взгляд позволяет выстроить крайне важную антитезу: Монтескье противопоставляет монархические государства Европы деспотическим восточным державам. «Власть в Азии непременно должна быть деспотической», утверждает он, поскольку этого требуют огромные размеры восточных империй, а размеры эти изначально определяются географическими особенностями «той части Азии, которая нам известна». География же Европы, в его глазах, предопределяет существование «множества держав средних размеров, в которых правление, основанное на законах, не препятствует сохранению государства. Напротив, оно настолько ему благоприятствует, что без законов государство приходит в упадок и становится слабее других» (гл. VIII)[64]. Монтескье еще не использует здесь термина «умеренное правление», которое появится в «Духе законов», но мы видим прямую параллель с тем, что будет позднее сказано в трактате: «Правительство умеренное... держится собственною силою и силою законов»[65].

Монтескье постоянно подчеркивает многоликость Европы («множество держав», гл. VIII; «множество самостоятельных владений», гл. X; «множество отдельных государств», гл. XIII). Однако не менее важным для него является и то, что скрепляет отдельные государства континента между собой. Категорически отвергая идеал «универсальной монархии», он в то же время с некоторой надеждой видит в современной ему Европе черты единого «большого государства» (или «большой республики», grande république, гл. II), заключенного в рамки общего географического пространства и населенного «единым народом, состоящим из множества народов» (гл. XVIII). Согласимся с К. Ларрер, которая отмечает: представления Монтескье о единстве Европы лежат не в плоскости государства, а в плоскости общества[66]. Это единое политическое пространство видится ему свободным от военных конфликтов и скрепляемым торговыми и культурными интересами. Фундаментом подобного единства, по его мнению, призвана служить не военная мощь, а экономическое процветание каждого из его членов. Кроме того, важнейшей чертой этого сообщества, той чертой, которая должна позволить отдельным народам сохранять внутри этого объединения свою государственную самостоятельность и особое политическое лицо, он считает присущий Европе «дух свободы, благодаря которому каждая часть противится порабощению, а если и подчиняется чужеземной силе, то лишь в силу законов и интересов своей торговли». И здесь возникает еще одно противопоставление с Азией, в которой «царствует никогда не покидавший ее дух подневольности» (гл. VIII).

Спустя годы взгляд на Европу как на «государство, состоящее из множества провинций», о котором Монтескье писал не только на страницах «Универсальной монархии»,

---

[63] OC. T. 2. 2000. P. 334.

[64] Эта глава почти дословно была впоследствии воспроизведена в ДЗ. XVII. 6.

[65] ДЗ. III. 9.

[66] *Larrère C.* Montesquieu et l'idée de la fédération // L'Europe de Montesquieu. Actes du colloque de Gênes (26–29 mai 1993). Napoli – Paris – Oxford, 1995. P. 137.

но и в своих «Мыслях»[67] (отдаленно этот взгляд предвосхищал современные нам тенденции европейского единства[68]), он продолжил развивать в тех главах трактата о «Духе законов», которые были посвящены проблеме федерализма. Однако к тому времени его первоначальный подход изменился, и он стал склоняться к убеждению, что слишком большие различия в государственном устройстве не способствуют единству, а, следовательно, «федерация должна состоять из государств одинаковой природы, и в особенности из республик»[69].

В «Универсальной монархии» подобных ограничений мы еще не встретим. Впрочем, конечно же, речь в ней идет вовсе не о «федерации» – применительно к воображаемой им единой Европе Монтескье использовал термин «république», разумеется, в самом широком его истолковании[70]. Возможно, именно поэтому его взгляд на единую Европу смог проникнуть очень далеко и захватить государства, политическое устройство которых разительно отличалось от традиционных монархий классического образца.

«Поскольку европейцы сегодня стали единым народом, состоящим из множества народов, – пишет он в гл. XVIII, – Франция и Англия нуждаются в процветании Польши и Московии точно так же, как каждая их провинция в отдельности нуждается в процветании всех остальных». Позже в «Духе законов» Монтескье назовет Польшу «наиболее несовершенной» (la plus imparfaite) из аристократий[71], а в «Мыслях» отнесет ее к категории «порабощенных» стран[72], т.е. стран, чье население было закрепощено. Тем не менее ссылка на Польшу в контексте размышлений об универсальной монархии совершенно не удивляет: после обескровившей Европу длительной Войны за испанское наследство именно Польша стала тем яблоком раздора, из-за которого в 1733 г. на континенте разгорелся очередной масштабный международный конфликт. И хотя «Универсальная монархия», напечатанная в 1734 г., ни словом не упоминала об уже начавшейся к тому времени Войне за польское наследство, в которой участвовали Франция, Испания, Сардинское королевство, Россия, Пруссия, Австрия и Саксония, тем не менее, можно не сомневаться, что польский вопрос интересовал Монтескье именно в общеевропейском контексте[73], ведь благополучие Польши в тот момент являлось залогом благополучия многих государств континента.

Зато упоминание Московии в контексте «единого европейского государства» кажется неожиданным, поскольку мало кто из современников писателя был готов считать Россию одной из «провинций» Европы. Для большинства из них она оставалась страной в географическом плане чересчур далекой, а в плане культурном – безусловно чуждой. По собственному признанию Монтескье, Россия «была в Европе столь же мало известна, как Крым»[74]. Однако ее сближение с Западом, начавшееся в петровскую эпоху, и все более активное ее участие в политических процессах, происходивших на континенте, не могли не привлечь к ней внимания Монтескье. И хотя в «Духе законов» он относил

---

[67] «Я записал в своих заметках: некий государь полагает, что обретёт величие, разорив соседнюю страну. Однако дела в Европе обстоят так, что все государства зависят друг от друга. Франция нуждается в процветании Польши и Московии так же, как Гиень нуждается в Бретани, а Бретань в Анжу. Европа – это государство, состоящее из множества провинций» (Pensées, 318).

[68] Хотя и в меньшей мере, чем «Проект установления вечного мира в Европе» аббата Сен-Пьера (*Saint Pierre, abbé*. Projet pour rendre la paix perpétuelle en Europe. Utrecht, 1713), о котором Монтескье, кстати, не упоминает в своей работе.

[69] ДЗ. IX. 2.

[70] Под «республикой» могло пониматься не только «государство», но и «сообщество». См.: Dictionnaire de l'Académie (1694): «*Республика*... Так иногда называют вообще всякое государство или правление... *Литературной республикой* называют сообщество литераторов».

[71] ДЗ. II. 3. В русском издании переведено «худшей», что не точно.

[72] Pensées, 777.

[73] *Plavinskaia N.* Pologne // Dictionnaire Montesquieu. URL: http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1377669643/fr/ (дата обращения: 25.01.2021).

[74] ДЗ. IX. 9.

Московию к разряду деспотических государств, усматривая в этом ее главное отличие от большинства европейских монархий, но, тем не менее, настаивал на том, что россияне принадлежат к сообществу европейских народов[75]. Об этом свидетельствовали, по его мнению, «легкость и быстрота, с которыми этот народ приобщился к цивилизации»[76] в петровское царствование, и попытки «московского правительства освободиться от деспотизма, который тяготит его даже больше, чем его народы»[77]. Нравы, царившие в России до недавнего времени, были ей чуждыми, утверждал Монтескье, ибо они «были занесены в нее смешением разных народов и завоеваниями». Царь Петр[78] лишь восстановил естественный порядок вещей, «сообщив европейские нравы и обычаи европейскому народу»[79]. И хотя Московия оставалась для Европы дальним пограничьем (Монтескье особо подчеркивал ее близкое соседство с деспотическими восточными державами – Османской империей, Китаем, Персией, Японией, гл. VI, XIX), Франция, по его мнению, нуждалась в ее процветании так же, «как Гиень нуждается в Бретани, а Бретань в Анжу»[80]. Не случайно к теме Московии (России, русских) Монтескье четырежды возвращается в основном тексте «Размышлений» и один раз – в своих комментариях.

Построение «Универсальной монархии» стилистически напоминает построение трактата «О духе законов»: ее текст также разбит на небольшие тематически завершенные фрагменты. Авторская нумерация позволяет нам называть их главами. Некоторые из этих глав так коротки, что ограничиваются единственным абзацем или даже одной фразой длиной всего в несколько строк (гл. III, IX, XVIII). М. Порре отмечает, что подобное «фрагментированное повествование», к тому же насыщенное формулировками, напоминающими максимы или афоризмы, вызывало в свое время критику Вольтера, упрекавшего автора «Духа законов» в подмене серьезных рассуждений остроумными замечаниями. Однако многие современники, напротив, восхищались этой способностью соединять краткость изложения мысли с высотой ее полета[81]. Позицию же самого Монтескье отражает одно из его замечаний, записанное в сборнике «Мысли»: «Если ораторам не хватает глубины, они берут длиной»[82].

При этом текст «Универсальной монархии» порой кажется не до конца проработанным. Это обстоятельство, на наш взгляд, могло стать еще одной причиной решения автора не предавать его гласности в 1734 г. В некоторых местах заметно отсутствие каких-то более очевидных для читателя логических связок между главами. Иногда эту логическую связь повествования трудно уловить даже в пределах одной главы. Так, исторический материал, подобранный в первом абзаце гл. VII (в нем говорится об искусстве осады крепостей, усовершенствованном принцем Морицем Нассауским; о приемах фортификации, разработанных голландским инженером Кёгорном; о быстром распространении новых вооружений; о повсеместном введении новых налогов), иллюстрирует

---

[75] Подробнее о взглядах Монтескье на Россию см.: *Минути Р.* Образ России в творчестве Монтескье // Европейское просвещение и цивилизация России / Под ред. С.Я. Карпа и С.А. Мезина. М., 2004. С. 31–41; *Minuti R.* Rappresentazione della Russia petrina nella cultura francese del'700. Un aspetto dell'opera di Montesquieu // Paradigmi dello sguardo. Percezioni, descrizioni, costruzioni e ricostruzioni della Moscovia tra Medioevo e età moderna (uomini, merci, culture). Viterbo, 2011. P. 213–247; *Plavinskaia N.* Russie // Dictionnaire Montesquieu. URL: http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1377669664/fr/ (дата обращения: 25.01.2021).

[76] ДЗ. XIX. 14.

[77] ДЗ. V. 14.

[78] О двойственной трактовке Монтескье образа Петра I см.: *Plavinskaia N.* Pierre le Grand // Dictionnaire Montesquieu.

[79] ДЗ. XIX. 14 (6). Именно это суждение Монтескье побудило Екатерину II включить в «Наказ» особую статью (ст. 6) о том, что «Россия есть Европейская держава».

[80] Pensées, 318. См. примечание 67.

[81] *Porret M.* Op. cit. P. 45.

[82] Pensées, 1086.

мнение Монтескье о том, что все государства внимательно следят за состоянием обороноспособности своих соседей и стараются не отставать от них ни в чем. «Ныне мы беспрестанно подражаем друг другу», – пишет он. Исторические примеры, собранные во втором абзаце этой же главы (предательство Тиссаферна; мнение Полибия о форме правления в Риме; упоминание о боспорском царе Фарнаке, предложившем Цезарю в жены свою дочь), на первый взгляд, совершенно не перекликаются с содержанием первого абзаца. Требуется некоторое усилие, чтобы выявить ускользающую логику и понять, что автор противопоставляет разобщенность, царившую между странами и народами в давние времена, тесной коммуникации Нового времени, которая изменила взаимоотношения людей, повысив их взаимозависимость.

Тем не менее, несмотря на эту особенность текста, несмотря на резкие тематические переходы от одной главы к другой и некоторую перегруженность историческими примерами, «Универсальная монархия» представляет собой увлекательное и небесполезное чтение. Завершая ее цитатой из Горация – «Много творится грехов и внутри и вне стен Илионских»[83], Монтескье уточнял, что «не имел в виду никакое отдельное правление в Европе», но что его размышления «относятся ко всем без исключения». Конечно же, он думал о времени, в котором жил, и о той Европе, которую он знал. Но и сегодня, триста лет спустя после того, как эти строки были написаны, некоторые его слова продолжают звучать удивительно современно. Разумеется, со времени Монтескье общая политическая картина мира кардинально изменилась. Разумеется, трагический опыт мировых войн XX века несколько отрезвил народы и их правительства. Однако на смену прежним пришли новые, ранее невиданные угрозы. Гегемонистские идеи по-прежнему сохраняют привлекательность в глазах многих политиков и подталкивают их к агрессивным действиям. Поэтому стоит прислушаться к Монтескье: «Какого бы успеха ни добилось государство-завоеватель, оно всегда встречает некоторое сопротивление, которое возвращает его в исходное состояние» (гл. II).

Библиография

Алтухова Н.И. Формирование права собственности на должности как основа практики vénalité des offices (Франция, XVI в.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 8 (62). URL: https://history.jes.su/s207987840002001-0-1/ (дата обращения: 25.01.2021).

Квинт Гораций Флакк. Оды, эподы, сатиры, послания / Перевод Н.С. Гинцбурга. М., 1970.

Минути Р. Образ России в творчестве Монтескье // Европейское просвещение и цивилизация России / Под ред. С.Я. Карпа и С.А. Мезина. М., 2004. С. 31–41.

Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения Екатерины II: Первоначальный конспект Наказа. Источники. Переводы. Тексты / Изд. подготовлено Н.Ю. Плавинской. М., 2018.

Пименова Л.А. Дворянство Франции XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословий / Под ред. В.А. Ведюшкина. М., 1997. С. 50–80.

Bély L. L'art de la paix en Europe. Naissance de la diplomatie moderne, XVIe–XVIIIe siècles. Paris, 2007.

Binoche B. Introduction à De l'esprit des lois de Montesquieu. Paris, 1998.

Bibliothèque de Montesquieu, catalogue et bibliothèque virtuelle / Sous la dir. de C. Volpilhac-Auger. URL: http://montesquieu.huma-num.fr/bibliotheque/introduction (дата обращения: 25.01.2021).

Bonnet P. La monarchie universelle de Louis XIV: une notion clé de la pensée politique, de Campanella à Montesquieu // Littératures classiques. 2011. № 76. P. 133–146.

Chevallier P. Les ducs sous l'acacia, ou les premiers pas de la franc-maçonnerie française, 1725–1744. Genève, 1994.

Desgraves L. Inventaire des documents manuscrits des fonds Montesquieu de la Bibliothèque municipale de Bordeaux. Genève, 1998.

Desgraves L., Volpilhac-Auger C. avec la collab. de F. Weil. Catalogue de la bibliothèque de Montesqueu à la Brède. Napoli – Paris – Oxford, 1999.

---

[83] *Квинт Гораций Флакк*. Послания. I, 2, 16 // *Квинт Гораций Флакк*. Оды, эподы, сатиры, послания / Перевод Н.С. Гинцбурга. М., 1970. С. 325.

Deux opuscules de Montesquieu, publiés par le baron de Montesquieu. Bordeaux – Paris, 1891.

La France démasquée, ou projet de la monarchie universelle de l'Europe découvert. La Haye, 1745.

Larrère C. Montesquieu et l'idée de la fédération // L'Europe de Montesquieu. Actes du colloque de Gênes (26–29 mai 1993). Napoli – Paris – Oxford, 1995.

[*Leibniz G.W. von*] Mars Christianissimus autore germano gallo-græco, ou Apologie de armes du roi très-Chrétien contre les Chrétiens. Cologne, 1684.

Leti G. La Monarchie universelle de Louis XIV, traduite de l'italien de monsieur Leti. Amsterdam, 1701.

[*Lisola F.P. de*] Bouclier d'État et de justice contre le dessein manifestement découvert de la monarchie universelle, sous le vain prétexte des prétentions de la reine de France. [s. l.], 1667.

Masson N. Relation parisiennes // Dictionnaire Montesquieu / Sous la dir. de C. Volpilhac-Auger. URL: http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1377667524/fr/ (дата обращения: 25.01.2021).

[*Melon J.F.*] Essai politique sur le commerce. [s. l.], 1734.

Minuti R. Rappresentazione della Russia petrina nella cultura francese del'700. Un aspetto dell'opera di Montesquieu // Paradigmi dello sguardo. Percezioni, descrizioni, costruzioni e ricostruzioni della Moscovia tra Medioevo e età moderna (uomini, merci, culture). Viterbo, 2011. P. 213–247.

Montesquieu. Lettres persanes / Éd. revue et augmentée par Ph. Stewart et C. Volpilhac-Auger. URL: http://montesquieu.huma-num.fr/editions/fictions-poesies/lettres-persanes/introduction (дата обращения: 25.01.2021).

Montesquieu. Pensées. Le Spicilège / Éd. établie par L. Desgraves. Paris, 1991.

Montesquieu. Réflexions sur la monarchie universelle en Europe / Introd. et notes par M. Porret. Genève, 2000.

O'Gilvy H.G. Nobiliaire de Guyenne et de Gascogne. Paris, 1858.

Œuvres de Fénelon, archevêque de Cambrai, publiés d'après les manuscrits originaux. T. 22. Paris, 1824.

Œuvres de Leibniz, publiés pour la première fois d'après les manuscrits originaux / Notes et introd. par A. Foucher de Careil. T. 3, 6. Paris, 1865.

Œuvres complètes de Montesquieu, en 22 vol. T. 1, 2, 7, 8, 10, 12, 13, 19. Oxford – Napoli; Lyon – Paris, 1998 – издание продолжается.

[*Paris J. de*] Dessein perpétuel des Espagnoles à la monarchie universelle avec les preuves d'iceluy. [s. l.], 1624.

Plavinskaia N. Les documents concernant Montesquieu au Musée historique d'État (GIM) à Moscou // Les Archives de l'Est et la France des Lumières. Guide des archives et inédits. II: Inédits / Sous la dir. de G. Dulac et S. Karp. Ferney-Voltaire, 2007. P. 740–745.

Plavinskaia N. Pierre le Grand // Dictionnaire Montesquieu / Sous la dir. de C. Volpilhac-Auger. URL: http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1377669617/fr/ (дата обращения: 25.01.2021).

Plavinskaia N. Pologne // Dictionnaire Montesquieu / Sous la dir. de C. Volpilhac-Auger. URL: http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1377669643/fr/ (дата обращения: 25.01.2021).

Plavinskaia N. Russie // Dictionnaire Montesquieu / Sous la dir. de C. Volpilhac-Auger. URL: http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1377669664/fr/ (дата обращения: 25.01.2021).

[*Pufendorf S.*] Introduction à l'histoire des principaux États, tels qu'ils sont aujourd'hui dans l'Europe, première partie. Cologne, 1685.

Quérard J.M. La France littéraire, ou Dictionnaire bibliographique. T. 6. Paris, 1834.

Rétat P. Discours académiques // Dictionnaire Montesquieu / Sous la dir. de C. Volpilhac-Auger. URL: http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1376472198/fr/ (дата обращения: 25.01.2021).

Rétat P. Entresol (club de l') // Dictionnaire Montesquieu / Sous la dir. de C. Volpilhac-Auger. URL: http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1376472760/fr/ (дата обращения: 25.01.2021).

Saint Pierre, abbé. Projet pour rendre la paix perpétuelle en Europe. Utrecht, 1713.

Smyth G. The vanity of conquests and universal monarchy. London, 1705.

Staël Mme de. Considérations sur les principaux événements de la révolution française. Paris, 1826. T. 2.

Volpilhac-Auger C. Préface // Montesquieu, Considération sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence / Éd. de C. Volpilhac-Auger avec la collab. de C. Larrère. Paris, 2008.

Walkenaer Ch.A. Montesquieu // Biographie universelle, ancienne et moderne. T. 29. Paris, 1821. P. 501–522.

Zeller G. Le principe de l'équilibre dans la politique internationale avant 1789 // Aspects de la politique française sois l'Ancien Régime. Paris, 1964.

References

Altuhova N.I. Formirovanie prava sobstvennosti na dolzhnosti kak osnova praktiki vénalité des offices (Franciya, XVI v.) [Formation of the right of ownership to positions as the basis of the practice of vénalité des offices (France, 16th century)] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic

scientific and educational journal "History"]. 2017. T. 8. Vyp. 8 (62). URL: https://history.jes.su/s207987840002001-0-1/ (access date: 12.01.2021). (In Russ.)

Minuti R. Obraz Rossii v tvorchestve Montesquieu [The image of Russia in the works of Montesquieu] // Evropeyskoye prosveshcheniye i tsivilizatsiya Rossii / Pod red. S.Ia. Karpa i S.A. Mezina. [European Enlightenment and Civilization of Russia] / Eds S.Ia.Karp and S.A. Mezine. Moskva, 2004. C. 31–41. (In Russ.)

Nakaz Komissii o sochinenii proekta novogo ulozheniya Ekateriny II: Pervonachal'nyj konspekt Nakaza. Istochniki. Perevody. Teksty / Izd. podgotovleno N. Plavinskoj [The Nakaz to the Commissioners appointed to frame a New Code of Laws by Catherine II: Initial summary of the Nakaz. Sources. Transfers. Texts / Ed. by N. Plavinskaya]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Pimenova L.A. Dvoryanstvo Francii XVI–XVII vv. [The nobility of France of the 16–17th centuries] // Evropejskoe dvoryanstvo XVI–XVII vv.: granicy sosloviij / Pod red. V.A. Vediushkina [European nobility of the 16–17th centuries: the border of estates / Ed. V.A. Vedyushkin]. Moskva, 1997. P. 50–80. (In Russ.)

Kvint Goratsii Flakk. Ody, epody, satiry, poslaniia / Perevod N.S. Gintsburga [Odes, epods, satires, epistles / Translated by N.S. Gintsburg]. Moskva, 1970. S. 325. (In Russ.)

Bély L. L'art de la paix en Europe. Naissance de la diplomatie moderne, XVIe–XVIIIe siècles. Paris, 2007.

Binoche B. Introduction à De l'esprit des lois de Montesquieu. Paris, 1998.

Bibliothèque de Montesquieu, catalogue et bibliothèque virtuelle / Sous la dir. de C. Volpilhac-Auger. URL: http://montesquieu.huma-num.fr/bibliotheque/introduction (access date: 25.01.2021).

Bonnet P. La monarchie universelle de Louis XIV: une notion clé de la pensée politique, de Campanella à Montesquieu // Littératures classiques. 2011. № 76. P. 133–146.

Chevallier P. Les ducs sous l'acacia, ou les premiers pas de la franc-maçonnerie française, 1725–1744. Genève, 1994.

Desgraves L. Inventaire des documents manuscrits des fonds Montesquieu de la Bibliothèque municipale de Bordeaux. Genève, 1998.

Desgraves L., Volpilhac-Auger C. avec la collab. de F. Weil. Catalogue de la bibliothèque de Montesqueu à la Brède. Napoli – Paris – Oxford, 1999.

Deux opuscules de Montesquieu, publiés par le baron de Montesquieu. Bordeaux – Paris, 1891.

La France démasquée, ou projet de la monarchie universelle de l'Europe découvert. La Haye, 1745.

Larrère C. Montesquieu et l'idée de la fédération // L'Europe de Montesquieu. Actes du colloque de Gênes (26–29 mai 1993). Napoli – Paris – Oxford, 1995.

[*Leibniz G.W. von*] Mars Christianissimus autore germano gallo-græco, ou Apologie de armes du roi très-Chrétien contre les Chrétiens. Cologne, 1684.

Leti G. La Monarchie universelle de Louis XIV, traduite de l'italien de monsieur Leti. Amsterdam, 1701.

[*Lisola F.P. de*] Bouclier d'État et de justice contre le dessein manifestement découvert de la monarchie universelle, sous le vain prétexte des prétentions de la reine de France. [s. l.], 1667.

Masson N. Relation parisiennes // Dictionnaire Montesquieu / Sous la dir. de C. Volpilhac-Auger. URL: http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1377667524/fr/ (access date: 25.01.2021).

[*Melon J.F.*] Essai politique sur le commerce. [s. l.], 1734.

Minuti R. Rappresentazione della Russia petrina nella cultura francese del'700. Un aspetto dell'opera di Montesquieu // Paradigmi dello sguardo. Percezioni, descrizioni, costruzioni e ricostruzioni della Moscovia tra Medioevo e età moderna (uomini, merci, culture). Viterbo, 2011. P. 213–247.

Montesquieu. Lettres persanes / Éd. revue et augmentée par Ph. Stewart et C. Volpilhac-Auger. URL: http://montesquieu.huma-num.fr/editions/fictions-poesies/lettres-persanes/introduction (access date: 25.01.2021).

Montesquieu. Pensées. Le Spicilège / Éd. établie par L. Desgraves. Paris, 1991.

Montesquieu. Réflexions sur la monarchie universelle en Europe / Introd. et notes par M. Porret. Genève, 2000.

O'Gilvy H.G. Nobiliaire de Guyenne et de Gascogne. Paris, 1858.

Œuvres de Fénelon, archevêque de Cambrai, publiés d'après les manuscrits originaux. T. 22. Paris, 1824.

Œuvres de Leibniz, publiés pour la première fois d'après les manuscrits originaux / Notes et introd. par A. Foucher de Careil. T. 3, 6. Paris, 1865.

Œuvres complètes de Montesquieu, en 22 vol. T. 1, 2, 7, 8, 10, 12, 13, 19. Oxford – Napoli; Lyon – Paris, 1998 – current edition.

[*Paris J. de*] Dessein perpétuel des Espagnoles à la monarchie universelle avec les preuves d'iceluy. [s. l.], 1624.

Plavinskaia N. Les documents concernant Montesquieu au Musée historique d'État (GIM) à Moscou // Les Archives de l'Est et la France des Lumières. Guide des archives et inédits. II: Inédits / Sous la dir. de G. Dulac et S. Karp. Ferney-Voltaire, 2007. P. 740–745.

Plavinskaia N. Pierre le Grand // Dictionnaire Montesquieu / Sous la dir. de C. Volpilhac-Auger. URL: http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1377669617/fr/ (access date: 25.01.2021).

Plavinskaia N. Pologne // Dictionnaire Montesquieu / Sous la dir. de C. Volpilhac-Auger. URL: http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1377669643/fr/ (access date: 25.01.2021).

Plavinskaia N. Russie // Dictionnaire Montesquieu / Sous la dir. de C. Volpilhac-Auger. URL: http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1377669664/fr/ (access date: 25.01.2021).

[*Pufendorf S.*] Introduction à l'histoire des principaux États, tels qu'ils sont aujourd'hui dans l'Europe, première partie. Cologne, 1685.

Quérard J.M. La France littéraire, ou Dictionnaire bibliographique. T. 6. Paris, 1834.

Rétat P. Discours académiques // Dictionnaire Montesquieu / Sous la dir. de C. Volpilhac-Auger. URL: http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1376472198/fr/ (access date: 25.01.2021).

Rétat P. Entresol (club de l') // Dictionnaire Montesquieu / Sous la dir. de C. Volpilhac-Auger. URL: http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1376472760/fr/ (access date: 25.01.2021).

Saint Pierre, abbé. Projet pour rendre la paix perpétuelle en Europe. Utrecht, 1713.

Smyth G. The vanity of conquests and universal monarchy. London, 1705.

Staël Mme de. Considérations sur les principaux événements de la révolution française. Paris, 1826. T. 2.

Volpilhac-Auger C. Préface // Montesquieu, Considération sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence / Éd. de C. Volpilhac-Auger avec la collab. de C. Larrère. Paris, 2008.

Walkenaer Ch.A. Montesquieu // Biographie universelle, ancienne et moderne. T. 29. Paris, 1821. P. 501–522.

Zeller G. Le principe de l'équilibre dans la politique internationale avant 1789 // Aspects de la politique française sois l'Ancien Régime. Paris, 1964.

DOI: 10.31857/S013038640014693-0

© 2021 г. **А.Г. ГОТОВЦЕВА**

НАПОЛЕОН НА СВЯТОЙ ЕЛЕНЕ: СИМВОЛЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ XIX века

Готовцева Анастасия Геннадьевна *– доктор филологических наук, профессор Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН (Москва, Россия).*
E-mail: brunhilda@yandex.ru
Researcher ID: H-8119-2013

Аннотация. Статья посвящена отражению в европейской поэзии части наполеоновской легенды, связанной с пребыванием и захоронением Наполеона на острове Святой Елены.
При анализе документов эпохи – писем, дневников, мемуаров – выявляется определенный семантический комплекс, отражающий, с одной стороны, реальное географическое описание острова Святой Елены (скалистое образование посреди океана, далекое от материка), с другой – символическое осмысление, трактующее Наполеона как Прометея и как Христа.
Сравнение Наполеона с Христом актуализует в культурной памяти тему воскресения. Она воплощалась в поэзии с помощью образов-символов «тень» и «призрак». Во французской поэзии, кроме этого, неким «предвоскресением» осмыслялось восстановление статуи Наполеона на Вандомской колонне в 1833 г. (произведения Э. Кинэ, Л. Бельмонте, В. Гюго). Использование образа «тени» позволяло изобразить Наполеона существующим на границе двух миров, реального и загробного. Это ожидание воскресения отражалось и в живописи (А. Альбрехта и О. Верне). Символическим воплощением «воскресения» Наполеона стало перенесение его праха с острова Святой Елены в парижский Дом инвалидов в декабре 1840 г. Перезахоронение было обставлено как военный парад, триумфальное шествие после победы. Именно как воскресение перенесение праха было воспринято европейским обществом (стихотворения французов Л. Бельмонте, В. Гюго, Э. Кинэ, К. Делавиня, немца Г. Гейне и австрийца Й. Цедлица, картины художников О. Верне и В. Ваньковича).

Ключевые слова: Наполеон, ссылка, остров Святой Елены, историческая память, символы, образы, мифотворчество, мифологизация.

A.G. Gotovtseva

Napoleon on Saint Helena: Symbols of European Poetry of the 19th century

Anastasia Gotovtseva, A.N. Kosygin Russian State University, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: brunhilda@yandex.ru
Researcher ID: H-8119-2013

Abstract. The article is devoted to the reflection of a part of the Napoleonic legend associated with the imprisonment and burial of Napoleon on the island of Saint Helena in European poetry. Analysis of the documents of the era (i.e. letters, diaries, memoirs) reveals a certain semantic complex that reflects the real geographical description of the island of Saint Helena (a rocky formation in the middle of the South Atlantic Ocean, far from the mainland), on the one hand, and a symbolic interpretation that treats Napoleon as Prometheus and as Christ, on the other. The comparison of Napoleon with Christ

actualizes the theme of the Resurrection in cultural memory. It was embodied in poetry with the help of the symbolic images of “shadow” and “ghost”. In French poetry, also, the restoration of the statue of Napoleon on the Vendôme column in 1833 (works by E. Quinet, L. Belmonte, V. Hugo) was conceptualized as a kind of anticipation. The use of the “shadow” image made it possible to depict Napoleon as existing on the border of two worlds, the real and the beyond. This expectation of the resurrection was reflected in painting (A. Albrecht and O. Vernet). The transfer of his ashes from Saint Helena to the Parisian House of Invalids in December 1840 represented the symbolic embodiment of Napoleon's “resurrection”. The reburial was arranged as a military parade, a triumphal procession after the victory. The transfer of the ashes was perceived by European society as a “resurrection” (poems by L. Belmonte, V. Hugo, E. Quinet, K. Delavigne, G. Heine, and the Austrian J. Zedlitz, paintings by the artists O. Verne and V. Vankovich).

Keywords: Napoleon, Prometheus, Christ, Saint Helena, Vendôme column, The Hôtel National des Invalides.

Остров Святой Елены, куда британцами было решено сослать сдавшегося им в плен в 1815 г. Наполеона, – едва ли не самый отдаленный от материков обитаемый остров на земле. Этот кусочек суши, открытый португальцами в начале XVI в. и оспариваемый голландцами и англичанами, в итоге достался последним. В 1657 г. он был отдан в управление Ост-Индской компании и стал важным стратегическим пунктом для снабжения дальних, в том числе кругосветных, плаваний: моряки здесь пополняли запасы пресной воды и продовольствия.

Низложенный император со своей добровольной свитой прибыл на остров 17 октября 1815 г. С апреля 1816 г. Наполеон находился под личным строгим наблюдением нового губернатора острова, британского генерала сэра Хадсона (или Гудсона) Лоу (1769–1844).

ОСТРОВ СВ. ЕЛЕНЫ: ВЗГЛЯД ИЗ ЕВРОПЫ

Затерянный в океане кусочек суши в начале XIX в. казался с большого континента райским уголком. Эти представления европейцев, естественно, проникали в Россию.

Почти одновременно в двух изданиях – французской газете «Le Moniteur universel» (1801) и немецком журнале «Minerva: ein Journal für Geschichte, Politik und Literatur» (1802) появился на французском и немецком языках соответственно отрывок из путевых заметок одного голландского путешественника, возвращающегося из Индии на английском корабле (видимо, «Монитер» был источником перевода для «Минервы»)[1]. Обе публикации, французская и немецкая, были переведены на русский язык и опубликованы соответственно в «Вестнике Европы» и «Новостях русской литературы» (НРЛ)[2]. В записках остров представлен раем на земле, но это скорее художественное повествование. Издатель «НРЛ» даже дал примечание к публикации следующего содержания: «Чтоб не все прогуливаться нам весною по идеальным очаровательным ландшафтам, приятно иногда рассматривать картину подлинного в природе находящегося райского местоположения, каково это»[3].

А вот вполне научное описание острова, изданное Ост-Индской компанией: «Остров, если наблюдать его с моря, представляет на первый взгляд крутой скалистый утес, лишенный деревьев, кустарников или травы. Большее приближение позволяет взглянуть

---

[1] Extrait d'une lettre écrite de Sainte-Hélène, par un voyageur allant dans l'Inde sur un vaisseau anglais // Gazette national ou Le Moniteur universel. 1801. Sextïdi, 16 brumaire an 10 de la République française. № 46. P. 180; Fragment aus dem Briefe eines nach Indien reisenden Holländers. St. Helene, den 19ten May 1801 // Minerva: ein Journal für Geschichte, Politik und Literatur. 1802. Bd. 1. Januar. S. 153–160.

[2] Остров Святой Елены. Письмо английского путешественника к другу его // Вестник Европы. 1802. Ч. 1. № 2. Янв. С. 38–45 (ошибка перевода: в оригинале английским был корабль, а не путешественник. – *А.Г.*); Остров Святой Елены. Отрывок из письма одного голландского путешественника в Индии. 19 мая 1801 г. // Новости русской литературы. 1802. Ч. 2. № 33. С. 102.

[3] Остров Святой Елены... С. 102.

на центральные возвышения, отличающиеся более мягким контуром, одетые зеленью и возвышающиеся до облаков. При подходе еще ближе картина вновь меняется, и зеленые вершины скрываются от глаз прилегающими громадными скалистыми утесами, которые, кажется, нависают над морем.... При обходе Мунден-Пойнт взгляд внезапно успокаивается видом города, расположенного в узкой долине между двумя высокими горами; и деревья, разбросанные среди белых домов, имеют эффект в высшей степени живописный и приятный»[4]. Стоит подчеркнуть, что именно пребывание Наполеона на острове стало поводом для публикации второго издания этого описания[5].

Из путешественников, побывавших на Святой Елене, самым известным был, наверное, Джеймс Кук (1728–1779), который во время своего второго кругосветного плавания (1772–1775) провел на острове почти неделю и оставил довольно подробное его описание. Пребывание участников экспедиции на острове оказалось весьма приятным, что было неожиданно для самого знаменитого капитана: «Обед был подан так изящно, что я был очень удивлен, – ведь до сих пор я на этом острове ничего не видел, кроме голых скал, которые его ограничивают... Чтобы составить об острове известное представление по моим собственным наблюдениям, я на следующее утро проехал по нему верхом... Сразу после того, как мы выехали из долины и поднялись на вершину первого холма, я был приятно поражен видом этой страны, которую так красочно разнообразили холмы и долины, леса и луга». И уже в конце своего описания Кук заявляет, что обязан местным жителям возможностью осмотреть «прославленные красоты Святой Елены»[6].

Первым русским путешественником, описавшим остров Святой Елены, был, видимо, профессор медицины Карл Эспенберг (1761–1822), корабельный доктор на шлюпе «Надежда» во время кругосветного путешествия И.Ф. Крузенштерна. «Надежда» пристала к острову в апреле 1806 г. Эти заметки немногим отличаются от вышепроцитированных: «Ни в едином из всех тех мест, где нам случалось приставать, не чувствовали мы столько удовольствия, сколько на острове Св. Елены... Мы нашли здесь красивый, чрезвычайно чистый городок, жителей в приязненности предупредительных; они казались совершенно спокойными и щастливыми... ясная погода и тихий вечерний ветерок еще более усугубляли наслаждение; все представилось в превосходном виде... Нам казалось, что мы перенесены были в волшебное царство». Речь идет о столице острова городе Джеймстауне, центре жизни на достаточно пустынном кусочке суши, но и в целом отмечается, что «голый камень», составляющий остров, не является помехой успешному земледелию, в котором англичане искусны, хотя площадь возделывания небольшая и скрыта от глаз путешественников. Эспенберг сообщает также, что «на острове св. Елены получили мы довольное количество прекраснейших, вкуснейших яблок и лучшего картофеля», яблоки же не имели зерен и были «чрезвычайно вкусны»[7].

* * *

Описания меняются, когда Св. Елена становится местом заключения Наполеона Бонапарта. Адмирал Василий Головнин (1776–1831), посетивший остров в марте 1819 г. во время кругосветного путешествия на шлюпе «Камчатка», сообщал: «Остров Св. Елены...

---

[4] *Brooke T.H.* A history of the island of St. Helena, from its discovery by the Portuguese to the year 1806. London, 1808. P. 1–2.

[5] *Brooke T.H.* History of the island of St. Helena, from its discovery by the Portuguese to the year 1823. 2 ed. London, 1824.

[6] *Cook J.* The journals of Captain James Cook on his voyages of discovery: 3 vol. Vol. 2. The voyage of the Resolution and Adventure, 1772–1775. Cambridge, 1961. P. 660–661, 664; *Кук Дж.* Второе кругосветное плавание капитана Джемса Кука: Плавание к Южному полюсу и вокруг света в 1772–1775 гг. М., 1964. С. 550, 553.

[7] *Эспенберг К.Ф.* Замечания по врачебной части, учиненные во время путешествия // Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева»: в 3 ч. Ч. 3. СПб., 1812. С. 286, 323–324, 326–328.

есть вершина высокой горы, со дна морского на неизмеримой глубине поднимающейся... Находясь один посреди обширного океана в расстоянии от африканского берега в двух и от американского в трех тысячах верстах... он служит местом роздыха для утомленных мореходцев; ныне же обращен в тюрьму для необыкновенного человека»[8].

Для Головнина то, что остров стал тюрьмой Наполеона, несомненно, имело превалирующее значение. После топографического и экономического представления острова он констатировал: «Остров Св. Елены уже довольно известен» и поэтому краткая характеристика, данная ему адмиралом, лишь «введение к тому, что я хочу сказать о заключенном на нем знаменитом пленнике».

Соответственно, повествование об охране Наполеона занимает гораздо большее место, чем описание самого острова. Головнин подробно рассказывает о мерах, предпринимаемых английскими властями. Судам не позволено долго стоять на островном рейде, а команде и пассажирам почти не позволено сходить на берег. Сам командир «Камчатки» был на острове лишь в сопровождении одного гардемарина, остальные остались на корабле. Он удивлялся строгости содержания пленника, считая многие «осторожности» излишними. Но получил на это ответ английского морского офицера, служащего на острове: «Наполеон проворен на эти дела (на побег. – *А.Г.*), и что даже теперь при всех строгостях они боятся, чтоб он их как-нибудь не обманул». Впрочем, по словам Головнина, англичане, вполне осознавая беспрецедентно суровое положение их пленника, «беспрестанно извинялись тем, что остров Св. Елены я должен теперь почитать самою важнейшею тюрьмою в свете». При попытке посетить Лонгвуд, где нашел свое последнее пристанище Наполеон, адмирал «узнал о невозможности иметь эту честь»[9].

Британские предосторожности иногда приобретали гротескные формы. Отто Коцебу (1787–1846), совершающий кругосветное плавание на шлюпе «Рюрик», подошел к острову в апреле 1818 г., имея служебное задание забрать у русского комиссара графа А. Бальмена его письма для доставки в Санкт-Петербург. Он не смог высадиться на острове, несмотря на данное ему вахтенным офицером формальное разрешение: по его кораблю береговой охраной было выпущено несколько ядер[10].

Посетил Коцебу остров Св. Елены только в 1826 г. после смерти Бонапарта. Он описывает разительный контраст между Джеймстауном и его окрестностями на западной части острова и восточной частью, где жил Наполеон. В итоге складывается двоякое впечатление: с одной стороны – райский уголок и «маленькая Швейцария», с другой же – мрачнейшее место на земле, которое «природа сама определила зловещей тюрьмой для государственных преступников»[11]. Отметим, что Лонгвуд, как место, где нет воды, упоминал еще Кук (наименование еще не осознается топонимом и передано как long Wood: «длинный лес». – *А.Г.*)[12].

СВЯТАЯ ЕЛЕНА: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Находившиеся рядом с Наполеоном постоянно, по долгу ли службы или добровольно, гораздо более категоричны. Клод де Моншеню (1757–1831), королевско-французский комиссар на Св. Елене, писал другу во Францию летом 1816 г.: «Вы не можете получить никакого представления об этом острове. Все, что вы о нем слышали,

---

[8] *Головнин В.М.* Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах: в 2 ч. Ч. I. СПб., 1822. С. 461.

[9] Там же. С. 465, 468, 472.

[10] *Коцебу О.Е.* Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив в 1815, 1816, 1817, 1818 годах на корабле «Рюрике»: в 3 ч. Ч. 2. СПб., 1821. С. 317–318.

[11] *Kotzebue O.* Neue Reise um die Welt in den Jahren 1823, 24, 25 und 26: 2 Bde. Bd. 2. Weimar, 1830. S. 171, 174; *Коцебу О.Е.* Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. М., 1959. С. 288, 290 (перевод не вполне точный. – *А.Г.*).

[12] *Cook J.* Op. cit. P. 661; *Кук Дж.* Указ. соч. С. 551.

делает его раем по сравнению с реальностью. Вид отсюда еще более ужасен. Внутри вы видите только голые горы без растительности и одну-единственную равнину, где живет Бонапарт. Встречается кое-где несколько деревьев; собирают только картофель и кое-какие овощи в небольших количествах. Единственный городок, где около шестидесяти домов, ни единой деревни, несколько разбросанных соломенных хижин, которые украсили помпезным названием загородных домов, часть из которых более или менее пригодна для проживания, прекрасные дороги, прорубленные в скалах, окаймленные ужасными пропастями, проходимых тропинок нет»[13]. Отметим, что письмо получило широкое распространение в Европе, так как было опубликовано практически сразу после его получения. В нескольких изданиях XIX в. оно было помечено разными числами и разными адресатами, иногда вовсе не атрибутировалось Моншеню. Последующими исследователями текст неоднократно воспроизводился по архивным копиям вплоть до современных изданий. Русские читатели имели возможность ознакомиться с письмом в сокращенном виде в «Духе журналов»[14].

С Моншеню согласился и австрийский комиссар, барон Бартоломеос Штюрмер (1787–1863), сообщавший в послании канцлеру Меттерниху (1773–1859) 2 сентября 1816 г.: «Я изведал бесчисленные трудности, с которыми здесь встречаются со всех сторон в самых незначительных вещах. Географическое положение острова, делающее связи медленными и утомительными, изоляция, в которой находится Бонапарт и все, что ему принадлежит, вздорный характер того, от кого здесь все зависит, столько трудностей, часто непреодолимых, с которыми мы ведем борьбу»[15].

Русский комиссар на острове, граф Александр де Бальмен (1781–1848), был более сдержан, да и форма документа, в котором он оставил свой отзыв об острове, не допускала слишком экспрессивных выражений, однако он также подтвердил: Святая Елена – место, «наиболее соответствующее настоящему своему назначению»[16], т.е. использованию в качестве тюрьмы.

Суровость жизни на острове в этих описаниях несколько преувеличена. Но желая этого или нет, комиссары положили начало тому восприятию этого отдаленного кусочка суши, которое активно поддерживалось Наполеоном и его приближенными.

Окончательно же репутация Св. Елены как ужасного места, пустынной одинокой скалы закрепилась в мемуарах близких Бонапарту людей, которые стали известны широкой публике в первые годы после его смерти. При этом реальных географических данных в этих мемуарах совсем немного, преобладают образы, скорее поэтические, призванные питать наполеоновскую легенду. Прежде всего, это «Мемориал Святой Елены» Эммануэля Лас Каза (1766–1842): «Они [англичане] приняли решение выслать своего гостя на остров посреди океана, содержать его там на скале в качестве пленника в двух тысячах лье от Европы и тем самым прекратить его общение с человечеством». «Император Наполеон, совсем недавно обладавший неограниченной властью и лишивший многих монархов их корон, теперь живет в жалкой лачуге размером в несколько квадратных метров, расположенной на скале, без занавесок, оконных ставней и мебели»[17]. «Наконец перед нами открылась новая страница в книге нашего существования на жалкой скале Святой Елены. Мы обосновались в новом жилище, и границы нашей тюрьмы теперь определены»[18].

---

[13] *Montchenu Cl.M.H.* [Lettre écrite de l'île Sainte Hélène] 23 juillet 1816 // Geoffroy de Grandmaison Ch. A. Napoléon et ses récents historiens. Paris, 1896. P. 326.

[14] Что делается на острове Св. Елены? // Дух журналов. 1817. Ч. 17. Кн. 4. С.173–180.

[15] *Stürmer B.* Die Berichte aus St. Helena zur Zeit der dortigen Internirung Napoleon Bonaparte's. 1816–1818 // Archiv für österreichische Geschichte. 1886. Bd. 67. S. 283.

[16] Из бумаг графа де Бальмена // Русский архив. 1868. № 4–5. Стб. 659–734.

[17] *Las Cases E.* Mémorial de Sainte-Hélène: 8 vol. Paris, 1823. Vol. 1. P. 109, 315–316; Vol. 2. P. 41.

[18] Ibid. Vol. 2. P. 41.

Корсиканец Франческо (Франсуа) Антомарки (1780–1838), врач, отправившийся на остров в 1818 г. и находившийся при Наполеоне последние три года его жизни, так передает свое первое впечатление от Святой Елены: «В каком зловещем виде она нарисовалась вдали! Какая суровая скала! Какая масса! Какое обиталище! Но именно там был император, именно там английская подлость ожесточилась на свою добычу, именно там короли мстили этому великому человеку за ошибки его великодушия».

Сам Наполеон под пером Антомарки наделяет «скалу» различными весьма экспрессивными эпитетами: «...мои дни скоро окончатся на этой несчастной скале!»; «...я возвращаю Вас вашим занятиям; Вы проследуете в Европу, вы опубликуете свою работу; я не хочу, чтобы вы изнурили себя на этой ужасной скале». О сопровождавшей его в изгнании мадам Бертран, жене своего адъютанта генерала Анри Бертрана (1773–1844), Наполеон говорил: «Без сомнения ситуация ужасна, мы, мы привыкли к страданию, мы терпим, но женщина! Лишенная разом всего из того, что делает жизнь приятной, перенесенная на дикую скалу, сколь большего она заслуживает сострадания!»[19].

Эту неприязнь бывшего императора к своему новому жилищу замечали не только близкие к Наполеону люди, но и мало с ним знакомые. Англичанин, сопровождавший бывшего императора на корабле «Нортумберленд», доставившем пленника на Святую Елену, записал: «Трудно найти землю столь дикую и ужасную, как сей остров. Наполеон, объезжая его в первый раз, отзывался о нем весьма дурно и сказал, что все описания сего острова, какие ему случалось читать, слишком приукрашены»[20].

ПРОМЕТЕЙ

Не только эмоциональное, но и мифологическое осмысление скалы появляется в вышедших в 1819 г. – еще при жизни Наполеона – записках анонимного путешественника. Год спустя увидел свет русский их перевод: «Вид корабельной пристани, обнаженных и безлюдных гор, почти перпендикулярных, окружающих Жамес-Тоун, которые из-за каменистого грунта остаются необработанными, приводят на мысль те горы, к коим боги приковывали гигантов, дерзнувших завоевать небо; смотря на верхи оных, воображение столь сильно действует, что вспоминая имя пленника, здесь заточенного, зрение невольно ищет исполина, прикованного к скале, им самим сгроможденной»[21]. Здесь контаминируются два мифологических сюжета – о битве богов и титанов и о прикованном к скале Прометее.

Не мимолетное, а уже четко осознаваемое сопоставление сосланного на далекий скалистый остров Наполеона с Прометеем появляется у Лас Каза в первом восьмитомном издании «Мемориала Святой Елены» 1823 г. Он дважды обращается к образу прикованного к скале титана. Один раз в первом томе: «Наконец, через 70 дней после отъезда из Англии и через 110 дней после отъезда из Парижа, около полудня мы бросаем якорь, он касается дна, и там – первое звено цепи, которая прикует современного Прометея к его скале». Второй раз – в шестом томе, где помещается резюме сказанного ранее: «Ах! если когда-нибудь, в это скорбное для стольких благородных сердец время, гений Европы, гений истины, гений истории пусть даже невольно обратились бы к великому Наполеону на Святой Елене, если бы они искали его на этом острове, который, по их мнению, следовало бы превратить в его Элизиум, каково было бы их негодование при виде его

---

[19] *Antommarchi F.C.* Mémoires du docteur F. Antommarchi, ou Les derniers momens de Napoléon: 2 vol. Vol. 1. Paris, 1825. P. 53, 167, 376, 417.

[20] Прибытие Наполеона на остров Св. Елены и пребывание его на оном (из письма одного английского офицера с корабля Нортумберленда) // Дух журналов. 1816. Ч. 11. С. 63.

[21] Записки одного путешественника, или Любопытное собрание известий, касающихся до жизни, занятий и жилища Бонапарте на острове Св. Елены. М., 1820. С. 17–18. Фр. текст см.: Carnet d'un voyageur, ou Recueil de notes curieuses sur la vie, les occupations, les habitudes de Buonaparte à Longwood. Paris, 1819. P. 15–16.

в ореоле стольких бессмертных деяний пригвожденным к скале как Прометей под когтями стервятника, так упивающегося разрыванием его на части, кусок за куском!!! О!.. какое бесчестье!.. Какой вечный позор!..»[22].

С момента публикации «Мемориала» восприятие Наполеона как Прометея, прикованного к скале и мучимого английскими властями, персонифицированными в губернаторе острова Гудсоне Лоу, метафорированном в стервятника, становится традицией. Известный специалист по наполеоновской эпохе Жак Оливье Будон замечает: «На острове Святой Елены он уже не полководец-победитель; он свергнутый глава государства, который меняет свою легендарную форму полковника гвардии на гражданскую. Но это ничуть не вредило его образу, эта метаморфоза, напротив, подчеркнула его сходство с Прометеем, потому что тот, как и другой, страдали приступами болезни печени»[23].

Интересно, что образ скалы появлялся еще раньше – в связи с первой ссылкой Наполеона на остров Эльба в 1814 г. Например, у Пушкина в стихотворении «Наполеон на Эльбе» скала получает эпитет «дикая»[24]. Однако тогда, если это и актуализовало образ Прометея, то лишь в форме противопоставления. Байрон в «Оде Наполеону Бонапарту» (1814), написанной по случаю первого отречения императора от престола, сравнивал его с другими историческими персонажами, обладавшими неограниченной властью, – древнеримским диктором Суллой и императором Священной Римской империи Карлом V. Но это сравнение – не в пользу Наполеона, который, в отличие от названных властителей, не смог добровольно отказаться от власти. Привлекает Байрон к такому противопоставлению и Прометея, который, в противоположность Наполеону, сохранил гордость, даже будучи прикован к скале[25].

Лишь сосланный на Святую Елену, Бонапарт становится новым Прометеем. При этом само имя мифологического героя может не называться, но образ низвергнутого прикованного к мрачной скале страдающего пленника остается. Казимир Делавинь (1793–1843) в поэме «Возвращение» (1840) пишет о «безжалостной ненависти английского грифа». Она «пила из сердца умирающего под цепью орла кровь, которую он хотел исчерпать для Франции». Англичане не простили Наполеону «пятнадцати лет молний, которых ему не хватило, чтобы их уничтожить»[26].

Виктор Гюго в поэме «Искупление» (1852) использует номинацию «похититель грома» (voleur du tonnerre), которого судьба, взяв молоток и железный ошейник, отправилась прибивать к вековой вершине, побуждая стервятника Англию (Le vautour Angleterre) терзать его сердце[27]. Ранее в поэме «Возвращение императора» (1840) Гюго уже использовал прометеевскую аллюзию: «Англия, изнуряющая ненавистью его гений / Принимается всякий день за пожирание великого человека, / И мир снова видит этот гомерический спектакль; / Цепь, скала, сжигаемая солнцем Африки, / И Титан – и гриф!»[28].

Поэтический сюжет может быть менее акцентированным, как, например, в поэме «Бонапарт» (1823) Альфонса Ламартина (1890–1869): «Ты падаешь все же со своей величественной вершины! / Брошенный бурей на эту пустынную скалу, / Ты видел твоих врагов, разрывающих твою мантию!»[29]. Поэма эта более ранняя, нежели цитированные выше,

---

[22] *Las Cases E.* Op. cit. Vol. I. P. 299; Vol. VI. P. 426.

[23] *Boudon J.-O.* Napoléon à Sainte-Hélène: de l'exil à la légende. Montréal, 2000. P. 46.

[24] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1. Лицейские стихотворения 1812–1817. СПб., 1999. С. 106.

[25] *Byron G.G.* The Works of Lord Byron: 7 vol. Vol. 3. London, 1904. P. 313. См. об этом: *Trousson R.* Le Thème de Prométhée dans la littérature européenne. 3 ed., corrig. Geneve, 2001. P. 427–428.

[26] *Delavigne C.* Oeuvres complètes de Casimir Delavigne / Avec une notice par M. Germain Delavigne: 6 vol. Vol. 5. Messéniennes et chants populaires. Paris, 1846. P. 210.

[27] *Hugo V.* Oeuvres completes: 48 vol. Vol. Poésie IV. Les Châtiments. Paris, 1882. P. 279.

[28] Ibid. Vol. Poésie X. La legend des siècles IV. Paris, 1883. P. 37.

[29] *Lamartine A. de.* Oeuvres completes: 6 vol. Vol. I. Paris, 1850. P. 217.

и символический комплекс сложился не до конца, но выведенный в ней образ неизбежно напоминает Прометея на скале.

Эдгар Кинэ с промежутком в три года в 1835 и 1838 гг. написал две поэмы – «Наполеон» и «Прометей». Поэма «Наполеон» рисует жизненный путь героя от рождения до могилы. В Лонгвуде умирающий император говорит своим спутникам, что нужно возблагодарить пучину и скалу, потому что «без них я был бы лишь безымянным призраком» (fantôme sans nom), «небылицей, мистерией, неразгаданной загадкой». Теперь же «Прометей прочел на скале свою судьбу» и пленник Святой Елены призывает: «Слушайте тайну... И говорите, как она прекрасна»[30].

Поэма «Прометей» – осмысление мифологического сюжета, само обращение к которому весьма показательно. У Кинэ присутствует немаловажная деталь, отмеченная А.Ф. Лосевым. В последней части поэмы прикованного Прометея освобождают архангелы Михаил и Рафаил, поведав ему о наступлении христианской эры. Они несут Прометея «к Иегове», затем он получает дар воскрешения. «Кинэ, несомненно, считает язычество изжившей себя религией, а Прометея – до некоторой степени намеком на будущего Христа», – отмечает Лосев[31]. Попытка Кинэ вписать Прометея в ряд языческих героев и пророков, непосредственно предшествующих христианству, была отмечена еще современниками поэта во Франции: «Смешивая два культа (язычество и христианство. – *А.Г.*), автор намеревался сблизить в искусстве то, что реально соприкасается в истории. Этот средневековый поэтический инстинкт, освещенный Вергилием и Сивиллами, уже предчувствовал существование нескольких полухристианских голосов, сестер Даниила и Исайи, пророчествующих о Христе в языческой древности. К этим признанным и узнаваемым предвестникам евангельских идей господин Кинэ захотел присоединить великую фигуру Прометея: это его право поэта»[32].

ХРИСТОС

Образ Христа, наряду с Прометеем, идеально вписывался в творимую Наполеоном легенду о себе. Ж.-О. Будон пишет: «Страдание, испытываемое на Святой Елене после стольких лет блеска, придавало ему новую славу. Позади Наполеона вырисовывается фигура Христа»[33].

Тщательное создание бывшим императором собственного образа для потомства было отмечено уже современниками. П.А. Вяземский, посвятивший немало страниц размышлениям о литературе и публицистике своего времени, отмечал: «Наполеон-писатель – необходимый комментатор Наполеона-полководца, политика и правителя»[34].

Позднейшие исследователи неоднократно обращались к работе Наполеона на острове Святой Елены над автобиографическими историческими трудами[35]. Согласимся с утверждением Ж. Тюлара, пожалуй, самого известного современного биографа Наполеона: «Наполеон выиграл битву за образ»[36].

Аналогия с Прометеем на страницах «Мемориала Святой Елены» весьма вероятно возникла благодаря общению Лас Каза с самим свергнутым императором. Вполне

---

[30] *Quinet E.* Oeuvres completes: 10 vol. [Vol. 8]. Prométhée. Napoléon. Les esclaves. Paris, 1857. P. 311–312.

[31] *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. М., 1995. С. 228.

[32] *Magnin Ch.* Prométhée: poème de M. Edgar Quinet // Revue des Deux Mondes. 1838. Vol. 15. № 4. P. 475.

[33] *Boudon J.-O.* Op. cit. P. 49.

[34] *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 2. Литературные, критические и биографические очерки 1827–1851. СПб., 1879. С. 227.

[35] См. подр.: *Собуль А.* Герой, легенда и история // Французский ежегодник 1969. М., 1971. С. 233–254.

[36] *Tulard J.* Dictionnaire amoureux de Napoléon. Paris, 2012. P. 585.

возможно, что подобные сравнения были приняты среди обитателей Лонгвуда и среди других жителей Святой Елены.

Сравнения Наполеона с Христом отталкиваются от «прямой речи» героя. Леди Клементина Малькольм (?–1830), супруга командующего флотом Святой Елены Палтни Малькольма (1768–1838), записала в своем дневнике 19 июня 1817 г., в день последней встречи семейства с Наполеоном перед их отъездом с острова: «Он воскликнул, что перенесение несчастья единственное, чего не достает его славе: “Я носил императорскую корону Франции, железную корону Италии; Англия теперь дала мне большую и славнейшую, чем любая из них – ибо изношена Спасителем мира – терновый венец”»[37].

Другой приближенный Бонапарта на острове, генерал Гаспар Гурго (1783–1852) оставил нам слова императора, обращенные к Гудсону Лоу 23 июня 1817 г.: «Вы надели мне как Иисусу Христу терновый венец, тем самым вы вернули мне сторонников»[38].

Подобные высказывания Наполеона записал также генерал Шарль Монтолон (1783–1853), помимо шеститомных «Мемуаров для истории Франции в правление Наполеона», опубликовавший «Рассказы пленного императора Наполеона на Святой Елене». В заметках от 12 июля 1817 г. есть фраза, почти знаменитая: «Если бы Иисус Христос не умер на кресте, он не был бы Богом». Через полторы недели он запишет следующее размышление пленника: «Иисус Христос... по сей день не был бы Богом без своего тернового венца, именно его мученичество сказалось на воображении людей». А 15 августа Монтолон оставил для истории еще одно высказывание Наполеона: «Мой сын! если я умираю на кресте, то он жив, он придет»[39].

* * *

Новая ипостась Наполеона-пленника, умершего на далеком острове, была подхвачена поэзией, и скала стала символом и в христианском контексте. Образ Голгофы появляется впервые в оде итальянского поэта Алессандро Мандзони (1785–1873) «Пятое мая», написанной 20 июля 1821 г., через три дня после того, как поэт узнал о смерти Наполеона: «Прекрасное бессмертие! благодатная / Вера, к торжествам привыкшая! / Запиши еще это, радуйся; / Ибо самое торжественное величие / Перед позором Голгофы / Никогда не склонялось»[40].

Идея именно христианского страдания прослеживается у Гюго в стихотворении «Искупление»: «Тогда гигант, изнемогающий под пятой королей, / Вскричал: “Мера переполнена на этот раз! / Господь! Теперь кончено! Боже я молю, / Ты уже покарал меня! ” Голос произнес: “Еще нет!”»[41]. Здесь видятся отголоски двух знаменитых фраз Иисуса Христа, произнесенных в Гефсиманском саду и на кресте: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф. 26:39) и «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46).

В «Возвращении императора» Гюго в строфе, следующей за той, что воспроизводит образ Прометея, Наполеон назван великим распятым (grand crucifié), т.е. Христом: «Между тем эти мучения, это величественное несчастье, / Эта кровавая ярость, неуместная злоба, / Заставляющая истекать кровью великого распятого, / Эти оскорбления, которые сыпались на возвышенную душу, / Как глубокий сосуд, из которого бьет фонтан, / Медленно наводняли мир состраданием»[42].

Генрих Гейне в девятой главе «Идеи. Книга Ле Гран» (1826) очень точно выразил основу трансформации Наполеон–Христос: «И Святая Елена есть священная могила, куда

---

[37] *Malcolm Cl.* A Diary of St. Helena (1816, 1817): The journal of Lady Malcolm. London, 1899. P. 159.

[38] *Gourgaud G.* Journal de Sainte-Hélène. 1815–1818: 2 vol. Vol. 2. Paris, 1947. P. 197.

[39] *Montholon Ch.* Récits de la captivité de l'empereur Napoléon à Sainte-Hélène: 2 vol. Vol. 2. Paris, 1847. P. 152, 156, 164.

[40] *Manzoni A.* Opere varie. Milano, 1881. P. 692.

[41] *Hugo V.* Op. cit. Vol. Poésie IV. P. 281.

[42] *Hugo V.* Op. cit. Vol. Poésie X. P. 37.

народы Востока и Запада стекаются на поклонение на пестреющих флагами кораблях и укрепляют сердца свои памятью великих деяний земного Спасителя, претерпевшего при Гудсоне Лоу, как писано в евангелиях от Лас Каза, О'Мира и Антомарки»[43].

* * *

Главная составляющая образа Христа – воскресение. Ожидание этого события концентрируется во французской поэзии во фразе «император не умер!». Пьер Беранже (1780–1857) в 1830 г. пишет песню под названием «Он не умер», каждый куплет которой заканчивается рефреном «Не правда ли, Господи, он не умер?»: «...верни его скорее во Францию; / Господи, без него я не могу верить в тебя. / Но вдали от нас на гибельных скалах, / Если он навсегда заснул в своем плаще, / Ах! пусть моя кровь выкупит по крайне мере его останки! / Неправда ли, Господи, что он не умер?». К этому тексту автор сделал весьма знаковое примечание: «Идея, которая заставила создать эту песню, издавна царила в глубине нашей деревни и даже среди городского рабочего класса. Может быть даже мы найдем в какой-нибудь провинции людей, которые сохраняют это народное суеверие»[44].

Традиционно предметом поклонения бонапартистов была колонна на Вандомской площади. На ней в 1833 г. была восстановлена снятая в период Реставрации статуя Наполеона. «Колонна побед», как ее еще называли, сооружалась по императорскому декрету на протяжении четырех лет (1806–1810). Во всю свою высоту она была обложена бронзовыми барельефами, изображающими эпизоды триумфальной для Наполеона кампании 1805 г.

Собственно, Вандомская колонна, даже в период Реставрации, оставалась символом веры в бессмертие Бонапарта. В 1821 г. под впечатлением от печального известия Луи Бельмонте (1798/9–1879) пишет стихотворение под названием «Смерть императора», в котором, на самом деле, утверждает идею бессмертия: «Сила в жизни, а не в смерти». Последняя строфа этого стихотворения посвящена колонне: «Колонна, где отпечатавшее наши битвы и наши праздники / Искусство заставляло союзных монархов говорить о поражении, / Казалась увеличивающейся перед лицом смерти. / Говорили, что возбужденные воспоминаниями о славе / Эти бронзовые батальоны маршировали к победе, / Чтобы отомстить нашими лаврами за оскорбление Севера»[45].

В феврале 1827 г. Гюго опубликовал «Оду колонне на Вандомской площади», пропитанную жаждой восхода над Францией солнца Аустерлица. Обращаясь к французам, поэт пишет: «Вперед! – У вас более нет орла, который в своем полете / На всех фронтах слишком высоко нес ваш гром / Но у вас остается еще орифламма и лилии, / Но есть галльский петух, пробуждающий мир; / И его крик может обещать вашей глубокой ночи / Восход солнца Аустерлица!». Ода была реакцией на оскорбительный жест со стороны австрийской дипломатии: на приеме в австрийском посольстве в Париже швейцар отказался представлять приглашенных французских маршалов в соответствии с их поместными титулами – местами побед Наполеона над австрийцами. Гюго, сын генерала великой армии, защищал память своего отца и военную славу французов. В первой части оды поэт обращается к колонне: «Никогда, о монумент, даже опьяненные своим количеством, / Чужаки без страха не проходили под твоей сенью. / Их шаги не сотрясали твою суверенную бронзу. / Когда судьба однажды вытолкнула их к нашим берегам, / Они не осмелились выставить свои праздные парады / Перед твоими бронзовыми битвами!»[46].

В 1830 г., уже при Июльской монархии, в Парижском парламенте впервые обсуждалась идея возвращения праха Наполеона, похороненного на острове Святой Елены, на родину,

---

[43] *Heine H.* Gesammelte Werke, 9 Bde. Bd. 3. Einleitung. Reisebilder I. Berlin, 1887. S. 141.
[44] *Beranger P.J.* Chansons de Pierre-Jean de Béranger: anciennes et posthumes. Paris, 1866. P. 513, 514.
[45] *Belmontet L.* Poésie de l'Empire français, par Louis Belmontet. Paris, 1853. P. 37.
[46] *Hugo V.* Op. cit. Vol. Poésie I. Odes et ballades. Paris, 1880. P. 231, 236.

и Гюго написал новую «Оду колонне», утверждая, что Наполеон для своих сторонников бог, а не господин: «Иди, мы устроим тебе прекрасные похороны! / У нас будут еще, быть может, наши сражения; / Мы оттеним ими твой обожаемый гроб! / Мы пригласим сюда всех, Европу, Африку, Азию, / И мы приведем тебе юную Поэзию, / Поющую юную Свободу!»[47].

Восстановление статуи великого императора на вершине колонны рассматривалось, прежде всего, как возвращение былой французской славы, связанной с временами Наполеона, именно в этом виделось воскресение гения и его бессмертие.

В уже упоминавшейся поэме Э. Кинэ «Наполеон» (1835) последняя часть имеет название «Колонна» и проникнута тем же мотивом неверия в смерть героя: «Нет, гроб пуст и могила соврала, / Нет! Эхо небытия слишком рано прозвучало, / Нет! Червь слишком рано возжелал свою пищу, / Слишком рано могильщик сделал надгробие. / Он не умер! Он не умер! Из своего сна / Гигант выйдет более великий при своем пробуждении». Поэтический образ, созданный Кинэ, – ожившая статуя, воплощающая своего рода воскресение: «Его сердце не билось, он не имел ничего человеческого. / Бронза была его лбом, его душой была медь. / Без радости и без боли, без кивка головой, / Он поднялся по ступеням, которые вели на вершину. / Под его шагами тряслись основания колонны, / И железные люди раскачивались перед ним»[48].

* * *

Иным вариантом поэтического осмысления бессмертия императора и его воскресения стал образ Наполеона-призрака и Наполеона-тени. В стихотворении Гюго «Два острова» (1825) передана легенда о «темном капитане», «скрестившем руки», который в грозу появляется «на вершине черной скалы» на двух островах, Корсике и Св. Елене – местах рождения и смерти Наполеона – чтобы «царить в буре, как царил в битвах!»[49].

В песне Беранже «Июльские могилы», написанной в 1832 г. под впечатлением «трех славных дней», также появляется призрак Наполеона, ждущий на острове Святой Елены летящее к нему от французского народа трехцветное революционное знамя: «Мирно путешествуя от королевства к королевству, / Оно достигает в своем пути острова Святой Елены. / Наполеон, гигантский призрак, / Появляется, стоя на угасшем вулкане. / Рука Бога поднимает его из его могилы. / “Я ждал тебя, мое славное знамя. / Приветствую!” – произносит он, ломает и бросает свой меч / В Океан, и теряется в небесах» [50].

Особое внимание приковывает Океан. Недаром это слово у Беранже написано с заглавной буквы. Вода (море, волны) – символ омовения, граница двух миров, разделяющая две эпохи, двух Наполеонов. Пересекая ее, герой очищается от всех былых грехов и обретает новую сущность. В свободной стихии остались битвы и победы, благодеяния и преступления. Призрак Наполеона, получивший долгожданную свободу, перед тем как затеряться в небесах, ломает и бросает в океан свой меч, как бы получая таким образом прощение истории и примирение с ней. Замечательно в данном контексте, что в трагедии Эсхила «Прометей прикованный» титан Океан пытался примирить Прометея с Зевсом, правда, безуспешно.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРА

Воплощением идеи воскресения в глазах французов стало перенесение праха Наполеона в 1840 г. с острова Святой Елены во Францию и водворение его в парижском Доме инвалидов. Сама похоронная процессия была обставлена как военный парад, триумфальное шествие императора, вернувшегося с победой в столицу своего государства, с соблюдением

---

[47] Ibid. Vol. Poésie III. Les Chants du crépuscule. Les Voix intérieures. Les Rayons et les ombres. Paris, 1880. P. 35–36.

[48] *Quinet E.* Op. cit. P. 322, 325.

[49] *Hugo V.* Op. cit. Vol. Poésie I. P. 227.

[50] *Beranger P.J.* Op. cit. P. 411.

всех необходимых атрибутов, таких как аллегории побед, статуи военачальников, цветные флаги и ленты. Даже участвующая в шествии «боевая лошадь императора» несла на себе седло и сбрую, которые Наполеон использовал, будучи первым консулом[51].

Общий пафос «воскресения» усиливался официальными сообщениями об эксгумации тела императора на острове Св. Елены, гласившими, что «усопший великий муж» был найден «совершенно невредимым»[52].

К парижскому изданию отчета о перенесении праха были приложены два стихотворных произведения капитана парижской гвардии, литератора и издателя Теодора Вилльнава (1798–1866). Одно из них – «Торжественное открытие статуи Наполеона на Вандомской площади», – видимо, было написано по свежим следам событий за несколько лет до публикации. Трактовка восстановления наполеоновской статуи на вершине Вандомской колонны аналогична сложившейся традиции: «Иностранец! Прежде чем ты поспешишь к сражению, / Посмотри на них, проходящих возле бронзового гиганта! / Измерь Колонну и следуй истории / На бронзе, полностью расплавленной победой... / Французы, аплодируйте благородному движению / Возвращающему великого человека великому памятнику»[53].

Поэма под названием «Прах Наполеона» (1840) была посвящена собственно перезахоронению останков и предварялась словами Бонапарта из его «Завещания»: «Я желаю, чтобы мои останки покоились на берегах Сены, среди французского народа, который я так любил». Слова эти были высечены над входом в крипту Дома инвалидов.

В поэме Наполеон прославлялся как великий государственный деятель, «основатель прав и обязанностей», славный не столько военными победами, сколько знаменитым Кодексом, который «писался вовсе не мечом». «Этот мертвый должен жить, и, каждое поколение, / Его великолепнейший монумент будет в твоей памяти. / Турок, так же быстро, как индус в своей пагоде, / Рядом с Кораном захочет поставить его Кодекс; / Весь мир поклоняется ему... История не устает повторять его имя / Это единственное нетленное имя: Наполеон»[54]. Собственно, данные поэтические рассуждения – прямая отсылка к фразе самого Наполеона, записанной Монтолоном: «Моя слава не в сорока выигранных сражениях ... Ватерлоо сотрет память о стольких победах; это как последнее действие, которое заставляет забыть о первом. Но то, что ничто не сотрет, что будет жить вечно, это мой гражданский кодекс, это протоколы моего Государственного совета; это сборники моей переписки с моими министрами; наконец все то хорошее, что я сделал как администратор, как реорганизатор большой французской семьи»[55].

Таким образом в этом издании составлен как бы завершенный идеологический комплекс бессмертия великого человека: официальные документы о перезахоронении праха дополняются двумя поэтическими произведениями, одно из которых посвящено символу бессмертия – Вандомской колонне, другое – собственно перенесению останков Наполеона на берега Сены. При этом величие императора – не в завоеваниях, которые при определенном осмыслении могут считаться и считались преступными, а в том, что он оставил миру на века – Кодекс Наполеона.

* * *

Образ Христа великий пленник примерил на себя еще в момент своего возвращения с Эльбы – под пером Поля Тьебо (1769–1846), генерала императорской армии: «Вдруг

---

[51] *Langlé F.* Funérailles de l'empereur Napoléon: relation officielle de la translation de ses restes et description du convoi funèbre. Paris, 1840. P. 40.

[52] Relation des funérailles de Napoléon, exhumation, translation, pieces, etc. Paris, 1840. P. 18 (prim. pag); *Langlé F.* Op. cit. P. 8; Перенесение праха Наполеона с острова Святой Елены в Парижский Дом инвалидов. СПб., 1841. С. 32.

[53] Relation des funérailles. P. 17 (sec. pag).

[54] Ibid. P. 6, 14 (sec. pag).

[55] *Montholon Ch.* Op. cit. Vol. 1. Paris, 1847. P. 401.

снова появился Наполеон. Взрыв был внезапным, непреодолимым. Я думал, что являюсь свидетелем воскресения Христа, действительно, после сверхъестественной роли, после несчастий, в которые, казалось, вмешались небеса, чудо его возвращения завершилось, сделав этого человека более чем человеком»[56].

И в день «второго возвращения» эта аналогия, подготовленная всей предшествующей традицией, не могла не появиться вновь. Оноре де Бальзак напишет на другой день после церемонии, 16 декабря 1840 г., графине Эвелине Ганской в выражениях, конечно, менее пафосных, чем поэты, но и в его фразе чувствуется религиозный подтекст: «Начиная от Гавра до Пека, берега Сены были черны от народа, и все опускались на колени, когда мимо них проплывал корабль. Это величественнее, чем триумф римских императоров. Его можно было узнать в его гробнице: лицо не почернело, рука выразительна. Он – человек, влиятельный до конца. Париж – город чудес»[57].

Художник Орас Верне (1789–1863), не раз рисовавший Наполеона при жизни, после смерти императора оставивший картины «Могила Наполеона на Святой Елене или Апофеоз Наполеона» (1821), «Наполеон на смертном одре» (1825) и «Могила Святой Елены: Аллегория на месте погребения Наполеона I» (1837), под впечатлением событий написал картину «Наполеон, выходящий из могилы» (1840). На ней окруженный нимбом император поднимается из могилы в своем мундире, с веткой ивы в руках и лавровом венке. Рядом с картиной при ее воспроизведении часто публикуют цитированные выше слова наполеоновского «Завещания». Лавровый венок победителя присутствует и на картине «Наполеон на смертном одре», композиционно перекликаясь с терновым венцом – неизменным мотивом наполеоновской легенды. Ветка ивы (ивы окружали могилу Наполеона на острове Св. Елены) – аллюзия на пальмовые ветви евангельского повествования о въезде Христа в Иерусалим.

Не вдаваясь в подробный анализ живописи, назовем еще некоторые произведения, отражающие романтическое ожидание и осмысление бессмертия Наполеона. Баварец А. Альбрехт, участвовавший в походе Великой армии в Россию, в 1824 г. создал полотно под названием «Апофеоз Наполеона», изобразив своего героя парящим над собственной могилой. Такое же название получила и картина 1841 г. белорусского художника В. Ваньковича. Узник Святой Елены представлен на ней встающим из могилы на фоне откинутой могильной плиты, окруженный нимбом и облаками, с неизменным лавровым венком на голове.

Луи Бельмонте в 1840 г., видимо сразу по получении известия о решении короля Луи-Филиппа вернуть тело Наполеона на родину, создает поэму «Возвращение великого мертвого» и короткое стихотворение под ставшим уже каноническим названием «Император не умер», определяя его жанр как «Апофеоз». В «Возвращении» поэт утверждает, что, несмотря на все происки извечного врага Наполеона – Англии, дух императора жив в его возвращенном прахе, и Франция еще будет праздновать победу: «Однажды, неся его во главе наших рядов, / Мы разорвем это старое логово тиранов, / И, вдохновленные им, еще мечущим свои молнии, / Мы заставим его, мертвого, царствовать на напудренном троне». Те же идеи нетленности наполеоновского наследия звучат в стихотворении «Император не умер»: «Император не умер: он живет в своем гении, / Судьбе народа, народом благославляемой, / Он живет в своих творениях; / В порядке наших законов, в наших жизненных силах, / В наших порывах чести, детородном могуществе, / Которые создают великие нации»[58].

Ода, вышедшая в 1840 г. и принадлежащая некоему А. Баррэ-Версийе, называлась даже более красноречиво – «Пробуждение великого человека». Большую поэму под названием «Возвращение императора» пишет Гюго, «Возвращение» и еще несколько связанных с ним небольших текстов («Наполеонка», «Гимн инвалидам») создает Делавинь.

В «Наполеонке», помеченной самим днем торжественной похоронной процессии, Делавинь описывает увиденное – замену траурной процессии военным триумфом:

---

[56] *Tiebeult P.* Mémoires: 5 vol. 4 ed. Vol. 5. 1813–1820. Paris, 1895. P. 295.
[57] *Balzac O.* Lettres à Madame Hanska: 4 vol. Vol. 1. 1832–1840. Paris, 1967. P. 690.
[58] *Belmontet L.* Op. cit. P. 61, 62.

«Траурные паруса, падайте, блистайте, цвета Франции: / Снова поднимайся в небеса, гордый флаг! / Через океан спешит великая тень: / Сюда прибывает Наполеон! / Он улыбается, когда небеса закрывают облака, / И, кажется, говорит матросам: / “Цезарь с вами, тот, кто покорял грозы, / Более ужасные, чем эти волны”». В конце наступает апофеоз – наполеоновские солдаты поднимаются из могил, как бы воскресая, чтобы тоже присутствовать на торжественной церемонии: «Плывите знамена! гремите пушки Инвалидов! / Отдайте нам наших мертвых, холодные пустыни! / Маренго, верни удерживаемых, равнина Пирамид, / Возврати то, что скрыли твои пески! / Стряхните прах и пепел с ног; / Идите, мертвые без могил, вам / Ваша доля триумфа в совершаемом им шествии! / Его могила принадлежит всем»[59]. Если провести библейские аналогии – это намек на всеобщее воскресение после Страшного суда.

Мотивы воскрешения великой армии вместе со своим полководцем не были новы для европейской поэзии. Гейне в балладе «Гренадеры» 1827 г. рассказывает о двух отпущенных из плена наполеоновских солдатах, идущих по немецким землям. Один завещает другому в случае, если он не дойдет до родной страны живым, хотя бы похоронить его во Франции в надежде когда-нибудь встать из могилы вместе с императором: «Так хочу я лежать и тихо слушать, / Как караульный, в могиле, / Пока однажды не услышу рев пушек, / И ржание рысящих коней. / Тогда мой император проскачет над моей могилой, / Множество мечей бряцают и сверкают. / Тогда я поднимусь вооруженный из могилы – / Императора, императора защищать»[60].

Похожий мотив – у австрийца Йозефа Цедлица в «Ночном смотре» (1827). «Ночью около двенадцатого часа» из своих могил встают барабанщик, трубач, пехота и рейтары, генералы и маршалы – похороненная по всему миру императорская армия. Наполеон («полководец» – Feldherr), вставший из могилы вслед за всеми и медленно выезжающий верхом, окруженный своим штабом, проводит смотр войск на Елисейских полях: «Маршалы и генералы / Обступают его, / Полководец говорит близстоящему / На ухо тихо слова. / Слово идет по кругу, / Снова звучит отовсюду: / «Франция» – это пароль, / Отзыв: «Святая Елена». / Это торжественный парад / На Елисейских полях, / Который в двенадцатом часу / Принимает мертвый Цезарь»[61]. Однако здесь идея воскресения смешивается с традицией изображения Наполеона как призрака: Цезарь получает эпитет «мертвый» (todte), также мертва и его армия, лишь по ночам выходящая из могил. С рассветом всем надлежит туда вернуться.

Виктор Гюго по возвращении с Елисейских полей, где наблюдал за последним шествием Наполеона, записывает маленькое стихотворение, которые можно назвать поэтическим итогом этого странного триумфа: «Ледяное небо, ясное солнце. / Сияет в истории / Императорской факел похоронного триумфа! / Пусть люди навеки сохранят тебя в своей памяти, / День прекрасный как слава, / Холодный как могила!»[62].

* * *

Географические характеристики острова Святой Елены и пребывание в изгнании Наполеона воплотились в символическом комплексе, состоящем из достаточно прочно вошедших в поэзию XIX в. элементов:

– скала, которая была могилой, а также местом мучений нового Прометея и Голгофой Христа;

– океан-граница между всевластием и бесправием, свободой и пленом, искупительное омовение и в то же время историческая память, стихия, примиряющая героя с миром и прощающая ему грехи;

---

[59] *Delavigne C.* Op. cit. P. 246, 249.

[60] *Heine H.* Op. cit. Bd.1. Biographische Einleitung. Buch der Lieder. Neue Gedichte Zeitgedichte. Berlin, 1887. S. 58.

[61] *Zedlitz J.Ch., von.* Gedichte. Stuttgart, 1859. S. 24.

[62] *Hugo V.* Op. cit. Vol. Poésie X. P. 47.

– идея бессмертия героя выразилась в постоянном воспроизведении Наполеона в виде призрака, которое, соединенное с идеей мученичества, превращало его в воскресающего Христа;

– воскресение Наполеона для тысяч французов воплотилось 15 декабря 1840 г. – в день перенесения его праха на берега Сены, где он завещал себя похоронить.

Библиография

Вяземский П.А. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 2. Литературные, критические и биографические очерки 1827–1851. СПб., 1879.

Головнин В.М. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Камчатка», в 1817, 1818 и 1819 годах: в 2 ч. Ч. I. СПб., 1822.

Записки одного путешественника, или Любопытное собрание известий, касающихся до жизни, занятий и жилища Бонапарте на острове Св. Елены. М., 1820.

Из бумаг графа де Бальмена // Русский архив. 1868. № 4–5. Стб. 659–734.

Коцебу О.Е. Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. М., 1959.

Коцебу О.Е. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив в 1815, 1816, 1817, 1818 годах на корабле «Рюрике»: в 3 ч. Ч. 2. СПб., 1821.

Кук Дж. Второе кругосветное плавание капитана Джемса Кука: Плавание к Южному полюсу и вокруг света в 1772–1775 гг. М., 1964.

Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. М., 1995.

Остров Святой Елены. Отрывок из письма одного голландского путешественника в Индии. 19 мая 1801 г. // Новости русской литературы. 1802. Ч. 2. № 33. С. 102–110.

Остров Святой Елены. Письмо английского путешественника к другу его // Вестник Европы. 1802. Ч. 1. № 2. Янв. С. 38–45.

Перенесение праха Наполеона с острова Святой Елены в Парижский Дом инвалидов. СПб., 1841.

Прибытие Наполеона на остров Св. Елены и пребывание его на оном (из письма одного английского офицера с корабля Нортумберленда) // Дух журналов. 1816. Ч. 11. С. 62–68 (765–772).

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т.1. Лицейские стихотворения 1812–1817. СПб., 1999.

Собуль А. Герой, легенда и история // Французский ежегодник 1969. М., 1971. С. 233–254.

Что делается на острове Св. Елены? // Дух журналов. 1817. Ч. 17. Кн. 4. С. 173–180.

Эспенсберг К.Ф. Замечания по врачебной части, учиненные во время путешествия // Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева», в 3 ч. Ч.3. СПб., 1812. С. 281–339.

Antommarchi F.C. Mémoires du docteur F. Antommarchi, ou Les derniers momens de Napoléon: 2 vol. Vol. 1. Paris, 1825.

Balzac O. Lettres à Madame Hanska: 4 vol. Vol. 1. 1832–1840. Paris, 1967.

Belmontet L. Poésie de l'Empire français, par Louis Belmontet. Paris, 1853.

Beranger P.J. Chansons de Pierre-Jean de Béranger: anciennes et posthumes. Paris, 1866.

Boudon J.-O. Napoléon à Sainte-Hélène: de l'exil à la légende. Montréal, 2000.

Brooke T.H. A history of the island of St. Helena, from its discovery by the Portuguese to the year 1806. London, 1808.

Brooke T.H. History of the island of St. Helena, from its discovery by the Portuguese to the year 1823. 2 ed. London, 1824.

Byron G.G. The Works of Lord Byron: 7 vol. Vol. 3. London, 1904.

Carnet d'un voyageur, ou Recueil de notes curieuses sur la vie, les occupations, les habitudes de Buonaparte à Longwood. Paris, 1819.

Cook J. The journals of Captain James Cook on his voyages of discovery: 3 vol. Vol. 2. The voyage of the Resolution and Adventure, 1772–1775. Cambridge, 1961.

Delavigne C. Oeuvres complètes de Casimir Delavigne / Avec une notice par M. Germain Delavigne: 6 vol. Vol. 5. Messéniennes et chants populaires. Paris, 1846.

Extrait d'une lettre écrite de Sainte-Hélène , par un voyageur allant dans l'Inde sur un vaisseau anglais // Gazette national ou Le Moniteur universel. 1801. Sextïdi, 16 brumaire an 10 de la République française. № 46. P. 180.

Fragment aus dem Briefe eines nach Indien reisenden Holländers. St. Helene, den 19ten May 1801 // Minerva: ein Journal für Geschichte, Politik und Literatur. 1802. Bd. 1. Januar. S. 153–160.

Gourgaud G. Journal de Sainte-Hélène. 1815–1818: 2 vol. Vol. 2. Paris, 1947.

Heine H. Gesammelte Werke, 9 Bde. Bd. 1. Biographische Einleitung. Buch der Lieder. Neue Gedichte Zeitgedichte. Berlin, 1887.

Heine H. Gesammelte Werke, 9 Bde. Bd. 3. Einleitung. Reisebilder I. Berlin, 1887.

Hugo V. Oeuvres completes: 48 vol. Vol. Poésie I. Odes et ballades. Paris, 1880.

Hugo V. Oeuvres completes: 48 vol. Vol. Poésie III. Les Chants du crépuscule. Les Voix intérieures. Les Rayons et les ombres. Paris, 1880.

Hugo V. Oeuvres completes: 48 vol. Vol. Poésie IV. Les Châtiments. Paris, 1882.

Hugo V. Oeuvres completes: 48 vol. Vol. Poésie X. La legend des siècles IV. Paris, 1883.

Kotzebue O. Neue Reise um die Welt in den Jahren 1823, 24, 25 und 26, 2 Bde. Bd. 2. Weimar, 1830.

Lamartine A. de. Oeuvres completes: 6 vol. Vol. 1. Paris, 1850.

Langlé F. Funérailles de l'empereur Napoléon: relation officielle de la translation de ses restes et description du convoi funèbre. Paris, 1840.

Las Cases E. Mémorial de Sainte-Hélène: 8 vol. Vol. 1; Vol. 2; Vol. 6. Paris, 1823.

Magnin Ch. Prométhée: poème de M. Edgar Quinet // Revue des Deux Mondes. 1838. Vol. 15. № 4. P. 472–490.

Malcolm Cl. A Diary of St. Helena (1816, 1817): The journal of Lady Malcolm. London, 1899.

Manzoni A. Opere varie. Milano, 1881.

Montchenu Cl.M.H. [Lettre écrite de l'île Sainte Hélène] 23 juillet 1816 // Geoffroy de Grandmaison Ch. A. Napoléon et ses récents historiens. Paris, 1896. P. 326–332.

Montholon Ch. Récits de la captivité de l'empereur Napoléon à Sainte-Hélène: 2 vol. Paris, 1847.

Quinet E. Oeuvres completes: 10 vol. [Vol. 8]. Prométhée. Napoléon. Les esclaves. Paris, 1857.

Relation des funérailles de Napoléon, exhumation, translation, pieces, etc. Paris, 1840.

Stürmer B. Die Berichte aus St. Helena zur Zeit der dortigen Internirung Napoleon Bonaparte's. 1816–1818 // Archiv für österreichische Geschichte. 1886. Bd. 67. S. 253–405.

Tiebeult P. Mémoires: 5 vol. Vol. 5. 1813–1820. 4 ed. Paris, 1895.

Trousson R. Le Thème de Prométhée dans la littérature européenne. 3 ed., corrig. Geneve, 2001.

Tulard J. Dictionnaire amoureux de Napoléon. Paris, 2012.

Zedlitz J.Ch., von. Gedichte. Stuttgart, 1859.

References

Chto delaetsya na ostrove Sv. Eleny? [What's going on on St. Helena?] // Dukh zhurnalov [Spirit of magazines]. 1817. Part. 17. Book. 4. P. 173–180. (In Russ.)

Espensberg K.F. Zamechaniya po vrachebnoj chasti, uchinennye vo vremya puteshestviya [Medical remarks made during travel] // Puteshestvie vokrug sveta v 1803, 4, 5 i 1806 gg. na korablyakh "Nadezhda" i "Neva" [Travel around the world in 1803, 4, 5 and 1806 on the ships "Nadezhda" and "Neva"]: 3 parts. Part 3. Sankt-Peterburg, 1812. P. 281–339. (In Russ.)

Golovnin V.M. Puteshestvie vokrug sveta na voennom shlyupe "Kamchatke", v 1817, 1818 i 1819 godakh [Travel around the world on a military sloop "Kamchatka", in 1817, 1818 and 1819]: 2 vol. Vol. 1. Sankt-Peterburg, 1822. (In Russ.)

Iz bumag grafa de Bal'mena [From the papers of the Comte de Balmain] // Russkij arkhiv [Russian archive]. 1868. № 4–5. Col. 659–734. (In Russ.)

Kotsebu O.E. Puteshestvie v Yuzhnyj okean i v Beringov proliv v 1815, 1816, 1817, 1818 godakh na korable "Ryurike" [Journey to the Southern Ocean and the Bering Strait in 1815, 1816, 1817, 1818 on the ship "Rurik"]: 3 vol. Vol. 2. Sankt-Peterburg, 1821. (In Russ.)

Kotsebu O.E. Novoe puteshestvie vokrug sveta v 1823–1826 gg. [A New Journey around the World in 1823–1826]. Moskva, 1959. (In Russ.)

Kuk Dzh. Vtoroe krugosvetnoe plavanie kapitana Dzhemsa Kuka: Plavanie k Yuzhnomu polyusu i vokrug sveta v 1772–1775 gg. [Captain James Cook's Second Round the World Voyage: Voyage to the South Pole and Around the World 1772–1775]. Moskva, 1964. (In Russ.)

Losev A.F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo [The symbol problem and realistic art]. 2 ed., revis. Moskva, 1995. (In Russ.)

Ostrov Svyatoj Eleny. Otryvok iz pis'ma odnogo gollandskogo puteshestvennika v Indii. 19 maya 1801 g. [Saint Helena. Excerpt from a letter from a Dutch traveler in India. May 19, 1801] // Novosti russkoj literatury [Russian literature news]. 1802. Part 2. № 33. P. 102–110. (In Russ.)

Ostrov Svyatoj Eleny. Pis'mo anglijskogo puteshestvennika k drugu ego [A letter from an English traveler to his friend] // Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1802. Part 1. № 2. January. P. 38–45. (In Russ.)

Perenesenie prakha Napoleona s ostrova Svyatoj Eleny v Parizhskij Dom invalidov [Transfer of Napoleon's ashes from Saint Helena to the Paris Hôtel des Invalides]. Sankt-Peterburg, 1841. (In Russ.)

Pribytie Napoleona na ostrov Sv. Eleny i prebyvanie ego na onom (iz pis'ma odnogo anglijskogo ofitsera s korablya Nortumberlenda) [Arrival of Napoleon on the island of St. Helena and his stay on it (from a letter of an English officer from the ship of Northumberland)] // Dukh zhurnalov [Spirit of magazines]. 1816. Part 11. P. 62–68 (765–772). (In Russ.)

Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij: 20 t. T. 1. Litsejskie stikhotvoreniya 1812–1817 [Full composition of writings: 20 vol. Vol. 1. Lyceum poems 1812–1817]. Sankt-Peterburg, 1999. (In Russ.)

Sobul' A. Geroj, legenda i istoriya [Hero, legend and history] // Frantsuzskij ezhegodnik 1969 [French Yearbook 1969]. Moskva, 1971. P. 233–254. (In Russ.)

Vyazemskij P.A. Polnoe sobranie sochinenij: 12 t. T. 2. Literaturnye, kriticheskie i biograficheskie ocherki 1827–1851 [Full composition of writings: 12 vol. Vol. 2. Literary, critical and biographical essays 1827–1851]. Sankt-Peterburg, 1879. (In Russ.)

Zapiski odnogo puteshestvennika, ili Lyubopytnoe sobranie izvestij, kasayushchikhsya do zhizni, zanyatij i zhilishcha Bonaparte na ostrove Sv. Eleny [Notes of a Traveler, or A Curious Collection of News Relating to the Life, Occupations and Home of Bonaparte on St. Helena]. Moskva, 1820. (In Russ.)

Antommarchi F.C. Mémoires du docteur F. Antommarchi, ou Les derniers momens de Napoléon: 2 vol. Vol. 1. Paris, 1825.

Balzac O. Lettres à Madame Hanska: 4 vol. Vol. 1. 1832–1840. Paris, 1967.

Belmontet L. Poésie de l'Empire français, par Louis Belmontet. Paris, 1853.

Beranger P.J. Chansons de Pierre-Jean de Béranger: anciennes et posthumes. Paris, 1866.

Boudon J.-O. Napoléon à Sainte-Hélène: de l'exil à la légende. Montréal, 2000.

Brooke T.H. A history of the island of St. Helena, from its discovery by the Portuguese to the year 1806. London, 1808.

Brooke T.H. History of the island of St. Helena, from its discovery by the Portuguese to the year 1823. 2 ed. London, 1824.

Byron G.G. The Works of Lord Byron: 7 vol. Vol. 3. London, 1904.

Carnet d'un voyageur, ou Recueil de notes curieuses sur la vie, les occupations, les habitudes de Buonaparte à Longwood. Paris, 1819.

Cook J. The journals of Captain James Cook on his voyages of discovery: 3 vol. Vol. 2. The voyage of the Resolution and Adventure, 1772–1775. Cambridge, 1961.

Delavigne C. Oeuvres complètes de Casimir Delavigne / Avec une notice par M. Germain Delavigne: 6 vol. Vol. 5. Messéniennes et chants populaires. Paris, 1846.

Extrait d'une lettre écrite de Sainte-Hélène, par un voyageur allant dans l'Inde sur un vaisseau anglais // Gazette national ou Le Moniteur universel. 1801. Sextïdi, 16 brumaire an 10 de la République française. № 46. P. 180.

Fragment aus dem Briefe eines nach Indien reisenden Holländers. St. Helene, den 19ten May 1801 // Minerva: ein Journal für Geschichte, Politik und Literatur. 1802. Bd.1. Januar. S. 153–160.

Gourgaud G. Journal de Sainte-Hélène. 1815–1818: 2 vol. Vol. 2. Paris, 1947.

Heine H. Gesammelte Werke, 9 Bde. Bd. 1. Biographische Einleitung. Buch der Lieder. Neue Gedichte Zeitgedichte. Berlin, 1887.

Heine H. Gesammelte Werke, 9 Bde. Bd. 3. Einleitung. Reisebilder I. Berlin, 1887.

Hugo V. Oeuvres completes: 48 vol. Vol. Poésie I. Odes et ballades. Paris, 1880.

Hugo V. Oeuvres completes: 48 vol. Vol. Poésie III. Les Chants du crépuscule. Les Voix intérieures. Les Rayons et les ombres. Paris, 1880.

Hugo V. Oeuvres completes: 48 vol. Vol. Poésie IV. Les Châtiments. Paris, 1882.

Hugo V. Oeuvres completes: 48 vol. Vol. Poésie X. La legend des siècles IV. Paris, 1883.

Kotzebue O. Neue Reise um die Welt in den Jahren 1823, 24, 25 und 26, 2 Bde. Bd. 2. Weimar, 1830.

Lamartine A. de. Oeuvres completes: 6 vol. Vol. 1. Paris, 1850.

Langlé F. Funérailles de l'empereur Napoléon: relation officielle de la translation de ses restes et description du convoi funèbre. Paris, 1840.

Las Cases E. Mémorial de Sainte-Hélène: 8 vol. Vol. 1; Vol. 2; Vol. 6. Paris, 1823.

Magnin Ch. Prométhée: poème de M. Edgar Quinet // Revue des Deux Mondes. 1838. Vol. 15. № 4. P. 472–490.

Malcolm Cl. A Diary of St. Helena (1816, 1817): The journal of Lady Malcolm. London, 1899.

Manzoni A. Opere varie. Milano, 1881.

Montchenu Cl.M.H. [Lettre écrite de l'île Sainte Hélène] 23 juillet 1816 // Geoffroy de Grandmaison Ch. A. Napoléon et ses récents historiens. Paris, 1896. P. 326–332.

Montholon Ch. Récits de la captivité de l'empereur Napoléon à Sainte-Hélène: 2 vol. Paris, 1847.

Quinet E. Oeuvres completes, 10 vol. [Vol. 8]. Prométhée. Napoléon. Les esclaves. Paris, 1857.

Relation des funérailles de Napoléon, exhumation, translation, pieces, etc. Paris, 1840.

Stürmer B. Die Berichte aus St. Helena zur Zeit der dortigen Internirung Napoleon Bonaparte's. 1816–1818 // Archiv für österreichische Geschichte. 1886. Bd. 67. S. 253–405.
Tiebeult P. Mémoires: 5 vol. Vol. 5. 1813–1820. 4 ed. Paris, 1895.
Trousson R. Le Thème de Prométhée dans la littérature européenne. 3 ed., corrig. Geneve, 2001.
Tulard J. Dictionnaire amoureux de Napoléon. Paris, 2012.
Zedlitz J.Ch., von. Gedichte. Stuttgart, 1859.

DOI: 10.31857/S013038640014694-1

© 2021 г. **В.П. КАЗАКОВ**

БАРТОЛОМЕ МИТРЕ: ПОЛИТИК И ИСТОРИК

Казаков Владимир Петрович *– доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).*
E-mail: nik3334@ yandex.ru
Researcher ID: AAH-4194-2021

Аннотация. В статье рассматривается деятельность политического и государственного деятеля, президента Аргентины Бартоломе Митре (1821–1906) по либеральной модернизации страны. Согласно Митре, главным препятствием для прогрессивного развития страны являлись остатки колониальной структуры, которые он и другие либералы называли варварством. Предлагаемые им меры заключались в поощрении иммиграции и иностранных инвестиций, в диверсификации производства, организации современной банковской системы, просвещении народа как основы демократии. Политическая реформа предполагала создание национального государства с центром в Буэнос-Айресе, который принесет цивилизацию в провинции. Другим важным инструментом модернизации являлась пресса, если она способствовала поднятию культурного уровня народа, боролась со злоупотреблениями властей, за реформы. Митре стал первым аргентинцем, заслужившим право называться профессиональным историком. Главной заслугой Митре являлись исследования по истории Войны за независимость – «История Бельграно и аргентинской независимости» и «История Сан-Мартина и южноамериканского освобождения». Войну за независимость он рассматривал как часть всемирно-исторического процесса. Задача историков, по Митре, поиск и обнаружение новых документов, которые он называл «мясом на костях истории», и главное достоинство исторических трудов – количество используемых документов. Под документами Митре понимал связную систему материалов, которые могли как подтвердить, так и опровергнуть друг друга. Но их необходимо было знать все, поскольку даже один отсутствующий документ мог аннулировать или придать иное значение всем остальным. Взгляды Митре наложили сильный отпечаток на аргентинскую историографию и обозначили основные линии ее развития в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: Б. Митре, политические деятели, Аргентина, национально-государственное строительство, Буэнос-Айрес, Аргентинская Конфедерация, историки, либерально-позитивистская школа исторических исследований.

V.P. Kazakov

Bartolomé Mitre: Politician and Historian

Vladimir Kazakov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: nik 3334@ yandex.ru
Researcher ID: AAH-4194-2021

Abstract. The article examines the activity of the statesman and president of Argentina Bartolomé Mitre (1821–1906), his plan of liberal modernization of Argentina. In his opinion, the remnants of the colonial structure were an obstacle to the progressive development of the country. To him and other liberals, the structure was barbarian. To remedy its corrosive effects, he proposed certain measures including active immigration and capital investment, the diversification of production, the modern banking system,

the enlightenment of the people. Education was the basis of a democratic government. The major goal of the proposed political reform was to organize the nation. Bartolomé Mitre wanted to unite the nation but under the leadership of Buenos Aires which had a new role to play: to put civilization to work for the whole nation. Bartolomé Mitre saw the press as a significant tool of modernization provided it helped to raise the cultural level of the people, fought against the abuses of the authorities, called for the necessary reforms. Mitre was the first professional historian in Argentina. His great achievement was his studies of the War of Independence, "Historia de Belgrano y de la independencia argentina" and "Historia de San Martin y de la emancipación sudamericana". He saw the War of Independence as part of a universal historical process. The primary task of the historian, according to Mitre, was the discovery of new documentary sources which he called "meat on the bone of history". For Mitre, the merit of a book was the number of documents used to write it. Using the term "documents", he did not mean isolated papers but rather a coherent system of materials that contradict and correct each other. His ideas had a strong influence on Argentine historiography and determined the main directions of her development at the turn of the 19th – 20th centuries.

Keywords: Mitre, Urquiza, Cepeda, Pavon, Buenos Aires, Confederation, "Historia de Belgrano y de la independencia argentina", "Historia de San Martin y de la emancipación sudamericana".

Бартоломе Митре – аргентинский политический и государственный деятель, историк, президент Аргентины (1862–1868) – принадлежал к поколению 1837 г., посвятившему себя борьбе за социальное и духовное обновление страны. К нему принадлежали ученые, писатели, общественные и политические деятели, подготовившие падение консервативной диктатуры Хуан Мануэля Росаса (1835–1852) и определившие идейно-политическое и культурное развитие Аргентины во второй половине XIX в.: Эстебан Эчеверрия, Хуан Баутиста Альберди, Висенте Фидель Лопес, Бартоломе Митре, Доминго Фаустино Сармьенто и др.

Взгляды и деятельность Б. Митре, как и других представителей поколения 1837 г., стали предметом вот уже почти столетие непрекращающейся идейно-политической борьбы. Для «классической» либерально-позитивистской аргентинской историографии (Рикардо Левене, Эмилио Равигнани и др.), для современной «социальной школы» и «школы Анналов» (Хосе Луис Ромеро, Тулио Хальперин Донхи и др.) Митре и все деятели поколения 1837 г. являются «отцами-основателями» аргентинской нации и государства. Такая оценка стала общим местом и в западной историографии. Не случайно американский историк Уильям Х. Катра назвал свою монографию, посвященную этому сюжету, «Поколение 1836 г. Люди, которые создали страну»[1].

Напротив, для школы «историографического ревизионизма», ведущей пересмотр аргентинской истории с националистических позиций, как правонационалистическое течение (Карлос Ибаргурен, Хулио Ирасуста, Эрнесто Паласио и др.), так и «национальная левая» (Хорхе Абелярдо Рамос, Хосе Эрнандес Арреги, Родольфо Пуиггрос, Норберто Галассо) оценивали деятельность Митре и других либералов как антинациональную, превратившую Аргентину в иностранную, главным образом британскую, колонию.

Историки-марксисты Анибал Понсе, Хуан Хосе Реаль, Альваро Юнке, Леонардо Пасо рассматривают Митре как прогрессивного буржуазного деятеля, чьи реформы способствовали развитию страны. Установление господства иностранного капитала над Аргентиной марксисты относят к наступлению эпохи империализма на рубеже XIX–XX вв.

Данная статья является продолжением серии работ, посвященных ключевым фигурам аргентинской истории, которые практически неизвестны отечественным читателям. Из плеяды представителей поколения 1837 г. Митре выделяется тем, что, помимо того, что он был одним из крупнейших политических и государственных деятелей, он стал первым аргентинским профессиональным историком. Поэтому писать о политической деятельности Митре в отрыве от его исторических исследований, так же как и вырывать

[1] *Katra W.H.* La Generación de 1837. Los Hombres que hicieron el pais. Buenos Aires, 2000.

фигуру Митре-историка из контекста идейно-политической борьбы своего времени – невозможно. Отсюда название статьи, поскольку политик и историк сливаются в нем воедино. На примере Митре можно убедиться в том, что утверждение, что история это политика, опрокинутая в прошлое, имеет под собой основание.

Бартоломе Митре родился 26 июня 1821 г. в Буэнос-Айресе в семье участника Войны за независимость Амбросио Митре. Первоначальное образование он получил дома, а затем продолжил обучение в Монтевидео, куда семья переехала в 1833 г.

Амбросио Митре, стремясь закалить сына, приучить к жизненным трудностям, отправил его в эстансию (скотоводческое хозяйство. – *В.К.*) Хервасио Росаса, брата диктатора. Здесь его будущий смертельный враг Хуан Мануэль Росас спас ему жизнь, когда юный Митре попытался переправиться через реку во время паводка. Эту историю, уже будучи в преклонном возрасте, рассказал сам Митре, отвечая на вопрос, почему в своем письменном столе он хранит портрет диктатора.

Из Митре не получился гаучо. Эстансия была неподходящим местом для мальчика, стремящегося читать все, что попадалось ему в руки. Со своей стороны, Хервасио Росас считал его физически слабым для занятия скотоводством. И он отослал его обратно со следующим письмом: «Позвольте мне вернуть юного Митре отцу, поскольку этот молодой человек ни на что не годен. Как только он увидит тень, он слезает с лошади и начинает читать»[2].

По возвращении в Монтевидео Митре поступил в 1837 г. в военную академию, которую окончил в 1839 г. в звании младшего лейтенанта артиллерии. Свои военные знания он позднее изложил в книге «Практические инструкции артиллеристу». Митре не был милитаристом, но считал армию «школой демократии, поскольку военная дисциплина, сознательная и обоснованная, внушает будущему гражданину дух самопожертвования и самоотречения в защите родины, любовь к славе... одним словом, силу на службе идей»[3].

В эти же годы Митре начинает писать. Из печати выходит его повесть «Одиночество», в газетах Монтевидео регулярно публикуются стихи молодого офицера на патриотические темы. Здесь же он знакомится с Эчеверрией, Альберди, Сармьенто и другими членами организации «Молодая Аргентина» – впоследствии преобразованной Эчеверией в «Майскую ассоциацию», – боровшимися с диктатурой Росаса. Начинающий писатель постоянно занимался самообразованием: он изучал европейскую литературу, общественную мысль, искусство. Впоследствии Митре поражал своих собеседников энциклопедической образованностью.

При всем своем увлечении литературным трудом Митре все же выбрал военно-политическую карьеру. Развернувшаяся в Аргентине и Уругвае гражданская война между либералами и консерваторами, осложненная стремлением Росаса установить контроль над Уругваем, заставила его взяться за оружие. Позже он объяснял свой выбор: «Я ненавижу Росаса не только потому, что он был палачом аргентинцев, но также потому, что из-за него я был вынужден взяться за оружие, скакать по полям сражений, стать политиком и вступить на бурный, грозовой путь революции, не будучи в состоянии следовать своему литературному призванию»[4].

В гражданской войне Митре становится на сторону либералов – уругвайских «колорадос» и аргентинских унитариев. В 1843 г. с началом осады Монтевидео войсками ставленника Росаса Мануэля Орибе он принимает активное участие в обороне города вместе с Джузеппе Гарибальди. Позже он описал эти события в своих воспоминаниях. Одновременно не прекращается его журналистская деятельность в защиту идей либерализма и демократии.

---

[2] *Campolasi T.C.* Mitre y su epoca. Buenos Aires, 1980. P. 17.
[3] Ibid. P. 31.
[4] *Luna F.* Bartolomé Mitre. Buenos Aires, 2004. P. 23.

В 1846 г. из-за разногласий с уругвайскими властями Митре покидает Монтевидео и следующие пять лет живет в Боливии, Перу и Чили, где активно участвует в политической борьбе на стороне местных либералов. В Чили он попадает в тюрьму за участие в заговоре против консервативного президента Мануэля Монта, откуда его вызволили Альберди и Сармьенто.

Когда губернатор провинции Энтре-Риос Хусто Хосе Уркиса поднял восстание против Росаса, Митре и другие эмигранты вступили в ряды его армии. Они считали Уркису меньшим злом, поддерживая идею Сармьенто, что «тираны могут быть свергнуты только другими тиранами»[5]. Митре участвовал в битве при Монте-Касерос 3 февраля 1852 г., положившей конец диктатуре Росаса.

Свержение Росаса не привело к умиротворению страны. Обострились противоречия между Буэнос-Айресом и провинциями. Вновь вспыхнула борьба по вопросу национальной организации. Политические течения вышли за рамки унитариев и федералистов, стали разнообразнее и сложнее.

Уркиса видел свою миссию в организации национального государства на принципах федерализма, в этих преобразованиях должны были принять участие все аргентинцы, независимо от политических взглядов. Поэтому он провозгласил лозунг примирения: «Ни победителей, ни побежденных, сотрудничество всех, забвение прошлого». Программа Уркисы в области экономики и общественной жизни носила либеральный характер и предусматривала ликвидацию торговых монополий Буэнос-Айреса[6].

Политика Уркисы с самого начала встретила сопротивление в Буэнос-Айресе. Его элита, которая после свержения Росаса объединилась в либеральную партию, отказывала Уркисе в праве на руководство национальной организацией. По мнению либералов, миссия генерала состояла лишь в уничтожении тирании Росаса и возвращении свободы и суверенитета провинции Буэнос-Айрес[7].

Лидером оппозиции стал Митре, который по возвращении в Буэнос-Айрес начал издавать газету «Las Debates», а после выборов в легислатуру Буэнос-Айреса занял депутатское кресло. Причины неприятия Уркисы Митре изложил в выступлениях и в газетных статьях.

Поводом послужило подписание губернаторами провинций «Соглашения Сан-Николас», которое наделило Уркису до принятия конституции не только исполнительной, но и законодательной властью[8]. Характеризуя Уркису как диктатора, получившего необъятную власть, Митре считал необходимым объединение страны вокруг Буэнос-Айреса на следующих условиях: отказ Буэнос-Айреса от прав на таможню, порт, банк и других привилегий после созыва Национального конгресса и образования центрального правительства, а до этого – сохранение суверенитета провинций[9]. Имелось в виду, что следующие органы национальной власти будут находиться под контролем Буэнос-Айреса.

Митре стал не только выразителем взглядов элиты Буэнос-Айреса, но и лидером, который приобрел неоспоримое влияние на общественное мнение. Слушателей привлекало не только содержание его выступлений, но и их страстный, пламенный тон, вызывавший энтузиазм как у его коллег парламентариев, так и у людей с улицы.

Митре боролся с Уркисой не только словом, но и делом, став одним из организаторов переворота 11 сентября 1852 г. – «революции 11 сентября», в результате которой Буэнос-Айрес отказался признать постановления созванного Уркисой Учредительного

---

[5] *Rojas R.* El profeta de la pampa: vida de Sarmiento. Buenos Aires, 1948. P. 373.

[6] Registro oficial de la República Argentina. T. III. № 2449. P. 17–18; № 2976. P. 33; № 2977, 3026. P. 43–46; № 3030. P. 47–48. Buenos Aires, 1885. (Далее – RORA).

[7] Asambleas constituyentes argentinas / Ed. E. Ravignani. T. IV. Buenos Aires, 1939. P. 272.

[8] RORA. T. III. № 2941. P. 13–17.

[9] Asambleas constituyentes argentinas... T. IV. P. 318.

собрания и отменил его полномочия представлять Буэнос-Айрес во внешних сношениях[10].

Начиная с этого времени в течение десяти лет сохранялся раскол страны. С одной стороны, существовала Аргентинская конфедерация, состоявшая из 13 провинций, которые представляли всю нацию в целом. В Конфедерации действовала принятая в 1853 г. национальная конституция, имелись исполнительная, законодательная и судебная власти. С другой стороны, существовал Буэнос-Айрес, чье положение было двусмысленным: он не провозглашал независимости и не объявлял о своем суверенитете. Он не заявлял о себе как о независимом государстве, но и не входил в Конфедерацию. Буэнос-Айрес считался автономным образованием, признававшим свою принадлежность к Аргентинской республике. Их раздельное существование сопровождалось конфликтами, войнами, экономическим соперничеством.

После «революции 11 сентября» политические деятели Буэнос-Айреса разделились на две группы. Первая – автономисты во главе с Валентином Альсиной и бывшими сторонниками Росаса олигархами Томасом и Николасом Анчоренами – защищала суверенитет Буэнос-Айреса как независимого политического образования. Вторая – националисты во главе с Б. Митре – выступала за господствующее положение Буэнос-Айреса, но в рамках единой нации.

Митре был решительным противником превращения Буэнос-Айреса в независимое государство. Объясняя и оправдывая «революцию 11 сентября», он писал, что «она восстала в защиту попранных прав, чтобы бороться против всякой тирании <...> и после победы всеми силами начнет великую работу по национальной организации»[11]. Тем самым он попытался придать национальный характер происшедшим событиям и перехватить у Уркисы инициативу национального строительства.

В середине 1850-х гг. Митре оставался единственным из политиков Буэнос-Айреса, который, несмотря на раскол страны, утверждал необходимость и неизбежность национального единства. В пользу единства, по мнению Митре, свидетельствовала сама история. Аргентина как национальная общность возникла раньше любой из провинций. Несмотря на политические разногласия, существовало чувство родины, и аргентинцы рассматривали свою страну как одну большую семью. Митре был уверен, что это чувство возьмет верх над местными интересами, и никто не сможет воспрепятствовать воссоединению нации.

Объединение страны было необходимо, по мнению Митре, для выполнения заветов Майской революции 1810 г., которая провозгласила независимость, свободу, духовное и экономическое развитие. Но из-за отсутствия либеральных традиций в провинциях именно Буэнос-Айрес должен был продолжать борьбу за революционные принципы. Отныне Буэнос-Айрес, «который имеет счастье быть наиболее просвещенным, наиболее сильным и богатым», должен просветить «бедный народ провинций, чье невежество или глупость ослепляют и сбивают его с пути»[12]. И сделать это необходимо даже ценой войны с Уркисой. По убеждению Митре, весь конфликт сводился к противостоянию народа и каудильо (т.е. Уркисы).

Но не все представители поколения 1837 г. разделяли взгляды Митре. По мнению Альберди, именно Уркиса должен был возглавить национальное объединение. Для Альберди Буэнос-Айрес был не центром цивилизации, а новой метрополией, которая заменила Испанию в угнетении провинций.

---

[10] Documentos relativos a la organización constitucional de la Republica Argentina. T. III. Buenos Aires, 1912. P. 19–20.

[11] *Mitre B.* Archivo del General Mitre. T. XV. Buenos Aires, 1912. P. 104, 107.

[12] Ibid. T. XIV. P. 145–146.

За всеми спорами о месте и роли Буэнос-Айреса в объединении страны стоял главный вопрос: как в конкретно-исторических условиях Аргентины возможно осуществить построение государства и общества на либеральных принципах.

Для Митре вопрос решался просто: опираясь на Буэнос-Айрес, принести цивилизацию в провинции. Для Альберди же, наоборот, все беды Аргентины и других южноамериканских стран проистекали из их стремления непосредственно перейти от абсолютной монархии к «настоящей» республике. Альберди полагал, что между ними должен быть промежуточный этап – республика «возможная», которая должна «содержать кое-что от старого режима». На весь переходный период предусматривалась сильная президентская власть. Альберди не скупился на похвалу следующему высказыванию Симона Боливара: «Новые государства Америки, прежде испанской, нуждаются в королях под именем президентов»[13]. Таким королем, по мнению Альберди, и должен был стать Уркиса. Большинство либералов не разделяло позицию Альберди. Очень скоро этот спор со страниц печати перешел на поля сражений.

После 1854 г. Митре на время оставил журналистику, став во главе вооруженных сил Буэнос-Айреса. Причины обострения отношений Конфедерации со столицей носили, прежде всего, экономический характер. Между ними началась таможенная война, в которой перевес сил был на стороне экономически более сильного Буэнос-Айреса. Эта борьба привела к открытым военным действиям. В решающем сражении на берегу ручья Сепеда 25 октября 1859 г. войска Буэнос-Айреса под командованием Митре потерпели поражение от армии Уркисы.

11 ноября 1859 г. Буэнос-Айрес и Конфедерация подписали Союзный пакт, который объявлял провинцию Буэнос-Айрес составной частью Конфедерации и обязывал ее присягнуть конституции 1853 г. Однако это не принесло стране мира. Вновь вспыхнула война. 17 сентября 1861 г. между войсками Конфедерации во главе с Уркисой и Буэнос-Айресом под командованием Митре произошло сражение при Павоне. Победа осталась за Буэнос-Айресом. Уркиса отказался от продолжения борьбы, мотивируя свое решение тем, что не хочет новых жертв в братоубийственной войне.

Победа Митре при Павоне и последующие действия Уркисы имели катастрофические последствия для Конфедерации. Правительство, поняв, что невозможно продолжать борьбу без армии и денег, объявило о прекращении своей деятельности. Провинции отозвали своих депутатов из Конгресса и поручили Митре, ставшему к тому времени губернатором Буэнос-Айреса, осуществление исполнительной власти впредь до созыва нового конгресса и выборов президента, которые должен был организовать он же[14]. Таким образом, руководство по объединению страны перешло к правящим кругам Буэнос-Айреса.

25 мая 1862 г. в Буэнос-Айресе собрался Национальный конгресс, избранный от всех провинций Аргентины. Депутаты приняли решение о проведении президентских выборов. Митре, который после победы над Конфедерацией, бесспорно, стал первым политиком страны, одержал на них победу. 12 октября 1862 г. он вступил в должность. Аргентина стала единым государством.

Перед правительством Митре стояла задача окончательной консолидации национального государства, подведения под него прочной экономической основы, определения места Аргентины в мире.

Продолжала существовать проблема столицы. Конституционная реформа 1861 г. передала решение этого вопроса Национальному конгрессу, который обязан был принять специальный закон. Однако этот закон мог вступить в силу лишь после его одобрения

---

[13] *Alberdi T.B.* Bases y puntos de partida para la organización de la Republica Argentina. Buenos Aires, 1991. P. 43.

[14] Documentos relations a la organización constitucional de la Republica Argentina. T. I. Buenos Aires, 1912. P. 261, 297–299, 305–306; T. II. Buenos Aires, 1912. P. 11, 17–18, 36–37, 41–42.

легислатурой провинции, выделившей для столицы территорию[15]. Митре попытался решить этот вопрос путем федерализации Буэнос-Айреса. По его настоянию, конгресс принял закон, по которому провинция Буэнос-Айрес переходила под юрисдикцию центрального правительства сроком на три года, в течение которого должен быть решен вопрос о столице[16]. После того как легислатура Буэнос-Айреса отвергла этот закон, был достигнут компромисс, который не решил проблемы, но позволил обеим властям находиться в Буэнос-Айресе: провинция сохраняла в своем составе город, но одновременно на него распространялась юрисдикция национальных властей. Это соглашение могло быть пересмотрено через пять лет[17]. По прошествии этого срока конгресс не вернулся к нему и федеральные органы превратились в гостей провинции, потеряв право юрисдикции над городом. Юридически Буэнос-Айрес стал столицей Аргентины только в 1880 г.

Во время президентства Митре складывается национальная администрация: был учрежден Верховный суд, принят Торговый кодекс, приступили к составлению Гражданского кодекса, появилась национальная армия, состоявшая из выходцев из всех провинций.

Митре считал, что экономическая модернизация страны должна начаться с сельского хозяйства. Он обращал внимание на сырьевую бедность страны: «У нас нет железа, этого орудия труда и войны XIX века. У нас нет каменного угля, этого сырья для промышленности. У нас нет камня или он находится в труднодоступных районах Анд. У нас нет древесины для строительства. Внутри страны у нас нет судоходных рек»[18]. В то же время он считал, что земледелие не могло стать той отраслью, которая обеспечит прогресс и богатство страны. По его мнению, скотоводство при недостаточном населении и отсутствии современных путей сообщения сыграло главную роль в освоении «этой «пустыни», «увеличивая производство и потребление». «Развитию скотоводства мы обязаны тем, что провинция Буэнос-Айрес с населением в 400 тыс. человек производит и потребляет столько же, как и республика Чили с 1,6 млн жителей, несмотря на то что Чили является исключительно земледельческой страной и имеет богатые рудники»[19]. Митре не беспокоила слабая заселенность страны, наоборот, он видел в этом главное конкурентное преимущество Аргентины.

Вместе с тем Митре вовсе не отвергал земледелие, но видел его развитие в неразрывном единстве со скотоводством и приводил в качестве примера США. В них «создание нового американского мира на Дальнем Западе обязано сочетанию земледелия и скотоводства»[20].

Если Сармьенто усматривал причину существования латифундий в экстенсивном скотоводстве, то Митре – в эмфитеусисе, т.е. в долгосрочной и неограниченной в размерах аренде земли. Он был решительным сторонником частной собственности на землю. Из всех систем колонизации, пригодных для страны, он ратовал за спонтанную и выступал против искусственной иммиграции, «которая противоречит естественному закону, потребностям страны». По мнению Митре, природные условия страны и ее социально-политическая система свидетельствовали в пользу спонтанной иммиграции. Именно такая иммиграция обеспечила приток в страну колонистов.

---

[15] Constitución de la Nacion Argentina 1853. Buenos Aires, 1956. P. 7.

[16] Ley núm 12 // Argentina Congresso nacional Cámara de Senadores 1862. Buenos Aires, 1929. P. 512–513. (Далее – Senadores).

[17] Asambleas constituyentes argentinas... T. V. Buenos Aires, 1939. P. 552–560.

[18] Proyecto y Construción de una Nación (Argentina 1846–1880) / Ed. T. Halperin Donghi. Caracas, 1980. P. 472.

[19] Ibid. P. 120.

[20] Ibid. P. 430.

Вместе с тем Митре вовсе не был против земледельческих колоний, но без нарушения интересов скотоводства. Свои взгляды на аграрное развитие Аргентины он подытожил в следующих словах: «В этом, как и во всем, необходимо действовать разумно, приспосабливая средства и цели и всегда предпочитая такие комбинации, при которых выгода распределяется среди наибольшего числа людей, без нарушения экономических законов свободного труда, всегда стараясь не сломать могущественную пружину стихийности»[21].

Аргентинская экономика приобрела агроэкспортный характер: экспорт сельскохозяйственной продукции в обмен на импорт промышленных изделий из западноевропейских стран. Складывание и функционирование агроэкспортной модели стало возможно благодаря притоку в Аргентину иностранного, главным образом английского, капитала. С размещением в 1863 г. аргентинских ценных бумаг на лондонском фондовом рынке начался регулярный экспорт британского капитала в страну в крупных размерах.

Митре – восторженный поклонник Англии, убежденный, что только при сотрудничестве с ней возможен прогресс Аргентины. Выступая на открытии построенной англичанами Южной железной дороги, он среди прочего сказал: «Отвечая сейчас на сердечные приветствия, с которыми ко мне обратились присутствующие здесь иностранцы и прежде всего граждане Великобритании, я говорю, что не признаю их за иностранцев на этой земле. Нет! Я приветствую всех здесь присутствующих как братьев, потому что все мы являемся ими на ниве человеческого труда... Какая сила дала толчок этому прогрессу? Сегодня это английский капитал»[22].

Модернизация страны была невозможна без поднятия интеллектуального уровня народа, без его просвещения и распространения научных знаний. Во взглядах Митре на образование центральное место занимала начальная школа, поскольку в демократическом обществе просвещение народа являлось прочной основой свободы. Прежде всего, необходимо ликвидировать неграмотность, что должно было стать главной заботой государства, а не частной инициативы, так же как и формирование граждан, способных сознательно осуществлять свои права и обязанности. Это не означало, что Митре отрицал необходимость развития среднего и высшего образования. В годы его президентства в Буэнос-Айресе открылся колехио. Он рассматривал университет не как организацию узких специалистов, «собрание профессионалов», а считал необходимым придать ему широкий научный характер, превратить университет в центр научных исследований.

Задачам модернизации страны была подчинена и внешняя политика Митре. Он считал, что Аргентина должна развивать отношения со всеми странами Европы и Америки на основе невмешательства во внутренние дела друг друга, уважения прав личности и народа, не вступая в конфликты с правительствами других стран только потому, что они не принимают республиканскую форму правления. Последнее обстоятельство относилось к европейским государствам, сплошь монархическим, откуда Аргентина стремилась получить иммигрантов и инвестиции для своего развития.

По мнению Митре, необходимо добиваться гармоничных и тесных связей с США, а не исключать их из участия в латиноамериканских делах. Аргентинский президент выступал за то, чтобы все нации, вышедшие из испанских колоний, свободно и демократично организовались в национальные государства без вмешательства других стран, поддерживали между собой братские связи и оказывали взаимную помощь для защиты своей независимости в случае иностранной агрессии.

Аргентинскому правительству очень скоро на практике пришлось применить эти принципы. Французская интервенция в Мексику вызвала возмущение и протесты в Латинской Америке. Ряд латиноамериканских правительств попытались дипломатическим

---

[21] Anales de la Sociedad Rural Argentina 1866. Vol. I. № 1. P. 8.

[22] *Mitre B.* Arengas. Buenos Aires, 1889. P. 222.

путем вмешаться в конфликт и подготовили соответствующее заявление, предложив Аргентине присоединиться к нему. Митре заявил о солидарности с Мексикой, но отказался поддержать совместный демарш.

Аргентинскую позицию в межамериканских делах Митре изложил на примере конфликта Испании с Перу и Чили, который привел к первой Тихоокеанской войне. По его мнению, ни о какой военной поддержке Аргентиной этих стран не могло быть и речи. Они не находятся в таком положении, чтобы «послать перуанцам нового Сан-Мартина и Андскую армию». В письме чилийскому политическому деятелю Хосе Викторино Ластарии по поводу испано-чилийских отношений Митре отмечал, что «позиция Аргентины – строгий нейтралитет, несмотря на то что личные симпатии находятся на стороне Чили. Претендовать на большее, – подчеркивал Митре, – значит против нашей воли и интересов нашей страны втянуть нас в борьбу, которая нас не касается»[23].

Иной точки зрения придерживался Сармьенто, посланный правительством Митре с дипломатической миссией в Чили, Перу и США. Сармьенто считал, что для отражения европейской агрессии нужен союз латиноамериканских стран. Митре был решительно не согласен с Сармьенто. Он отвергал саму идею латиноамериканских конгрессов, придуманную, по его словам, «Боливаром, чтобы господствовать над Америкой». Напротив, одной из главных основ аргентинской политики Митре считал неучастие в них. Он не жалел эпитетов для развенчания самой идеи латиноамериканского единства, называя ее «ребячеством», «наивной игрой в братиков», «фальшивой политикой», которая лишь ограничивает национальный суверенитет, «делая американскими все вопросы двусторонних отношений с Европой», что означало, по его мнению, перманентную войну с последней, которая не позволила бы Латинской Америке расти и развиваться. Помимо этого, латиноамериканские конгрессы исключали США – «вождя демократии в мире и главного защитника Южной Америки от европейской экспансии».

Митре предлагал исходить из реального положения дел, из того, что в области международных отношений латиноамериканские республики являлись независимыми нациями, как Россия, Турция, США, «которые должны жить и развиваться за счет собственных сил или погибнуть, если их нет». Вместе с тем он не исключал солидарность в тех случаях, когда у республик появлялся общий интерес, прежде всего в отношениях с Испанией[24].

Программа Митре предполагала создание либерального государства, что в свою очередь требовало устранения от власти губернаторов-федералистов, сторонников Уркисы. Либеральная партия не пользовалась поддержкой в провинциях, и Митре прибегнул к военной силе, чтобы обеспечить в них власть центрального правительства.

По убеждению Митре, эта борьба носила мировоззренческий характер. Он исходил из того, что победа Буэнос-Айреса над Конфедерацией была не только военной, но «являлась триумфом цивилизации над элементами варварства»[25]. «Если часть или даже большая часть народа нас ненавидит, – писал Митре своим сторонникам, – мы должны обращаться с ними как с врагами, и в соответствии с тем, что нас устраивает, вести или не вести войну на их территории»[26]. Сармьенто советовал Митре: «Не пытайтесь экономить кровь гаучо. Это удобрение, которое нужно сделать полезным для страны. Кровь – это единственное, что есть у этих человеческих существ»[27].

В провинции была послана военная экспедиция. В ответ на действия центрального правительства началось восстание Анхеля Висенте Пеньялосы. Этот каудильо,

---

[23] *Mitre B.* Archivo del General Mitre. T. XXIV. Buenos Aires, 1912. P. 114.
[24] *Niño T.M.* Mitre. T. II. Buenos Aires, 1916. P. 308–310.
[25] *Mitre B.* Archivo del General Mitre. T. IX. Buenos Aires, 1912. P. 11.
[26] Ibid. T. VIII. P. 258.
[27] Ibid. T. IX. P. 363.

известный под именем Чако, пользовался огромной популярностью в своей родной провинции Ла-Риоха и подхватил из рук Уркисы знамя федерализма.

Правительственные войска применили против повстанцев тактику выжженной земли: убийство пленных федералистов, поджоги деревень. Их действия пользовались полной поддержкой властей. В ответ на разоблачения преступлений одного из них – полковника Сандреса, Митре сказал: «Я знаю, что Сандрес плохой, но он необходимое зло».

Война шла с переменным успехом. Тогда Митре приказал вести так называемую полицейскую войну. Отныне действия повстанцев рассматривались как неподчинение национальной власти. Разъясняя свою позицию, Митре писал Сармьенто: «Я не хочу придавать действиям против Ла-Риохи характера гражданской войны. Мою идею можно резюмировать в двух словах: я хочу вести в Ла-Риоха полицейскую войну». Об этом же Митре писал своему вице-президенту Маркосу Пасу: «Чем договариваться с этим животным Пеньялосой, лучше его устранить, хотя это и будет стоить намного дороже. Воспользуемся тем, что каудильо желает самоубийства, чтобы помочь ему умереть»[28].

В конце концов восстание Пеньялосы было подавлено, а сам он убит. Смерть Пеньялосы не принесла мира. Обстановка в стране складывалась так, что казалось невозможным преодолеть сепаратизм и устранить причины постоянных восстаний. «Аргентинская республика, – писал Альберди, – не имеет внутри силы, способной создать единство и национальную общность»[29]. Положение кардинально изменилось с началом Парагвайской войны. Она усилила Буэнос-Айрес, обрекла внутренние провинции на разруху, ослабила сепаратизм и содействовала складыванию национального государства вокруг Буэнос-Айреса.

Парагвайская война (1864–1870) представляла собой военный конфликт, в котором коалиция в составе Аргентины, Бразилии и Уругвая воевала с Парагваем. Эта война стала самой продолжительной и кровопролитной в истории Латинской Америки.

Для правительства Митре война была продолжением внутренней борьбы с провинциями и рассматривалась как конфликт варварства и цивилизации. Представителем варварства и абсолютизма являлся президент Парагвая Солано Лопес, который, по словам Митре, «оставляет далеко позади царя России в его лучшие времена и знаменитого Росаса в Аргентинской республике»[30].

За всеми рассуждениями о варварском характере парагвайского государства скрывалось неприятие Митре и другими либералами господствующей в Парагвае экономической модели – альтернативной либеральному пути развития, которая характеризовалась сильным государственным сектором и монополией внешней торговли главными экспортными товарами.

Для либералов эта модель представлялась не прогрессом, а «варварским феодализмом, который угнетает и подавляет эту братскую страну»[31]. Поэтому они рассматривали войну против Лопеса как освободительную, которая принесет Парагваю цивилизацию. Митре не скрывал, в чем состояла эта цивилизация. «В войне с Парагваем, – сказал он позднее, – победила не только Аргентинская республика, но также великие принципы свободного обмена»[32].

Митре, назначенный главнокомандующим союзными войсками, рассчитывал на молниеносную войну с Парагваем и обещал: «В 24 часа в казармы, в 15 дней в Корриентесе (пограничная с Парагваем провинция. – *В.К.*), в 3 месяца в Асунсьоне». Однако союзникам

---

[28] Nueva historia argentina. T. IV. Buenos Aires, 2001. P. 460.

[29] *Alberdi T.B.* El Brazil ante la democracia de America. Buenos Aires, 1946. P. 297.

[30] *Mitre B.* Correspondencia literaria, historica y politica. T. 3. Buenos Aires, 1912. P. 118.

[31] *Mitre B.* Archivo del General Mitre. T. XXVI. Buenos Aires, 1912. P. 101.

[32] *Mitre B.* Arenges... P. 298.

пришлось воевать не с правительством Лопеса, а со всем парагвайским народом, который встал на защиту родины от иностранной агрессии. Война закончилась в 1870 г. после гибели почти всего мужского населения Парагвая.

В Аргентине война с Парагваем не была популярной. Большинство аргентинского народа за пределами Буэнос-Айреса не поддерживало войну. В провинциях вновь начались восстания. Призывы закончить войну раздавались не только в прессе, но и в конгрессе[33]. Митре пришлось навсегда покинуть армию, так и не выполнив обещания через три месяца быть в Асунсьоне.

С окончанием президентского срока Митре не ушел из политики. Он лишь сменил, по собственному выражению, саблю на перо. С января 1870 г. под его редакцией стала выходить газета «La Nacion». Обосновывая необходимость появления новой газеты, Митре указывал на изменившуюся роль прессы. Если прежде она была полем битвы за национальную организацию, то теперь, когда национальное единство стало свершившимся фактом, когда закончились гражданские и внешние войны, в Аргентине наступил мирный этап развития. Новая газета должна была стать трибуной для пропаганды либеральной доктрины. Необходимо было объяснить народу программу, которую предстояло выполнить.

«La Nacion» стала лидером в формировании общественного мнения. Читателей привлекала объективная подача материала, ясный, четкий стиль изложения, солидная аргументация. Газета не пыталась навязать идеи, а стремилась убедить, поднять интеллектуальный уровень дискуссий.

Другим каналом формирования общественного мнения была история. Митре стал основателем «классической» или либерально-позитивистской школы исторических исследований. В его концепции история независимой Аргентины представала в черно-белом свете. Если к светлому героическому периоду аргентинской истории относилась Война за независимость и деятельность ее руководителей Мануэля Бельграно и Хосе де Сан-Мартина, то установившаяся вскоре после завоевания независимости диктатура Росаса трактовалась как возврат к колониальным порядкам, как темная, случайная страница аргентинской истории. Попытка историка Адольфо Сальдиаса подойти объективно к изучению режима Росаса встретила со стороны Митре решительное неприятие. Он расценил ее как «историческую, политическую и философскую реабилитацию тирании», которая обрадует лишь сторонников Росаса. «Вы смываете кровь, – писал он Сальдиасу, – которой запятнаны его действия»[34]. Схема Митре легла в основу написания школьных учебников и на многие десятилетия определила восприятие молодым поколением аргентинцев своей истории.

Главной заслугой Митре являлись исследования по истории Войны за независимость. Его труды «История Бельграно и аргентинской независимости» (1857–1887) и «История Сан-Мартина и южноамериканского освобождения» (1887–1890) заложили основу изучения этого периода аргентинской истории, а сам автор стал первым аргентинцем, заслужившим право называться профессиональным историком.

Митре справедливо полагал, что зарождавшейся национальной историографии требовалась прежде всего широкая источниковая база. Задачу аргентинских историков он видел в поиске и обнаружении новых документов, которые могли бы прояснить «белые места» в истории страны. Митре строго следовал этому правилу, его работы основывались на изучении огромного количества источников – в общей сложности пяти тысяч документов. Он называл документы «мясом на костях истории» и главное достоинство исторических трудов видел в количестве исследуемых документов. Под документами Митре понимал связную систему материалов, которые могли как подтверждать, так и

---

[33] Bartolomé Mitre y Juan Carlos Gómez Cartas polemica sobre la Guerra al Paraguay. Buenos Aires, 1940. P. 8–24, 33–39.

[34] *Mitre B.* Correspondencia literaria, historica y politica. T. 3. P. 198–199.

опровергать друг друга. Но их необходимо было знать все, поскольку даже один отсутствующий мог аннулировать или придать иное значение всем остальным.

В своих взглядах на исторический процесс Митре оставался идеалистом. Для него движущей силой общественного развития было развитие идей. В основе революции независимости лежали не материальные интересы, а идея независимости, которая зародилась во времена конкисты. Содержание освободительной борьбы Митре сводил к «постепенному развитию идеи независимости аргентинского народа»[35].

Несмотря на то, что в центре внимания Митре находилась деятельность руководителей борьбы за независимость генералов М. Бельграно и Х. Сан-Мартина, что нашло отражение в названиях его книг, он не являлся сторонником проповедуемого Т. Карлейлем «культа героев». Для Митре исторический процесс не сводился к деяниям «великих людей», и он не считал, что эпоха независимости являлась продуктом исключительно их усилий, а народные массы были слепым орудием в их руках. Но и народ, по мнению Митре, не играл решающей роли. Он признавал влияние как масс, так и личности в истории, но всегда подчеркивал руководящую роль идей, считая их порождением общественного духа.

Вместе с тем признание духовного начала не отрицало значения материальных факторов. Для понимания аргентинской истории Митре считал необходимым дать представление о социальном, политическом и географическом устройстве страны, которое отличалось от других латиноамериканских стран. Эти различия сводились к отсутствию на территории Аргентины драгоценных металлов и оседлого индейского населения, здесь преобладал кочевой элемент. Поэтому принесенный испанцами в колонии европейский феодализм не получил распространения на аргентинской земле, а эксплуатация индейцев не приобрела феодальный характер, как в остальной Испанской Америке.

В целом испанскую колониальную систему на Рио-де-Ла-Плате Митре характеризовал как «рудиментарную демократию с инстинктом индивидуальной независимости и коммунальной свободы»[36].

Главную причину «рудиментарной демократии» Митре видел в «природе человека, перенесенного в обстановку новой среды»[37]. Он взял у Ж.-Ж. Руссо концепцию естественного права и с ее помощью объяснил происхождение независимости. Для Митре она была осуществлением принципов естественного права[38].

Обосновывая право колоний на независимость, Митре обращался к теории договорного происхождения верховной власти. Единственным связующим звеном между Испанией и колониями признавалась власть испанского монарха, с ее исчезновением суверенитет переходил к народу[39].

Митре – сторонник эндогенного происхождения революции. Он утверждал, что она вызвана внутренними факторами, а внешние воздействия играли второстепенную роль. Возражая тем, кто придавал решающее значение в возникновении движения независимости наполеоновскому вторжению в Испанию и временному устранению Бурбонов, Митре считал, что не будь этих событий, «революция задержалась бы, но это не значит, что Америка не созрела для освобождения». «Революция имела глубокие корни в людях и вещах, она подчинялась собственному пульсу, который, несмотря на препятствия, чувствовался тут уже века»[40]. Для Митре главным доводом в пользу зрелости внутренних предпосылок было то, что Испанская Америка «сама завоевала независимость».

---

[35] *Mitre B.* Ensayos historicos. Buenos Aires, 1940. P. 5.
[36] *Mitre B.* Historia de San Martin y de la emancipación Sudamericana. T. I. Buenos Aires, 1950. P. 23.
[37] Ibid. P. 21.
[38] Ibid. P. 33.
[39] Ibid. P. 55.
[40] Ibid. P. 59.

Митре придавал Войне за независимость Испанской Америки всемирно-историческое значение и ставил ее в один ряд с Войной за независимость США и Французской революцией. С завоеванием независимости Южной Америки появилась целая группа наций, которые впервые в мире образовали политическую систему с естественными законами и демократической гармонией. Для республики был завоеван целый континент[41].

Исторические труды Митре проникнуты оптимизмом и верой в безграничный прогресс. Он объяснял трудности на пути к прогрессу молодых государств тем, что они сразу перешли от рабства к свободе. Это же породило и наступившие после обретения независимости анархию и деспотизм. «Но имея независимость, – подчеркивал Митре, – все можно преодолеть. Инстинкт самосохранения возобладал и относительное равновесие в республиках было восстановлено»[42].

Митре умер 18 января 1906 г., окруженный почетом и уважением. В стране был объявлен десятидневный траур, закрыты торговые заведения и отменены все публичные мероприятия. В официальном заявлении по поводу смерти Митре говорилось, что «долг правительства почтить память столь прославленного гражданина». Отмечались его заслуги как государственного деятеля, который способствовал «возвеличиванию нации и своей многообразной деятельностью принес республике гордость и славу»[43].

Иного мнения придерживался российский посланник в Буэнос-Айресе Пилар фон Пильхау: «Популярность аргентинского патриция может сравниться с популярностью в Англии Гладстона. Аргентинцы привыкли смотреть на Митре как на такого “Grand old Man”, соединяющего в себе все лучшие качества, и забывая, что история жизни генерала Митре, совпадая с периодом жестокой революции и полного уничтожения населения маленького Парагвая, далеко не оправдывает тот грандиозный апофеоз, который ныне ему присужден»[44].

Эта оценка Митре российским дипломатом, если бы стала известна в то время, не встретила бы одобрения. Все теневые стороны деятельности «аргентинского патриция» были известны и тогда. Но диктаторские методы правления, гражданская и парагвайская войны были, как считал сам Митре, лишь временными и чрезвычайными мерами. Не они были главными в его деятельности. Не диктатура, а установление либеральной гегемонии, т.е. согласие общества и страны с интересами, взглядами и политикой либеральной элиты Буэнос-Айреса, которые в силу этого приобрели общенациональный характер, определяют деятельность Б. Митре как политика и историка. В этом видится его главный вклад в формирование национального государства.

Библиография / References

Alberdi T.B. Bases y puntos de partida para la organización de la Republica Argentina. Buenos Aires, 1991.

Alberdi T.B. El Brazil ante la democracia de America. Buenos Aires, 1946.

Anales de la Sociedad Rural Argentina 1866. Vol. I. № 1.

Argentina Congresso nacional. Cámara de Senadores 1862, 1863. Buenos Aires, 1929.

Asambleas constituyentes argentinas / Ed. E. Ravignani. T. IV, V. Buenos Aires, 1939.

Bartolomé Mitre y Juan Carlos Gómez Cartas polemica sobre la Guerra al Paraguay. Buenos Aires, 1940.

Campolasi T.C. Mitre y su epoca. Buenos Aires, 1980.

Constitución de la Nacion Argentina 1853. Buenos Aires, 1956.

---

[41] Ibid. P. 79.

[42] Ibid. P. 75.

[43] *Campolasi T.C.* Op. cit. P. 515.

[44] Пилар фон Пильхау – В.К. Ламздорфу. Буэнос-Айрес, 10/23 января 1906 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Канцелярия МИД. 1906. Оп. 470. Д. 22. Л. 13.

Documentos relativos a la organización constitucional de la Republica Argentina. T. I–III. Buenos Aires, 1912.

Katra W.H. La Generación de 1837. Los Hombres que hicieron el pais. Buenos Aires, 2000.

Luna F. Bartolomé Mitre. Buenos Aires, 2004.

Mitre B. Archivo del General Mitre. T. VIII, IX, XIV, XV, XXIV, XXVI. Buenos Aires, 1911–1912.

Mitre B. Arengas. Buenos Aires, 1889.

Mitre B. Correspondencia literaria, historica y politica. T. 3. Buenos Aires, 1912.

Mitre B. Ensayos historicos. Buenos Aires, 1940.

Mitre B. Historia de San Martin y de la emancipación Sudamericana. T. I. Buenos Aires, 1950.

Niño T.M. Mitre. T. II. Buenos Aires, 1916.

Nueva historia argentina. T. IV. Buenos Aires, 2001.

Proyecto y Construción de una Nación (Argentina 1846–1880) / Ed. T. Halperin Donghi. Caracas, 1980.

Registro oficial de la República Argentina. T. III. Buenos Aires, 1885.

Rojas R. El profeta de la pampa: vida de Sarmiento. Buenos Aires, 1948.

DOI: 10.31857/S013038640014695-2

© 2021 г. **И.К. БОГОМОЛОВ**

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА СТЭНЛИ УОШБЕРНА

Богомолов Игорь Константинович *– кандидат исторических наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).*
E-mail: bogomolov@inion.ru
Researcher ID: AAI-8746-2020

Аннотация. Статья посвящена деятельности американского журналиста Стэнли Уошберна в годы Первой мировой войны. Основой для статьи послужили воспоминания Уошберна, изданные после его смерти и до сих пор не привлекавшиеся в российской историографии. Отправляясь в Европу в августе 1914 г., он планировал освещать военные действия на Западном фронте. Однако владелец лондонской «Таймс» Альфред Хармсворт уговорил Уошберна поехать на русский фронт. Для Лондона и Петрограда Уошберн был ценен как представитель крупнейшей нейтральной державы, потенциального кредитора, поставщика оружия и боеприпасов. Уошберн мог улучшить образ союзников в американском общественном мнении. Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов поощрял его поездки на фронт, преодолевая недоверие и сопротивление Ставки и лично великого князя Николая Николаевича. Это позволило Уошберну увидеть крупнейшие битвы на Восточном фронте. Он побывал во Львове и Перемышле, был свидетелем великого отступления, Брусиловского прорыва. На фронте и в Ставке он познакомился со многими крупными военачальниками, дважды разговаривал с императором Николаем II. Последний раз Уошберн посетил Россию в 1917 г. в составе миссии сенатора Элиу Рута. Враждебно восприняв Октябрьский переворот, он выступал против дипломатического признания СССР и подчеркивал вклад России в победу Антанты и недооценку этого вклада в послевоенной Европе.

Ключевые слова: Первая мировая война, США, Россия, воспоминания, Стэнли Уошберн, лорд Нортклифф, С.Д. Сазонов, Николай II.

I.K. Bogomolov

The First World War in the Memoirs of the American Journalist Stanley Washburn

Igor Bogomolov, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: bogomolov@inion.ru
Researcher ID: AAI-8746-2020

Abstract. The article is devoted to the activities of the American journalist Stanley Washburn during the First World War. The article is based on the memoirs of Washburn, published posthumously and still

poorly represented in Russian historiography. Departing for Europe in August 1914, he planned to cover military operations on the Western Front. However, the owner of the London Times, Alfred Harmsworth, persuaded Washburn to go to the Russian front instead. For London and Petrograd, S. Washburn was valuable as a representative of a major neutral power, a potential creditor, supplier of weapons and ammunition. He could improve the image of the allies in American public opinion. Russian Foreign Minister Sergey D. Sazonov encouraged him to travel to the front, overcoming the mistrust and resistance of the Headquarters and Grand Duke Nikolai Nikolaevich himself. This allowed Washburn to see the largest battles of the Eastern Front, visit Lviv and Przemyśl, witness the Great Retreat and Brusilov Offensive. Both at the front and Headquarters, he met many major military leaders and twice talked with Emperor Nicholas II. Washburn's last visit to Russia took place in 1917 as part of Senator Elihu Root's mission. Reacting to the October Coup with hostility, he opposed the diplomatic recognition of the USSR, emphasized the contribution of Russia to the victory of the Entente and the underestimation of this contribution in post-war Europe.

Keywords: First World War, USA, Russia, memoirs, Stanley Washburn, Lord Northcliffe, S.D. Sazonov, Nicholas II.

Среди иностранных корреспондентов, освещавших бои на фронтах Первой мировой войны, особого внимания заслуживает деятельность американского журналиста Стэнли Уошберна (1878–1950). Работая в России, Уошберн одним из первых корреспондентов попал во взятую русскими войсками крепость Перемышль, был свидетелем «великого отступления» русской армии, Брусиловского прорыва, катастрофы румынской армии. Результатом напряженной и плодотворной журналистской деятельности были материалы в газетах «Таймс» и «Чикаго трибьюн», на основе которых были изданы четыре книги о России и русском фронте[1]. Несмотря на это, деятельность Уошберна до последнего времени почти не привлекала внимание исследователей. Еще в 1970 г. американский историк Алтон Инграм отмечал, что исследователи «упускают или игнорируют» материалы Уошберна по России[2]. За прошедшие годы мемуары Уошберна упоминались, как правило, в общих трудах о Первой мировой войне[3], в исследованиях сражений на русском фронте, в работах о комиссии сенатора Элиу Рута, посетившего революционную Россию в 1917 г.[4] Уошберн почти не фигурировал в советской историографии, так как высоко оценивал боеспособность русской армии, критиковал нововведения в ней после Февральской революции, враждебно отнесся к большевистскому перевороту[5].

Однако и сегодня об Уошберне вспоминают редко. За прошедшие 30 лет в России о нем вышло только четыре статьи, причем три из них – в последние годы[6]. В зарубежной историографии ситуация немногим лучше: можно отметить лишь монографию

---

[1] *Washburn S.* Field Notes from the Russian Front. London, 1915; *Idem*. The Russian Campaign. April to August 1915. London, 1915; *Idem*. Victory in Defeat. The Agony of Warsaw and the Russian Retreat. New York, 1916; *Idem*. The Russian Advance. New York, 1917.

[2] *Ingram A.E.* The Root Mission to Russia, 1917: PhD Dissertation, Louisiana State University, 1970. P. 49.

[3] Researching World War I: A Handbook. London, 2003.

[4] *Polk J.* A Constructive Efforts: The American Red Cross and YMCA in Revolutionary and Civil War Russia, 1917–24. PhD Dissertation, University of Toronto, 2012.

[5] *Листиков С.В.* Россия в первой мировой войне глазами американского журналиста Стэнли Уошберна, 1917–1919 гг. // Американский ежегодник. М., 1997. С. 186.

[6] *Третьякова С.Н.* Американский корреспондент Стэнли Уошберн на русском фронте // Военно-исторический журнал. 2019. № 10. С. 71–76; *Банникова Н.В.* Документы архива британской газеты «Таймс» о деятельности журналиста Стэнли Вашбурна в расположении российских войск в Первую мировую войну // История и архивы. 2020. № 3. С. 133–141; *Богомолов И.К.* Американский корреспондент Стэнли Уошберн на русском фронте Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 3. С. 78–99.

Криса Даббса об американских корреспондентах времен Первой мировой войны[7]. Даббс первым в историографии подробно описал работу Уошберна на русском фронте. При этом большим недочетом работы Даббса является отсутствие ссылок на использованную литературу. Однако именно его библиографический список указал на редкий и весьма важный источник – мемуары Стэнли Уошберна.

Судя по содержанию, воспоминания были закончены около 1940 г.[8] Лишь в 1982 г. воспоминания были изданы потомками журналиста под названием «На русском фронте Первой мировой войны: мемуары американского военного корреспондента»[9]. Книга состоит из 27 глав, в которых Уошберн повествует о своей работе корреспондентом «Таймс» и членом комиссии Рута (август 1914 – август 1917 г.). Издание снабжено снимками фотографа Джорджа Мьюза, сопровождавшего Уошберна в поездках по фронту. Воспоминания не переиздавались, став к настоящему времени библиографической редкостью.

В отечественной литературе об Уошберне до сих пор не было ссылок на эти мемуары. Автор в своей недавней статье[10] также ссылался на монографию Даббса, который кратко пересказал их содержание. Однако знакомство с полным текстом воспоминаний дает значительно больше сведений и сюжетов о Европе времен Первой мировой войны. Воспоминания ценны и как источник по политической истории России: Уошберн приводит свои беседы с русскими чиновниками, дипломатами, военачальниками, коллегами-журналистами, с императором Николаем II. В статье приводятся рассуждения Уошберна о русской армии и ее противниках, о России кануна революции 1917 г. Воспоминания расширяют представление о работе корреспондентов на русском фронте, дополняют малоизвестную биографию Стэнли Уошберна. К анализу источника привлечены воспоминания современников Уошберна, газетные материалы, документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ).

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

Стэнли Уошберн родился 7 февраля 1878 г.[11] в США в г. Миннеаполис, в семье конгрессмена-республиканца Уильяма Дрю Уошберна. После окончания Гарвардской школы права Уошберн в 1901–1902 гг. работал полицейским репортером в «Миннеаполис джорнэл» и «Миннеаполис таймс». В 1904 г. молодой журналист был назначен корреспондентом газеты «Чикаго дейли ньюз» на фронтах русско-японской войны. Свое пребывание в расположении третьей японской армии Уошберн описал в книге о генерале Ноги Марэсукэ[12]. В 1905 г. Уошберн впервые попал в Россию, откуда писал о событиях первой русской революции[13].

Первая мировая война стала для Уошберна весомым поводом вернуться к журналистской работе. Уже 14 августа 1914 г. он отправился в Европу для освещения военных действий. Первоначально Уошберн планировал попасть на Западный фронт и через несколько дней достиг берегов Англии. По его словам, улицы Лондона «были заполнены войсками.., но, как обычно во время кризисов в Англии, не было вообще никакого воодушевления»[14]. В Лондоне он встретил своего знакомого Харри Перри Робинсона,

---

[7] *Dubbs C.* American Journalists in the Great War: Rewriting the Rules of Reporting. Lincoln, 2017.

[8] В главе XII Уошберн сравнивает оставление русскими войсками Варшавы в 1915 г. и ее взятие германской армией в 1939 г.

[9] *Washburn S.* On the Russian Front in World War I: Memoirs of an American War Correspondent. New York, 1982.

[10] *Богомолов И.К.* Указ. соч.

[11] Здесь и далее даты приведены по Григорианскому календарю.

[12] *Washburn S.* Nogi, a Man against the Background of a Great War. New York, 1913.

[13] *Washburn S.* The Cable Game. Boston, 1912.

[14] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 5.

корреспондента лондонской «Таймс». Робинсон предложил Уошберну написать заметку в «Таймс» об отношении американского общества к начавшейся войне, что тот и сделал в ближайший вечер. Он отметил, что в американской и канадской провинциях интерес к европейским делам был больше, чем в больших городах. Симпатии американцев определенно принадлежали союзникам, а «в автомобилях, на улицах, в офисах... именно на тевтонов возлагается вина за то, что они вовлекли мир в катастрофу»[15].

Приезд американских журналистов заинтересовал английскую печать, так как американцы могли быть полезны в качестве «сторонних наблюдателей» за происходящим в стане врага. Уже на следующий день после приезда Уошберн попал на собеседование в редакцию «Таймс», где ему предложили работать корреспондентом в Германии. Формально он должен был представлять американскую газету, но фактически это была работа на «Таймс», куда через США попадали бы материалы о внутренней жизни в Германии и Австро-Венгрии. Уошберн отказался, не увидев разницы между такой журналистикой и шпионажем. Казалось, на этом его сотрудничество с газетой должно было закончиться. Однако статья об отношении американцев к войне произвела впечатление в «Таймс» и серьезно изменила рабочие планы Уошберна.

На следующий день владелец «Таймс» Альфред Хамсворт, виконт Нортклифф, предложил Уошберну поехать в Россию в качестве корреспондента. Тот согласился, но с одним условием: за работу он не получит гонорара, редакция будет оплачивать только его проживание и телеграфные расходы. Все это Уошберн объяснял личными причинами: будучи женатым человеком, он не хотел связывать себя с редакцией и рисковать жизнью ради сообщений с фронта. Нортклифф с иронией заметил, что в России все равно не удастся заработать, так как «не о чем будет писать»[16], но согласился с этим условием. Сам Уошберн такую щедрость владельца «Таймс» объяснял недостатком кандидатур для командировки на русский фронт.

Нортклифф подчеркнул, что Уошберн едет в Россию не только как журналист, и если у него появится возможность «сделать что-либо в дипломатической или военной сфере, или через политическую интригу», то он должен «забыть “Таймс” и служить “Делу”, которое... важнее, чем эксклюзивные депеши»[17]. Очевидно, что ни для Нортклиффа, ни для Лондона он не мог быть лишь сторонним наблюдателем за войной. Характерно, что Нортклифф поручил сообщить о его приезде в Россию английское министерство иностранных дел, русское посольство в Лондоне и английское посольство в Петрограде. С собой журналист взял также рекомендательные письма для английского посла Дж. Бьюкенена и министра иностранных дел России С.Д. Сазонова. Благодаря этому Уошберн получал доступ в «высокие» кабинеты в Петрограде, а его миссия в России изначально выходила за рамки журналистики.

С началом Первой мировой войны самый короткий путь из Англии в Россию пролегал через Норвегию и Швецию. Уошберн вспоминал позднее, что волновался из-за опасного пути, но еще больше – из-за предстоящей работы. Россию он не посещал уже девять лет, за это время были утеряны старые связи, неясно было, как примут американского журналиста в Петрограде и Ставке. В этом отношении очень помогли рекомендательные письма из Лондона. В первый же день он посетил английского посла, почувствовав себя «не столько корреспондентом, сколько членом дипломатического корпуса»[18]. Однако попасть на фронт в качестве корреспондента Уошберн не имел права.

Решение не пускать журналистов на фронт Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич принял в первые дни войны и не был настроен делать исключения. Не помогали многочисленные ходатайства журналистов, редакторов газет,

[15] Ibid. P. 14.
[16] Ibid. P. 19.
[17] Ibid. P. 25.
[18] Ibid. P. 29.

чиновников и дипломатов. Тем не менее приезд американского журналиста С.Д. Сазонов воспринял как возможность улучшить русско-американские отношения. На первой встрече он рассказал про неудачное наступление русской армии в Восточной Пруссии, спасшее в итоге Париж. Уошберн отметил, что Германия обречена на поражение, а после совершенных преступлений в Бельгии немцы в глазах мирового общественного мнения «выглядят беспощадными и жестокими агрессорами»[19]. Он предложил использовать войну как повод для переориентации русской торговли, так как германское торговое доминирование всегда будет «угрозой безопасности России»[20]. Уошберн также вызвался написать черновой вариант официального заявления Сазонову о необходимости развивать торговлю России с Англией и США[21]. Текст появился в «Таймс» 16 сентября 1914 г. В нем искоренение германского импорта в Россию называется «большой коммерческой возможностью для Англии и Америки»[22].

Уошберн прямо заявил Сазонову, что в Европе с подозрением и недоверием смотрят на русское самодержавие и предложил активно развивать положительный образ России[23]. Первым и значимым шагом был бы допуск журналистов на фронт. Сазонов в ответ пообещал сделать все, что в его силах, чтобы уговорить Николая Николаевича допустить корреспондентов на фронт. В мемуарах Уошберн отмечал, что смог убедить Сазонова в своей полезности для России. Однако главной причиной смягчения позиции Ставки были поражения русской армии в Восточной Пруссии. Необходимо было бороться с распространением слухов и повысить доверие к официальным источникам информации. Было найдено компромиссное решение: допустить журналистов на фронт, но разрешить им передвигаться только по заранее намеченному маршруту и в строго определенное время[24]. Количество корреспондентов также было ограничено: помимо Уошберна в поездку допустили еще четверых иностранцев[25].

Затруднения вызвал отбор подходящих кандидатов. Первоначально предполагалось допустить по одному представителю от каждой союзной страны. Однако Уошберн был представителем нейтральных США, но работал на английскую газету. Между тем официальный Лондон предпочел бы, чтобы английскую печать представлял англичанин и выбрали своего кандидата – британского историка Бернарда Пэрса. Однако Сазонов настойчиво просил сделать для американца исключение. По его мнению, крайне важно было поддерживать положительный образ России в США, так как, возможно, Петроград вскоре будет вынужден обратиться к американскому денежному рынку[26]. В конце концов Сазонов добился своего: для Уошберна и для сопровождавшего его фотографа Джорджа Мьюза было сделано исключение[27].

ОРГАНИЗОВАННЫЕ ТУРЫ ПО ФРОНТУ

7 октября 1914 г. группа русских и иностранных журналистов выехала из Петрограда на фронт. В основном корреспонденты посещали тыловые учреждения – лазареты, питательные пункты, пекарни. Однако журналисты видели свою работу в освещении боев на передовых позициях и несколько раз нарушали установленный маршрут[28]. Уошберн тоже хотел попасть в окопы, но, пока это было запрещено, пытался искать сюжеты

---

[19] Ibid. P. 33.

[20] Ibid. P. 34.

[21] АВП РИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 82.

[22] Field for British and American Enterprise // Times. 16.X.1914.

[23] *Washburm S.* On the Russian Front... P. 36.

[24] *Блохин В.Ф.* Военные корреспонденты Минского военного округа в годы Первой мировой войны: к истории вопроса // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3. С. 30.

[25] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2975. Л. 25.

[26] АВП РИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 77.

[27] Там же. Л. 79.

[28] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1442. Л. 1; *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке. М., 2015. С. 214.

в тылу, находить информацию о ресурсах, линиях коммуникаций, настроениях народа и армии. С его точки зрения, «если кто-либо хочет понять армию, он должен знать, откуда она происходит»[29]. Уошберн также считал, что корреспонденты должны беречь себя, ибо они – ценные «бойцы» на пропагандистском фронте.

Одной из остановок группы была Ставка в Барановичах, где журналистов принял Николай Николаевич. В изображении Уошберна великий князь – «настоящий русский» человек, наделенный большой выдержкой, смелостью и патриотизмом, имеющий огромную популярность в армии. В то же время Николай Николаевич был «очень демократичен», одет в обычную полевую форму. Ставка также поразила Уошберна своей скромностью, аскетизмом и особенно отсутствием водки, которая «всегда была так дорога сердцу русских»[30].

В начале ноября 1914 г. группа журналистов возвратилась в Петроград. Во время вынужденного простоя в работе Уошберн много работал с военными картами, анализировал ход войны и полученный им опыт. В Петрограде он познакомился со многими коллегами и произвел на них хорошее впечатление. «Небольшого роста, веселый, бравый, он хорошо знает свое газетное дело», – вспоминал журналист М.К. Лемке[31]. Остановки в Галиции позволили Уошберну впервые увидеть военную повседневность, масштабы потерь и жестокость с обеих сторон. Уошберн увидел «достаточно убитых, раненых и пленных», чтобы понять свою главную задачу – всеми путями приближать заключение мира[32]. Находясь в Петрограде, он доказывал Бьюкенену и Сазонову, что австро-венгерские солдаты по большей части не понимают смысла войны, не видят причин рисковать своей жизнью. Необходимо было «немедленно, всеми возможными путями подрывать боевой дух австрийской армии и попытаться вбить клин между ними и немцами»[33].

В ноябре 1914 г. Уошберн приехал в Варшаву и дважды побывал в прифронтовых городах Кельцы и Радом. Сазонов лично ходатайствовал за Уошберна, доказывая генералам важность присутствия на фронте американского журналиста[34]. В результате в январе 1915 г. Уошберну было разрешено побывать на передовых позициях. Объезд фронта длился около недели, были осмотрены позиции русской армии на Бзуре. Поездка на фронт, хотя и короткая, отняла у Уошберна много сил. Ежедневно он преодолевал десятки километров по разбитым дорогам, однако успевал регулярно писать для «Таймс»[35]. После посещения фронта Уошберн уехал в Лондон и вернулся в Россию только в марте 1915 г., к моменту взятия русскими войсками Перемышля.

ПЕРЕМЫШЛЬ И ВЕЛИКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Поначалу журналистам было отказано в посещении Перемышля, новости из крепости исходили только от Ставки. Чтобы обойти запрет, Уошберн вновь попросил помощь у дипломатов. В письме представителю МИД в Ставке князю Н.А. Кудашеву[36] он подчеркивал важность всестороннего освещения событий на русском фронте, так как на Западе о них почти никто ничего не знает. Чтобы исправить ситуацию, журналистов нужно регулярно допускать на фронт и давать им больше свободы передвижения. В связи с этим Уошберн просил дать ему возможность чаще бывать на передовой, а в обмен обещал предоставлять все свои корреспонденции и улучшить образ России и русской

---

[29] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 42.
[30] Ibid. P. 44.
[31] *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 81.
[32] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 75.
[33] Ibid. P. 67.
[34] АВП РИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 83, 83 об.
[35] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 53.
[36] АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 58. Л. 17, 18.

армии за границей. Кудашев ходатайствовал по этому поводу перед Николаем Николаевичем и получил одобрение[37].

В Перемышль Уошберн приехал в конце марта 1915 г. Генерал-губернатор Галиции граф Г.А. Бобринский принял Уошберна «холодно и, как и все высшие сановники, относился враждебно к корреспондентам и к прессе вообще»[38]. В самом Перемышле, по его словам, мало что напоминало о войне, если бы не множество людей в военной форме. Уошберна потрясло количество сдавшихся австро-венгерских офицеров и их большое желание поскорее уехать в русский тыл. Им было позволено остаться в своей форме, и поэтому, «звеня шпорами и саблями, они расхаживали по улицам, самодовольные, высокомерные и тщеславные»[39]. Уошберну трудно было поверить, что они вообще пленники, особенно на фоне их конвоиров – «грязных и серых» русских солдат. Статьи и фотографии из Перемышля перепечатывались в американской прессе, и Уошберн в личной переписке не раз благодарил Кудашева за возможность попасть во взятую крепость[40].

Начало великого отступления русской армии застало Уошберна в Петрограде. До фронта в это время было практически невозможно добраться из-за коллапса на железных дорогах. Для повышения своей мобильности Уошберн купил автомобиль, принадлежавший русскому гвардейскому офицеру[41]. Это помогло быстрее передвигаться по фронту, чаще бывать в войсках. Хотя Уошберн ни разу не попал под обстрел противника, постоянное напряжение, переезды и бытовая неустроенность сильно измотали его физически и психологически[42].

Особенно тяжелое впечатление на Уошберна произвели немецкие газовые атаки, последствия которых он видел в лазаретах Варшавы в конце мая 1915 г. Вернувшись в Петроград, журналист убеждал Бьюкенена, Сазонова и Нортклиффа, что использование ядовитых газов лишь усилит взаимную ненависть и отдалит мир. Уошберн предложил провести в нейтральной стране (например, в Швеции) конференцию по запрету использования химического оружия на фронте. Однако в мемуарах он признал, что недооценил эффект от немецких газовых атак на Западном фронте: общественное мнение во Франции и Англии требовало возмездия и распыления газа над германскими окопами. Нортклифф сухо ответил Уошберну, что его предложение отклонено, и спросил, стоит ли ему оставаться на русском фронте. Уошберн, уставший за два месяца, был готов уехать, если бы не заинтересованность в нем Сазонова. Министр иностранных дел России отправил в Лондон официальный протест и дал понять, что отзыв Уошберна будет рассматриваться как «недружественный акт по отношению к русскому правительству»[43]. Сазонов отправил в Ставку запрос об особом пропуске для Уошберна, так как этот журналист оказал России «ценные услуги в смысле проведения в иностранное общественное мнение благоприятных нам взглядов»[44]. Кудашев в ответе министру отметил, что Уошберн и ранее «был поставлен в лучшие условия, нежели другие, даже русские корреспонденты»[45].

Уошберн получил допуск в штабы всех фронтов и смог лично познакомиться со многими военачальниками. На Юго-Западном фронте он был принят генералом Н.И. Ивановым – «тихим человеком, явно имеющим крестьянские корни»[46]. В расположении 2-го кавалерийского корпуса он беседовал с великим князем Михаилом Александровичем,

---

[37] Там же. Л. 23.
[38] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 88.
[39] Ibid. P. 91.
[40] АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 58. Л. 28, 30, 34, 35.
[41] Там же. Л. 33.
[42] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 108.
[43] Ibid. P. 116.
[44] АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 58. Л. 37 об.
[45] Там же. Л. 39 об.
[46] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 117.

«очаровательным, очень простым и очень сердечным человеком»[47]. В штабе 8-й армии Уошберн впервые увидел А.А. Брусилова. Поначалу генерал встретил американского журналиста «весьма прохладно» и с иронией заметил, что ждет «важных военных советов, так как, конечно, журналисты гораздо больше разбираются в моем деле, чем я сам»[48]. Уошберн, однако, не был смущен таким приемом, и в дальнейшем у них установились доверительные отношения[49]. Брусилова он описывает так: «Хилый на вид мужчина с тонким, приятным и одухотворенным лицом. Он был очень замкнут, и, как я впоследствии узнал и удостоверился, большая часть штаба боялась его. Хотя он всегда говорил мягким голосом, его проницательные глаза внушали страх всем окружающим»[50].

В Варшаву Уошберн вернулся в конце июля 1915 г., когда уже шла эвакуация. Передвигаясь по городу, Уошберн несколько раз попадал под обстрел и был, по его словам, близок к смерти. Уже на выезде из Варшавы он обратил внимание на двух девушек, которые спокойно шли по улице, неся в руках теннисные ракетки. Для Уошберна эта картина стала еще одним доказательством, что война – «разновидность работы», а бомбежки «перестают даже интересовать, не то что вызывать панику»[51].

Между тем в Петрограде после потери Варшавы «все только и говорили о сепаратном мире»[52]. Уошберна эти настроения тревожили больше, чем обстановка на фронте. Кудашеву он даже предлагал написать в Петроград «несколько успокаивающих телеграмм» о положении на фронте[53]. Ту же идею Уошберн высказал Сазонову. Поводом для встречи послужил популярный в то время слух, что министр иностранных дел обсудил с царем условия сепаратного мира с Германией. «Обычно спокойный, Сазонов вскочил на ноги и вскричал: “Это неслыханная ложь!”», – вспоминал Уошберн свой разговор с министром[54]. Воспользовавшись моментом, журналист предложил опубликовать в печати заявление, опровергающее слухи и демонстрирующее волю России к борьбе. Текст был написан и согласован за вечер и был напечатан от лица Сазонова в «Таймс» и в русской прессе[55]. В нем подчеркивается, что русский народ полон решимости «сражаться до победного конца, даже если бы для этого потребовались годы и если бы нашим армиям пришлось отступить в сердце России»[56].

Заявление произвело впечатление на Николая II. 3 сентября 1915 г. Сазонов сообщил Уошберну о награждении его знаком отличия ордена Св. Анны за «полезную и выдающуюся службу делу и интересам России»[57]. В октябре 1915 г. Уошберн был приглашен в Ставку на завтрак, после которого «удостоился милостивой беседы» с императором[58]. Журналисту запомнилась напряженная атмосфера в ходе завтрака. Когда появился Николай II, присутствовавшие генералы и великие князья «замерли, словно статуи, и стояли как лакеи в присутствии этого очень простого человека». Царь изредка смеялся, и «для его свиты это выглядело так, словно внезапно рассмеялся Бог»[59]. После завтрака Николай II подошел к Уошберну и беседовал с ним около получаса. Журналист убеждал царя в необходимости усилить влияние на общественное мнение и на настроения

---

[47] Ibid. P. 121.
[48] Ibid. P. 119.
[49] *Cockfield J.H.* General Aleksei Brusilov and the Great Retreat, May–November 1915 // The Journal of Slavic Military Studie. 2013. Vol. 26 (4). P. 654.
[50] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 119.
[51] Ibid. P. 133.
[52] Ibid. P. 137.
[53] АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 58. Л. 36.
[54] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 137.
[55] Will of Russia // Times. 28.VIII.1915.
[56] Заявление министра иностранных дел // Московский листок. 18.VIII.1915.
[57] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 140.
[58] АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 58. Л. 42 об.
[59] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 147.

в армии. «Вы постоянно пишете и говорите об общественном мнении, – заметил император, – но у нас в России нет общественного мнения». Уошберн ответил: «Ваше величество, разница между общественным мнением и его игнорированием – это разница между эволюцией и революцией». Последнее слово вызвало смятение у присутствующих, но царь поблагодарил журналиста за все, что тот делает для России и для него лично[60]. Впоследствии Уошберн вспоминал о Николае II как об очень добром, обходительном, неглупом и демократичном «джентльмене», который, однако, подходил скорее на роль священника, чем самодержца огромной империи[61].

В ноябре 1915 г. Уошберн встретился с Нортклиффом, которому доказывал необходимость всемерно помогать России и улучшать образ союзников в русском обществе. Нортклифф обрушился на Уошберна с критикой за то, что тот часто давал неточную информацию и «вводил в заблуждение союзников» относительно перспектив кампании на русском фронте[62]. Уошберн в ответ заявил, что русская армия нанесет мощный ответный удар в 1916 г., если получит 800 тыс. винтовок. Нортклифф обещал помочь, и определенные знаки этой помощи Уошберн видел, например винчестеры у солдат второго Сибирского корпуса[63].

После отдыха в США Уошберн вернулся в Европу в середине марта 1916 г. Ему довелось поговорить с британским министром иностранных дел Эдуардом Греем – «высоким, худощавым мужчиной с интеллигентным, красивым лицом»[64]. Уошберн прямо заявил Грею, что «сердце России по отношению к Англии холодно как камень»[65]. Подозрительность значительно усилилась на фоне поражений русской армии и якобы «бездействия» союзников на Западном фронте. Уошберн считал, что России нужна понятная, осязаемая компенсация за понесенные жертвы, например турецкие проливы и Константинополь. Необходимо было также создать в Петрограде Бюро пропаганды, чтобы активнее рассказывать об усилиях Англии и Франции, бороться с немецким влиянием и зловредными слухами. Наконец, Уошберн предложил пригласить в Англию членов Государственной думы и показать им, на какие жертвы идет Англия ради победы. Грей заметил, что миллионы русских крестьян в солдатских шинелях вряд ли поймут ценность Константинополя, но намекнул, что договоренности о проливах уже существуют. Уошберн предложил их обнародовать, чтобы воодушевить русское общество. Грей, после некоторых раздумий, согласился.

БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ

В Россию Уошберн вернулся в мае 1916 г. и сразу отправился к министру иностранных дел. Сазонов признавался журналисту, что в апреле 1915 г. было заключено соглашение о передаче России Константинополя и проливов после войны. Он настаивал на письменном соглашении, так как «не мог быть уверен, что не оформленное на бумаге соглашение в последующие годы останется в силе при других правительствах и других послах»[66]. Министр был не против публикации договора и согласился, что это окажет большое влияние на армию и общество в России. Через два дня он зачитал Уошберну заявления британского премьер-министра Г. Асквита о разрешении всех «застарелых споров» между Россией и Англией. Незадолго до этого Асквит на приеме делегации членов Думы и Государственного Совета заявил о «полном согласии, достигнутом британским и русским правительствами относительно Восточного вопроса»[67]. Каких-либо уточнений премьер-министр не сделал, Грей в парламенте также отказывался комментировать

[60] Ibid. P. 149.
[61] Ibid. P. 153.
[62] Ibid. P. 161.
[63] Ibid. P. 176.
[64] Ibid. P. 170.
[65] Ibid. P. 174.
[66] Ibid. P. 177.
[67] Our Guests from Russia // Times. 10.V.1916.

слухи о согласии союзников отдать России Константинополь[68]. Уошберн считал, что нужно опубликовать сам договор и придать огласке конкретные военные цели России. Сазонов отказался от немедленной публикации без согласования с союзниками, но согласился опубликовать ответное заявление, где мог «зайти так далеко, как считал нужным, не объявляя при этом условия секретных договоров»[69]. Уошберн утверждал, что написал черновик этого заявления, опубликованного в «Таймс». Помимо поддержки высказывания Асквита о крепнущей англо-русской дружбе, в нем говорится, что «южный» выход к морям обеспечит выполнение «исторических задач» России[70].

Уошберн сожалел, что Сазонов до своей отставки не успел опубликовать секретные договоры. По его мнению, решающее влияние на смену министра иностранных дел оказала императрица Александра Федоровна, которой не понравилась позиция Сазонова по послевоенному будущему Польши. «Либерал, человек большого мужества и стойкости»[71], Сазонов считал крайне важным выполнить обещания, данные полякам в манифесте Николая Николаевича. Представитель МИД при Ставке Н.А. Базили рассказал Уошберну о разговоре генерала М.В. Алексеева с императрицей, заявившей, что Польша «принадлежит моему сыну, и я никогда не позволю императору делать что-либо, ограничивающее власть моего мальчика»[72]. «Жаркий» разговор царя и царицы предрешил судьбу министра, который еще недавно пользовался полной поддержкой и доверием Николая II. В результате «одна истеричная, неврастеничная женщина сумела изменить мировую историю, и с этого времени революция, отречение царя, полный крах России в войне и трагическая судьба всей царской семьи были предрешены»[73].

Описание Брусиловского прорыва стало для Уошберна нелегким испытанием. Изначально Ставка вообще не собиралась допускать журналистов к наступающим войскам. Уошберн не был исключением. Ситуацию усложняла его непреклонная решимость взять с собой в поездку своего друга, американского журналиста Лусиана Киркленда, к которому в Ставке отнеслись с явным недоверием. Предложение посетить Северный фронт Уошберн отверг и заявил, что уедет в США, если не попадет в Галицию. Кудашев, не желавший конфликта с журналистом, договорился со Ставкой, что американцы будут отправлены к генералу Брусилову, на которого и падет вся ответственность[74]. Раздражение Ставки лишь усилилось, когда в немецкой печати появилось сообщение о больших потерях русской армии, отправленное якобы от имени Уошберна[75]. Хотя скандал удалось быстро замять[76] (Уошберн даже напечатал опровержение в «Таймс»[77]), осадок остался. Офицер управления генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего подполковник П.Л. Ассанович прямо сказал Кудашеву, что чем меньше Уошберн «будет показываться и напоминать о себе в Ставке, тем лучше для него»[78]. В это же время осложнились отношения с корреспондентом «Таймс» в Петрограде Робертом Вильтоном, который был недоволен статьями Уошберна и настаивал на собственной редактуре его материалов перед их отправкой в Лондон[79].

---

[68] The Parliamentary Debates. House of Commons. 30 May 1916. URL: https://api.parliament.uk/ historic-hansard/commons/1916/may/30/russia-and-constantinople#S5CV0082P0_19160530_HOC_84 (дата обращения: 10.11.2020).

[69] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 178.

[70] Russian Aims // Times. 29.V.1916.

[71] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 216.

[72] Ibid. P. 217.

[73] Ibidem.

[74] АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 58. Л. 58.

[75] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2977. Л. 156.

[76] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1443. Л. 20, 22, 23, 24.

[77] German Distortion of War News // Times. 27.VII.1916.

[78] АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 58. Л. 58 об.

[79] *Morison S.* The History of The Times. Vol. 4. The 150th Anniversary and Beyond, 1912–1948. Part 1. 1912–1920. London, 1952. P. 241.

Несмотря на возникшие проблемы и конфликты, Уошберну удалось наладить свою работу на фронте. Освещение наступления русской армии требовало постоянных перемещений по фронту, приходилось, по его словам, «мало спать, редко есть и прикладывать усилия, чтобы не быть убитым»[80]. Значительно облегчали работу установленные связи: генералы нередко помогали Уошберну отправлять корреспонденции и публиковать свои статьи в «Таймс» уже на следующий день[81]. Впечатления от боев в Галиции легли в основу новой книги «Русское наступление», вышедшей в США в начале 1917 г.[82]

КОРОТКАЯ ПОЕЗДКА В РУМЫНИЮ

27 августа 1916 г. Уошберну пришла телеграмма из редакции «Таймс» с просьбой выехать в Румынию для освещения ее участия в войне. От Базили Уошберн узнал, что генерал М.В. Алексеев был «в ярости» от решения Бухареста вступить в войну, так как оно ставило под угрозу левый фланг Юго-Западного фронта[83]. Брусилов был также «очень зол» и не понимал, зачем вообще союзникам Румыния[84]. Уошберн перед поездкой получил рекомендации МИД и Ставки для официальных лиц в Бухаресте[85]. В Румынии он не встретил воодушевления. Король Фердинанд I заявил, что «не доверяет русским» и считает «предательством» с их стороны отказ поставить Румынии обещанное количество снарядов[86]. Желая сгладить антипатию короля к России, Уошберн предложил ему опубликовать в «Таймс» заявление о военных целях Румынии. Среди прочего в нем говорилось о приверженности румын своим союзникам, их вере в «справедливую» Англию, «единокровную» Францию и великую Россию, своего «неизменного соседа»[87].

Во время поездки по фронту Уошберн понял, что положение Румынии перед лицом совместного наступления войск Германии и Австро-Венгрии безвыходно. Вернувшись в Бухарест, он заявил королеве Марии, что если немедленно не принять меры, то скоро королевская семья будет вынуждена «уехать и жить в Одессе или Киеве»[88]. Уошберн утверждал, что подал королеве идею написать личное письмо Николаю II с просьбой перебросить в Румынию десять армейских корпусов[89]. Пообещав передать письмо царю, он вернулся в штаб Юго-Западного фронта и предложил Брусилову опубликовать заявление о приверженности России своим обязательствам перед союзниками[90]. Брусилов одобрил черновой вариант, написанный Уошберном и опубликованный в «Таймс» 10 ноября 1916 г. В начале заявления подчеркивалось, что союзниками «война уже выиграна, остается лишь предполагать, сколько еще времени потребуется, прежде чем противник убедится, что дело, ради которого они залили Европу кровью, безвозвратно проиграно»[91]. Позднее заявление появилось и в русской печати[92]. Из штаба Брусилова Уошберн отправился в Киев, где встретился с Николаем II. Царь, выглядевший «изможденным и осунувшимся», внимательно выслушал рассказы Уошберна о тяжелом положении Румынии. Журналист признался, что раздосадован победой Вильсона на президентских выборах в США, на что император ответил: «Я не понимаю вашей политики, но сожалею, если вы расстроены результатами»[93].

---

[80] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 199.
[81] Ibid. P. 201.
[82] АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 58. Л. 76, 77, 78.
[83] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 217.
[84] Ibid. P. 221.
[85] АВП РИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 127. Л. 451.
[86] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 234.
[87] The Aims of Rumania // Times. 13.X.1916.
[88] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 243.
[89] Ibid. P. 251.
[90] Ibid. P. 262, 264.
[91] General Brusiloff's Optimism // Times. 10.XI.1916.
[92] Военная летопись. 1.XI.1916.
[93] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 266.

Вернувшись в Петроград в ноябре 1916 г., Уошберн надеялся на короткий отдых, однако постоянные посетители вынуждали его принимать их с раннего утра и до позднего вечера. Такой график работы серьезно ухудшил состояние его здоровья. Тем временем ситуация в Петрограде становилась все более напряженной, усиливались «волнение и шум» в Думе, и Уошберн впервые «предположил возможность революции»[94]. В конце декабря 1916 г. он в сопровождении жены отправился на лечение в США. Путь через Норвегию стал к тому времени небезопасен из-за подводной войны, которую вела Германия. Поэтому пришлось ехать через Сибирь в Японию. В новогодней телеграмме Брусилову из Владивостока Уошберн обещал вернуться на русский фронт в апреле 1917 г.[95], однако Февральская революция и вступление США в мировую войну изменили планы журналиста.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕТРОГРАД

Когда в США стало известно об отречении царя, Уошберн немедленно отправился в Вашингтон, где добился встречи с членами Совета национальной обороны, военным министром Ньютоном Бейкером, государственным секретарем Робертом Лансингом. Уошберн считал, что нужно как можно скорее установить связь с Временным правительством. На слушаниях в Совете национальной обороны он предложил направить американскую комиссию для оказания помощи в реорганизации железнодорожной системы России «от Тихого океана до Москвы»[96]. С бригадным генералом Джозефон Куном Уошберн также обсуждал отправку американского контингента (около 500 тыс. человек) на русский фронт через Дальний Восток. С его точки зрения, это была работа на перспективу: благодаря активной политике в России США укрепят свои позиции в русской торговле и коммерции после войны[97]. Важным направлением Уошберн считал стабилизацию политической системы в России. В марте 1917 г. он писал Нортклиффу, что завоевания Февраля могут быть сметены «фанатичными радикалами», которые не побрезгуют немецкими деньгами и пойдут на сепаратный мир. В противовес этому необходимо «развивать и продвигать все формы публикаций, которые позволят достучаться до простых людей в России»[98]. Это позволит «сделать имя Америки и американцев известным в Петрограде так же, как и в Бельгии»[99].

Инициативы заинтересовали членов администрации президента США В. Вильсона. Уошберна включили в состав комиссии сенатора Элиу Рута, отправившейся в Россию 14 мая 1917 г. Из Владивостока в Петроград миссия ехала в царском поезде и прибыла в русскую столицу 13 июня 1917 г. Члены миссии были размещены в Зимнем дворце, в комнатах Екатерины II. Уошберн поселился в апартаментах «любовников Екатерины, которые, согласно истории, менялись каждый месяц»[100]. Миссия Рута произвела на него двоякое впечатление. С одной стороны, состоялось большое количество встреч с представителями новой власти, общественными и национальными организациями. Уошберн особое внимание уделил помощи военнопленным и беженцам[101]. Но за этими встречами он не видел реальных дел: не было создано Бюро пропаганды, откладывалось и решение о посылке в Россию американских войск. Уошберн расходился с Рутом в оценке положения России и ее перспектив в войне. А.Ф. Керенского он называл «демагогом», который «уже возомнил себя молодым Наполеоном», хотя ничего не понимал в военном деле[102].

---

[94] Ibid. P. 268.
[95] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2980. Л. 6.
[96] *Ingram A.* Op. cit. P. 50.
[97] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 279.
[98] *Ingram A.* Op. cit. P. 52.
[99] *Polk J.* Op. cit. P. 48.
[100] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 297.
[101] *Polk J.* Op. cit. P. 48.
[102] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 304.

В Ставке Уошберн вновь встретился с Брусиловым, который просил уговорить Керенского не начинать наступление в Галиции, обреченное на провал[103]. Однако Рут не согласился с такой оценкой и не отговаривал Керенского от каких-либо военных решений. Сенатор вообще тяготился своей миссией и всеми путями стремился сократить пребывание в Петрограде. В отчете о поездке он с удовлетворением подчеркивал, что Временное правительство «намерено продолжать войну и не заключать сепаратный мир», и это казалось Руту главным в той ситуации[104]. Спустя месяц пребывания миссия выехала из Петрограда и 8 августа 1917 г. вернулась в США.

После окончания миссии Рута Уошберн больше не посещал Россию, хотя и привлекался к работе на «русском» направлении американской внешней политики. Вскоре после возвращения в США он был назначен советником госсекретаря Лансинга и на новом посту хлопотал о выделении помощи России и Румынии, произнес множество речей о «важности России в сдерживании врага на Восточном фронте»[105]. В сентябре 1917 г. Уошберн, майор американской армии, отправился на Западный фронт в составе 26-й пехотной дивизии. После войны он привлекался к работе американской делегации на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг.[106], предпринял две безуспешные попытки пройти в Конгресс от штата Нью-Джерси, возглавлял угольную компанию и союз угольных производителей в штате Северная Дакота.

От журналистской деятельности Уошберн после войны отошел, лишь изредка публикуя в прессе свои заметки о событиях в США и в мире. Октябрьскую революцию он рассматривал как торжество германской подрывной деятельности в России, а Брестский мир и признание западными державами СССР в 1920-е годы – как предательство памяти миллионов погибших солдат и офицеров[107]. Уошберн считал, что союзники не оказали России достаточную помощь в войне. Тем не менее он верил, что рано или поздно роль России в общей победе над Центральными державами будет по достоинству оценена[108].

* * *

Как и к любым другим, к мемуарам Стэнли Уошберна следует относиться с осторожностью: это источник тенденциозный. С одной стороны, в ходе повествования автор ставит себя в центр крупных военных и политических событий, предсказывает победы и поражения армий, дает советы политикам и слушает признания дипломатов о секретных переговорах. С другой стороны, многие рассказы Уошберна подтверждаются документально. Например, встречи с Николаем II и великим князем Николаем Николаевичем, переписка с С.Д. Сазоновым, передвижения по русскому фронту, посещение революционного Петрограда. В воспоминаниях речь идет не только о приключениях Уошберна в России, но и о меняющейся роли журналиста в современной войне. Как и коллегам на Западном фронте, Уошберну пришлось преодолевать многочисленные бюрократические препятствия, подозрительность и недоверие к нему военных. Тем не менее в итоге он удостоился высочайшего приема и мог осматривать фронт лично, вне организованных групп. Конечно, изменение отношения к корреспондентам происходило главным образом под влиянием обстановки: затяжная война на истощение требовала от правительств более пристального внимания к общественному мнению. Но не стоит недооценивать и роль личности: в Уошберне сочетались талант и уникальное положение представителя нейтральной страны в далекой России. Увидев, какое внимание

---

[103] Ibid. P. 303.

[104] *Ingram A.* Op. cit. P. 290.

[105] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 313.

[106] *Asada S.* Between the Old Diplomacy and the New, 1918–1922: The Washington System and the Origins of Japanese-American Rapprochement // Diplomatic History. 2006. Vol. 30 (2). P. 224.

[107] U.S. and the Soviet // Times. 15.V.1923.

[108] *Washburn S.* On the Russian Front... P. 318–319.

вызывают его статьи в Европе и США, Ставка стала лояльнее относиться и к другим зарубежным журналистам.

Помимо хрестоматийной книги М.К. Лемке «250 дней в царской ставке», журналистские воспоминания о русском фронте Первой мировой войны встречаются исследователям крайне редко. Одни корреспонденты не успели или не захотели писать об этом опыте, другие не акцентировали на нем большого внимания. В этом смысле мемуары Стэнли Уошберна также можно считать уникальными. Побывавший на передовой с русской армией и в «высоких» кабинетах Петрограда, Уошберн оставил редкое по своему объему и весьма яркое свидетельство о предреволюционной России.

Библиография

Банникова Н.В. Документы архива британской газеты «Таймс» о деятельности журналиста Стэнли Вашбурна в расположении российских войск в Первую мировую войну // История и архивы. 2020. № 3. С. 133–141.

Блохин В.Ф. Военные корреспонденты Минского военного округа в годы Первой мировой войны: к истории вопроса // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3. С. 28–33.

Богомолов И.К. Американский журналист Стэнли Уошберн на русском фронте Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 3. С. 78–99.

Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. М., 2015.

Листиков С.В. Россия в первой мировой войне глазами американского журналиста Стэнли Уошберна, 1917–1919 гг. // Американский ежегодник. М., 1997. С. 177–189.

Третьякова С.Н. Американский корреспондент Стэнли Уошберн на русском фронте // Военно-исторический журнал. 2019. № 10. С. 71–76.

Asada S. Between the Old Diplomacy and the New, 1918–1922: The Washington System and the Origins of Japanese-American Rapprochement // Diplomatic History. 2006. Vol. 30 (2). P. 211–230.

Cockfield J.H. General Aleksei Brusilov and the Great Retreat, May–November 1915 // The Journal of Slavic Military Studies. 2013. Vol. 26 (4). P. 653–672.

Dubbs C. American Journalists in the Great War: Rewriting the Rules of Reporting. Lincoln, 2017.

Ingram A.E. The Root Mission to Russia, 1917: PhD Dissertation, Louisiana State University, 1970.

Morison S. The History of the Times. Vol. 4. The 150th Anniversary and Beyond, 1912–1948. Part 1. 1912–1920. London, 1952.

Pares B. My Russian Memoirs. London, 1931.

Polk J. A Constructive Efforts: The American Red Cross and YMCA in Revolutionary and Civil War Russia, 1917–24. PhD Dissertation, University of Toronto, 2012.

Researching World War I: A Handbook. London, 2003.

The Parliamentary Debates. House of Commons. 30 May 1916. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1916/may/30/russia-and-constantinople#S5CV0082P0_19160530_HOC_84 (access date: 10.11.2020).

Washburn S. Field Notes from the Russian Front. London, 1915.

Washburn S. Nogi, a Man against the Background of a Great War. New York, 1913.

Washburn S. On the Russian Front in World War I: Memoirs of an American War Correspondent. New York, 1982.

Washburn S. The Cable Game. Boston, 1912.

Washburn S. The Russian Advance. New York, 1917.

Washburn S. The Russian Campaign. April to August 1915. London, 1915.

Washburn S. Victory in Defeat. The Agony of Warsaw and the Russian Retreat. New York, 1916.

References

Bannikova N.V. Dokumenty arkhiva britanskoi gazety “Tayms” o deyatelnosti zhurnalista Stenli Vashburna v raspolozhenii rossiiskikh voisk v Pervuyu mirovuyu voinu [Documents from the archives of the British newspaper “Times” on the activities of journalist Stanley Washburn in the deployment of Russian troops in the First World War] // Istoiya i Arkhivy [History and Archives]. 2020. № 3. P. 133–141. (In Russ.)

Blokhin V.F. Voennye korrespondenty Minskogo voennogo okruga v gody Pervoi mirovoi voiny: k istorii voprosa [War correspondents of the Minsk Military District during the First World War: on the history of

the issue] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Bryansk State University]. 2017. № 3. P. 28–33. (In Russ.)

Bogomolov I.K. Amerikanskiy zhurnalist Stenli Uoshbern na Russkom fronte Pervoi mirovoi voiny [American Journalist Stanley Washburn at The Russian Front of The First World War] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 8. Istoriya [Moscow University Bulletin. Series 8. History]. 2020. № 3. P. 78–99. (In Russ.)

Lemke M.K. 250 dnei v Tsarskoi Stavke [250 days at the Tsar's Headquarters]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Listikov S.V. Rossiya v pervoi mirovoi voine glazami amerikanskogo zhurnalista Stenli Uoshberna, 1917–1919 gg. [Russia in World War I through the eyes of American journalist Stanley Washburn, 1917–1919] // Amerikanskiy Ezhegodnik [American Yearbook]. Moskva, 1997. P. 177–189. (In Russ.)

Tretiakova S.N. Amerikanskiy korrespondent Stenli Uoshbern na russkom fronte [American correspondent Stanley Washburn on the Russian front] // Voenno-istoricheskii zhurnal [Military-historical journal]. 2019. № 10. P. 71–76. (In Russ.)

Asada S. Between the Old Diplomacy and the New, 1918–1922: The Washington System and the Origins of Japanese-American Rapprochement // Diplomatic History. 2006. Vol. 30 (2). P. 211–230.

Cockfield J.H. General Aleksei Brusilov and the Great Retreat, May–November 1915 // The Journal of Slavic Military Studies. 2013. Vol. 26(4). P. 653–672.

Dubbs C. American Journalists in the Great War: Rewriting the Rules of Reporting. Lincoln, 2017.

Ingram A.E. The Root Mission to Russia, 1917: PhD Dissertation, Louisiana State University, 1970.

Morison S. The History of the Times. Vol. 4. The 150th Anniversary and Beyond, 1912–1948. Part 1. 1912–1920. London, 1952.

Pares B. My Russian Memoirs. London, 1931.

Polk J. A Constructive Efforts: The American Red Cross and YMCA in Revolutionary and Civil War Russia, 1917–24. PhD Dissertation, University of Toronto, 2012.

Researching World War I: A Handbook. London, 2003.

The Parliamentary Debates. House of Commons. 30 May 1916. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1916/may/30/russia-and-constantinople#S5CV0082P0_19160530_HOC_84 (access date: 10.11.2020).

Washburn S. Field Notes from the Russian Front. London, 1915.

Washburn S. Nogi, a Man against the Background of a Great War. New York, 1913.

Washburn S. The Cable Game. Boston, 1912.

Washburn S. The Russian Campaign. April to August 1915. London, 1915.

Washburn S. Victory in Defeat. The Agony of Warsaw and the Russian Retreat. New York, 1916.

Washburn S. The Russian Advance. New York, 1917.

Washburn S. On the Russian Front in World War I: Memoirs of an American War Correspondent. New York, 1982.

DOI: 10.31857/S013038640014696-3

© 2021 г. **Г.Ф. МАТВЕЕВ**

ПОЛЬША В СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ С КОНЦА 1919 до 16 июля 1920 года

Матвеев Геннадий Филиппович *– доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славян Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии № 20-59-18007.

E-mail: gfmatveev@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2320-3068

Аннотация. В конце 1919 г. гражданская война в России, как казалось, близилась к завершению, и руководство РСФСР озаботилось восстановлением промышленности и налаживанием международных экономических отношений, в первую очередь с Великобританией. 5 декабря 1919 г. VII съезд Советов предложил странам Антанты заключить мир, положив тем самым начало политике «мирного наступления» РСФСР. Первыми на это обращение откликнулись республики Прибалтики. 2 февраля 1920 г. Советская Россия подписала мир с Эстонией, начались переговоры с Литвой и Латвией. Лишь Польша не торопилась с ответом, несмотря на прямое обращение к ней НКИД, СНК и ВЦИК и обещание территориальных уступок. Ю. Пилсудский ждал весны. 25 апреля 1920 г. он возобновил наступление, остановленное в октябре 1919 г. Но и после этого Москва, налаживавшая в мае–июне прямые контакты с Лондоном, надеялась на мир с Варшавой. Даже после прорыва Красной армией польского фронта советская сторона не отказывалась от взятого ею курса. Ее политика изменилась после получения 12 июля 1920 г. ноты Д. Керзона о безотлагательном начале мирных переговоров. При обсуждении ответа на нее на пленуме ЦК РКП(б) 16 июля В.И. Ленин неожиданно предложил «помочь пролетариату и трудящимся массам Польши освободиться от их буржуазии и помещиков». Принимая это решение, Москва тем самым отходила от политики «мирного наступления». Но сделала она это лишь на польском направлении.

Ключевые слова: гражданская война в СССР, внешняя политика, РСФСР, прибалтийские страны, Великобритания, Польша, В.И. Ленин, Ю. Пилсудский, дипломатические переговоры, советизация Польши.

G.F. Matveev

Poland in Soviet Foreign Policy from late 1919 to 16 July 1920

Gennadij Matveev, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

The reported study was funded by RFBR and the National Science Foundation of Bulgaria (NSFB), project № 20-59-18007.

E-mail: gfmatveev@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2320-3068

Abstract. At the end of 1919, the leadership of the RSFSR was concerned about the restoration of industry and the establishment of international economic relations, primarily with Great Britain.

On December 5, 1919, the 7th Congress of Soviets invited the Entente countries to conclude a peace treaty, thus beginning the policy of "peace offensive" of the RSFSR. The Baltic republics were the first to respond to the appeal. On February 2, 1920, peace was signed with Estonia, and negotiations with Lithuania and Latvia began. Only Poland was in no hurry to respond, despite the direct appeal to it by the People's Commissariat for Foreign Affairs, Council of People's Commissars, and All-Russian Central Executive Committee (VTsIK) and the promise of territorial concessions. J. Piłsudski was waiting for the spring. On April 25, 1920, he resumed the offensive that had been halted in October 1919. Yet, even after that, Moscow, which established direct contacts with London in May and June, hoped for peace with Warsaw. Even after the Red Army broke through the Polish front, the Soviet side did not abandon its course. Its policy changed after receiving a note from G. Curzon on the immediate commencement of peace negotiations on July 12, 1920. While discussing a response to it at the Plenum of the Central Committee of the RCP (b) on July 16, V.I. Lenin unexpectedly proposed "to help the proletariat and the working masses of Poland to free themselves from their bourgeoisie and landlords". In making this decision, Moscow was moving away from the policy of "peace offensive". Yet, it did so only in the Polish direction.

Keywords: civil war in the USSR, foreign policy, RSFSR, Baltic states, Great Britain, Poland, V.I. Lenin, J. Piłsudski, diplomatic negotiations, Sovietization of Poland.

В конце 1919 г. советское руководство наконец-то могло вздохнуть свободнее. Во-первых, были одержаны решающие победы над армиями Н.Н. Юденича, А.И. Деникина и А.В. Колчака, а переговоры в Микашевичах Ю. Мархлевского, видного деятеля международного коммунистического движения, выступавшего от имени Российского общества Красного Креста, с представителями Ю. Пилсудского привели к прекращению крупных наступательных операций польской армии – правда, без определения сроков этого негласного перемирия[1]. Эти перемены вселяли уверенность в скором окончании гражданской войны. С конца 1919 г. первоочередной задачей, стоящей перед страной, ее лидеры стали считать восстановление экономики, прежде всего промышленности и транспорта. 10 января 1920 г. Ленин писал: «Теперь мы счастливо кончаем гражданскую войну. Советская республика укрепляется своими победами над эксплуататорами. Советская республика может и должна сосредоточить отныне свои силы... на войне бескровной, на войне за победу над голодом, холодом, разрухой»[2]. Об изменении приоритетов во внутренней политике РСФСР свидетельствует и преобразование в первой половине апреля 1920 г. Совета рабочей и крестьянской обороны в Совет труда и обороны.

Во-вторых, в ноябре 1919 г. появились некоторые признаки перемен к лучшему в международном положении РСФСР. Для советской стороны первостепенное политическое и экономическое значение в тот момент приобрело налаживание торговли с Западом[3]. Для скорейшего восстановления экономики в 1920 г. была введена трудовая повинность. Большим резервом рабочей силы являлась армия, но с ее демобилизацией не спешили, поскольку война еще не кончилась, к тому же ей мешало состояние

---

[1] Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. 1918–1926. М., 2017. С. 38.

[2] *Ленин В.И.* В бюро женского съезда Петроградской губернии // Полн. собр. соч. Т. 40. М., 1974. С. 50. 27 января 1920 г. он сформулировал эти же мысли следующим образом: «Перед нами задача, касающаяся смены двух полос нашей деятельности. Та полоса, которая целиком была занята войной, еще не кончилась. Целый ряд признаков говорит, что продолжать войну русские капиталисты не смогут. Но что они будут делать попытки нашествия на Россию, – это не подлежит сомнению. И мы должны быть начеку. Но, в общем и целом, та война, которую они обрушили на нас два года тому назад, кончена победоносно, и мы переходим к мирным задачам». – *Ленин В.И.* Речь на III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 27 января 1920 г. Газетный отчет // Там же. Т. 40. С. 78.

[3] Из доклада народного комиссара иностранных дел Г.В. Чичерина на заседании ВЦИК о внешней политике Советской России [17.II.1920 г.] // Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее – ДМИСПО). Т. III. М., 1965. С. 95.

транспорта[4]. Посему часть вооруженных сил по предложению Л.Д. Троцкого переводили на положение трудовых армий[5]. Но восстановление экономики затруднялось не столько нехваткой рабочих рук, сколько плачевным состоянием парка машин, станков и оборудования, в основном западного производства. Не имея возможности решить эту проблему самостоятельно, Советская Россия была жизненно заинтересована в скорейшем включении в международную торговлю[6]. Германия, до Первой мировой войны один из основных поставщиков станков и промышленного оборудования в Россию, была ограничена Антантой в свободе своих внешнеполитических действий, в том числе на советском направлении. В силу особой вовлеченности Франции в гражданскую войну в России на стороне белых, основным вероятным партнером Москвы мог быть только Лондон, настроенный в тот момент более примирительно, чем Париж[7].

Стремясь скорее завершить состояние войны, в котором Россия находилась с 1914 г., и исходя из складывавшейся на международной арене ситуации, 5 декабря 1919 г. VII съезд Советов принял подготовленный Лениным проект резолюции, предлагавшей державам Антанты «всем вместе и порознь начать немедленно переговоры о мире»[8], положив тем самым начало политике так называемого советского «мирного наступления». Нет оснований считать данную политику исключительно тактической уловкой или дипломатической игрой[9] с целью получения временной передышки и подготовки наступления на польском фронте, чтобы через Польшу, как мечтал В.И. Ленин в феврале 1919 г., «зажженный в России факел всемирной социалистической революции... перенести... в более передовые и вообще во все страны»[10]. В действительности в его поведении уже с февраля 1919 г. начинало просматриваться понимание того, что в ближайшее время в Европе революция вряд ли начнется, вследствие чего надо искать возможности для мирного сосуществования с капиталистическим окружением на некую историческую перспективу[11]. Договоры о мире с соседями должны были сорвать французские планы окружения РСФСР «колючей проволокой» и создать по периметру ее границ своеобразный советский «санитарный кордон» или пояс безопасности, затруднявший западным державам возможность использовать составившие его страны против России.

Одной из приоритетных целей этой политики являлись прибалтийские государства-лимитрофы и ближайшие соседи РСФСР. Первым по времени успехом был мирный договор от 2 февраля 1920 г. с Эстонией, порты которой были нужны для советской морской торговли. В.И. Ленин, оценивая значение Тартуского договора для РСФСР, подчеркнул накануне его подписания, что он «дает нам фактический прорыв блокады,

---

[4] «Ради восстановления транспорта мы создаем трудовые армии, одна из которых уже приступила к постройке дороги Александров Гай – Гурьев для подвоза нефти... Демобилизации мешает и разруха транспорта. Поэтому мы употребим армию для восстановления транспорта». – *Ленин В.И.* Речь на беспартийной конференции рабочих и красноармейцев Пресненского района 24 января 1920 г. Газетный отчет // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 69.

[5] Там же. С. 567–569.

[6] 3 февраля 1920 г. заместитель В.И. Ленина в СНК А.И. Рыков говорил на I сессии ВЦИК Советов: «Во время предстоящего товарообмена мы должны брать у Западной Европы в обмен на наше сырье то, что нам нужно... Мы должны получить взамен станки, машины и все, что необходимо для обновления нашей промышленности». – Известия. 4.II.1920.

[7] Письмо министра иностранных дел Дж. Керзона английскому посланнику в Польше Г. Румбольду о беседе польского министра иностранных дел С. Патека с премьер-министром Д. Ллойд-Джорджем по поводу предложения Советского правительства Польше начать мирные переговоры [27.I.1920 г.] // ДМИСПО. Т. II. М., 1964. С. 503.

[8] 7-й Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: стенографический отчет (5–9 декабря 1919 г. в Москве). М., 1920. С. 46–47.

[9] *Materski W.* Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918–1938. Warszawa, 1994. S. 43, 46.

[10] *Ленин В.И.* Проект программы РКП(б) // Полн. собр. соч. Т. 38. М., 1969. С. 89.

[11] *Матвеев Г.Ф.* «Советизация Польши» во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах // Столетие Революции 1917 года в России. Т. 1. М., 2018. С. 416–417.

даже если формальное снятие блокады – один лишь обман»[12]. Не случайным было согласие советской стороны на территориальные уступки и уплату Эстонии 15 млн рублей золотом[13].

Реализуя политику мирного наступления, РСФСР в 1920–1921 гг. заключила договоры о мире не только с Эстонией, но и с Литвой, Латвией, Финляндией, Грузией, Арменией, Персией, Турцией, Афганистаном, пошла на создание Дальневосточной республики. Конечно, при благоприятных условиях Кремль был не прочь распространить советскую власть на сопредельные территории, если только это не грозило полномасштабной войной с Антантой. Но никакой компромисс с белой Россией, как это было в январе 1919 г., был теперь невозможен. Когда в эти месяцы В.И. Ленин говорил о гражданской войне, он всегда имел в виду только победоносное завершение войны с Деникиным, в руках которого еще оставались юг России, Украины и Северный Кавказ[14].

Другим приоритетом стало британское направление. Англичане, проявляя заботу о своих пленных в РСФСР, предложили еще в сентябре 1919 г. начать в Дании переговоры об их возвращении, а также и о судьбе советских военнопленных в Великобритании. О значимости этих переговоров для Москвы свидетельствует назначение советским представителем на них несостоявшегося советского полпреда в Лондоне, члена коллегии НКИД М.М. Литвинова[15]. Столь высокий статус представителя свидетельствовал о надеждах Кремля на существенное расширение повестки дня переговоров за счет экономических и, может, даже политических вопросов[16]. Расчеты вполне реалистические, особенно что касается торговых отношений. Англичане были заинтересованы в российском продовольствии, советская сторона – в станках и оборудовании для возрождаемой промышленности и транспорта.

20 ноября 1919 г. в «Известиях» была пересказана статья из газеты «L'Humanité», органа французских социалистов, рассказывавшая о «разоблачении» американским дипломатом У. Буллитом обстоятельств появления идеи примирительной конференции на Принцевых островах и причинах ее неудачи, а также о его миссии в Москве в марте 1919 г. и реакции англичан на переданное им согласие В.И. Ленина начать переговоры о путях завершения войны в России. Вряд ли случайно в перепечатке были процитированы слова Д. Ллойд Джорджа генералу Я.Х. Смэтсу после получения советских предложений: «Вот, генерал, документ чрезвычайной важности».

---

[12] *Ленин В.И.* Речь на беспартийной конференции рабочих и... // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 68.

[13] В.И. Ленин, отвечая на вопрос об условиях мира с Эстонией, сказал: «Мы сделали много уступок, главной из которых является уступка спорной территории, заселенной смешанным – русским и эстонским – населением. Но мы не хотим проливать крови рабочих и красноармейцев ради куска земли», а затем выразил уверенность, что «рабочие... скоро свергнут эту власть и создадут Советскую Эстонию, которая заключит с нами новый мир». – Там же. С. 71. Если принять во внимание наличие у советской политики второй приоритетной цели, то это объяснение можно трактовать как просто нежелание публично ее называть.

[14] *Ленин В.И.* Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным [28.XII.1919] // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 41.

[15] Все трудности с поездкой М.М. Литвинова удалось преодолеть только в октябре 1919 г. 24 ноября 1919 г. он был уже в Копенгагене. 19 декабря 1919 г. В.И. Ленин с восторгом рассказывал участникам массового митинга об этой поездке: когда Литвинов «находился в Англии послом, то... англичане постарались выслать тов. Литвинова. А теперь эти, ненавидящие всей душой Литвинова, дали ему разрешение проехать в Копенгаген и не только разрешение, а и возможность проезда (тов. Литвинов прибыл туда на английском крейсере)» (в действительности на британском военно-госпитальном судне «Принцесса Маргарита»). – *Ленин В.И.* Речь на митинге, посвященном годовщине Декабрьского восстания 1905 года, в Пресненском районе 19 декабря 1919 г. // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 30–31.

[16] Г.В. Чичерин в цитировавшемся выше докладе на заседании ВЦИК говорил: «Мы готовы на соглашения, на политическое соглашение мы хотим, ищем политического соглашения, мы признаем, что одно торговое соглашение без политического невозможно». – Из доклада народного комиссара иностранных дел... С. 98.

Знаменательно, что рядом с этой статьей в рубрике «В последнее время» напечатали сообщение о выступлении британского премьера в палате общин накануне, в котором он изложил новый подход Великобритании к гражданской войне в России. Он сказал: «Английское правительство принуждено отказать Деникину и Колчаку во всякой материальной и моральной поддержке», и добавил: «Французское правительство тоже полагает, что невозможно обременять Францию дальнейшими расходами на ведение военных операций в России». Причины поворота Ллойд Джордж объяснил огромными военными долгами, не позволяющими Англии «бесконечно финансировать гражданскую войну в России»[17].

На следующий день сюжет о повороте был дополнен новыми подробностями, взятыми из выступления Ллойд Джорджа: «Хотя Англия и считает долгом чести сдержать данное слово и снабжать восточный фронт военными материалами, но при теперешнем состоянии своего бюджета Англия не может взять на себя обязательство финансировать гражданскую войну в России неопределенно долгое время»[18].

Выступление британского премьера в палате общин сразу же оказалось в центре внимания и главы НКИД Г.В. Чичерина, и В.И. Ленина. 22 ноября 1919 г. Чичерин писал видному советскому дипломату А.А. Иоффе: «Как только я сообщил Владимиру Ильичу о последней речи Ллойд Джорджа, он сказал: надо сейчас же послать по радио интервью о том, что этот поворот дела может принести Англии большие выгоды. Я послал в Ревель большое интервью Рансому и сегодня послал интервью находящемуся там корреспонденту “Дейли экспресс”. В них я указываю на то, насколько противоречива реальным интересам Англии ее зависимость от нелепой узкой политики французских руководящих кругов и насколько соответствует реальным интересам Англии более здравая политика по отношению к нам, и в какой степени необходимо для обеих сторон экономическое сближение с нами. Дойдут ли мои интервью до жителей, я не знаю, но до английских правящих кругов, несомненно, дойдут. Желательно именно развивать мысль о том, что экономическая связь с Англией лежит в интересах обоих. Надо именно указывать англичанам на то, что перемена политики по отношению к нам им выгодна... надо именно указывать, что нам же самим выгодно получать помощь английского капитала и техники, также как им выгодно нам эту помощь оказывать»[19].

Немаловажным для внешнеполитических планов Москвы стала Декларация Верховного совета Антанты от 8 декабря 1919 г. о временных восточных границах Польши[20]. Хотя державы в тот момент и не определили окончательно польскую восточную границу на территории бывшей Российской империи, но они создали международно-правовой прецедент, к которому позже будут обращаться и сами (июль 1920 г.), и Советская Россия (август–сентябрь 1920 г.), и СССР (сентябрь 1939 г.). Иначе говоря, принятием Декларации они, во-первых, отклоняли польские претензии на границы 1772 г., во-вторых, де-факто оставляли за Россией право на решение вопроса о дальнейшей судьбе украинских, белорусских и литовских земель I Речи Посполитой.

О серьезности намерений правительства Великобритании в отношении РСФСР и желании искать пути к нормализации деловых связей свидетельствовало озвученное в конце декабря 1919 г. намерение снять блокаду с Советской России. 16 января 1920 г. Антанта огласила такое решение, одновременно заявив об установлении контактов с русскими кооперативами, представляющими интересы всего крестьянства России. Кроме того, Лондон и Рим заявили об отказе от вмешательства во внутренние дела РСФСР.

Еще одним красноречивым подтверждением намерения Ллойд Джорджа восстановить экономические связи с красной Россией может служить его беседа с польским

---

[17] Известия. 19.XI.1919.

[18] Известия. 21.XI.1919.

[19] Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 04. Оп. 32. Инв. № 52412. П. 204. Д. 10. Л. 7.

[20] Декларация Верховного совета Антанты о временных границах Польши [8.XII.1919 г.] // ДМИСПО. Т. II. С. 431–432.

министром иностранных дел С. Патеком 26 января 1920 г. В ней он без обиняков заявил: «Союзники намерены... восстановить торговые отношения с Россией... отчасти потому, что русские источники продовольствия и сырья необходимы для снабжения Европы и снижения цен. Английское правительство не хочет, чтобы Польша... своими военными действиями способствовала созданию экономического барьера между собой и Россией, в то время, когда союзники стремятся вести широкую торговлю с русскими»[21].

Подготовкой к торговым переговорам с Англией активно занялось и советское руководство. 30 декабря 1919 г. (а не 11 июня 1920 г., как принято в литературе) был образован Наркомат внешней торговли[22], который возглавил Л.Б. Красин. Зная, что британский кабинет не намерен подписывать какие-либо официальные договоры с непризнанным советским правительством, но готов иметь дело с российской кооперацией, Советскую Россию поручили представлять Центросоюзу, имевшему довоенную «родословную» и хорошо известному в Европе, а не подконтрольному большевикам Всероссийскому хозяйственному центру рабочей ветви кооперации (Центросекция) во главе с А.М. Лежавой. Но предварительно руководство Центросоюза подверглось большевизации. 23 декабря 1919 г. А.М. Лежава был назначен председателем его президиума, созданного незадолго до этого решением правительства. В январе состоялось решение о большевизации руководства и нижестоящих органов кооперации[23]. Таким образом, на рубеже 1919–1920 гг. Центросоюз был подготовлен к тому, чтобы до установления двусторонних дипломатических отношений стать торговым партнером британского бизнеса.

Выполняя резолюцию VII съезда Советов, советское руководство распространяло свое мирное наступление и на другие страны. Причем всем адресатам предлагались конкретные материальные выгоды в случае заключения мира. Вот как писал об этом Г.В. Чичерин М.М. Литвинову в Данию 27 февраля 2020 г.: «Было крайне важным одновременное появление наших нот Америке и Японии... В ноте Америке мы подчеркивали предстоящую ей гигантскую роль в реконструкции у нас, а в ноте Японии – специальные экономические и торговые интересы на Дальнем Востоке. В ноте к Румынии мы определенно намекнули, что о территориальных вопросах можно столковаться... Нота к Чехословакии старается подвести итог прежней трагедии и поставить крест, открывая перспективы соглашения, выгодного обоим»[24].

Общая оценка В.И. Лениным состояния международной ситуации вокруг РСФСР на рубеже 1919–1920 гг. звучала оптимистически: в силу противодействия зарубежного пролетариата и непримиримой конкуренции «большие державы Антанты не могут объединиться для борьбы с Советской властью, так как слишком враждуют друг с другом». Но при этом предостерегал, что расслабляться еще рано, поскольку «у нас есть еще враги, как Польша»[25]. Из того факта, что в его речи Польша была упомянута дважды и оба раза как враждебное государство, можно сделать вывод, что польское направление советской внешней политики будет наряду с британским и прибалтийским не приоритетным (все же активные военные действия на польско-советском фронте были остановлены на неопределенное время), но важным.

---

[21] Письмо министра иностранных дел Дж. Керзона английскому посланнику в Польше Г. Румбольду... // ДМИСПО. Т. II. С. 504.

[22] АВП РФ. Ф. 69. Оп. 5. П. 8. Д. 25. Л. 11.

[23] 17 или 18 января политбюро ЦК РКП(б) приняло по предложению В.И. Ленина постановление «По вопросу о попытке Антанты начать торговые сношения с Россией при посредстве русской кооперации». В попытке усмотрели «явный расчет использовать кооперативы как аппарат восстановления капитализма» и предписали заинтересованным ведомствам «немедленно разработать меры, обеспечивающие полное овладение нами кооперативным аппаратом, прежде всего во всех тех пунктах, через которые может быть установлен товарообмен (Украина, Дальний Восток)». – *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 53.

[24] АВП РФ. Ф. 0168. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 54.

[25] *Ленин В.И.* Речь на беспартийной конференции рабочих и... С. 68–69.

Между российскими и польскими исследователями нет согласия относительно того, как намеревалось действовать советское руководство на польском направлении. Российские историки считают, что Москва и после разгрома Деникина искала мира с Польшей. Современные польские исследователи утверждают, что всю зиму 1920 г. советская сторона готовилась к нападению на польские войска в Белоруссии, а советская так называемая политика «мирного наступления» служила маскировке этой подготовки[26].

Почти 10 лет тому назад я уже обращался к анализу советской политики «мирного наступления»[27], опираясь главным образом на документы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Многие из них затем вошли в состав опубликованного в 2017 г. первого тома сборника документов «Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.». Летом 2020 г. мне посчастливилось познакомиться с другим комплексом документов на ту же тему из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ)[28]. Их ценность особенно велика, поскольку именно ЦК РКП(б), а не командование Западного фронта и М.Н. Тухачевский персонально, как считают польские исследователи[29], принимали решения о задачах и целях войны с Польшей.

Выше уже говорилось, что польское направление советской внешней политики относилось советским руководством к разряду важных, но не приоритетных. Прежние советские предложения о мире, делавшиеся в первой половине 1919 г., как и тайная дипломатия второй половины того же года (переговоры Ю. Мархлевского в Беловеже и Микашевичах), результатов не принесли. Пилсудский проигнорировал мирные предложения РСФСР в Микашевичах и тем самым дал понять, что не оставил планов войны с РСФСР за Белоруссию и Украину. Советскому руководству следовало заняться поиском новых путей к миру, тем более в условиях, когда в поведении Антанты просматривалось намерение дистанцироваться от внутрироссийского конфликта. Но при этом советское руководство хотело мирных переговоров не из-за боязни Польши. Конечно, Красная армия не могла похвастаться какими-то победами на польском фронте в 1919 г., поляки потеснили ее и в Белоруссии, и на Украине. Но она и не была разгромлена, и Варшава, несмотря на похвальбу Ю. Пилсудского, что «если где-то и когда-то я вас (красных. – *Г.М.*) не бью, то не потому, что вы этого не хотите, а потому, что этого не хочу я»[30], не могла диктовать Москве условия мира. Тем более в условиях однозначного перелома в гражданской войне в пользу Советской России. Мир с Польшей нужен был Советской России для того, чтобы дополнить возникавший на ее западной границе буфер Польшей, которая продемонстрировала в 1919 г. претензии на границы 1772 г. на востоке.

Возобновление советской стороной активных боевых действий на польском фронте помешало бы достижению приоритетных для РСФСР стратегических внешнеполитических целей, прежде всего в отношении Англии, а тем самым и крайне затруднило бы восстановление промышленности и транспорта. Во избежание этого нужен был мир

---

[26] См., например: *Materski W.* Op. cit. S. 43–44; *Nowak A.* Pierwsza zdrada Zachodu. 1920 – zapomniany appeasement. Kraków, 2015. S. 134. Вполне уместен вопрос, можно ли надеяться на корректировку этих диаметрально расходящихся оценок. Думается, что сближение возможно только при условии, что историки будут учитывать в своих трудах работы друг друга, а также данные вводимых в оборот новых архивных источников. Это условие sine qua non, без соблюдения которого исследователи никогда не преодолеют оценок 1920-х годов, порожденных политическими потребностями того времени, а теперь возведенных в разряд чуть ли не аксиом.

[27] *Матвеев Г.Ф.* Польское направление советского мирного наступления. Январь–апрель 1920 года // Да 90-годдзя прыняцця Рыжскага мірнага дагавору 1921 г. Матэрыялы з гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у XX ст. Зборнік навуковых прац III мажнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі. Мінск, 9–10 чэрвеня 2011 г. Минск, 2012. С. 63–89.

[28] См.: Польско-советская война 1919–1921 гг. Рижский мирный договор. Каталог историко-документальной выставки. М., 2021.

[29] *Materski W.* Op. cit. S. 54

[30] Цит. по: *Garlicki A.* Józef Piłsudski 1867–1935. Warszawa, 1990. S. 229.

с Польшей. Чтобы получить его, как подсказывал опыт 1919 г., у Кремля оставался только один выход: уступить Польше оккупированные ею в 1919 г. белорусские и украинские территории. Но сделку нужно было оформить соответствующим мирным трактатом. Поскольку в мире была заинтересована не Варшава, а Москва, то она и выступила инициатором мирных переговоров.

Поводом для этого было избрано прозвучавшее 28 ноября 1919 г. в сейме заявление вице-министра иностранных дел Польши В. Скшиньского, что РСФСР никогда не предлагала польскому правительству мира, а оно охотно пошло бы на него, хотя и «не думает, чтобы в данный момент неприятель согласился на условия, соответствующие нашим законным требованиям и постоянно защищаемым нами принципам справедливости и гуманизма»[31]. В Москве слова польского замминистра о «законных требованиях» поняли как намерение Польши получить территориальные приобретения на востоке в пределах границ 1772 г., а также как свидетельство того, что польский МИД не знал о завершавшихся в тот момент тайных советско-польских переговорах в Микашевичах.

Советский ответ на заявление В. Скшиньского последовал 22 декабря 1919 г., уже после окончания переговоров в Микашевичах, не принесших подлинного мира[32]. В своей ноте Г.В. Чичерин предложил польскому правительству немедленно начать мирные переговоры и выразил уверенность в том, «что всякое разногласие между ними (Польшей и Россией. – *Г.М.*) может быть устранено дружественным соглашением». Право выбора времени и места переговоров Чичерин предоставлял польской стороне[33]. Варшава оказалась в неловком положении. Заключение мира с РСФСР в тот момент не устраивало Ю. Пилсудского. Стратегической целью его восточной политики были не граница 1772 г., а создание буферных государств между Польшей и Россией, в первую очередь из союзной Польше Украины. Но и проигнорировать призыв к переговорам было трудно, потому что не только европейская общественность, но и правительства, например британское, выступали за скорейшее завершение войны[34]. В этих условиях Варшавой была избрана тактика проволочек, выяснения согласованного мнения держав Антанты по вопросу о мире и т.д.

Не получив ответа на свое предложение, Кремль решил поторопить события. 28 января 1920 г. советское правительство обратилось «к правительству и народу Польши» с изложением основ своей политики на польском направлении[35]. Обращение подписали В.И. Ленин, Г.В. Чичерин и Л.Д. Троцкий. Еще раз подтвердив признание независимости и суверенности Польской республики, СНК РСФСР торжественно пообещал от себя и от имени Временного правительства Украины не вести боевых действий к западу от установившейся на тот момент линии фронта, заявил об отсутствии у него каких-либо соглашений или договоров с третьими странами, прямо или косвенно направленных против Польши, а также не исключил определенных уступок территориального, экономического и другого характера.

В обращении Совета народных комиссаров РСФСР был впервые за предыдущую историю советско-польских отношений точно определен рубеж (поляки позже назовут его линией Ленина, Ленин называл его линией Пилсудского), который Москва обязывалась не

---

[31] Из ответа заместителя министра иностранных дел Польши Вл. Скшиньского на запрос Союза польских социалистических депутатов в сейме по поводу предложения Советского правительства начать мирные переговоры с Польшей // ДМИСПО. Т. II. С. 404. В справке «Основные моменты дипломатических отношений Советской России к Польше», подготовленной в НКИД РСФСР примерно в мае 1920 г., именно это выступление В. Скшиньского названо главной причиной очередной советской мирной инициативы. – АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 2. П. 101. Д. 3. Л. 22.

[32] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. Инв. № 52414. П. 204. Д. 10. Л. 34.

[33] Нота народного комиссара иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина польскому правительству с предложением немедленно начать мирные переговоры // ДМИСПО. Т. II. С. 446–447.

[34] *Nowak A*. Op. cit. S. 128–129.

[35] Обращение СНК РСФСР к правительству и народу Польши с изложением основ политики Советского правительства в отношении Польши // ДМИСПО. Т. II. С. 508–509.

нарушать в случае согласия Варшавы на переговоры. Ответа польской стороны не последовало и на этот раз. Чтобы подтвердить серьезность мирных предложений РСФСР, 2 февраля 1920 г. к польскому народу обратился ВЦИК Советов[36]. В обращении говорилось, что «ЦИК..., высшее представительство русского трудового народа, повторяет предложение, сделанное Советским правительством польскому народу». Таким образом, в течение нескольких дней предложение о вступлении в мирные переговоры сделали все уполномоченные на это инстанции РСФСР. В.И. Ленин в сентябре 1920 г. так изложил мотивы, по которым советское руководство готово было пойти на невыгодный для советских республик мир: «Мы соглашались заключить мир, считая мирную хозяйственную работу, на которую мы перевели жизнь армии и жизнь десятков тысяч рабочих и крестьян, гораздо выше, чем военными успехами освободить Белоруссию и часть Украины или восточную Галицию»[37]. Лишь 4 февраля 1919 г. С. Патек подтвердил получение советского обращения от 28 января и пообещал дать ответ после детального ознакомления с этим документом. Для подготовки ответа польскому правительству понадобились месяц, а также настойчивое требование держав Антанты к Варшаве, прежде всего англичан, сформулировать польские условия мира[38].

Исследователи по-разному объясняют, почему Варшава зимой 1920 г. не спешила с ответными предложениями на советские мирные инициативы[39], в каждом объяснении есть доля истины, но даже вместе взятые они не создают полной картины. В дополнение к перечню причин можно назвать, например, склонность Пилсудского к решению территориальных споров с соседями силовым путем (Тешинская Силезия, Восточная Галиция, Верхняя Силезия, Виленский край, Белоруссия, Волынь), фактическое неверие в Лигу Наций, статут которой предусматривал защиту своих членов от неспровоцированной

---

[36] Обращение ВЦИК Советов к польскому народу с призывом к польскому народу установить добрососедские отношения между Польшей и Советской Россией // ДМИСПО. Т. II. С. 511–513.

[37] Политический отчет ЦК РКП(б) на IX Всероссийской конференции РКП(б) и заключительное слово по итогам обсуждения отчета. 22 сентября 1920 г. Политический отчет // *Ленин В.И.* Неизвестные документы 1891–1922. М., 2000. С. 371.

[38] *Materski W.* Op. cit. S. 46–47.

[39] П.Н. Ольшанский главной причиной считает проводившуюся в этот момент Польшей подготовку к весенней кампании на востоке с целью вытеснения Советской России за линию границы Речи Посполитой 1772 г. – *Ольшанский П.Н.* Рижский мир. М., 1969. С. 44–46. А. Гарлицкий особый акцент делает на намерении Пилсудского отгородиться от РСФСР поясом из союзных Польше независимых государств, т.е. на проводимой им политике, как тогда говорили, «буферизма» или «буферализма». – *Garlicki A.* Op. cit. S. 223–224. Е. Куманецкий дает более пространное объяснение тактики польской стороны, называя и сложную внутриполитическую ситуацию в стране, и военные планы Пилсудского, и отсутствие консолидированной позиции по этому вопросу у великих держав. – *Kumaniecki J.* Pokoj polsko-radziecki 1921. Warszawa, 1985. S. 20–21. В. Матерский декларирует, что советские мирные инициативы конца 1919 – начала 1920 г. были всего лишь дипломатическим прикрытием подготовки Красной армии к наступательным действиям на польском направлении. Пилсудский своевременно разгадал советские агрессивные планы и решил их сорвать превентивным ударом. – *Materski W.* Op. cit. S. 43–45. И.В. Михутина основную вину возлагает на Пилсудского. – *Михутина И.В.* Польско-советская война 1919–1920. М., 1994. С. 107–112. А. Хвальба ушел от однозначного ответа на этот вопрос, но все же ему пришлось признать, что отказ исходил от польской стороны: «Сегодня трудно однозначно сказать, было ли советское мирное предложение свидетельством искренних намерений Москвы или только дымовой завесой, поскольку оно так и не прошло практической проверки. Его отвергла польская сторона, что предопределила позиция Коменданта (Ю. Пилсудского. – *Г.М.*), который России не доверял и хотел польско-советский спор о том, кто будет хозяином между Бугом, Неманом, Двиной, Березиной и Днепром, решить вооруженным путем». – *Chwalba A.* Przegrane zwycięstwo. Wojna polsko-bolszewicka 1918–1920. Wołowiec, 2020. S. 127. А. Новак объясняет нежелание Пилсудского вступать в мирные переговоры с РСФСР тем, что не получил от Англии и Франции твердого обещания признать эвентуальный мирный договор, оставлявший за Польшей обширные территории на востоке с преобладанием непольского населения. – *Nowak A.* Op. cit. S. 115–135.

агрессии, наконец, боязнь России, которая, несмотря на браваду польских военных и успехи на фронте в 1919 г., существовала и культивировалась польской пропагандой. Сам Пилсудский связывал сроки возобновления войны с приходом весны[40].

К числу наиболее спорных относится проблема ответственности сторон за возобновление активных боевых действий на советско-польском фронте в апреле 1920 г. Современные польские историки придерживаются мнения, что наступление польской армии на Украине – всего лишь превентивная мера с целью упредить готовившийся советский удар. Поскольку авторы подобного объяснения исходят из априорного утверждения об «империалистической» сущности РСФСР, ответ следует искать не в голословных утверждениях, а в служебной переписке советских лидеров. Давно известна телеграмма В.И. Ленина от 27 февраля 1920 г. Л.Д. Троцкому с предложением безотлагательно приступить к подготовке войны с Польшей, ибо «все признаки говорят, что Польша предъявит нам абсолютно невыполнимые, даже наглые условия. Надо все внимание направить на подготовку, усиление Запфронта. Считал бы необходимыми экстренные меры для быстрого подвоза всего что только можно из Сибири и с Урала на Запфронт. Боюсь, что мы немного поторопились с трудармиями, если их не используем целиком для ускорения подвоза на Запфронт. Надо дать лозунг подготовиться к войне с Польшей»[41]. Приведенная выше телеграмма вызывает ряд вопросов, которых прежде никто не задавал: 1) если все действия советской дипломатии указывают на желание Москвы заключить мир с Варшавой, то как могло появиться данное распоряжение Ленина, идущее вразрез со стратегической внешнеполитической линией РСФСР? 2) почему Ленин считает необходимым укреплять только Западный фронт? Почему предлагает везти на этот фронт все, что можно, только из Сибири и Урала, но не требует ремилитаризировать трудовую армию, ведь она только что создана и трудармейцы не утратили военных навыков?

Документы РГАСПИ позволяют ответить на некоторые из этих вопросов. 23 февраля на имя председателя Совета рабочей и крестьянской обороны В.И. Ленина поступил затребованный им «краткий доклад РВС Западного фронта об обстановке на Западном фронте и состоянии последнего в связи с возможностью активных операций польских войск». В докладе говорилось, что с конца декабря 1919 г. «соотношение сил польских войск и противостоящих ей войск 16 армии не изменились в нашу пользу, а наоборот – польская армия усилилась прибывшими резервами и перед фронтом 16 армии в пределах ее разграничительной линии... насчитывается польских войск около 31 000 штыков против 6845 штыков и 640 сабель 16 армии. Кроме того, на стыке 16 и 15 армий против левого фланга 15 армии в районе Полоцк-Дрисса насчитывается группа польских войск из частей 1 и 3 дивизий легионеров и 10 пехотной дивизии около 15 000 штыков и 1200 сабель...

Принимая во внимание явное усиление польских сил перед нашим фронтом... можно предполагать, что поляки намерены предпринять или самостоятельную активную операцию, или же во всяком случае сконцентрировали в значительной степени превосходящие нас силы в целях оказания давления на желательный для них исход мирных переговоров, если к таковым они намерены фактически приступить»[42].

Корреляция распоряжения и записки очевидная. В период с 23 по 27 февраля 1920 г. В.И. Ленин имел заслуживающие доверия сведения о примерно четырехкратном перевесе польских сил в Белоруссии. Не надо было быть военным, чтобы понять: у поляков достаточно сил для наступления на Смоленск, а там и Москва рядом. Мог ли в такой

---

[40] *Наленч Д. и Т.* Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М., 1990. С. 283.

[41] *Ленин В.И.* Телеграмма Л.Д. Троцкому // Полн. собр. соч. Т. 51. М., 1970. С. 146–147. В.И. Ленин говорил о подготовке РСФСР к возможной войне с Польшей не только в служебной переписке, но и публично. – См., например: *Ленин В.И.* Доклад на первом Всероссийском съезде трудовых казаков // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 181–182; *Его же*. Речь на заседании пленума Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 6 марта 1920 г. // Там же. Т. 40. С. 196.

[42] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12971. Л. 1–4.

ситуации остаться беспечным любой ответственный политик? Ответ прост: не мог. Так что телеграмма В.И. Ленина от 27 февраля 1920 г. – это приказ не к подготовке наступления на польском фронте, а к такому усилению советской группировки в Белоруссии, чтобы можно было успешно отразить наступление польской армии в направлении Москвы.

Не лучше выглядела ситуация на Юго-Западном фронте. В апрельском наступлении польской армии на Украине было задействовано 45 тыс. штыков и 7 тыс. сабель, а противостояло им 11 тыс. штыков и 1,5 тыс. сабель[43]. О каких агрессивных планах Кремля можно говорить при таком соотношении сил на польском фронте? Важно и то, что замена командующего советским Западным фронтом В.М. Гиттиса, на долю которого выпало командование отступающей армией, М.Н. Тухачевским произошла только 29 апреля 1920 г. Ему нужно было время, чтобы подготовить фронт к наступлению. Слабость Западного фронта показала неудачная попытка прорыва польского фронта в Белоруссии в мае 1920 г. А ресурс трудовой армии важнее было использовать на восстановлении транспорта, чем на фронте, потому что после побед над белыми польская армия не представляла в глазах руководства РСФСР смертельной опасности[44].

Весомым доказательством отсутствия у советского руководства плана вторжения в Польшу можно считать письмо Г.В. Чичерина В.И. Ленину от 22 апреля 1920 г., т.е. написанное за три дня до начала польского наступления на Украине. Принимая во внимание важность этого документа, не лишне привести его текст полностью:

«Многоуважаемый Владимир Ильич!

Обращаю Ваше внимание на доклад Польского бюро ЦК РКП от 21 апреля, в котором особо подчеркиваются следующие выводы:

1) Положение требует прежде всего продолжения нашей политики мирных предложений; мы достигнем того, что не только рабочие массы, но даже мелкая буржуазия перестает верить в “захватные стремления большевиков” и начинает относиться скептически к оборонческим лозунгам; надо поддержать это настроение, и для этого необходимо избегать всего, что может в этом отношении повредить.

2) В то же время нужно приложить все усилия, чтобы Красная Армия была на высоте положения. Дальнейший успех польской армии усилит в Польше влияние Пилсудского. Наше частичное успешное наступление поможет разложению польской армии; наоборот, крупное наступление с вторжением в самою Польшу отравит даже значительную часть рабочего класса оборончеством». На этом письме Чичерина помета «Вполне согласен. Троцкий тоже. Ленин»[45].

Из письма видно, что и 22 апреля 1920 г. у высшего советского руководства не было плана крупной стратегической наступательной операции на Польшу, если только председатель СНК РСФСР, лидер РКП(б) В.И. Ленин и нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета Республики, член Политбюро ЦК РКП(б) Л.Д. Троцкий не вводили в заблуждение наркома по иностранным делам, члена ЦК РКП(б)

---

[43] *Materski W.* Op. cit. S. 51; Польско-советская война 1919–1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. 1. М., 1994. С. 59–60.

[44] В.И. Ленин не раз публично об этом говорил. Так, выступая на съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г., он сказал: «Но если Польша отвечает на наше мирное предложение молчанием, ...если польские империалисты нам грозят, что пойдут войной на Россию, то мы говорим: “Попробуйте! Вы получите такой урок, что не забудете его никогда”». – *Ленин В.И.* Доклад на первом Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 181–182; Спустя пять дней в другой аудитории он снова сказал об этом: «Если, вопреки всем усилиям, империалисты Польши, поддержанные Францией, пойдут против России войной и осуществят свою военную авантюру, то они должны будут получить и получат такой отпор, от которого весь их хрупкий капитализм и империализм рассыплется окончательно». – *Ленин В.И.* Речь на заседании пленума Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 6 марта 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 196.

[45] РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 37. Л. 4.

Г.В. Чичерина. В это верится с трудом, точнее, совсем не верится. При этом не исключалась возможность и уместность наступления в Белоруссии и на Волыни, безоговорочного права на которые поляки, согласно декабрьской 1919 г. декларации держав Антанты, не имели.

25 апреля 1920 г. стремительное наступление польских армий и небольшого украинского контингента С.В. Петлюры под общим командованием Ю. Пилсудского на Украине открыло новый этап в польско-русской войне. Главные силы Красной армии были сосредоточены в Белоруссии, прикрывая кратчайший путь на Москву. Юго-Западный фронт действовал на двух расходящихся направлениях: против войск Врангеля, окопавшихся в Крыму и грозивших оттуда возобновлением полномасштабной гражданской войны в европейской части России, и против поляков. Чтобы сберечь живую силу, советское командование избрало кутузовскую тактику быстрого отступления. 6 мая 1920 г. поляки заняли Киев, оставленный советскими войсками без боя, 8 мая на Крещатике прошел парад польских и петлюровских войск. Майская попытка наступления Красной армии в Белоруссии, как уже упоминалось, провалилась. Польско-советский фронт по линии Березины и Днепра стабилизировался до июня 1920 г., когда прорыв польского фронта 1-й конной армией положил начало наступлению Юго-Западного фронта под командованием А.И. Егорова в направлении Львова. 4 июля войска Западного фронта прорвали польскую оборону в Белоруссии.

И даже в это время советское руководство не отказывалось от мысли об остановке наступления и начале мирных переговоров. Так, 30 июня 1920 г. В.И. Ленин телеграфировал И.В. Сталину: «Мы решили в политбюро вопреки Троцкому и Вашему совету мирное предложение Румынии отклонить, ибо ряд сведений указывает на близкие шаги к миру со стороны Польши»[46]. Т.е. даже тогда, когда военное счастье на Украине оказалось на стороне Красной армии, В.И. Ленин ждал польского предложения о начале мирных переговоров и готов был его рассматривать. И опять возникает вопрос: почему? Представляется, что причина опять-таки в приоритетах. Советская торговая делегация во главе с Л.Б. Красиным не только уже находилась в Лондоне – Д. Ллойд Джордж должен был вот-вот согласиться на ведение политических переговоров.

Линия поведения В.И. Ленина коренным образом изменилась после ноты британского министра иностранных дел лорда Д. Керзона от 11 июля 1920 г. (в Москве ее получили 12 июля), в которой тот по поручению Верховного совета Антанты предложил советскому правительству остановить наступление Красной армии и начать мирные переговоры с Польшей. Керзон также определил приемлемую для западных держав будущую восточную границу Польши, совпадавшую в целом с декабрьской 1919 г. линией Антанты и представлениями Кремля о справедливой границе советских республик с Польшей. Более того, совершенно неожиданно для советского руководства он признал право Советской России на Восточную Галицию, до 1918 г. принадлежавшую Австро-Венгрии, а в 1919 г. захваченную Польшей. Именно в этот момент Ленин вновь вернулся к идее переноса революции за пределы России, но только в Польшу[47]. В пользу того, что отход от политики «мирного наступления» на польском направлении произошел именно в эти дни, говорят заметки члена ЦК РКП(б) Е.А. Преображенского о ходе пленума ЦК 16 июля 1920 г., принявшего по настоянию Ленина постановление о том, чтобы «помочь пролетариату и трудящимся массам Польши освободиться от их помещиков и капиталистов»[48]. Преображенский записал, что «Бухарчик (Н.И. Бухарин. – *Г.М.*) давно уже подметил, что Ильич “готовит новую фазу” в мировой политике, и теперь это обнаружилось

---

[46] РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14557. Л. 1.

[47] Подробнее об обсуждении ноты Керзона и июльском 1920 г. пленуме ЦК РКП(б) см.: *Матвеев Г.Ф.* Перелом в политике Москвы на польском направлении в июле 1920 года // Międzycywilizacyjny dialog w świecie słowiańskim w XX i XXI wieku. Historia – religia – kultura – polityka. Kraków, 2012. S. 235–248.

[48] Польско-советская война 1919–1920. Ранее не публиковавшиеся документы. Ч. I. М., 1994. С. 142.

вполне очевидно». Кроме того, в выступлении на пленуме Преображенский, в 1918 г. активный сторонник идеи мировой революции, предостерег: «Английские рабочие не переварят скоро изменения нашей тактики. Нам легко повернуть руль, но повернуть миллионы, которых мы приучили к мысли, что ведем лишь оборонительную войну и хотим как можно скорее мира, будет невозможно»[49]. Его слова означали только одно: была некая старая тактика в советской внешней политике, и ею не являлся экспорт революции. И сам Ленин в сентябре 1920 г. определил этот момент как «крупный поворот в истории польской войны»[50].

Таким образом, архивные документы, достоверно отражающие позиции высших партийных и государственных руководителей РСФСР, свидетельствуют, что по крайней мере с конца 1919 г. и до 16 июля 1920 г. в своей политике на польском направлении они достаточно последовательно придерживались курса на мирное урегулирование конфликта. В том числе были готовы на значительные территориальные уступки Варшаве в Белоруссии и на Украине. Причину их отхода от этого курса в отношении Польши следует искать не в их секретных планах экспорта революции, а в киевской авантюре Ю. Пилсудского. Кстати, именно так оценили ситуацию в польско-советских отношениях после провала польского наступления и лидеры основных польских политических партий. Это по инициативе национальных демократов Ю. Пилсудский в июле 1920 г. лишился монопольного руководства восточной политикой в пользу Совета обороны государства, а также был дезавуирован апрельский 1920 г. польско-украинский политический договор.

Что же касается приоритетных направлений советского мирного наступления, то они не изменились. 12 июля 1920 г. был подписан мирный договор с Литвой, 11 августа – с Латвией, 1 августа в Лондоне начались политические переговоры Д. Ллойд Джорджа с Л.Б. Каменевым.

Библиография

7-й Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: стенографический отчет (5–9 декабря 1919 г. в Москве). М., 1920.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. II–III. М., 1964–1965.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 38. М., 1969; Т. 40. М., 1974; Т. 51. М., 1970.

Ленин В.И. Неизвестные документы 1891–1922. М., 2000.

Матвеев Г.Ф. Перелом в политике Москвы на польском направлении в июле 1920 года // Międzycywilizacyjny dialog w świecie słowiańskim w XX i XXI wieku. Historia – religia – kultura – polityka. Kraków, 2012. S. 235–248.

Матвеев Г.Ф. Польское направление советского мирного наступления. Январь–апрель 1920 года // Да 90-годдзя прыняцця Рыжскага мірнага дагавору 1921 г. Матэрыялы з гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у XX ст. Минск, 2012. С. 63–89.

Матвеев Г.Ф. «Советизация Польши» во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах // Столетие Революции 1917 года в России. Т. 1. М., 2018. С. 414–428.

Михутина И.В. Польско-советская война 1919–1920. М., 1994.

Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М., 1990.

Польско-советская война 1919–1920. Ранее не публиковавшиеся документы. Ч. I. М., 1994.

Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. 1918–1926. М., 2017.

Chwalba A. Przegrane zwycięstwo. Wojna polsko-bolszewicka 1918–1920. Wołowiec, 2020.

Garlicki A. Józef Piłsudski 1867–1935. Warszawa, 1990.

Kumaniecki J. Pokój polsko-radziecki 1921. Warszawa, 1985.

Materski W. Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918–1938. Warszawa, 1994.

Nowak A. Pierwsza zdrada Zachodu. 1920 – zapomniany appeasement. Kraków, 2015.

---

[49] Польско-советские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. С. 103.

[50] *Ленин В.И.* Неизвестные документы... С. 372.

References

7-i Vserossiiskii siezd Sovetov rabochikh, krestianskikh, krasnoarmeiskikh i kazackikh deputatov: stenograficheskii otchet [7th All-Russia Congress of Soviets of Workers', Peasants', Red Army's Soldiers' and Cossack's Deputies: the verbatim report]. Moskva, 1920. (In Russ.)

Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skikh otnoshenii. T. II–III. [Documents and Paeprs on the History of Soviet-Polish Relations. Vol. II–III]. Moskva, 1964–1965. (In Russ.)

Lenin V.I. Polnoie sobranie sochinenii. 5-e izd. [Complete Works. 5th ed.]. T. 38. Moskva, 1969; T. 40. Moskva, 1974; T. 51. Moskva, 1970. (In Russ.)

Lenin V.I. Neizvestnyie dokumenty 1891–1922 [Unknown Documents 1891–1922]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Matveev G.F. Perelom v politike Moskvy na pol'skom napravlenii v iiule 1920 goda [The Turning Point in Politics in Moscow's Policy towards Poland in July 1920] // Międzycywilizacyjny dialog w świecie słowiańskim w XX i XXI wieku. Historia – religia – kultura – polityka. Kraków, 2012. S. 235–248.

Matveev G.F. Pol'skoie napravlenie sovetskogo mirnogo nastulpelniia [Polish Direction of Soviet Peaceful Expansion] // Do 90-goddzia pryniatstsa Ryzhkaga mirnaga dagavory 1921. Materyaly z gistoryi pol'ska-belaruskikh uzaiemaadnosin u XX st. [90th anniversary of Peace of Riga 1921. Papers on the History of Polish-Belorussian Relations in 20th century]. Minsk, 2012. P. 63–89. (In Russ.)

Matveev G.F. "Sovetizatsia Pol'shi" vo vneshnei politike RSFSR v 1919–1920 godakh ["Sovetization of Poland" in the Foreign Policy of RSFSR in 1919–1920] // Stoletie Revoliutsii 1917 goda v Rossii 2018 [100th Anniversary of the Russian Revolution 1917]. Moskva, 2018. P. 414–428. (In Russ.)

Mikhutina I.V. Sovetsko-Pol'skaia voina 1919–1920 [Soviet-Polish War 1919–1920]. Moskva, 1994. (In Russ.)

Nalencz D. and T. Jozef Pilsudskii: legendy i facty [Jozef Pilsudski: Legends and Facts]. Moskva, 1990. (In Russ.)

Pol'sko-sovetskaia voina 1919–1920. Ranee ne publikovavshiesia dokumenty. Ch. 1 [Polish-Soviet War 1919–1920. Unpublished Documents. Pt 1]. Moskva, 1994. (In Russ.)

Sovetsko-pol'skie otnosheniia v 1918–1945 gg. T. 1. 1918–1926 [Soviet-Polish Relations 1918–1945. Vol. 1. 1918–1926]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Chwalba A. Przegrane zwycięstwo. Wojna polsko-bolszewicka 1918–1920. Wołowiec, 2020.

Garlicki A. Józef Piłsudski 1867–1935. Warszawa, 1990.

Kumaniecki J. Pokój polsko-radziecki 1921. Warszawa, 1985.

Materski W. Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918–1938. Warszawa, 1994.

Nowak A. Pierwsza zdrada Zachodu. 1920 – zapomniany appeasement. Kraków, 2015.

.

DOI: 10.31857/S013038640011880-6

© 2021 г. **А.В. САРАБЬЕВ**

ГЛОБАЛЬНОЕ ЗВУЧАНИЕ ВАРИАНТОВ НЕЗАВИСИМОСТИ ЛИВИИ. 1937 год

Сарабьев Алексей Викторович *– кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН; главный редактор издания «Религия и общество на Востоке» (Москва, Россия).*
E-mail: alsaraby@ivran.ru
ORCID: 0000-0002-9796-2411

Аннотация. Многие деятели ливийского национально-освободительного движения после поражения от итальянских фашистских колониальных войск находились в эмиграции, но старались вести политическую борьбу издалека и продолжили ее в своей стране после возвращения. В статье говорится о деятельности «Лиги защиты Триполи и Киренаики» с центром в Дамаске под руководством ливийца Башира Саадауи. Она была создана в 1928 г., объединяла многих членов ливийских диаспор Машрика и в 1937 г. проявила себя очередным антифашистским призывом, зафиксированным работниками Коминтерна в Москве. Борьба ливийских эмигрантов в Дамаске входит в широкий пласт глобального идеологического, политического противостояния, в частности деятельности Коминтерна на Арабском Востоке. Не обойден вниманием религиозный фактор выбора ливийцев. Приводится международная реакция на Антикоминтерновский пакт 1936–1937 гг. объединившихся против «коммунистической угрозы» стран фашистской «оси» – в контексте передела североафриканских колоний. Анализируется возможность контактов Лиги и вообще ливийских деятелей с Коминтерном на волне противодействия итальянскому колониализму. Фашистский альянс набирал силу и готовился к войне, в том числе Италия – за свои владения в Северной Африке, где ее интересы оспаривали британцы, пытавшиеся также использовать энергию ливийских патриотов в эмиграции, особенно в Египте. Дамасская Лига вполне могла рассматриваться Исполнительным комитетом Коммунистического интернационала как тактический партнер в противостоянии обеим сторонам – итальянским фашистам и британским империалистам. Тем не менее вопрос прямых документальных доказательств контактов Коминтерна с Лигой пока остается открытым.

Ключевые слова: итальянский фашизм, ливийские эмигранты, антикоммунизм, Коминтерн, Антикоминтерновский пакт, Ливия, Дамаск.

A.V. Sarabiev

Global Sounding Options for Libyan Independence. 1937

Aleksei Sarabiev, Centre of Arabic and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: alsaraby@ivran.ru
ORCID: 0000-0002-9796-2411

Abstract. Many figures of the Libyan national liberation movement, after the defeat of the Italian fascist colonial troops were in exile where they tried to carry on a political struggle. The article

deals with the activities of the "League for the protection of Tripoli and Cyrenaica" with its headquarters in Damascus, headed by Bashir Saadawi. It was created in 1928, united many members of the Libyan diasporas in the Mashriq, and in 1937 proved itself by a anti-fascist appeal, which was recorded by Comintern staffers in Moscow. The League's struggle is placed in the broad context of global ideological and political confrontation and the work of the Comintern in the Arab East. The article presents the international reaction to the Anti-Comintern Pact of 1936–1937 signed by the countries of the fascist "axis" united against the "communist threat" in the context of the redistribution of the North African colonies. The article analyzes the possibility of contacts between the League and the Comintern in the wave of opposition to Italian colonialism. The fascist Alliance was gaining strength and preparing for war. Italy was no exception: if was going to fight for its possessions in North Africa, where its interests were disputed by Britain, which also tried to use the energy of Libyan patriots in exile, especially in Egypt. Thus, the League could well be seen by the Executive Committee of the Communist International as a tactical partner in opposing to both sides, namely the Italian fascists and the British imperialists.

Keywords: Italian fascism, Libyan emigrants, anti-communism, Comintern, Anti-Comintern Pact, Libya, Damascus.

ОТПРАВНОЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФАКТ

Среди документов архива Коминтерна имеется заметка из сирийской газеты 1937 г., помещенная в сводку арабской прессы по Сирии за май-июнь указанного года сотрудниками Научно-исследовательского института национальных и колониальных проблем (НИИНКП) в Москве – структуры Коминтерна (точнее, Исполнительного комитета Коммунистического интернационала – ИККИ). НИИНКП действовал в 1936–1939 гг. и занимался исследовательской работой, его научный штат готовил аналитические материалы для ИККИ.

Документ интересен тем, что в нем говорится о двух арабских территориях, разделенных многими сотнями километров, – Сирии, находившейся в то время под французским мандатным управлением, и Ливии, оккупированной итальянцами. Какие политические явления могли связывать народы этих стран на разных континентах, народы, еще только намечавшие свой путь к подлинной самостоятельности?

Пространная заметка из газеты «Аль-Балаг», датированная 13 мая 1937 г., гласила: «Известный политический деятель Триполи Башир Саэдин Бек[1], председатель Лиги Защиты Триполи-Барка, опубликовал следующую декларацию в ответ на решение итальянского правительства, объявленное несколько недель тому назад вследствие возвращения синьора Муссолини из Триполи-Барка. После опубликования решений Лига защиты находит необходимым собрать общее собрание своих членов для обсуждения этих решений с национальной точки зрения. С этой целью было созвано собрание в присутствии членов, проживающих в Дамаске и др. сирийских городах, и совместно были обсуждены последние итальянские решения. По изучении каждого из них в отдельности было единогласно принято издать следующее решение:

1. Объявить, что Триполи-Барка придерживается своих национальных чаяний, включенных в национальный пакт, и не признает никакого иного разрешения вопросов страны, не соответственного с этим пактом.

2. Отвергать всякую деятельность в разрешении проблем и посредничество не триполийцев-баркатистов.

3. Благодарить каждого араба-мусульманина, выражающего сочувствие делу страны, ее целям и склонностям.

4. Предупреждать арабов и мусульман об обманчивости пропаганды, за которой проводятся фашистские вожделения. Лига закрепила свое решение перепечаткой национального пакта, являющегося детищем Триполийско-баркийской нации и ее съезда,

[1] Имеется в виду Башир ас-Саадауи. Бек – сословный маркер, добавляемый иногда к имени или фамилии.

созванного в Герьяне, и объявила, что союз не будет удовлетворен, пока не осуществит того, во что верит и на что надеется»[2].

Далее шел текст самого «Пакта»[3] 1920 г., переведенный на русский и набранный с некоторыми ошибками и пропусками, поэтому приведем его в переводе с арабского оригинала.

«Национальный пакт триполийского и баркийского народа» (*Аль-Мисак аль-ватани ли-ш-ша'б ат-тараблюси ва-ль-баркауи*).

Ст. 1. Формирование национального, суверенного, общенационального правительства Триполи и Киренаики во главе с мусульманским лидером, выбранным уммой (нацией);

Ст. 2. Созыв Учредительного собрания (*Джам'ийя та'сисийя*) для принятия конституции страны;

Ст. 3. Представленность уммы в Совете депутатов (*Маджлисан ниябийян*), обладающей полномочиями, предоставленными ему конституцией;

Ст. 4. Признание арабского языка официальным языком в правительственных учреждениях и в сфере образования;

Ст. 5. Сохранение обрядов исламской религии и традиций этой страны на всей ее территории;

Ст. 6. Надзор за вакуфным имуществом и управление им через выборную исламскую комиссию (*Ляджна исламийя*);

Ст. 7. Общая амнистия для всех, кто занимается политикой внутри страны и за ее пределами;

Ст. 8. Улучшение отношений и интересов между триполийско-баркийской уммой и итальянским государством посредством специального договора, подписанного двумя сторонами и утвержденного Советом депутатов»[4].

Решения Лиги были подписаны ее председателем Баширом ас-Саадауи.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ОРГАНИЗАЦИИ

Найденный документ позволяет надеяться, что имеющаяся в исторической науке лакуна касательно попыток вовлечения Коминтерном североафриканских национальных деятелей и политических сил в орбиту своего влияния может быть в будущем восполнена.

Исследовательский интерес вызывает вопрос: кто именно и что за ливийская организация попали в сферу интересов работников НИИНКП как института Коминтерна?

Наиболее известной исторической фигурой того периода в Ливии является эмир Киренаики, или Барки, и будущий король Ливии Мухаммад Идрис бин Мухаммад аль-Махди ас-Сенуси, выбравший еще в 1920-е годы пробританскую политическую ориентацию и опиравшийся на англичан в дальнейшем. Менее известен другой ливийский политик – Башир ас-Саадауи (1884–1957), который за свои взгляды несколько раз высылался из страны и вел свою деятельность из-за рубежа, в частности из Сирии. Именно о нем и его организации идет речь в упомянутом документе 1937 г.

Его имя связывают с движением за объединение ливийских племен против итальянских колонизаторов, и в этом смысле Башир ас-Саадауи являлся личностью, которая могла заинтересовать деятелей Коминтерна. Особую значимость для ИККИ борьба

---

[2] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 532. Оп. 4. Д. 24. НИИНКП, Арабский кабинет. Сводка №15 по Сирии за май-июнь 1937 г. Л. 14 об. (С. 24) – 15 (С. 25).

[3] Там же. Л. 15 об. (С. 26).

[4] Приводится по: *Шукри М.Ф.* Ас-санусийя дин ва-д-дауля (Сенусия: религия и государство). Б.м., 1948, с. 373. (Араб.); *Ас-Салляби А.М.* Ас-сумар аз-закийя ли-ль-харака ас-санусийя фи Либия (Плоды движения сенуситов в Ливии). Т. 2. Сират аз-заимейн Идрис ас-Сануси ва Умар аль-Хаттар (Жизнеописание двух лидеров). Аш-Шарика – Каир, 2001. С. 232–233. (Араб.)

Саадауи против фашистско-итальянской экспансии в Ливии приобретала в свете противопоставления стран «фашистской оси» мировому коммунистическому движению.

Башир ас-Саадауи родился в ливийском Хомсе в 1884 г. В период Итало-турецкой войны (1911–1912 гг.) он проявил себя в организации ополчения ливийских племен, за что был вскоре назначен османской администрацией каймакамом прибрежного района Аль Хамид (с центром в Хомсе, имевшем стратегическое значение), а затем – каймакамом Мисраты для обеспечения эффективной обороны города. После прекращения ливийского сопротивления Саадауи покинул страну и за сравнительно короткий период успел поработать в администрациях турецкого городка Ризе (бывший Лазистан, область Трабзон), ливанского округа Джеззин, аравийского прибрежного города Янбу-эль-Бахр[5].

Саадауи вернулся в Ливию в начале сентября 1920 г. и развернул деятельность по примирению племен и ливийских кланов и сопротивлению итальянской оккупации. Несмотря на свое отсутствие на объединительном съезде в Герьяне в ноябре 1920 г., он был избран одним из основных членов Центрального комитета реформ (ЦКР; *Хайат аль-ислах аль-марказийя*), взявшего на себя функции правительства Триполитанской республики (1918–1922). Фактически Саадауи являлся правой рукой главы ЦКР Ахмада аль-Мурайида, участвовал в подготовке объединительного Сиртского соглашения (21 января 1922 г.), а затем был откомандирован в качестве триполитанского представителя в Киренаике (Барке)[6].

Тяжелый период вооруженных столкновений объединенных племенных формирований с итальянцами не прекратился, а, напротив, усилился после неожиданной эмиграции эмира Мухаммада Идриса – главы объединенной Ливии. В декабре 1922 г. он отбыл сначала в оазис Джагбуб, а затем в Каир, где провел следующие два десятилетия.

Итальянцы под руководством пришедших к власти фашистов[7], стали вести себя в Ливии более решительно, действуя против местных племен силой и подкупом. Когда сопротивление было окончательно раздроблено и рассеяно, оставить страну пришлось и остальным его лидерам. Как писал арабский историк М. Ашхаб, «...эмигрировали многие ливийцы из разных социальных слоев, в том числе заимы, шейхи, айяны, – в Египет, Сирию, Судан, Турцию, Тунис, Алжир и многие другие страны»[8].

Башир ас-Саадауи прибыл в Египет в 1923 г., в мае 1924 г. отправился в Бейрут, но вскоре обосновался в Дамаске, продолжив свою политическую деятельность за объединение и освобождение Ливии. В письме своему находящемуся в Тунисе соратнику Мухаммаду Фекини Саадауи писал в ноябре 1930 г.: «Мы выполняли свой долг, пытаясь спасти родину от когтей колонизаторов, мы приложили все усилия самым благородным и мужественным образом, но мы были вынуждены оставить нашу родину, чтобы продолжить борьбу в изгнании, подвергаясь всем страданиям исхода и эмиграции, точно так же, как наш Пророк покинул Мекку со своими товарищами, чтобы продолжить свою миссию в Медине, и это дает нам большое утешение»[9].

В 1928 г. Саадауи основал в Дамаске упомянутую «Триполийско-баркийскую лигу защиты» (Джам‘ийят ад-дифа‘ ат-тараблюси ва-ль-баркави би-ш-Шам), или иначе – «Лигу защиты Триполи и Барки», и был избран ее главой; секретарем стал Умар Фаек

---

[5] *Шукр Х.Дж., Мустафа А.И.* Маука Башир ас-Саадауи мин ляджнат ат-тахкик ад-дувалийя (ар-рубаийя), 20 тишрин аль-авваль – 20 айяр 1947 (Позиция Башира ас-Саадауи на Международной следственной комиссии (четырехсторонней) 20 октября – 20 мая 1947 г.) // Маджаллят Джамиат Кербела аль-ильмийя. 2015. № 1. С. 25. (Араб.)

[6] *Егорин А.З., Миронова Г.В.* Сенуситы в истории Ливии (1843–1969 гг.). М., 2006. С. 159, 161.

[7] В конце октября 1922 г. глава Национальной фашистской партии Италии Бенито Муссолини не только возглавил новое правительство, но и взял на себя ключевые министерские функции (внешних и внутренних дел).

[8] *Ашхаб М.* Барка аль-арабийя амс ва-ль-яум (Арабская Киренаика вчера и сегодня). Б.м., 1947. С. 530. (Араб.)

[9] *Del Boca A.* Mohamed Fekini and the Fight to Free Libya. New York, 2011. P. 146.

Шнейб-бей, казначеем – Фавзи аль-Наккаш. Также вошли в Лигу Абдул-Гани аль-Багками, Камель Ийяд, Абдуссалям Адхам, Бамбаши Тарек, Мухаммад Наджи ат-Турки, Мустафа бин Нух, Ахмад Расем, Абу Бакр Каддуре, Абу Бакр ат-Турки и Халифа бин Шаабан[10] – ливийцы, проживавшие на территориях Сирии, Ливана, Палестины и других арабских подмандатных территорий[11].

«Национальный пакт триполийцев и баркийцев» был составлен в 1929 г. как политическая программа и опубликован от имени «Исполнительного комитета триполийско-баркийских диаспор», распространен в странах эмиграции ливийцев[12]. Его сопровождало воззвание: «Дорогие братья! Необходимость требует от вас действовать на благо вашей родины путем сплочения ваших рядов и агитации; образовывать во всех странах вашего проживания ячейки Лиги, которая объединяет вас и собирает воедино; быть готовыми принести ваши сердца в жертву и воскресение за родину... А Аллах не забудет и последнего из своих верных. Во весь голос заявляйте о том, что постигло вашу несчастную Родину от рук итальянских угнетателей, наполняйте газеты статьями и сам воздух протестами, распространяйте листовки, отслеживайте события, используйте представляющиеся возможности, чтобы быть полезными своей родине. Благотворная задача – сформировать нации (такаввун аль-умам)[13], возбудить в них дух пробуждения и сосредоточенности. Также пестуйте в себе любовь к Отечеству, свободе и независимости, впитывайте эти принципы с молоком матери, пестуйте их в своих земляках с самого детства, с младых ногтей. Учите их на примерах заслуг праведных предков, исторических деятелей и завоеваний ислама, которые посеют в их душах высокие стремления, дух доблести и патриотизм. И да будете вы полны предчувствия независимости и освобождения вашей Родины от оков. Думайте о средствах, которые приблизят вас к этой благородной цели. Ведь итальянское государство, как бы ни усиливалось его самомнение и надменность, если увидит нас перед собой нацией возрождающейся, поднимающейся со всех сторон, в полной готовности сокрушить гнёт и деспотизм, и вы не будете подчиняться законам империализма и порабощения, то, несомненно, оно покорится нашим законным требованиям и нашему Национальному пакту, воплотить который мы поклялись Аллаху своими душами и всем самым дорогим, а Аллах [пребывает] с терпеливыми»[14].

Отметим, что ощутимый религиозный компонент послания являлся, скорее всего, не просто пропагандистским приемом, а своеобразной декларацией условий, сигналом для носителей разного рода левых идей в арабском мире, что патриотизм ливийцев и их объединительный пафос имеют религиозное основание. Этот момент тонко чувствовали арабские историки разных лет, которые в отношении ливийских националистов употребляли термин *муджахиды* (религиозные деятели), а их патриотическую борьбу именовали в основном *джихадом* (в отличие, например, от понятия *кифах* у арабских коммунистов, которое не несло религиозной смысловой нагрузки).

Другая особенность заключается в том, что национальный пакт не только упоминался, но и «напоминался» – воспроизводился полностью – в заявлении Лиги от мая 1937 г. Отмеченный в нем объединительный съезд в Герьяне далекого 1920 г. позволяет говорить о преемственности объединительной идеи и упорстве деятелей эмиграции в ее планомерном воплощении для Ливии.

Очевидно, эта твердость в желании отстаивать единство Ливии, объединяя разрозненные племена Барки и Триполитании, а также сопротивление итальянской колонизации могли позволить руководству ИККИ считать ливийцев относительно близкими идеалам Интернационала. Правда, в Национальном пакте недвусмысленно утверждалась опора на ислам

---

[10] *Ас-Салляби А.М.* Указ. соч. С. 232.
[11] *Шукр Х., Мустафа А.* Указ. соч. С. 25.
[12] *Шукри М.Ф.* Указ. соч. С. 374.
[13] Возможно, имеется в виду патриотическое самосознание ливийских племен.
[14] Там же.

и собственную культуру, но были прописаны и основные демократические государственные органы на выборной основе.

Сведения о финансировании организации скудны, но косвенно указывают на участие англичан. Например, М.Ф. Шукри писал, что Лига пользовалась большим вниманием со стороны «эмира Идриса» (находившегося в Египте) и получала от него то денежную помощь, то достоверную информацию о происходящем в Ливии, в том числе о «бесчинствах итальянцев»[15]. Едва ли помощь из Египта могла поступать без ведома англичан.

Остается добавить, что в 1937 г. в Сирии, как утверждала Э. Монро в 1938 г., был созван Всеарабский съезд (объединительного, панарабского толка), на котором присутствовали оппозиционеры из разных стран (скорее всего, и ливийские). Официальные лица из арабских стран предпочли не участвовать в нем под разными предлогами, ибо «центробежные силы собственных интересов оказались сильнее центростремительных сил рационального единения»[16].

В западных источниках имя Башира ас-Саадауи встречается особенно часто в начале 50-х годов. Например, в рассекреченном докладе разведывательного отдела госдепартамента США «Характеристика независимой Ливии» от июня 1952 г. американские разведаналитики увязывали внутриполитическую стабильность в Ливии, среди прочего, «с отсутствием в стране в результате депортации такого главного смутьяна, как демагог Башир Бей Саадауи, и в меньшей степени – прокоммунистически настроенного Энрико Чибелли[17]». Далее о Саадауи сказано: «Перед общенациональными выборами в нижнюю палату парламента 19 февраля 1952 г. стабильности правительственного режима стала угрожать активность Башира Бея Саадауи, лидера Партии национального конгресса Триполитании. ... Будучи родом из Триполитании, Саадауи имеет паспорт Саудовской Аравии; он пользуется уважением многих триполитанцев за свое многолетнее сопротивление итальянскому правлению в Ливии, за ораторский талант и престиж старейшины и советника короля Ибн Сауда»[18].

О сторонниках Саадауи в ливийском парламенте говорится: «Большинство членов ливийского парламента – это неопытные политики, малоизвестные и без особых лидерских устремлений. Маленькое, но агрессивное меньшинство, состоящее из членов или сторонников бывшей Национальной ассоциации Киренаики или последователей Башира Саадауи в Триполитании, образуют ядро оппозиции и способны благодаря ораторским качествам их лидеров завоевать достаточную поддержку для блокирования некоторых законодательных актов в нижней палате»[19].

Авторы цитируемого секретного доклада предупреждали: «Распространенные в народе антизападные настроения, которые местные умные политики используют время от времени, как показал перед ливийскими выборами Саадауи, могут однажды перерасти в националистическую ксенофобию, наподобие наблюдаемой сейчас в Египте и Ираке»[20].

Неуемная энергия и бескомпромиссный характер не позволили Баширу Саадауи смириться с доминированием в ливийской политике и экономике британцев и американцев. В итоге в 1953 г. его лишили гражданства, вынудили покинуть Ливию[21]

---

[15] Там же. С. 373–374.

[16] *Monroe E.* The Mediterranean in Politics. London, 1938. P. 234.

[17] Об этом левом деятеле, антифашисте и «филоарабе» см.: *Loschi Ch.* Fuori dal regime fascista: organizzazioni politiche degli italiani a Tripoli durante la fase postcoloniale (1948–1951) // Diacronie. Studi di Storia Contemporanea. 2011. № 5: Dossier: Italie altre. Immagini e comunità italiane all'estero. P. 1–14.

[18] US Department of State, Office of Intelligence Research. Intelligence Report IR5930: An Estimate of Independent Libya. June 13, 1952 (Secret/Declassified).

[19] Ibid. P. 5.

[20] Ibid. P. 13.

[21] *Ahmida A.A.* Forgotten Voices: Power and Agency in Colonial and Postcolonial Libya. New York – London, 2005. P. 63.

и эмигрировать в Саудовскую Аравию, где он был приближен к королевскому дому. Вернуться в родную страну ему не довелось.

УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КОМИНТЕРНА

Огромный пласт документов ИККИ касается распространения коммунистической идеи и создания структур Коминтерна в Китае, Индии и других странах Востока. Арабский мир представлен гораздо скромнее[22]. Авторы книги «Секретные шифровки Коминтерна», выпущенной по документам РГАСПИ Йельским университетом, сделали труднообъяснимый акцент на том, что Георгий Димитров, генеральный секретарь ИККИ, часто передавал в Москву в секретариат Сталина письма на его имя из разных стран, «как свидетельство его роли лидера мирового пролетариата». В книге приводится содержание одного из таких писем, где сирийские коммунисты, участники встречи в Дамаске 6 ноября 1937 г., передают Сталину следующее пожелание: «...Чтобы вы привели страну Советов к коммунизму и помогли трудящимся массам всего мира освободиться от капиталистической эксплуатации, фашистского варварства и империалистического ига»[23]. Неужели авторам не удалось обнаружить более серьезных сведений о связях коммунистов с Москвой? Говоря об арабском мире в целом, остается недоумевать, почему в распоряжении историков так мало документов, говорящих в пользу заинтересованности Москвы в более широком вовлечении арабов в коммунистическое движение.

Компартия в Сирии и Ливане (Хизб аш-шуйу‘ий ас-сурий аль-любнаний) к тому времени существовала уже более десятилетия. Сообщалось, что на выборах 1933 г. Компартия набрала 977 голосов, что оценивалось как хороший результат в условиях репрессий местных коммунистов[24]. В Сирии партия выдвигала требования «эвакуации империалистических войск, национальной независимости, аграрной революции и Федерации арабских советских республик»[25]. В то же время в Северной Африке в Египте, Алжире и Тунисе единицы были коммунистами. (Формально, впрочем, компартии существовали, но не были вполне самостоятельны: известно, например, что коммунисты Туниса и Алжира зависели от французской компартии.)

Виной определенной изоляции коммунистов был, возможно, идеалистический ригоризм Коминтерна, от которого решено было отступить. Еще на XI пленуме ИККИ весной 1931 г. была сформулирована основа недоверия по отношению к демократическим и республиканским реформистам, которые по логике формационного развития оказываются во власти националистических идей: «Фашизация социал-демократии оправдывается высшим законом нужды. Она фашизируется потому, что фашизируется монополистический капитализм, с почвы которого она не может сойти»[26].

Отечественный исследователь деятельности Коминтерна К.К. Шириня писал, что уже после VII конгресса Коминтерна в арабских странах была намечена новая стратегия. В утвержденной 29 февраля 1936 г. резолюции ИККИ признавалось, в частности: «Наши партии были фактически оторваны от национально-освободительного движения». Они отказывались от совместных действий с национал-реформистами в борьбе против империализма, «валили их в одну кучу с империалистами»[27].

---

[22] См. детальное исследование о коммунистах Машрика: *Косач Г.Г.* Красный флаг над Ближним Востоком? Компартии Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 1920–30-е годы. М., 2001.

[23] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 61–1. С. 8 (цит. по: *Firsov F.I., Klehr H., Earl Haynes J.* Secret Cables of the Comintern, 1933–1943. New Haven – London, 2014. P. 10).

[24] Коммунистический Интернационал перед VII всемирным конгрессом: (Материалы). М., 1935. С. 495.

[25] Там же.

[26] Доклад Д.З. Мануильского на XI пленуме ИККИ, 26 марта 1931 г. См.: XI пленум ИККИ. Вып. 1: Компартии и кризис капитализма. М., 1932. С. 59.

[27] *Шириня К.К.* Стратегия и тактика КИ в борьбе против фашизма и войны (1934–1939). М., 1979. С. 271–272.

Основные пункты программ создаваемых объединенных «народных антиимпериалистических фронтов в арабских странах» должны были содержать, наряду с требованиями достижения национальной независимости, призыв к борьбе против превращения этих стран в военно-стратегические базы империализма и задачи осуществления политических прав и ближайших требований трудящихся. Однако «нельзя выдвигать чрезмерно левые лозунги, к восприятию которых массы еще не готовы, ибо такой путь обрекает революционеров на изоляцию». На обсуждении в ИККИ было решено поддержать тенденцию к сплочению и объединению арабских народов, но сперва направить все силы на антиколониальную борьбу, вовлекая все патриотические силы в единое национально-освободительное движение[28].

В рассматриваемый период, впрочем, эти задачи усложнялись ужесточением внутренней дисциплины в структуре ИККИ и начавшимися в 1936 г. репрессиями «за измену партии»[29]. Слухи об этом не могли миновать арабских деятелей, и так настороженно относившихся к коммунистам. Вполне вероятно, что аресты членов ИККИ послужили серьезным фактором ограничения контактов арабов с сетью Коминтерна в арабском мире. В свою очередь, ухудшались возможности и мотивация самих коминтерновцев: «в обстановке, когда жертвами репрессий стали многие видные работники Коминтерна, активность руководящих органов ИККИ резко снизилась»[30].

О падении качества работы ИККИ может косвенно свидетельствовать и состояние рассматриваемого в статье документа, который содержит массу опечаток, в том числе в именах собственных.

В любом случае момент был Коминтерном упущен – большей частью ввиду внутренних проблем движения. Победил региональный конкурент Италии – пропаганда и военная мощь обеспечили британцам доминирование в общественном мнении (особенно в Киренаике), а затем и на политической арене Ливии. При этом коренным образом изменилась и международно-политическая диспозиция.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ВЫБОРА ЛИВИЙЦЕВ

Обратимся к другому важному вопросу: на фоне какой политики Италии в Ливии проходили контакты ливийских эмигрантов, в том числе работа дамасской Лиги?

Италия осуществляла масштабный переселенческий проект: Ливия как «четвертый берег Италии», по замыслу, должна была стать полноценной частью государства, причем со смешанным населением (проект массового переселения с полуострова в Африку). Для нашей темы особый интерес вызывает религиозная политика итальянцев в ливийской колонии. Именно религиозный фактор влиял более всего на настрой тех представителей ливийских диаспор, которые сохраняли желание бороться. Сквозь призму религии они оценивали возможные варианты будущего своей страны и делали выбор не в пользу итальянцев, но и не в пользу Коминтерна.

Естественно, что ливийские политические деятели были заинтересованы в мощных союзниках и вполне могли бы рассматривать в качестве таковых (тактически) коминтерновцев. И как раз в этот момент «рекогносцировки» могли иметь место предполагаемые контакты Лиги с коммунистами. По-видимому, их прямому взаимодействию с ИККИ препятствовал общий атеистический настрой Москвы, возможно, известный ливийцам от посетивших Советский Союз членов свиты саудовского наместника и министра иностранных дел молодого принца Фейсала бин Сауда, который на правительственном уровне принимался в Москве и Ленинграде в мае–июне 1932 г.

---

[28] Там же. С. 273–274.

[29] *Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Ширина К.К.* Организационная структура Коминтерна, 1919–1943. М., 1997. С. 192.

[30] Там же. С. 193.

В свою очередь, в итальянцах деятели Лиги видели иноверных завоевателей, особенно при Муссолини, который делал особый акцент на католичестве. Поэтому ведущих ливийских лидеров не удалось переманить поверхностной промусульманской риторикой итальянских фашистов. Показательные меры в этом отношении принимались довольно эффектные: итальянцы строили мечети в концентрационных лагерях ливийцев; не препятствовали работе коранических школ куттабов, хотя и опасались этих рассадников антиевропейской пропаганды; предоставили специальные условия для паломничества ливийцев в Мекку; основали Итальянский мусульманский хоспис в Медине; старались обеспечить приготовление халяльного мяса для своих мусульманских отрядов; генерал-губернатор Ливии Итало Бальбо в 1937 г. запретил продажу спиртных напитков в месяц Рамадан для всех[31].

Многих в Ливии подкупила подобная демонстрация происламской политики, несмотря на жестокость итальянской администрации и вопиющие меры по сгону со своих земель ливийцев в пользу итальянских переселенцев. Главной причиной нестойкости большого количества ливийцев была межплеменная рознь, которую умело использовали колонисты, особенно в Барке. Майор Эванс-Причард детально описывал способы подчинения ливийцев: Бальбо оставил только «широкую часть южных склонов плато, пустынно-кустарниковую местность на окраине, безлесную равнину Барка и два засушливых крыла Киренаики, Мармарику и Сиртику тем бедуинам, которые предпочитали продолжать свой древний палаточный пастушеский образ жизни... Потеря их лучшей земли сама по себе не могла нарушить общественную жизнь бедуинов. В то же время необходимо было разрушить их социальную организацию. В качестве первого шага в этом направлении была предпринята попытка подорвать влияние племенных шейхов»[32].

Наряду с этим псевдоисламская линия итальянцев вызывала недоумение, в частности у англичан: «Эта происламская пропаганда была настолько сумасбродной, что в своих восточноафриканских владениях итальянцы стали настраивать мусульман против христиан. Муссолини, как и Наполеон, считал, что это хорошая политика – создать себе репутацию защитника ислама. Кульминационным моментом этого бурлеска стало то, что знатные люди Триполи подарили ему во время его визита в Ливию “меч ислама”, событие, отмеченное огромной конной статуей в центре города. Итальянцам, по-видимому, не казалось несообразным, что этой саблей размахивал правитель католического народа и города Святого Петра»[33].

Впрочем, большинство бедуинов (особенно сенуситов) эти меры не впечатлили. Суннитский маликитский мазхаб не был близок ливийским бедуинам, вместо назначенных кади (мусульманских судей) они прибегали по традиции к собственному адату (племенному праву), молиться в мечетях они не привыкли, и у них были свои имамы и шейхи. Многие молитвенные дома и завии сенуситского ордена были разрушены и разорены итальянцами, так что бедуины не испытывали доверия к итальянцам, даже принимая во внимание такой примирительный жест, как восстановление гробниц мусульманских святых[34].

Вскоре итальянская религиозная политика достигла своей наивысшей точки. В 1939 г. на законодательном уровне Королевства Италия было закреплено то, против чего как раз выступали ливийские патриоты за границей, в частности Башир Саадауи и его соратники: «Область Триполи-Барка стала частью Итальянского королевства, а четыре ливийских вилайета – Триполи, Мисрата, Бенгази и Дерна – стали итальянскими в полном смысле слова. Закон о подданстве предполагал для баркийцев либо итальянско-католическое подданство, либо итальянско-мусульманское»[35].

---

[31] *Evans-Pritchard E.E.* Italy and the Bedouin in Cyrenaica // African Affairs. Vol. 45. 1946. № 178. P. 19.

[32] Ibid. P. 15.

[33] Ibid. P. 19. Доступна архивная запись того парада, где Муссолини награждается «мечом ислама» и провозглашается «защитником ислама» (*Хами аль-ислам*). URL: https://www.youtube.com/watch?v-KTsWaTCKx9Y&ab_channel-عبد الباسط

[34] Ibid. P. 19.

[35] *Зияде Н.* Либия: мин аль-истимар аль-итали иля-ль-истикляль (Ливия от итальянской колонизации к независимости) // Аль-амаль аль-камель (Собрание сочинений). Б.м., 1952. С. 308. (Араб.)

Одним из итогов стало включение ливийцев – через государство-метрополию – в число народов стран «оси». И это приобретало совершенно иное звучание: война с «фашистской осью» становилась мировой.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧАЯНИЯ В ГУЩЕ СОБЫТИЙ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Какую роль могла бы сыграть Лига в противостоянии оформлявшихся глобальных блоков и чем могла быть привлекательна?

Еще в 1920 г. Коминтерн делал попытку сплотить восточные народы в процессе постколониального самоопределения. Центральное бюро коммунистических организаций народов Востока было создано в ноябре 1918 г. на I съезде коммунистов-мусульман[36]. В 1920 г. в Баку был организован Съезд народов Востока, где арабский мир был представлен преимущественно некоммунистами. На съезде был создан Совет пропаганды и действия при ИККИ с местом пребывания в Баку, в него входили 47 представителей от 21 страны[37]. В числе участников съезда была и ливийская делегация, которая по возвращении делилась впечатлениями о смелом мировом проекте социального равенства, осуществляемом «снизу».

Развитие коммунистического движения и набиравший обороты германский реваншизм обострили столкновение левой и правой идей, что играло на руку государствам, пытавшимся брать на себя роль арбитра. В итоге, 25 ноября 1936 г. между фашистскими Германией и Японией был подписан Антикоминтерновский пакт[38], Италия присоединилась к нему 6 ноября 1937 г.[39]

Интересно, что лорд Филип Керр, выступая на заседании лордов британского парламента в начале марта 1937 г., назвал этот альянс ответом на европейскую «союзническую систему, облагороженную фразой “коллективная безопасность”» (Малая Антанта, Франция, Польша, Россия)[40].

Депутат Хендерсон на заседании Палаты общин в июне того же года подчеркнул противодействие стран «оси» Коминтерну, опираясь на заявление правительства Германии, что ее вмешательство в войну в Испании – «это ответственность Коминтерна»[41].

В любом случае было ожидаемо присоединение к Антикоминтерновскому пакту Италии. И опосредованная поддержка (через Коминтерн) повстанцев в итальянских колониях была для Москвы стратегически обоснованной. Несмотря на большие идеологические разногласия, главное из которых сводилось к советскому отношению к религии, ливийские эмигранты могли счесть полезным для себя наведение мостов

---

[36] Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998. С. 116.

[37] Там же. С. 251.

[38] *Langsam W.C.* Documents and Readings in the History of Europe: Since 1918. Chicago – Philadelphia – New York, (1939) 1951. P. 248–250.

[39] *Соркин Г.З.* Коминтерн против милитаризма и войны. М., 1986. С. 94.

[40] Лорд Филип Керр (маркиз Лотиана), яркий представитель британской партии «мира», так обрисовал становление противоборствующих альянсов в надвигавшейся мировой войне: «Эта новая союзническая система, теперь облагороженная фразой “коллективная безопасность”, началась с военных союзов между Францией, Малой Антантой и Польшей. Теперь она была распространена на Россию договором о взаимной помощи между Францией и Россией, который имеет свой дубликат или параллель в договоре между Чехословакией и Россией. Это одна из сторон системы альянса. Неизбежно, как это всегда случалось в прошлом при любой системе, в которой заключаются союзы между суверенными государствами, всегда будет происходить в будущем, эта система начала порождать систему альянсов с другой стороны. Она создала так называемую ось Рим–Берлин, она создала Антикоминтерновское соглашение между Германией и Японией». См.: UK Parliament. House of Commons Hansard. Lords Sitting. 2 March 1937. P. 394.

с ИККИ. «Тлеющий дух обиды»[42] ливийских племен на итальянских колонизаторов служил благодатной почвой для этого предполагаемого взаимодействия.

С большой долей вероятности английская разведка прилагала все усилия «на земле», чтобы не допустить этих взаимоотношений: во-первых, в антикоммунистическом настрое были едины почти все британские политики, а во-вторых, Ливия, граничившая с пробританским Египтом, была удобным стратегическим плацдармом в ожидавшейся многими войне против Италии[43], и вмешательство в боевые действия СССР (через Коминтерн), как это было в Испании, могло бы всерьез осложнить ситуацию.

Заслуживают внимания опасения, звучавшие в самом начале ноября 1937 г. из уст некоторых британских прагматически настроенных политиков, что Лондон может присоединиться к Антикоминтерновскому пакту вопреки «геополитической» логике. Пакт назывался «хитрой уловкой» по втягиванию британских вооруженных сил в войну против России под флагом антикоммунизма[44]. Отсюда и странный, как может показаться, вопрос одного из парламентариев к британскому министру иностранных дел 15 ноября 1937 г.: «Не получило ли правительство Его Величества приглашения присоединиться к Антикоминтерновскому пакту?»[45], на что последовал краткий отрицательный ответ. Наивность вопроса не предполагала развернутого ответа.

Присоединение в начале ноября 1937 г. фашистской Италии к Антикоминтерновскому пакту вызвало довольно напряженную реакцию Лондона, близкую к замешательству, видимо, от ощущения надвигающейся войны в условиях отсутствия

---

[41] Из выступления г-на Хендерсона на заседании Палаты общин 25 июня 1937 г., где он цитирует заявления германского правительства (правда, по публикации в «Таймс»: «“Не Германия хочет сделать Испанию провинцией германского рейха или национал-социалистического движения, а большевистская Москва хочет сделать ее частью Коминтерна”. Германское правительство говорит, что препятствовать Коминтерну, стремящемуся сделать Испанию частью Коминтерна, “естественно в интересах Германии, как и в интересах Европы и всего мира. Все остальные утверждения о территориальных амбициях Германии в Испании... являются ложью”. Другими словами, если вы исключаете любое предположение о том, что Германия имеет территориальные интересы в Испании, то это правда, что немецкое правительство в интересах Европы и мира предприняло шаги, чтобы помешать тому, что происходит в Испании сегодня, основываясь на своем утверждении, что это ответственность Коминтерна». См.: UK Parliament. House of Commons Hansard. Commons Sitting. 25 June 1937. P. 1572.

[42] *Steiner H.A.* Government in Fascist Italy. New York – London, 1938. P. 133.

[43] Несмотря на подписанное 2 января 1937 г. «Англо-итальянское Средиземноморское соглашение». См.: *Langsam W.C.* Op. cit. P. 262. См. также разведданные по итальянским войскам на 1939 и 1940 гг.: *Hinsley F.H. et al.* British intelligence in the Second World War: Its influence on strategy and operations. 1979. P. 200.

[44] «[Три великие державы – Германия, Италия и Япония – готовятся к большой войне], они установили между собой связь, которая является пищей для простаков – через так называемый Антикоминтерновский пакт. Я часто думаю, что один из способов, которым эти классовые заблуждения, о которых я упоминал ранее, наиболее искусно подпитываются, в частности, немецкими и японскими пропагандистами, заключается в том, чтобы притворяться, что наша общая с ними точка зрения – это антикоммунизм. Конечно, все английские джентльмены, воспитанные должным образом, согласятся с этим. Таким образом, у вас есть основа для понимания, позитивного – направленного против России, или негативного – стоять в стороне, пока кто-то другой что-то делает с Россией. Эта основа настолько проста, что не должна никого обманывать, но я боюсь, что она обманула некоторых уважаемых членов. Антикоминтерновский пакт – очень хитрая уловка. Она не поймает нас, но я не уверен, что она не поймает некоторых членов правительства». См.: UK Parliament. House of Commons Hansard. Commons Sitting. 1 Nov. 1937. P. 575.

[45] UK Parliament. House of Commons Hansard. Commons Sitting. 15 Nov. 1937. P. 3.

единого мнения в парламенте[46]. Подписав 6 ноября 1937 г.[47] соглашение о присоединении к германо-японскому Антикоминтерновскому пакту, Италия, как было сказано в документе, «решила выступить против общего врага на стороне Германии и Японии, которые, со своей стороны, были движимы той же волей защищать себя от Коммунистического Интернационала»[48].

Обсуждался альянс и 21 декабря: «Неужели эти страны (Япония, Италия и Германия. – *А.С.*) стремятся разделить мир на идеологической основе? Предполагается, как известно министру, что в соглашении есть секретные военные пункты...»[49]. Очевидно, что речь шла о диспозиции на пороге мировой войны.

Повышенное внимание к британской реакции на действия Италии вполне оправдано ролью британских войск на африканском театре военных действий и влиянием британской политики на поствоенное развитие «независимой» Ливии. Борьбу «за умы и сердца» ливийцев вели обе столкнувшиеся в Северной Африке стороны и обе использовали пафос антикоммунизма в планировании обещанного арабам независимого нациестроительства.

Через три года Антикоминтерновский пакт был обновлен, чему предшествовал ряд встреч с представителями профашистски настроенных режимов в конце ноября 1941 г. При этом, как писал польский историк Лукаш Хиршович в книге «Третий Рейх и арабский Восток», фон Риббентроп в ходе подготовки этих мероприятий высказывал в меморандуме фюреру мнение, что «альфой и омегой для арабского мира должна стать новая политическая декларация держав Оси о независимости арабских стран»[50].

Выигравшей стороной на ливийской земле стали британцы, что признавалось и американцами спустя пять лет после окончания войны. Но было ясно, что инициативу в этом регионе уже перехватывают Соединенные Штаты, которые имели свое видение будущего Ливии – федеративное государственное устройство. Об этом, в частности, прямо заявлял в 1950 г. госсекретарь Дин Ачесон в телеграмме в американское посольство в Лондоне: «Госдепартамент никогда не упускал из виду общность американо-британских интересов в этой области, и эти интересы мы всегда держим в голове. ...(а) США не считают предлагаемые британцами меры наносящими ущерб цели единства, которое мы всегда подразумевали как форму [ливийской] федерации; (б) мы считаем британские планы желательными первыми шагами в достижении целей возможной резолюции ГА ООН; (в) что длительная задержка в реализации британских планов просто даст арабам возможность тянуть время в ущерб позитивной программы, и (г) что “единство Ливии” подразумевало для нас федерацию, а не унитарную форму правительства»[51].

В том же документе сообщалось в скобках: «Госдепартамент был проинформирован 8 февраля [1950 г.] британским посольством, что Башир Саадауи в целом согласен

---

[46] Приведем ответ заместителя британского министра иностранных дел виконта Крэнборна (видимо, Роберт Артур Джеймс Гаскойн-Сесил, 5-й маркиз Солсбери, «тори») на вопрос об этом членов Палаты общин: «Несомненно, мой дорогой друг видел в печати текст соглашения, предусматривающего присоединение Италии к соглашению, заключенному между германским и японским правительствами 25 ноября 1936 г. против Коммунистического интернационала. ...Я не думаю, что должен выражать мнение правительства по поводу соглашения, которое было достигнуто между тремя другими странами». См.: UK Parliament. House of Commons Hansard. Commons Sitting, 10 Nov. 1937. P. 1743.

[47] Соглашение об ассоциации было подписано в Риме, и григорианская дата 6 ноября 1937 г. дублировалась датами по германскому и японскому летосчислениям: «16-й год фашистской эры, что соответствует 6 ноября 12-го года Сёвы».

[48] Ibid. P. 1744.

[49] UK Parliament. House of Commons Hansard. Commons Sitting. 21 Dec. 1937. P. 1842.

[50] *Hirszowicz L.* The Third Reich and the Arab East. London – New York, 2017. P. 218.

[51] US Department of State, Office of the Historian. Telegram 773.02/2–950: US Secretary of State to the UK Embassy (Secret) Washington, 9 Febr. 1950. URL: https://history.state.gov/ historicaldocuments/frus1950v05/d866 (access date: 12.02.2020).

с британскими планами. [Выражалось] желание, чтобы их выполнение было ускорено, хотя и признавались возможные затруднения, что планы будут охарактеризованы оппозицией как британский диктат»[52]. Будучи оппозиционно настроенным, Саадауи все же соглашался, очевидно, с упомянутыми «первыми шагами в достижении целей возможной резолюции ГА ООН». Но как противник расчленения Ливии стал главным политическим выразителем антизападных настроений в стране и был выдавлен, по сути, с ливийской политической арены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ливийцы всегда были трудными партнерами для советского руководства. Их настороженное отношение к коммунистической идее с самого начала препятствовало непосредственному идеологическому воздействию со стороны Советов. Прямая экспансия Италии и опосредованное, но мощное влияние Британии обусловили особую национальную повестку для Ливии. Ни причудливые социалистические мотивы в программах некоторых ливийских политических сил, ни их понимание арабского национализма не вписывались в широкую орбиту Коминтерна и впоследствии не стали сближающими факторами между свободной Ливией и СССР. «В тронной речи 24 января 1956 г. [король] Идрис I приветствовал установление дипломатических отношений с СССР, но открытие ливийского посольства в Москве состоялось только через 7 лет, чему всячески противились как ливийские реакционеры, так и их западные покровители... А премьер-министр Бен Халим.., принимая советского посла, предупредил, что он будет препятствовать “проникновению в страну коммунизма”»[53].

Тем важнее попытаться уловить ту слабую нить, которая связывала, вероятно, левые идеи ливийцев с деятельностью Коммунистического интернационала. Можно предполагать, что попытки установления контактов ИККИ с ливийцами делались через организации и деятелей в эмиграции, в частности – через «Триполийско-баркийскую лигу защиты» в Сирии.

Возможно, дальнейшее изучение архивных материалов прольет свет на эту тему и вопросы, связанные с путями распространения коммунистических идей в 20–30-е годы XX в. Случайно ли совпадение по времени создания упомянутой Лиги и активизации радикального исламизма (в частности, в соседнем с Ливией Египте)? Насколько связаны объединительные чаяния арабских деятелей, наподобие Башира ас-Саадауи, с разными вариантами идеи арабского социализма, т.е., идеями левого толка? И если брать шире, не споткнулась ли идея всемирного «интернационала трудящихся» о национализм и трайбализм традиционных обществ, какими и являются в своей основе арабские общества?

Нельзя не отметить живучесть идеи дробления глубоко укорененных в истории социумов и соответствующих молодых государств, возникших на бывших зависимых территориях. В арабском мире эта тенденция очень оживилась в трагический период «арабской весны», сопровождаясь братоубийственными столкновениями, межплеменными и межобщинными конфликтами. Ливия стала удручающим примером гражданского разобщения и попыток разделить страну по границам исторических областей. Единству Ливии, о котором мечтали национальные лидеры в 20-е годы, был положен конец. Однако нельзя исключить, что история совершит очередной виток и обратный процесс одержит верх уже в не слишком отдаленном будущем.

Библиография

Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Ширина К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997.

---

[52] Ibid.

[53] *Егорин А.З.* История Ливии, XX век. М., 1999. С. 173–174.

Егорин А.З. История Ливии, XX век. М., 1999.

Егорин А.З., Миронова Г.В. Сенуситы в истории Ливии (1843–1969 гг.). М., 2006.

Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998.

Коммунистический Интернационал перед VII всемирным конгрессом: (Материалы). М., 1935.

Косач Г.Г. Красный флаг над Ближним Востоком? Компартии Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 20–30-е годы. М., 2001.

Соркин Г.З. Коминтерн против милитаризма и войны. М., 1986.

Ширинья К.К. Стратегия и тактика КИ в борьбе против фашизма и войны (1934–1939). М., 1979.

XI пленум ИККИ. Вып. 1: Компартии и кризис капитализма: (Стенографический отчет). М., 1932.

Ас-Салляби А.М. Ас-сумар аз-закийя ли-ль-харака ас-санусийя фи Либия (Плоды движения сенуситов в Ливии). Т. 2. Сират аз-заимейн Идрис ас-Сануси ва Умар аль-Хаттар (Жизнеописание двух лидеров). Аш-Шарика – Каир, 2001. (Араб.)

Зияде Н. Либия: мин аль-истимар аль-итали иля-ль-истикляль (Ливия от итальянской колонизации к независимости) // Аль-амаль аль-камель (Собрание сочинений). Б.м., 1952. С. 229–407. (Араб.)

Ашхаб М. Барка аль-арабийя амс ва-ль-яум (Арабская Киренаика вчера и сегодня). Б.м., 1947. (Араб.)

Шукри М.Ф. Ас-санусийя дин ва-д-дауля (Сенусия: религия и государство). Б.м., 1948. (Араб.)

Шукр Х.Дж., Мустафа А.И. Маука Башир ас-Саадауи мин ляджнат ат-тахкик ад-дувалийя (ар-рубаийя), 20 тишрин аль-авваль – 20 айяр 1947 (Позиция Башира ас-Саадауи на Международной следственной комиссии (четырехсторонней) 20 октября – 20 мая 1947 г.) // Маджаллят Джамиат Кербела аль-ильмийя. 2015. № 1. С. 25. (Араб.)

Ahmida A.A. Forgotten Voices: Power and Agency in Colonial and Postcolonial Libya. New York – London, 2005.

Del Boca A. Mohamed Fekini and the Fight to Free Libya / Transl. by A. Shugaar. New York, 2011.

Evans-Pritchard E.E. Italy and the Bedouin in Cyrenaica // African Affairs. Vol. 45. 1946. № 178. P. 12–21.

Firsov F.I., Klehr H., Earl Haynes J. Secret Cables of the Comintern, 1933–1943. New Haven – London, 2014.

Hinsley F.H. et al. British intelligence in the Second World War: Its influence on strategy and operations. Vol. 1. London, 1979.

Hirszowicz Ł. The Third Reich and the Arab East. 2nd. ed. London – New York, 2017.

Langsam W.C. Documents and Readings in the History of Europe: Since 1918. Chicago – Philadelphia – New York, (1939) 1951.

Loschi Ch. Fuori dal regime fascista: organizzazioni politiche degli italiani a Tripoli durante la fase post-coloniale (1948–1951) // Diacronie. Studi di Storia Contemporanea. 2011. № 5: Dossier: Italie altre. Immagini e comunità italiane all'estero. P. 1–14.

Monroe E. The Mediterranean in Politics. London, 1938.

Steiner H.A. Government in Fascist Italy. London – New York, 1938.

References

Adibekov G.M., Shakhnazarova E.N., Shirinya K.K. Organizatsionnaia struktura Kominterna. 1919–1943 [Organizational structure of the Comintern. 1919–1943]. Moskva, 1997. (In Russ.)

Egorin A.Z. Istoriia Livii, XX vek [The History of Libya, the 20th century]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Egorin A.Z., Mironova G.V. Senusity v istorii Livii (1843–1969) [Senussis in the Libyan history]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Komintern i ideia mirovoi revoliutsii. Dokumenty [The Comintern and the idea of world revolution. Documents]. Moskva, 1998. (In Russ.)

Kommunisticheskii Internatsional pered VII vsemirnym kongressom: (Materialy) [The Communist International before the VII World Congress: (Materials)]. Moskva, 1935. (In Russ.)

Kosach G.G. Krasnyi flag nad Blizhnim Vostokom? Kompartii Egipta, Palestiny, Sirii i Livana v 20–30 gody [Red flag over the Middle East? Communist parties of Egypt, Palestine, Syria and Lebanon in 1920–30s]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Sorkin G.Z. Komintern protiv militarizma i voiny [Comintern against militarism and war]. Moskva, 1986. (In Russ.)

Shirinya K.K. Strategiia i taktika KI v bor'be protiv fashizma i voiny (1934–1939) [Strategy and tactics of CI in the fight against fascism and war]. Moskva, 1979. (In Russ.)

XI plenum IKKI. Vyp. 1: Kompartii i krizis kapitalizma: (Stenograficheskii otchet) [XI Plenum of the ICCI. Vol. 1: Communist parties and the crisis of capitalism: (Stenographic report)]. Moskva, 1932. (In Russ.)

Al-Sallabi A.M. Al-thumar al-zakiya li al-kharaka al-sanusiya fi Libya. T. II. Sira al-za'imain Idris al-Sanusi wa 'Umar al-Khattar [The fruits of the senussi movement in Libya. Vol. 2. The lives of two leaders]. Al-Sharika – Cairo, 2001. (In Arabic)

Ziyade N. Libya: min al-isti'mar al-itali ila al-istiqlial [Libya from Italian colonization to independence]. In: Al-a'mal al-kamel [Collected works]. S.l., 1952. P. 229–407. (In Arabic)

Ashhab M. Barka al-arabiya 'ams wa al-yawm [Arabic Cyrenaica yesterday and today]. S.l., 1947. (In Arabic)

Shoukri M.F. As-sanusiya din wa al-dawla [Sanusiya: religion and the state]. S.l., 1948. (In Arabic)

Shoukr Kh. J., Mustafa A.I. Mauqa Bashir al-Saadawi min lajna al-tahqiq al-douwaliya (al-ruba'iya), 20 tishreen al-awwal – 20 ayyar 1947 // Majalla Jam'iat Kerbela al-'ilmiya [Scientific Journal of Kerbela University]. 2015. Vol. 33. № 1. P. 24–32. (In Arabic)

Ahmida A.A. Forgotten Voices: Power and Agency in Colonial and Postcolonial Libya. New York – London, 2005.

Del Boca A. Mohamed Fekini and the Fight to Free Libya / Transl. by A. Shugaar. New York, 2011.

Evans-Pritchard E.E. Italy and the Bedouin in Cyrenaica // African Affairs. Vol. 45. 1946. № 178. P. 12–21.

Firsov F.I., Klehr H., Earl Haynes J. Secret Cables of the Comintern, 1933–1943. New Haven – London, 2014.

Hinsley F.H. et al. British intelligence in the Second World War: Its influence on strategy and operations. Vol. 1. London, 1979.

Hirszowicz Ł. The Third Reich and the Arab East. 2nd. ed. London – New York, 2017.

Langsam W.C. Documents and Readings in the History of Europe: Since 1918. Chicago – Philadelphia – New York, (1939) 1951.

Loschi Ch. Fuori dal regime fascista: organizzazioni politiche degli italiani a Tripoli durante la fase post-coloniale (1948–1951) // Diacronie. Studi di Storia Contemporanea. 2011. № 5: Dossier: Italie altre. Immagini e comunità italiane all'estero. P. 1–14.

Monroe E. The Mediterranean in Politics. London, 1938.

Steiner H.A. Government in Fascist Italy. London – New York, 1938.

DOI: 10.31857/S013038640014698-5

© 2021 г. **Я.В. ЩЕТИНСКАЯ**

РОЛЬ КОРПОРАЦИИ «РЭНД» В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК И СОВЕТОЛОГИИ В США (1945–1956 годы)

Щетинская Яна Валерьевна *– аспирантка кафедры Американских исследований факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).*
Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Диалог Россия – Запад в условиях международной нестабильности: политика, идеология, имагология» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).
E-mail: ivshchet@gmail.com
Researcher ID: 5371-3800

Аннотация. Корпорация «РЭНД» – экспертно-аналитический центр, созданный как независимая структура в 1948 г. в США, являлся ключевым институтом разработки стратегических решений задач международной безопасности в послевоенное время. С самого начала организация претерпела ряд изменений в своей структуре и аналитических подходах, отвечая на возрастающий уровень международных угроз. Одним из направлений развития корпорации стал ее поворот в сторону социальных наук и возрастающий интерес к региональным исследованиям и, в частности, к изучению СССР.
В данной статье рассматриваются две основные проблемы. Во-первых, в ней содержатся основные характеристики и особенности развития экспертно-аналитического сообщества в США в период с 1945 по 1956 г. и анализируются внешнеполитические и институциональные изменения, оказавшие влияние на этот процесс. Во-вторых, автор на основе материалов «РЭНД» исследует эволюцию ее структуры и аналитических методов в контексте развития социальных наук и советологии. Хронологические рамки обусловлены, с одной стороны, началом работы организации по контракту с компанией «Дуглас Эйркрафт» в 1945 г. (первый отчет опубликован в 1946 г.), а с другой – тем фактом, что во второй половине 1950-х годов «РЭНД» изменила свой подход к изучению советской угрозы и стратегической безопасности в целом, что было связано с запуском первого искусственного спутника СССР в 1957 г. Для более детального изучения аналитических подходов и методов в социальных науках автор проводит анализ трех исследований корпорации, посвященных политике Советского Союза: «Советская политика ядерного шантажа и Североатлантический Альянс» Х. Спайра (1957), «Организационное оружие: анализ большевистских стратегий и тактик» Ф. Зелцника (1952) и «Операционный код Политбюро» Н. Лайтеса (1951).

Ключевые слова: аналитические центры, корпорация «РЭНД», холодная война, советология, социальные науки, США.

Ia.V. Shchetinskaia

The Role of RAND Corporation in the Development of Social Sciences and Soviet Studies in the USA in 1945–1956

Iana Shchetinskaia, Russian State University of Humanities (Moscow, Russia).
The work was carried out within the framework of the RSUH project "Russia – West Dialogue in the conditions of international instability: politics, ideology, imagology" (competition "Student project

Research Teams of RSUH”).
E-mail: ivshchet@gmail.com
Researcher ID: 5371-3800

Abstract. RAND Corporation is a nonprofit think tank established in the United States as an independent organization in 1948. Throughout the post-World War II period, it was one of the key analytical institutions to offer research on major issues of international security. Since its inception, RAND has gone through multiple alterations in its structure and research approaches in response to global political challenges. One of the significant changes within the organization was the initiation of the Social Science program.
There are two parts to this article. The first part identifies the main characteristics of the U.S. expert community in the post-World War II period and analyzes how they were shaped by the state of international affairs and domestic institutional changes at the time. In the second part, the author analyzes research materials published by RAND to examine its place within the U.S. expert community, as well as the evolution of its organizational structure and research methods. It looks in particular at the development of RAND's research in social sciences and Soviet studies and compares its analytical product published between 1946 and 1956 – from the year RAND released its first report under a special contract with Douglas Aircraft Company until 1957 when the Soviet Union launched the Earth's first artificial satellite, which arguably marked a new era in Soviet Studies research. To explore the analytical methods employed by RAND's social scientists more deeply, the author examines three analytical pieces: “Soviet Atomic Blackmail and the North Atlantic Alliance” by Hans Speier (1957), “the Organizational Weapon” by Philip Selznick (1952), and “the Operational Code of the Politburo” by Nathan Leites (1951).

Keywords: think tanks, RAND Corporation, Cold War, Soviet studies, social sciences.

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИОГРАФИЮ ПРОБЛЕМЫ

Большинство исследований деятельности аналитического сообщества в США посвящено анализу его современного состояния. Особый интерес для исследователей представляют проблемы классификации и влияния экспертных институтов на политическую практику[1]. Изучение истории аналитического сообщества в США занимает менее значительное место в историографии и ограничивается в основном исследованием академических и государственных структур или проблемой сотрудничества между ними[2]. Немногочисленные работы, посвященные историческому развитию аналитических центров в США, часто представляют собой либо обзоры общих тенденций, либо хроники отдельных организаций[3]. При этом сам аналитический продукт, производимый экспертными организациями, редко становится объектом авторского осмысления.

Корпорация «РЭНД» является одним из наиболее крупных и известных аналитических центров. С момента ее создания в структуре военно-воздушных сил США в 1945 г. «РЭНД» была центром разработки стратегических решений ключевых задач международной безопасности. Не случайно большое количество работ по истории аналитического сообщества в США и в мире посвящены деятельности именно этой организации и ее вкладу в военную стратегию США. Развитие социальных исследований, особенно в области советологии, часто остается вне фокуса историков и политологов. Так, в широко известной в США работе Фреда Каплана «Волшебники Армагеддона» (The Wizards of

---

[1] *McGann J.G.* The Fifth estate: Think tanks, public policy, and governance. Washington (DC), 2016; *Parmar I.* Think Tanks and Power in Foreign Policy: Comparative study of the Role and Influence of the Council on Foreign Relations and the Royal Institute of International Affairs, 1939–1945. Berlin, 2004.

[2] *Engerman D.* Rethinking Cold War Universities: Some Recent Histories // Journal of Cold War Studies. 2003. Vol. 5. № 3. P. 80–95; The US Government, Citizen Groups and the Cold War: The state-private network / Eds H. Laville, H. Wilford. Milton Park, 2006; *Bridger S.* Scientists at war. Cambridge (MA), 2015.

[3] *Shoup L.H.* Wall Street's Think Tank: The Council on Foreign Relations and the Empire of Neoliberal Geopolitics, 1976–2014. New York, 2015.

Armageddon) автор анализирует работу экспертов в сфере ядерной и военной политики США, а «волшебники» – это в первую очередь математики, физики и военные стратеги (среди них – Бернард Броуди, Герман Кан и другие)[4]. Каплан уделяет меньше внимания развитию социальных исследований в Корпорации, справедливо упоминая об общем скептическом отношении военных к Департаменту социальных исследований «РЭНД», несмотря на его большой вклад в развитие теории игр, а значит, и военной стратегии. Схожий подход к изучению деятельности Корпорации – анализ взглядов отдельных экспертов на решение в первую очередь общих военно-стратегических задач, демонстрирует и А. Абелла в книге «Солдаты Разума» (The Soldiers of Reason)[5]. Д. Хауншелл также уделяет развитию социальных исследований в рамках «РЭНД» значительно меньше внимания, чем другим областям, однако упоминает некоторые исследования, посвященные продуктивности советской экономики и процессу принятия политических решений в СССР[6]. Институциональному развитию «РЭНД» с акцентом на научно-исследовательские разработки и в контексте ее взаимосвязей с государственными структурами посвящены работы Брюса Смита и Мартина Коллинза[7].

Научная новизна статьи обусловлена тем, что в ней предпринимается попытка определить роль Корпорации в процессе развития социальных наук в США вообще и советологии в частности на начальном этапе с учетом внутри- и внешнеполитических факторов.

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В США ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Окончание Второй мировой войны стало мощным импульсом для политического, экономического и военно-технического развития страны. Индекс валового национального продукта США составлял более 50% от мирового объема, а уровень частных инвестиций и активное сальдо торгового баланса превышали значения 1940 г.[8] Ускорились процессы концентрации производства и развития крупнейшего в мире научно-технического комплекса, центральным элементом которого были ядерные разработки. Послевоенное лидерство США в мировой экономике, открывающее новые перспективы для развития, сочеталось с изменениями на международной арене – экономическим и политическим кризисом в Европе и Азии, ростом национально-освободительных движений и так называемым «советским фактором» – вопросом о послевоенной роли СССР в мире. Параллельно с этим в американском руководстве и обществе наблюдалось возрастающее чувство уязвимости перед потенциальными угрозами, связанное как с травматичным военным опытом, так и с рядом внутриэкономических проблем[9]. Данный комплекс факторов актуализировал необходимость экспертного анализа международных угроз и разработки военно-политических стратегий.

Следует отметить, что интерес правительства к научным исследованиям возник в довоенный период. В конце 1930-х – начале 1940-х годов правительство США впервые начало осуществлять масштабную финансовую поддержку научных исследований, в первую очередь в области физики, а такие программы, как Манхэттенский проект и Радиационная лаборатория Массачусетского технологического института, стали беспрецедентными. Тем

---

[4] *Kaplan F.* The Wizards of Armageddon. Palo Alto, 1991.

[5] *Abella A.* Soldiers of Reason: The RAND Corporation and the Rise of the American Empire. Boston, 2009.

[6] *Hounshell D.* The Cold War, RAND, and the Generation of Knowledge, 1946–1962 // Historical Studies in the Physical and Biological Sciences. 1997. Vol. 27. № 2. P. 237–267.

[7] *Smith B.* The RAND Corporation: Case Study of a Nonprofit Advisory Corporation. Cambridge (MS), 1966; *Collins M.* Cold War Laboratory. Washington (DC), 2002.

[8] UN world economic report 1948. United Nations Department of Economic Affairs, June 1949. P. 38 // The United Nations. URL: https://www.un.org/en/development/desa/policy/ wess/wess_archive/searchable_archive/1948 WESS Full.pdf (дата обращения: 16.01.2021).

[9] *Wang J.* American science in an age of anxiety: Scientists, anticommunism, and the Cold War. Chapel Hill (NC), 1999. P. 10.

не менее параллельно с ростом заинтересованности правительства в поддержке научных исследований стала очевидна особенность организации интеллектуального ресурса в США, что нашло отражение в докладе советника президента Рузвельта по науке Вэнивара Буша «Безграничные рубежи науки» (Science, the Endless Frontier):

«Оборона от агрессии требует новых знаний для развития нового и улучшенного вооружения. Это необходимое знание может быть получено исключительно с помощью научных исследований... Государственные и частные университеты и исследовательские институты должны обеспечивать общество новым научным знанием и квалифицированными специалистами. Эти организации традиционно обладают уникальными ресурсами и характеристиками для проведения фундаментальных исследований. Они ответственны за сохранение знаний, полученных в прошлом, и передачу их студентам для внесения вклада в науку. Уникальным обстоятельством является то, что в стенах таких институтов исследователи относительно свободны от давления условностей, предубеждений или коммерческих соображений»[10].

Тезисы доклада Вэнивара Буша иллюстрируют одну из важных отличительных особенностей экспертно-аналитического сообщества США до Второй мировой войны: экспертный анализ являлся прерогативой в первую очередь академических институтов и нескольких правительственных ведомств. Одновременно с этим ресурсы университетов до середины 1940-х годов были ограничены, так как они только начинали развивать свою исследовательскую деятельность, в основном полагаясь на финансовую поддержку частных фондов. Помимо этого, крупнейшие академические структуры страны страдали от нехватки квалифицированных специалистов в сфере международных и региональных исследований. Например, долгое время академические программы по русистике в Колумбийском университете и университете Чикаго были представлены лишь одним экспертом, а молодых специалистов, желавших посвятить свою академическую карьеру региональным исследованиям, в том числе советологии, были единицы[11]. В свою очередь ученые, работавшие в сфере естественных наук, часто безуспешно пытались найти практическое применение своим аналитическим моделям в политике, вызывавшей у них все бóльшую тревогу. Среди государственных структур экспертной деятельностью в основном занимались комитеты государственного департамента и военные ведомства. Их аналитический продукт не выходил за рамки оценок текущей политической ситуации и не отличался разнообразием подходов, что также было серьезной проблемой для дальнейшего развития аналитического сообщества.

После Второй мировой войны ситуация начинает меняться. В 1946 г. президент Гарри Трумэн институционализировал механизмы по обеспечению Белого дома профессиональной экспертизой. На это работали Группа экономических советников при президенте США (Council of Economic Advisers) и Совет национальной безопасности (The National Security Council), а также созданные Группа планирования и координации работы Госдепартамента США (The Policy Planning Staff, Department of State), Центральное разведывательное управление (Central Intelligence Agency) и др. Кроме того, кардинально изменился статус военных ведомств. К 1946 г. военно-воздушные силы США, бывшие в начале 1940-х годов небольшой исполнительной организацией под эгидой вооруженных сил США, расширили свою структуру и вместе со Стратегическим Авиационным Командованием ВВС (Strategic Air Command) стали осуществлять контроль над ядерным оружием. Немногим позже ВВС стали независимой структурой, получавшей щедрое финансирование от президента и Конгресса[12].

---

[10] *Bush V.* 1890–1974. Science – The Endless Frontier: a Report to the President on a Program for Postwar Scientific Research, 1980 // National Science Foundation. URL: https://www.nsf.gov/about/history/ Endless Frontier w.pdf (дата обращения: 11.01.2021).

[11] *Engerman D.C.* Know your enemy: The rise and fall of America's Soviet experts. Oxford, 2009. P. 13.

[12] *Kaplan F.* Op. cit. P. 40.

В этот же период создавались и другие независимые структуры, сотрудничавшие с государственными на контрактной основе. Подобная «гибридная» модель – частные организации, выполняющие государственные задачи, – стала развиваться именно во второй половине 1940-х, когда послевоенная судьба исследовательских организаций (например, военных и ядерных лабораторий) и принципы их управления были еще не совсем определены. В 1950-х годах эта модель динамично развивалась в связи с тем, что ряд военно-стратегических органов в правительстве создали собственные аналитические структуры, среди которых были Центр анализа военно-морских сил (Center of Naval Analyses), Институт военных исследований (Institute for Defense Analyses) и другие. В 1950 г. возник Национальный научный фонд США (National Science Foundation) – независимое агентство при правительстве, отвечавшее за развитие науки и технологий в стране. Проекты фонда, наряду с грантами других подобных агентств, положили начало устойчивому беспрецедентному росту государственного финансирования экспертных исследований.

Исследователь Университета Джорджа Вашингтона К. Койзуми отмечает, что до 1956 г. официальные данные по финансовой поддержке правительством научных исследований не полны, но очевидно, что ее динамичный рост пришелся на послевоенный период[13]. Также с уверенностью можно сказать, что развитие международных исследований в рамках экспертно-аналитического сообщества США было бы невозможно без частного финансирования. Например, на рубеже 1930–1940-х годов в списке организаций, получавших гранты от Фонда Рокфеллера на изучение международных вопросов, были в основном университеты и несколько небольших аналитических центров[14]. В 1947 г. Фонд увеличил финансирование социальных наук с 1,499 млн долл. до 3,051 млн долл., а список организаций расширился, включив в себя такие крупные аналитические центры, как Институт Брукингса и Совет по международным отношениям[15].

«РЭНД» не стала исключением. В 1948 г. корпорация получила беспроцентный кредит в размере 1 млн долл. от Фонда Форда[16]. Четыре года спустя финансирование организации было увеличено, что позволило «РЭНД» начать запуск небольших проектов, впервые не связанных с военной экспертизой. Таким образом, частное финансирование не только сделало независимость корпорации возможной, но и дало необходимый импульс для диверсификации ее исследовательских методов. В свою очередь рост государственного и частного финансирования привел к увеличению числа федеральных исследовательских грантов, а Конгресс, исполнительные органы и военные структуры продолжали поддерживать контрактные взаимоотношения с аналитическими организациями, в том числе и с корпорацией «РЭНД».

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ «РЭНД» НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Исследовательский проект «РЭНД» возник в октябре 1945 г. в рамках специального контракта ВВС США с авиастроительной компанией «Даглас Эйркрафт» (Douglas Aircraft Company). В том же месяце был создан офис заместителя начальника штаба ВВС США по научно-исследовательским разработкам, с которым «РЭНД» работал по

---

[13] *Koizumi K.* The evolution of public funding of science in the United States from World War II to the present. Oxford, 2020 // Oxford University Press and the American Institute of Physics. P. 4. URL: https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190871994.013.25 (дата обращения: 11.01.2021).

[14] The Rockefeller Foundation annual report, 1940. Social Sciences. P. 249–278 // The Rockefeller Foundation. URL: https://www.rockefellerfoundation.org/wp-content/uploads/Annual-Report-1940-1.pdf (дата обращения: 11.01.2021).

[15] The Rockefeller Foundation annual report. Social Sciences. The Rockefeller Foundation, 1947. P. 181–219 // The Rockefeller Foundation. URL: https://www.rockefellerfoundation.org/wp-content/uploads/Annual-Report–1947–1.pdf (дата обращения: 11.01.2021).

[16] A Brief History of RAND. Santa Monica (CA) // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/about/history/a-brief-history-of-rand.html (дата обращения: 11.01.2021).

контракту. Уже в 1946 г. проект «РЭНД» функционировал на отдельной территории и выпустил свой первый аналитический доклад «Предварительный проект экспериментального космического корабля» (Preliminary Design of an Experimental World-Circling Spaceship)[17]. Корпорация стала одним из прототипов нового метода организации интеллектуальных ресурсов: главным ее заказчиком было правительство, но при этом исследования должны проводились независимо от государственных институтов. В 1948 г. корпорация была зарегистрирована как самостоятельная некоммерческая организация.

Несмотря на то что подавляющее большинство исследований «РЭНД» в 1940-х годах оказались связаны с техническими разработками, необходимо отметить, что корпорация постепенно расширяла свою структуру и тематику исследований. Согласно отчету вице-президента «РЭНД» Л. Хендерсона, исследования «РЭНД» проводились в шести крупных отделах: экономики, инженерии, математики, физики, социальных наук и развития систем. При этом все материалы, публикуемые ими, можно было уложить всего в четыре тематические группы: базовые исследования, методология системного анализа, разработка специальных методов и техник, компонентный анализ[18]. Исходя из названий групп, предложенных Хендерсоном, представляется невозможным определить место и масштабы исследований какой-либо отдельной сферы, в том числе социальных наук, и тем более исследований отдельных регионов. Однако далее Хендерсон приводит небольшие описания, которые, на его взгляд, должны отражать аналитический продукт «РЭНД» (табл. 1).

Таблица 1

Классификация исследований Корпорации «РЭНД» (на 1955 год)

Группа 1 «Базовые исследования»	*Группа 2* «Методология системного анализа»	*Группа 3* «Разработка специальных методов и техник»	*Группа 4* «Компонентный анализ»
1) Исследования в области физики, аэродинамики, космонавтики и др. 2) Исследования в области человеческого поведения (возможности и цели других государств)	Анализ действий в условиях неопределенности, составление критериев для замены оборудования и т.д.	Математические и другие техники (программирование, теория игр и т.д.)	Методы изучения альтернативных взаимосвязей (в первую очередь в технических сферах)

Говоря о системном анализе, Хендерсон не дает его четкого определения, но отмечает, что в условиях политической неопределенности анализ систем является важнейшей методологической задачей. Исследуя деятельность «РЭНД», можно с уверенностью сказать, что переход к системному анализу от метода исследования технологических операций (operations research) стал важным этапом развития корпорации. Операционный метод представлял собой узконаправленные количественные инструменты, разработанные в период Второй мировой войны для аналитической поддержки военных структур. Этот

[17] Preliminary design of an experimental world-circling spaceship. Santa Monica (CA). 1946 // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/special_memoranda/SM11827.html (дата обращения: 11.01.2021).

[18] *Henderson L.J.* The Analysts' bookshelf: Publications of the RAND Corporation // Operations Research. 1956. Vol. 4. № 3. P. 402–411.

аналитический подход позволял решить такие задачи, как расчет взрывной силы устройства, глубину запуска противолодочного оружия и т.п. Однако со временем масштаб и комплексность международных проблем только возрастали. Стало ясно, что военные проблемы тесно связаны с гражданскими и одни невозможно решить без учета других. Например, стратегии разработки и применения ядерного оружия было невозможно создать без анализа экономических затрат и потенциальных политических рисков и выгод.

В итоге эксперты перешли к применению системного анализа, который позволял находить комплексные взаимосвязи между проблемами, которые ранее казались не связанными, и анализировать риски. Первым масштабным аналитическим продуктом, построенным на основе системного анализа, был проект 1950 г. «Strategic Bombing Systems Analysis», ставший ответом экспертов корпорации «РЭНД» на возрастающую угрозу со стороны СССР, впервые проведшего испытания ядерного оружия в 1949 г.[19]

Параллельно с системным анализом важным вкладом в развитие аналитических подходов в США стало распространение теории игр, которая восполняла недостатки ограниченных математических моделей. Она позволяла рассчитать рациональные стратегии оппонента в условиях неопределенности, а знаменитая «дилемма заключенного» (некооперативная игра, разработанная в «РЭНД» в 1950 г. и используемая для исследования международных конфликтов и перспектив сотрудничества) до сих пор считается классической моделью для анализа советско-американских отношений в условиях ядерной угрозы.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК И СОВЕТОЛОГИИ В «РЭНД» (1946–1956 годы)

Большинство исследований Корпорации в 1940-е годы, как уже отмечалось выше, было посвящено военно-техническим разработкам. Однако поворот корпорации от операционного анализа и узкоспециализированных количественных методов в сторону системного анализа и теории игр привел к дальнейшей диверсификации исследовательских приоритетов и методов с привлечением экспертов по социальным наукам.

С 14 по 19 сентября 1947 г. в Нью-Йорке прошла конференция ученых в сфере социальных наук, ознаменовавшая первые попытки «РЭНД» создать собственную исследовательскую программу в данной области. Организаторы конференции понимали, что Корпорация не сможет адекватно анализировать существующие проблемы без активного использования инструментов социальных наук, во многом беря пример с британских структур, уже на тот момент активно практикующих проведение фундаментальных исследований в так называемых «смешанных командах», объединяющих математиков, физиков, социологов, психологов и других специалистов. Они также указывали, что социальные науки позволят расширить исследовательский фокус «РЭНД». Организаторы ставили перед собой две основные задачи: познакомить экспертов в области социальных наук с «РЭНД» и ее исследованиями и пригласить их к сотрудничеству, а также оценить, насколько высоким может быть вклад социальных наук в аналитическую деятельность корпорации. В конференции приняли участие более 30 экспертов в 5 различных комитетах: психология и социология, политические исследования, экономика, разведывательная служба и военное дело, методика, организация и планирование исследований. Подавляющее большинство специалистов были аффилированы с университетами. «РЭНД» представляли эксперты Ф. Колбом, О. Хелмер, Дж.Д. Уилльямс и др. По итогам этой конференции эксперты предложили более 100 проектов от всех комитетов, кроме комитета по методологии исследований. Исследования по СССР занимали в этом списке не последнюю позицию. Интересно, что 10 из 27 предложенных исследовательских

[19] *Fisher G.H., Walker W.E.* Operations research and RAND Corporation. Santa Monica (CA), 1993 // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/papers/P7857.html (дата обращения: 16.01.2021).

проектов по СССР были в области психологии и социологии, исследования в области политологии и экономики несколько уступали (по 6 проектов от каждого комитета). Также было предложено 5 проектов в военно-разведывательной сфере[20].

Представляется несомненным, что конференция положила начало качественно новому этапу развития аналитического продукта корпорации «РЭНД», ее развороту в сторону социальных наук. Однако справедливо задать вопрос о том, каким образом развивались социальные науки и советология в «РЭНД» после этого масштабного события? Были ли впоследствии привлечены эксперты по социальным наукам к работе с «РЭНД» и проводились ли исследования в соответствии с выдвинутыми приоритетами и предложениями?

Материалы Корпорации свидетельствуют о том, что ряд приглашенных на конференцию исследователей в сфере социальных наук присоединились к «РЭНД» в конце 1940-х годов и активно сотрудничали с организацией на протяжении нескольких лет. Среди них были Г. Голдхэймер (Университет Чикаго), С. Хитч (Оксфордский университет), Б. Броуди (Йельский университет)[21]. В июне 1948 г. другой участник конференции, социолог Ханс Спайр из Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке, возглавил Отделение социальных наук в Корпорации.

Для изучения развития социальных наук в рамках «РЭНД» и места советологических исследований среди аналитических продуктов организации автором было проанализировано более 800 отчетов Корпорации, опубликованных с 1946 по 1956 г. и доступных на официальном сайте организации (табл. 2, 3).

Таблица 2

Отчеты «РЭНД» за 1946–1949 годы

Годы	Всего публикаций	Исследования в сфере социальных наук	Социальные науки: Советология (Soviet studies)
1946–1949	180	21 (11.7%)	4 (2.2%)

Таблица 3

Отчеты «РЭНД» за 1950–1956 годы

Годы	Всего публикаций	Исследования в сфере социальных наук	Советология (Soviet studies)
1950–1956	776	115 (15%)	65 (8.4%)

Анализ содержания публикаций «РЭНД» за обозначенный период показывает, что с нарастанием противостояния между СССР и США в период холодной войны интерес Корпорации к исследованию СССР через призму социальных наук возрастал относительно невысокими, но стабильными темпами. В выборку исследований в сфере социальных наук были включены отчеты, доклады, аналитические записки «РЭНД» по проведенным исследованиям в экономике, политических науках, социологии, психологии, антропологии, истории и демографии. Учитывались также военные исследования, проведенные с использованием

[20] New York Conference of Social Scientists. Santa Monica (CA), 1948 // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/reports/R106.html (дата обращения: 12.01.2021).

[21] Ibidem.

экономической методологии, например, анализ затрат и выгод при определении расположения авиационных баз, планирование ресурсов и т.д.

Если во второй половине 1940-х годов доля исследований, посвященных СССР, составляла чуть больше 2%, то к середине 1950-х годов этот показатель увеличился почти в четыре раза. Интересна также динамика изменений тематики исследования. В начале 1940-х годов абсолютное большинство исследований было посвящено новым подходам в математике, физике, аэродинамике и применении теории игр. Во второй половине 1940-х «РЭНД» начинает интегрировать экономический анализ и существующие математические и статистические модели, а также исследовать вопросы менеджмента ресурсов в военной сфере[22]. Параллельно интерес исследователей начинают вызывать вопросы рыночных механизмов, демографические показатели и экономическое развитие СССР[23]. Возрастающий исследовательский интерес к советской экономике на рубеже 1940–1950-х годов был, вероятно, обусловлен обострением советско-американских отношений на фоне Берлинского и Иранского кризисов, а также реакцией на первое ядерное испытание в СССР американского политического истэблишмента, не ожидавшего потери монополии на мощнейшее оружие в столь короткий срок. В тот период перед правительством и экспертами стояла задача рассчитать, каким образом и какими темпами экономика СССР будет развиваться в будущем, чтобы оценить масштабы так называемой «советской угрозы». В частности, оценивался уровень экономического развития и военной подготовки СССР, его затрат на оборону и то, как эти показатели соотносились с экономическими возможностями США[24].

В целом в 1950-х годах количество исследований в социальных науках возросло приблизительно в пять раз. Расширился и их спектр: если в 1940-е годы преобладающей сферой в социальных исследованиях «РЭНД» была экономика, в 1950-х годах к ней добавились политический анализ параллельно с целым рядом новых методов исследования (текстологический анализ, анализ политических режимов, роли политических лидеров, когнитивное картирование и т.д.). Также к середине 1950-х годов получают свое воплощение идеи о проведении исследований в психологии и социологии, озвученные на конференции специалистов в области социальных наук 1947 г., в которых особое внимание уделялось изучению роли лидеров и пропаганды в СССР[25]. Среди всех исследуемых регионов (за исключением США) советология в 1950-е годы занимала лидирующую позицию (минимум 65 материалов). Следом за СССР идут Германия (10), Азия (9) и страны Европы (3). При этом следует отметить, что исследования по Азии были нацелены в основном на анализ политики и экономики Китая и Юго-Восточной Азии, где экспертов часто интересовала опять же роль СССР.

---

[22] *Bellman R.E.* On the concept of utility and decision-making. Santa Monica (CA), 1948 // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research memoranda/RM67html (дата обращения: 12.01.2021); *Enke S.* The economic sinews of modern war: physical limitations on war production. Santa Monica (CA), 1949 // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM299.html (дата обращения: 12.01.2021).

[23] *Bereson A.* National economic accounts of the USSR in 1944: preliminary report. Santa Monica (CA), 1951 // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM566.html (дата обращения: 11.01.2021); *Brown G.W.* Estimation of Mortality Parameters. Santa Monica (CA), 1949 // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM135.html (дата обращения: 12.01.2021); *George A.L.* Diplomatic Aspects of Soviet Air-Defense Policy, 1950–1953. Santa Monica (CA), 1954 // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM1347.html (дата обращения: 12.01.2021).

[24] *Wainstein E.S.* A Comparison of Soviet and United States Retail Food Prices for 1950. Santa Monica (CA), 1954 // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM1294.html (дата обращения: 12.01.2021).

[25] *Tucker R.C.* The Metamorphosis of the Stalin Myth. Santa Monica (CA), 1954 // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM1223.html (дата обращения: 13.01.2021)

Для более детального изучения содержания подходов и методик в советских исследованиях «РЭНД» были отобраны три публикации (две книги и одна статья): «Советская политика ядерного шантажа и Североатлантический Альянс» Х. Спайра, «Организационное оружие: анализ большевистских стратегий и тактик» Ф. Зелцника и «Операционный код Политбюро» Н. Лайтеса. Выбор данных аналитических работ обусловлен тремя факторами. Во-первых, по оценке самого директора отделения социальных наук Х. Спайра, эти исследования стали знаковыми в развитии социальных наук и региональных исследований в Корпорации[26]. Во-вторых, они представляют собой различные тематики исследования в рамках советологии (военно-стратегические исследования, политические исследования, психология), а также ряд междисциплинарных методов (анализ концепций международной безопасности, когнитивное картирование, институциональный анализ и т.д.).

«Советская политика ядерного шантажа» Спайра была написана практически сразу же после того, как разразился Суэцкий кризис в октябре 1956 г. Анализ Спайра достаточно многомерен: автор поставил перед собой задачу рассмотреть не только ход действий и решения, принятые СССР и США, но и другие факторы, повлиявшие на логику и динамику кризиса. В частности, Спайр классифицирует угрозы с учетом их природы, условий, в которых они существуют, и соблюдения акторами установленных требований. Он обращает внимание на парадокс того времени: несмотря на то, что при ядерном паритете уровень угроз теоретически снижается, на практике между СССР и Западом этого не произошло. В определенной степени это объясняется тем, что США и их западноевропейские союзники по НАТО интерпретировали понятие угрозы через призму субъективной реальности, в которой они существовали. Например, восприятие СССР как угрозы в Западной Европе было результатом не только действий со стороны СССР, но и того факта, что большинство западноевропейских стран не располагали ядерным оружием. Кроме того, страны Европы воспринимали перспективу ядерного конфликта как следствие их защиты Соединенными Штатами от возможной советской агрессии, что привело бы к эскалации конфликта[27]. Опасения на Западе также подкреплялись отсутствием единой позиции внутри стран-членов НАТО.

Таким образом, Спайр расширил горизонты политического анализа в рамках «РЭНД», предлагая не только анализ событий с помощью существующих политических теорий, но и взгляд через призму субъективной конструируемой различными акторами реальности. Рассматривая события Суэцкого кризиса, Спайр обращает внимание на аспекты политической риторики и пропаганды СССР, сыгравшие важную роль в дипломатическом поражении Запада.

В «Операционном коде Политбюро» Н. Лайтес предложил свой междисциплинарный подход. Он поставил задачу изучить и предсказать процесс принятия решения в СССР на основе анализа текстов В.И. Ленина и И.В. Сталина, используя элементы когнитивной теории. С точки зрения автора, изучение мотивов, понятий и принципов, отраженных в этих текстах, позволяет понять возможные пути развития советских политических стратегий. Значение «Операционного кода» для развития социальных наук в США в 1950-е годы сложно переоценить. Во-первых, это исследование стало одним из первых масштабных примеров синтеза политических и психологических наук в контексте региональных исследований с использованием концепции операционного кода Мертона 1940 г. и целого ряда научных методов. Во-вторых, в своей книге Лайтес уделяет особенное внимание факторам поведения политических элит – на тот момент нового объекта изучения

---

[26] *Collins M.* Interview with Hans Speier, 1988. Tape 2. RAND History project interviews. National Air and Space Museum, Smithsonian Institution, 1999 // Smithsonian Institution. URL: https://sova.si.edu/details/NASM.1999.0037#ref110 (дата обращения: 16.01.2021).

[27] *Speier H.* Soviet Atomic Blackmail and the North Atlantic Alliance // World Politics. 1957. Vol. 9. № 3. P. 311, 315.

социологов[28]. Дальнейшие систематические исследования устойчивых характеристик мышления политических лидеров и построение прогнозов во внешней политике во многом опирались на подходы Лайтеса.

В то же время выводы, сделанные в его труде, имеют важное ограничение. Идея Лайтеса о том, что идеологические тексты предопределяют внешнюю политику СССР, подтверждается лишь в том случае, если мы полагаем, что, принимая политическое решение, Политбюро опиралось исключительно (либо по большей части) на тексты Ленина и Сталина, что совсем не является точным утверждением. Решения Политбюро часто принимались под влиянием целого ряда факторов: от конфликтов внутри партии и кризисов внутри самого Политбюро до социально-экономических событий. Например, на решения Политбюро часто оказывали непосредственное влияние группировки, конкурировавшие с «генеральной линией» в разработке идей по реформированию системы в условиях индустриализации и кризиса социальной сферы.

В «Организационном оружии» Ф. Зелцника 1952 г. заимствуются некоторые элементы анализа Н. Лайтеса, в первую очередь фактор марксизма-ленинизма в разработке политических стратегий СССР. Однако Зелцник не ограничивается анализом и интерпретацией коммунистических текстов. Эксперт уделяет особое внимание рассмотрению роли организационной структуры партии, социальных и личностных факторов, а также вопросам легитимности и взаимоотношений партии с внешними акторами (например, профсоюзами)[29]. Зелцник делает ряд интересных наблюдений, которые отличаются от выводов Лайтеса. Например, он отмечает, что в СССР главным источником политического участия было не столько ощущение партийной миссии, сколько чувство незащищенности перед внешним миром, фрустрация, связанная с недостигаемыми целями (например, желаемый уровень социальной солидарности). В результате сложившегося комплекса неполноценности внутри партии провозглашаемые ценности часто имели скорее символический характер. Влияние партийной идеологии, транслируемой в пропаганде, часто было ограниченным[30].

С другой стороны, советская коммунистическая идеология преуспела в оправдании любых средств в достижении целей, что приводило к отсутствию критического осмысления тех или иных политических решений со стороны общества. Например, индустриализацию советский человек был склонен воспринимать как самоцель, невзирая на такие разрушительные последствия, как разорение сельского хозяйства, падение уровня жизни населения и т.д. Многие тезисы Зелцника оспариваются, однако в целом его исследование представляет собой ценный материал по изучению не только доктрины большевизма, но и развитию социально-политических движений.

Итак, из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Создание корпорации «РЭНД» в 1945 г., как и учреждение многих других аналитических центров в США и мире, было обусловлено целым рядом факторов: от роста востребованности научно-исследовательских разработок в связи с обострением проблем в экономике и международной безопасности до институциональных изменений в правительстве и роста государственного и частного финансирования. Несмотря на изначально узкую военно-техническую специализацию, постепенно организация расширила свою структуру. Проанализированные материалы Корпорации показывают, что «РЭНД» постепенно расширила методологию исследований, переходя от операционного анализа к системному анализу и теории игр. Со временем стало очевидно, что военные проблемы невозможно решать без анализа гражданских вопросов, а проблемы международной безопасности –

---

[28] *Leites N.* The Operational Code of the Politburo. Santa Monica (CA), 1951. P. 37.

[29] *Selznick P.* The Organizational Weapon: A Study of Bolshevik Strategy and Tactics. Santa Monica (CA), 1952. P. 48.

[30] Ibid. P. 84.

без анализа региональных аспектов международных отношений, что масштаб ядерной угрозы невозможно рассчитать без учета политических и экономических факторов и использования различных методов социальных наук.

Развитие социальных наук происходило динамично. В период между 1950 и 1956 гг. количество исследований в экономике, психологии, истории, антропологии выросло более чем в пять раз по сравнению с 1946–1949 гг. Число исследований по советологии увеличилось вчетверо, уступая место исследованиям других регионов. В данных исследованиях эксперты не ограничивались использованием математических методов, привлекая экономистов, социологов, психологов и других специалистов. Анализ знаковых работ по советологии – «Советская политика ядерного шантажа и Североатлантический Альянс» директора отдела социальных исследований «РЭНД» Х. Спайра, «Организационное оружие: анализ большевистских стратегий и тактик» Ф. Зелцника и «Операционный код Политбюро» Н. Лайтеса – показал, что в области советологии исследователей интересовали не только экономические и военно-технические возможности СССР, но и психологические и социальные аспекты работы Политбюро. Все три исследователя продемонстрировали интерес к экспериментированию с совершенно новыми на тот момент междисциплинарными методами (такими как когнитивное картирование и анализ личности в политических режимах), ставшими базой для развития социальных наук и советологии в будущем.

Библиография / References

A Brief History of RAND. Santa Monica, (CA) // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/about/history/a-brief-history-of-rand.html (access date: 11.01.2021).

Abella A. Soldiers of Reason: The RAND Corporation and the Rise of the American Empire. Boston, 2009.

Bellman R.E. On the concept of utility and decision-making // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research memoranda/RM67.html (access date: 12.01.2021).

Bergson A. National economic accounts of the USSR in 1944: preliminary report // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM566.html (access date: 12.01.2021).

Bridger S. Scientists at war. Cambridge (MA), 2015.

Brodie B. Strategy versus tactics in a nuclear age. RAND Corporation. Santa Monica (CA), 1956. URL: https://www.rand.org/pubs/papers/P0841.html (access date: 15.01.2021).

Brown G.W. Estimation of Mortality Parameters // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM135.html (access date: 12.01.2021).

Bush V. 1890–1974. Science – The Endless Frontier: a Report to the President on a Program for Postwar Scientific Research. National Science Foundation, 1980 // National Science Foundation. URL: https://www.nsf.gov/about/history/EndlessFrontier_w.pdf (access date: 11.01.2021).

Collins M. Cold War Laboratory. Washington (DC), 2002.

Collins M. Interview with Hans Speier, 1988. Tape 2. RAND History project interviews. National Air and Space Museum, Smithsonian Institution, 1999 // Smithsonian Institution. URL: https://sova.si.edu/details/NASM.1999.0037#ref110 (access date: 16.01.2021).

Engerman D. Rethinking Cold War Universities: Some Recent Histories // Journal of Cold War Studies. 2003. Vol. 5. № 3. P. 80–95.

Engerman D.C. Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts. Oxford, 2009.

Enke S. The Economic Sinews of Modern War: Physical Limitations on War Production // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM299.html (access date: 12.01.2021).

Fisher G.H., Walker W.E. Operations research and RAND Corporation // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/papers/P7857.html (access date: 16.01.2021).

George A.L. Diplomatic Aspects of Soviet Air-Defense Policy, 1950–1953 // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM1347.html (access date: 12.01.2021).

Goldhamer H. Human Factors in Systems Analysis. RAND Corporation. Santa Monica (CA), 1950 // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM388.html (access date: 15.01.2021).

Henderson L.J. The Analysts' bookshelf: Publications of the RAND Corporation // Operations Research. 1956. Vol. 4. № 3. P. 402–411.

Hitch C. Planning defense production. RAND Corporation. Santa Monica (CA), 1949 // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/papers/P105.html (access date: 15.01.2021).

Hounshell D. The Cold War, RAND, and the Generation of Knowledge, 1946–1962 // Historical Studies in the Physical and Biological Sciences. 1997. Vol. 27. № 2. P. 237–267.

Kaplan F. The Wizards of Armageddon. Palo Alto, 1991.

Koizumi K. The evolution of public funding of science in the United States from World War II to the present. Oxford University Press, 2020 // Oxford University Press and the American Institute of Physics. URL: https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190871994.013.25 (access date: 11.01.2021).

Leites N. The Operational Code of the Politburo. Santa Monica (CA), 1951.

McGann J.G. The Fifth Estate: Think tanks, public policy, and governance. Washington (D.C), 2016.

Parmar I. Think Tanks and power in foreign policy: comparative study of the role and influence of the Council on Foreign Relations and the Royal Institute of International Affairs, 1939–1945. Berlin, 2004.

Selznick P. The Organizational Weapon: A Study of Bolshevik Strategy and Tactics. RAND Corporation. Santa Monica (CA), 1952.

Shoup L.H. Wall Street's Think Tank: The Council on Foreign Relations and the Empire of Neoliberal Geopolitics, 1976–2014. New York, 2015.

Smith B. The RAND Corporation: Case Study of a Nonprofit Advisory Corporation. Cambridge (MA), 1966.

Speier H. Soviet Atomic Blackmail and the North Atlantic Alliance // World Politics. 1957. Vol. 9. № 3. P. 307–328.

The U.S. Government, Citizen Groups and the Cold War: The state-private network / Eds H. Laville, H. Wilford. Milton Park, 2006.

Tucker R.C. The Metamorphosis of the Stalin Myth. Santa Monica (CA), 1954 // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM1223.html (access date: 13.01.2021).

UN world economic report 1948. United Nations Department of Economic Affairs, June 1949 // The United Nations. URL: https://www.un.org/en/development/desa/policy/wess/wess_archive/ searchable_archive/1948 WESS Full.pdf (access date: 16.01.2021).

Wainstein E.S. A Comparison of Soviet and United States Retail Food Prices for 1950. RAND Corporation. Santa Monica (CA), 1954 // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_memoranda/RM1294.html (access date: 12.01.2021).

Wang J. American science in an age of anxiety: Scientists, anticommunism, and the Cold War. Chapel Hill, 1999.

DOI: 10.31857/S013038640010021-1

© 2021 г. **Ф.Л. СИНИЦЫН**

«ДВА СОЦИАЛИЗМА»: СОВЕТСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ «СКАНДИНАВСКОЙ МОДЕЛИ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960–1970-х годах

Синицын Федор Леонидович *– доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).*
E-mail: permcavt@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2299-204X

Аннотация. В XX в. странами Северной Европы реализовывалась концепция социального государства. Статья посвящена анализу отношения к теории и практике «Скандинавской модели» (идеологии, политическому положению, экономической и внешней политике скандинавских социал-демократов, а также осуществлению ими концепции «государства всеобщего благосостояния») представителей органов государственной власти и управления, а также научного сообщества СССР во второй половине 1960–1970-х годах. «Социалистическая» основа модели и сходство некоторых ее аспектов с советским социализмом формировали особый интерес специалистов. Несмотря на признание явных успехов Северных стран в социально-экономической сфере, ее итоговая оценка была отрицательной. «Скандинавская модель» не рассматривалась даже как прогрессивный вариант «обычного» капитализма. Хотя в 1970-х годах в Советском Союзе имели место достаточно взвешенные суждения о скандинавских социал-демократах, возможность использования в СССР опыта «Скандинавской модели» не рассматривалась. В то же время Советский Союз и другие соцстраны видели в этой модели угрозу (как и в целом в западной модели «государства благосостояния»). Советские оценки были не вполне объективными, хотя тенденциозность, свойственная предшествующему периоду, снизилась. Советские дипломаты и эксперты чаще подчеркивали негативные моменты «Скандинавской модели» и нередко делали о ней противоречивые выводы. Важным моментом представляется то, что кризис «Скандинавской модели» и крушение советской системы совпали по времени, и процессы частичного демонтажа этой модели имеют сходство с событиями в постсоветской России.

Ключевые слова: Скандинавская модель, социализм, Швеция, Северные страны, СССР, государство благосостояния.

F.L. Sinitsyn

“Two Socialisms”: The Soviet Perception of the “Scandinavian Model” in the Second Half of the 1960s and 1970s

Fedor Sinitsyn, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: permcavt@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2299-204X

Abstract. In the 20th century, the Nordic countries implemented the concept of the welfare state. The article analyzes the attitude to the theory and practice of the “Nordic model” (ideology, political situation, economic and foreign policy of the Scandinavian Social Democrats, as well as

their implementation of the concept of the "welfare state") of representatives of state authorities and management, as well as the scientific community of the USSR in the second half of the 1960s – 1970s. The "socialist" basis of the model and the similarity of some of its aspects with Soviet socialism formed a special interest among specialists. Despite the recognition of the clear success of the Nordic countries in the socio-economic sphere, its final assessment was negative. The "Nordic model" was not even considered a progressive version of "ordinary" capitalism. Although in the 1970s there were quite balanced judgments about the Scandinavian social democrats, in the Soviet Union the possibility of using the experience of the "Nordic model" in the USSR was not considered. At the same time, the Soviet Union and other socialist countries saw this model as a threat (as well as the Western model of the "welfare state" in general). The Soviet estimates were not entirely objective, although the bias characteristic of the previous period decreased. Soviet diplomats and experts often emphasized the negative aspects of the "Nordic model" and often made contradictory conclusions about it. An important point is that the crisis of the "Nordic model" and the collapse of the Soviet system coincided in time, and the processes of partial dismantling of this model are similar to the events in post-Soviet Russia.

Keywords: Scandinavian Model, Socialism, Sweden, Northern Countries, USSR, Welfare State.

В XX в. странами Северной Европы была принята концепция социального государства, основанная на торжестве идеи социальной справедливости и всеобщего благоденствия («Скандинавская модель»), что вызвало значительный подъем уровня жизни и социальной защищенности населения. Установившаяся в североевропейских странах хозяйственная система отличалась от других стран Запада своими теоретическими основами, экономической политикой и практическими действиями в социально-экономической сфере, направленными на создание универсальной системы социальной поддержки, особой системы налогообложения, этике предпринимательской деятельности и признанию бизнесом своей социальной и экологической ответственности, характеру и степени вмешательства государства в рыночные механизмы, а также по его роли в совокупном производстве тех товаров и услуг, которые имеют социальную направленность[1].

В основе концепции лежала социал-демократическая программа, а «витриной» ее воплощения стала Швеция, где Социал-демократическая рабочая партия (СДРПШ) бессменно находилась у власти в 1932–1976 гг. В других странах региона местные социал-демократы также были правящими на протяжении значительной части XX в. Свою политику социал-демократы именовали «государственным социализмом», а также «третьим путем», отличным от капиталистического и социалистического. Таким образом, «Скандинавская» и советская модели в течение нескольких десятилетий не только развивались параллельно, но и идеологически конкурировали друг с другом.

В середине 1960-х годов Советский Союз столкнулся лицом к лицу с многочисленными вызовами, исходившими как изнутри страны (замедление роста экономики, снижение авторитета власти и идеологии), так и из внешнего мира (раскол «соцлагеря», «фронда» и «социал-демократизация» ряда соцстран и компартий стран Запада). Руководство СССР инициировало программу реформ в экономической и идеологической сферах. Попутно советские политологи анализировали актуальные на тот момент идеи разных стран, в том числе концепции «развитого социализма», «индустриального общества», научно-технической революции, конвергенции, технократии и др. В связи с этим представляется важным изучить советское восприятие «Скандинавской модели» и деятельности социал-демократов Северных стран.

Исследование, представленное в статье, проведено на основе анализа документов, выявленных в Архиве внешней политики РФ (фонды Посольств СССР и Референтур МИД СССР по Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии) и Российском государственном архиве новейшей истории (фонд отделов ЦК КПСС). Основная часть документов включает докладные записки и иные материалы, составленные советскими дипломатами,

[1] Северная Европа: регион нового развития / Под ред. Ю.С. Дерябина, Н.М. Антюшиной. М., 2008. С. 68.

и содержит два вида сведений – информацию, полученную во время деловых контактов с представителями политических и экономических кругов Северных стран, и анализ ситуации в этих странах, осуществленный самими дипломатами: послами СССР и ответственными сотрудниками советских посольств, среди них – Н.Д. Белохвостиков, Е.А. Ворожейкин, С.Е. Журавлев, А.Е. Ковалев, В.Ф. Мальцев, Е.П. Рымко, М.Н. Стрельцов, А.Х. Чурилин, М.Д. Яковлев и др. Значительная часть архивных данных касается в первую очередь положения в Швеции как «витрине Скандинавской модели». Кроме того, в качестве источников использованы советские исследования ситуации в Северных странах, опубликованные в рассматриваемый период (дополнительные сведения об источниках можно запросить у автора. – *Ф.С.*).

В отечественной и зарубежной литературе до сих пор не проведено специального изучения советского восприятия «Скандинавской модели». Сам процесс ее реализации исследователи оценивают по-разному – нередко позитивно[2], но с оговоркой, что эта модель полностью пригодна только для Швеции или других «малых стран»[3]. С другой стороны, критика «Скандинавской модели», начавшаяся в 1970-х годах[4], усилилась с началом ее кризиса[5] (характерно, что в зарубежных трудах наиболее радикальным было обвинение этой модели в «левом фашизме», «тоталитаризме» и «подобии СССР»[6]).

В период с конца 1940-х по начало 1960-х годов «Скандинавская модель» в СССР оценивалась в основном критически. В документах, составленных советскими дипломатами, подчеркивался «антинародный» характер и одновременно популизм правительств этих стран, отсутствие доверия к ним со стороны населения, «потворство» социал-демократов буржуазии, «предательство» ими интересов трудящихся. Отмечались кризисное состояние экономики Северных стран и социальные проблемы разного рода. При констатации данных официальной статистики этих стран, свидетельствующих об успехах «Скандинавской модели», советские дипломаты неоднократно заявляли о недоверии к этой статистике, которая, по их мнению, приукрашивала реальную ситуацию. Хотя в некоторых документах были отражены и положительные моменты жизни Северных стран (повышение реальных доходов населения, снижение уровня безработицы, право трудящихся на увеличение зарплаты из-за повышения стоимости жизни и пр.), такие выводы сопровождались указанием на различные «изъяны», которые нивелировали эти успехи[7].

В конце 1950-х – начале 1960-х годов в советских материалах появились более взвешенные суждения, отразился интерес к некоторым аспектам «Скандинавской модели»[8]. Однако уверенность в полном превосходстве советской системы над любым капиталистическим государством оставалась в СССР непоколебимой, а перед советскими гражданами, посещавшими

---

[2] *Henningsen B.* Der Wohlfahrtsstaat Schweden. Baden-Baden, 1986. S. 366–372 et al; *Антюшина Н.М.* Северная Европа: система социального партнерства // Политика социального партнерства (российский и зарубежный опыт). М., 2003. С. 160; *Колеченков Н.В.* Скандинавская модель социализма и судьба России // Национальные концепции социализма и судьбы России. М., 2004. С. 280–281; *Sanandaji N.* The Surprising Ingredients of Swedish Success // Free Markets and Social Cohesion: IEA Discussion Paper. № 41. London, August 2012. P. 10, 39.

[3] *Рымко Е.П.* О Швеции, шведах и многом другом...: Записки посланника. М., 2007. С. 258–259.

[4] См.: *Rudolf S.* Szwedzka “polityka dobrobytu”. Warszawa, 1978. S. 194–195; Северная Европа: регион нового развития... С. 247.

[5] *Wihlborg C.* The Scandinavian Models for Development and Welfare: The Research Institute of Industrial Economics Working Paper. № 324. Stockholm, 1992. P. 17–18.

[6] *Huntford R.* The New Totalitarians: A Terrifying Portrait of an “Ideal” Society That Has Destroyed Democracy. New York, 1980; *Henningsen B.* Op. cit. S. 363–364.

[7] Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 085 (Референтура по Дании). Оп. 36. П. 142. Д. 19. Л. 17; Там же. Ф. 0116 (Референтура по Норвегии). Оп. 41. П. 167. Д. 18. Л. 21, 23; Там же. Ф. 0135 (Референтура по Финляндии). Оп. 36. П. 197. Д. 48. Л. 24, 26–33, 36–37; Там же. Ф. 0196 (Посольство СССР в Финляндии). Оп. 36. П. 128. Д. 40. Л. 4; Там же. Ф. 0200 (Посольство СССР в Швеции). Оп. 47. П. 112. Д. 17. Л. 134–135.

[8] См., напр.: АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 46. П. 65. Д. 20. Л. 74.

Северные страны, ставилась задача донести эту уверенность до скандинавов[9]. Действительно, для этого были определенные основания, так как СССР в тот период демонстрировал социально-экономические успехи, в том числе в сравнении со странами Европы[10].

В середине 1960-х – 1970-х годах в СССР был сделан вывод, что скандинавские социал-демократы окончательно отошли от социалистической идеологии, а все их основные теории – и традиционные, и новые («демократический социализм», «функциональный социализм», «третий путь») – были признаны «негодными». Кроме того, отмечалось негативное воздействие на социал-демократическую программу новых международных веяний – теорий стадий экономического роста У. Ростоу, конвергенции, постиндустриального общества, которые в СССР были отвергнуты. В советских документах социал-демократы все еще признавались частью рабочего движения, но с указанием, что при их правлении реальная власть не перешла в руки рабочего класса, а осталась в руках «капиталистов». Позиция СССР была однозначной – между социал-демократами и коммунистами «существовали глубокие идеологические различия», и только коммунисты являлись истинными «носителями идей социализма»[11]. В таких выводах проявилась реакция на наличие международной конкуренции между социалистами разной ориентации (марксистско-ленинской и социал-демократической), а также на негативные для СССР процессы «социал-демократизации» западных коммунистов и проникновение социал-демократических идей (в том числе с подачи СДРПШ) в развивающиеся страны.

Социал-демократов обвиняли в отсутствии устойчивой идеологии, приверженности «так называемой “дагсполитик” (политике дня, повседневной политике)», менявшейся согласно текущим условиям. По мнению советских экспертов, шведские социал-демократы пришли к «теоретическому тупику», но, даже осознав это к середине 1970-х годов, не смогли модернизировать свою идеологию. Указывалось на популизм правительств Северных стран и их приспособленчество «к мировым тенденциям развития»[12], что также говорило о «провалах» социал-демократической идеологии. Эти заключения были особенно актуальны в условиях процесса «переработки» идеологии в СССР, осуществлявшегося в рассматриваемый период, – характерно, что эта «переработка» аналогичным образом осуществлялась на основе попытки «приспособления» ее к текущему уровню развития социализма в СССР и других странах «Восточного блока».

Социально-политический компромисс, который был одной из основ деятельности социал-демократов Северных стран, рассматривался в Советском Союзе как «потворство» капиталистам и отказ от «классовой борьбы», недопустимый для «настоящих» социалистов. Практические шаги скандинавов в сфере установления «бесклассового мира» (в частности, продвижение участия рабочих в управлении предприятиями) оценивались как «почти незаметные»[13].

Признание Северных стран сугубо капиталистическими оставалось неизменным. Л.И. Брежнев на закрытом совещании в 1969 г. заявил, что социал-демократы

---

[9] См., напр.: Там же. Ф. 0196. Оп. 38. П. 152. Д. 50. Л. 65.

[10] См., напр.: *Gomulka S.* L’incompatibilité entre le socialisme et l’innovation rapide // Revue d’études comparatives Est-Ouest. 1984. Vol. 15. № 3. P. 92; *Аллен Р.* Глобальная экономическая история. Краткое введение. М., 2013. С. 195.

[11] АВП РФ. Ф. 0196. Оп. 52. П. 280. Д. 23. Л. 90; Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС). Оп. 50. Д. 679. Л. 138, 159; Малые страны Западной Европы / Отв. ред. Ю.И. Юданов. М., 1972. С. 154; *Плевако Н.С.* К критике современных теорий «демократического социализма» шведской социал-демократии // Актуальные проблемы международного рабочего движения. М., 1974. С. 186–188, 194–196, 202.

[12] АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 50. П. 66. Д. 12. Л. 3; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 613. Л. 12; *Плевако Н.С.* Указ. соч. С. 189, 191–194.

[13] АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 64. П. 111. Д. 14. Л. 31; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 679. Л. 61; *Яхонтов Ю.* Конец «эпохи Эрландера»? // Новое время. 1969. № 42. С. 21; Малые страны Западной Европы... С. 149, 151; *Плевако Н.С.* Указ. соч. С. 191, 199–201.

«до сегодняшнего дня нигде никакой революции не совершили», и в странах, где они оказались у власти, государство «не меняется». В 1972 г. в советских публикациях было отмечено, что «за четыре десятилетия социал-демократического правления Швеция не приблизилась и не могла приблизиться к социализму». Одной из главных причин этого считали идейную и практическую несостоятельность социал-демократии в «решении коренных проблем современности»[14]. Социально-экономические достижения Северных стран были налицо, отрицать их было невозможно, однако в СССР не видели в этих успехах реализацию социал-демократической идеологии.

Советские дипломаты и политологи признавали уникальность Швеции в социально-политическом плане, обусловленную, прежде всего, длительным пребыванием у власти рабочей партии в условиях монархии и капиталистического строя. При этом подчеркивалась сложность политического положения социал-демократов, в том числе необходимость постоянной борьбы за избирателей с «буржуазными» партиями и коммунистами, лавирования между ними, а также отсутствие среди социал-демократов внутреннего единства[15].

Во второй половине 1960-х годов в советских оценках проявилось умаление политических достижений социал-демократии, в том числе трактовка ее успеха на выборах как результата ошибок «буржуазных» партий и коммунистов. Деятельность профсоюзов, на которые опирались социал-демократы, признавалась полезной для трудящихся – в частности были отмечены «активные действия низовых профсоюзных организаций в вопросе повышения зарплаты трудящимся» в Норвегии. Однако в целом социал-демократы и профсоюзы подвергались критике за «нежелание бороться против засилья капитала, против всевластия монополий»[16].

Закономерно, что одним из важнейших для СССР вопросов были взаимоотношения социал-демократов и коммунистов. Особенно актуальным это стало в рассматриваемый период по причине пошатнувшегося положения СССР в международном коммунистическом движении.

В середине 1960-х годов советские дипломаты отмечали противоречивость оценки социал-демократами политического положения шведских коммунистов: одни из них считали коммунистов политическими маргиналами, а их положение в текущих условиях – слабым. Другие, наоборот, говорили об усилении коммунистов, ведущем к углублению раскола рабочего движения. Неоднозначно было и «идеологическое» восприятие социал-демократами коммунистов. Традиционный подход – в последних виделась «рука Москвы». Противоположный – коммунисты отказались от прежних идеалов, ушли из-под влияния СССР, встали на путь социал-демократизации (такие выводы имели под собой основания. – *Ф.С.*), и поэтому существование компартии Швеции утратило смысл, и она должна войти в состав СДРПШ. Блок с коммунистами, тем не менее, социал-демократы находили неприемлемым и были готовы к контактам с представителями этой идеологии только на международном уровне[17].

В свою очередь, в Советском Союзе о положении шведских коммунистов в середине 1960-х годов отзывались достаточно высоко – говорилось об укреплении их позиций в рабочем движении, повышении роли в политической жизни страны. Компартии (в частности, в Швеции и Дании) во второй половине 1960-х годов пытались оказывать на социал-демократов давление и переманивать к себе «левых» из социал-демократических и других партий. В беседах со шведскими социал-демократами советские дипломаты

---

[14] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 647. Л. 52; Малые страны Западной Европы... С. 201; *Плевако Н.С.* Указ. соч. С. 188, 202; Вестник Архива Президента. Специальное издание: Генеральный секретарь Л.И. Брежнев: 1964–1982. М., 2006. С. 83.

[15] АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 62. П. 107. Д. 15. Л. 18–19; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 679. Л. 137, 139, 156–157; *Яхонтов Ю.* Указ. соч. С. 20–21; Малые страны Западной Европы... С. 150, 152, 160; *Плевако Н.С.* Указ. соч. С. 189.

[16] АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 56. П. 207. Д. 15. Л. 82; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 679. Л. 59, 61, 63, 94; *Яхонтов Ю.* Указ. соч. С. 21; Малые страны Западной Европы... С. 158–159.

[17] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 679. Л. 3–4, 10–11, 59, 61–63, 67, 131, 137–138, 157, 161, 166–167, 173.

выступали за объединение усилий коммунистов и социал-демократов в борьбе с «буржуазией», но без «поглощения» первых вторыми. Однако на примере деятельности коалиционного правительства Финляндии с участием в нем социал-демократов и коммунистов (с 1966 г.) был сделан вывод о проблематичности долгосрочного союза между коммунистами и социал-демократами[18].

Тем временем в Швеции усилился отход коммунистов от ориентации на СССР (это было характерно для многих компартий стран Запада), что с беспокойством отмечалось в советских документах. Прозвучали заявления лидера компартии К.-Х. Херманссона о стремлении к единству действий с социал-демократами. В 1967 г. Коммунистическая партия Швеции (КПШ) поменяла название на «Левая партия – коммунисты» (ЛПК), что подчеркивало ее некоторое идеологическое лавирование. Со своей стороны, СДРПШ в первой половине 1970-х годов, ввиду ухудшения ее политического положения, тоже стала склоняться к взаимодействию с коммунистами[19].

В итоге в СССР снизился градус надежд, возлагавшихся на шведских коммунистов. Акцент в советских документах сместился на признание важности «рабочего движения» в целом (т.е. коммунистов вместе с социал-демократами), а оценки деятельности СДРПШ стали более взвешенными. Эта партия была признана ведущей политической силой Швеции, имеющей массовую поддержку населения и противостоящей «буржуазии». Однако в то же время было заявлено, что власть социал-демократов – только лишь «меньшее зло» по сравнению с «буржуазными» партиями, и рабочий класс Швеции это понимает. В 1974 г. посол СССР в Швеции М.Д. Яковлев в докладе для Москвы осудил политическую позицию премьер-министра У. Пальме, назвав ее антисоветской, «враждебной марксизму-ленинизму, реальному социализму»[20]. Такой вывод весьма показателен, так как, во-первых, «реальный социализм» – это один из терминов, принятых в те годы в СССР для обозначения достигнутого страной уровня развития (наряду с «развитым социализмом», «полным построением социализма» и пр.). Во-вторых, советский посол прямо или косвенно подчеркнул отличие «несоциалистической» шведской модели от «настоящего», советского социализма.

Противоречий советским оценкам добавлял и тот факт, что в документах и публикациях звучала надежда на радикализацию социал-демократов, их «поворот влево», «возрождение социалистических идей во всем шведском рабочем движении». Если в середине 1960-х годов присутствовало ожидание, что это произойдет под давлением коммунистов, то затем, разочаровавшись в последних, советские эксперты констатировали уже самостоятельную радикализацию определенной части СДРПШ и профсоюзного движения. Наконец, питались надежды на радикализацию всего шведского общества, с советской точки зрения подкреплявшиеся самой жизнью, – в этой стране выявили «подъем рабочего движения», «обострение классовой борьбы», рост интереса к марксизму-ленинизму и достижениям СССР в строительстве «реального социализма»[21].

В советских документах и публикациях нашли отражение основные направления экономической политики Северных стран, связанные с реализацией «Скандинавской модели», в том числе расширение государственного сектора и внедрение государственного регулирования экономики[22]. Выводы были неоднозначными: с одной стороны, высокая оценка экономической политики и признание этих стран наиболее экономически развитыми в «капиталистическом мире», с самым высоким уровнем жизни и оплаты труда.

---

[18] Там же. Оп. 50. Д. 679. Л. 10, 158, 161.

[19] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 679. Л. 3–4, 134.

[20] Там же. Оп. 50. Д. 679. Л. 93–94; Малые страны Западной Европы... С. 160.

[21] АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 54. П. 256. Д. 18. Л. 21; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 679. Л. 3, 63, 166, 168; Малые страны Западной Европы... С. 152–153, 159, 168–171; *Плевако Н.С.* Указ. соч. С. 190–191, 197, 201–202.

[22] АВП РФ. Ф. 0196. Оп. 47. П. 230. Д. 20. Л. 3, 83; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 679. Л. 60–61; *Яхонтов Ю.* Указ. соч. С. 21; *Плевако Н.С.* Указ. соч. С. 194, 196.

СССР и другие соцстраны проявляли интерес к экономическому опыту Скандинавии[23], что нашло практическое выражение в рамках широкого обмена в научно-технической и социально-экономической сферах[24].

С другой стороны, экономический строй Северных стран считали обычным капитализмом со всеми его пороками, включая кризисы. Отмечалось лишь «формальное» стремление скандинавов к «социалистическим» реформам в сфере экономики, при реальной направленности их политики «в пользу капиталистов» и «незначительном» влиянии трудящихся на экономику. Развитие государственного сектора экономики считали «точечным», сам этот сектор – не социалистическим, играющим «подчиненную роль» на фоне доминирования «частного капитала» и олигархии, а государство именовали «совокупным капиталистом». Осуществленные социал-демократами меры по национализации (по терминологии СДРПШ – «социализации») экономики в виде выкупа некоторых акционерных компаний и кредитных институтов у частных лиц или создания таких субъектов экономики рассматривались как неэффективная политика, применявшаяся только «в чрезвычайных, кризисных ситуациях», которая «в рамках капиталистического строя не может привести к созданию социалистических форм хозяйства». Шведских социал-демократов критиковали за «отказ от огосударствления ключевых отраслей экономики». В таком утверждении содержалось известное противоречие, ведь сами же советские эксперты признавали, что в Швеции «наиболее сильными позициями» государство располагало в сфере железных дорог, атомной и гидроэнергетики, средств связи, лесной, железорудной и металлургической промышленности[25].

Меры государственного регулирования экономики Северных стран были названы очень осторожными (чтобы не вызвать недовольства «буржуазии»), «вынужденными» под давлением избирателей, имеющими непоследовательный, паллиативный характер и низкую эффективность. Отмечалось, что разрабатываемые в Швеции экономические прогнозы «не имеют ничего общего с плановым хозяйством социалистических стран... и не угрожают частному предпринимательству». Обозначенная в проекте новой программы СДРПШ (1974 г.) необходимость экономического планирования была воспринята как пустая декларация[26]. (Как известно, отношение к экономическому планированию в СССР было весьма трепетным, его считали большим достижением советской системы и отслеживали меры по введению планирования в других странах мира.)

Цель налоговой политики социал-демократов оценивалась советскими экспертами достаточно высоко – как «облегчение положения низкооплачиваемых слоев» путем «изъятия излишних доходов» у наиболее обеспеченных групп населения, в том числе «акционерных прибылей» (т.е. фактически «нетрудовых доходов» по советской терминологии). Тем не менее в целом налоговая политика Северных стран была объявлена несправедливой по отношению к трудящимся. Так, в 1969 г. в опубликованной в журнале «Новое время» статье Ю. Яхонтова был сделан вывод, что задуманная СДРПШ налоговая реформа «приведет к повышению стоимости жизни минимум на 3 процента и в первую очередь ударит по массам трудящегося населения страны»[27].

Основы скандинавской политики в сфере занятости населения считались прогрессивными, поскольку были нацелены на реализацию права людей на труд в полном объеме.

---

[23] АВП РФ. Ф. 085. Оп. 50. П. 178. Д. 13. Л. 1; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 370. Л. 88–89, 97; Малые страны Западной Европы... С. 114; *Rudolf S.* Op. cit.

[24] *Рымко Е.П.* Указ. соч. С. 254.

[25] АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 49. П. 64. Д. 15. Л. 23; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 679. Л. 139; Малые страны Западной Европы... С. 114–116, 133–134, 147–148; *Плевако Н.С.* Указ. соч. С. 196–199.

[26] АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 65. П. 234. Д. 17. Л. 59; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 370. Л. 35–36, 88, 96; Малые страны Западной Европы... С. 143, 147–149.

[27] АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 49. П. 64. Д. 15. Л. 26; Там РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 679. Л. 169; *Яхонтов Ю.* Указ. соч. С. 21.

Однако программы, реализованные в этой сфере, оценивались как малоэффективные. Регулярно в отчетах дипломатов и публикациях сообщалось о высоком уровне и росте безработицы в Северных странах. Данные о сокращении безработицы сопровождались замечаниями, что это не является достижением властей или что проблема занятости сохраняется[28].

Советские эксперты отзывались об отдельных экономических мерах Северных стран как неудачных, половинчатых или прямо направленных против трудящихся (например, утверждалось, что сельскохозяйственная политика Швеции прямо или косвенно нацелена на разорение мелких фермеров)[29].

Политика в социальной сфере имела большую значимость для скандинавских социал-демократов, которые подчеркивали ее направленность на поддержку низкооплачиваемых слоев населения, повышение уровня жизни, достижение экономического равенства. Советские оценки этой сферы политики были в определенной мере положительными. Так, об известном шведском проекте в социально-экономической сфере – «плане Р. Мейднера», который предусматривал постепенную передачу права собственности на предприятия в руки их работников (в частности, путем выкупа акций), советские дипломаты в середине 1970-х годов писали как о задумке, ведущей к «постепенному переходу экономической власти... в руки рабочих»[30].

Важным признанием эффективности социальной политики Швеции был вывод, что проведенные ее правительством социально-экономические реформы «отвечают интересам широких слоев трудящихся». В советских документах содержалась информация о развитой системе социального обеспечения и социального страхования в Северных странах, улучшении условий труда, обеспечении населения жильем, развитии системы образования (причем замечалось, что многое из этого – лучше, чем в других капстранах)[31].

Однако в то же время успехи правительств Северных стран в социальной сфере рассматривались как результат борьбы трудящихся, а не заслуга властей и не проявление «“природной” склонности шведских капиталистов к компромиссу». Кроме того, подчеркивался прагматизм скандинавов, использующих социальную политику как инструмент влияния на экономику. В числе причин широких социальных мер виделось наличие у местных капиталистов возможностей и средств «для относительно широкого социального маневрирования»[32], чего не было в других капстранах. Кроме того, критиковалась система бравшихся государством с работающего населения взносов, которые являлись существенным источником финансирования национальных систем социального обеспечения (в частности, в Норвегии)[33].

В СССР указывали на недостаточную эффективность мер социальной политики в Северных странах, поскольку сохранялись социально-экономическое неравенство и бедность, колебания уровня жизни, высокие цены, сокращение потребления. В итоге, по мнению советских экспертов, социальные проблемы в Скандинавии не были решены. На основе данных о росте забастовочного движения в Швеции на рубеже 1960-х и 1970-х годов был сделан вывод, что рабочий класс не интегрирован в «общество

---

[28] См.: АВП РФ. Ф. 0200. Оп. 58. П. 165. Д. 17. Л. 155; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 367. Л. 136–137, 186, 392–393; Малые страны Западной Европы... С. 143.

[29] АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 52. П. 110. Д. 12. Л. 10; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 933. Л. 11; Малые страны Западной Европы... С. 143.

[30] АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 51. П. 67. Д. 8. Л. 80; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 679. Л. 60–61, 168, 173–174; *Плевако Н.С.* Указ. соч. С. 192.

[31] АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 52. П. 110. Д. 12. Л. 7; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 679. Л. 59–61; Малые страны Западной Европы... С. 142, 160–161, 163–165.

[32] АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 49. П. 64. Д. 15. Л. 23; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 679. Л. 61; Малые страны Западной Европы... С. 160–161.

[33] *Иванова Г.М.* Советская модель «государства благосостояния»: общее и особенное // Труды Института российской истории РАН. 2015. № 13. С. 299.

всеобщего благосостояния». Итоговая оценка выдвинутого социал-демократами плана постепенной передачи предприятий в собственность трудящимся была негативной, так как подобные проекты не являлись с советской точки зрения переходом к социализму[34]. (Такие предприятия продолжали иметь статус акционерных обществ, т.е. субъектов «капиталистической» экономики.)

При росте уровня оплаты труда в Северных странах реальная зарплата увеличивалась медленнее номинальной из-за проблем, свойственных капиталистической экономике. В советских докладах и исследованиях порицалась скандинавская политика сдерживания роста зарплаты и отмечались трудности реализации прав трудящихся при заключении коллективных договоров, сохранение проблем в сфере охраны труда, а также стремление капстран, включая Швецию, к замене человеческого труда машинным (поскольку первый «становится все дороже»)[35]. Акцентировалось внимание на сокращении государственных расходов на социальные нужды, недостаточном размере пособий и пенсий, нецелевом расходовании средств пенсионного фонда, отсутствии обязательного государственного страхования по безработице, высоком пенсионном возрасте, нехватке и дороговизне жилья. Звучала критика в адрес систем здравоохранения и образования, включая потерю интереса среди шведской молодежи к получению высшего образования ввиду «постоянного роста безработицы... среди инженеров и техников». Одной из острых социальных проблем была обозначена эмиграция населения Финляндии[36]. Принятый в Норвегии до начала 1970-х годов пенсионный возраст в 70 лет и сниженный в 1973 г. до 67 лет расценивался в советской литературе как пример высокой эксплуатации трудящихся[37] (на контрасте с намного более низким пенсионным возрастом в СССР).

Как известно, внешняя политика разных Северных стран имела между собой существенные отличия. Норвегия, Дания и Исландия были членами НАТО, Дания в 1973 г. вступила также в ЕЭС, Финляндия с послевоенного времени имела особые договорные отношения с СССР. Наиболее «независимое» положение в регионе занимала Швеция. Закономерным образом руководители СДРПШ полагали, что их партия «прогрессивнее», чем аналогичные политические силы в большинстве стран Запада, а также занимали независимую и достаточно радикальную позицию в Социнтерне. Власти Советского Союза разделяли мнение об «особой» роли Швеции. На совещании советских послов в июле 1974 г. министр иностранных дел СССР А.А. Громыко заявил, что «Швеция занимает особое место, так как на нее равняются многие другие страны»[38].

Положительный отзыв в советском восприятии заслужили «трезвая» внешняя политика Швеции, ее нейтралитет в глобальном военно-блоковом противостоянии и участие в деятельности по «разрядке» и развитию мирного сотрудничества (однако планы по созданию военно-политических и экономических блоков скандинавских стран, а также их сотрудничество с ЕЭС закономерным образом вызывали отрицательную оценку)[39].

В рассматриваемый период Швеция широко развернула программу помощи развивающимся странам, при этом критикуя политику США в странах «третьего мира». Это в определенной мере соответствовало интересам СССР, где признавали, что «в Швеции определился передний край борьбы скандинавских народов за международную

---

[34] АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 64. П. 111. Д. 14. Л. 31; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 679. Л. 61, 94; Малые страны Западной Европы... С. 114, 161–163, 166–167; *Плевако Н.С.* Указ. соч. С. 202.

[35] АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 49. П. 64. Д. 15. Л. 24–25; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 679. Л. 169; Малые страны Западной Европы... С. 163–164.

[36] АВП РФ. Ф. 0196. Оп. 36. П. 128. Д. 40. Л. 129; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 679. Л. 94, 169; Малые страны Западной Европы... С. 164–166; *Плевако Н.С.* Указ. соч. С. 197–198.

[37] *Иванова Г.М.* Указ. соч. С. 298.

[38] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 680. Л. 176, 236–237.

[39] АВП РФ. Ф. 085. Оп. 61. П. 195. Д. 2. Л. 12, 14–17; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 680. Л. 180, 237; Малые страны Западной Европы... С. 169, 188–190.

солидарность», но выражали недовольство тем, что попутно СДРПШ пропагандировала в «третьем мире» социал-демократическую идеологию[40].

Усиление сотрудничества Швеции с соцстранами в начале 1970-х годов советские эксперты публично хвалили, однако в документах «для внутреннего использования» – оценивали иначе: по мнению КГБ СССР, шведы пытались «переключить на себя часть... торговли и кооперации, ослабить... ориентацию [соцстран] на СССР». Тем не менее в шведской политике были найдены и положительные моменты – скептическое восприятие натовской идеи о «свободном обмене информацией и идеями» с соцстранами и негативная реакция на «китайское проникновение» в Европу. В марте 1973 г. в беседе с послом СССР М.Д. Яковлевым секретарь СДРПШ по международным делам Б. Карлссон сообщил, что политическая деятельность Китая в районе Балтики (в частности, попытки установить контакты с антисоветски настроенными представителями прибалтийской эмиграции) «гипотетически может нарушать стабильность в европейских делах», и поэтому СДРПШ будет противодействовать подобным акциям[41].

Во второй половине 1960-х годов советские дипломаты видели изменение отношения шведов к СССР, рост их интереса к советской социально-экономической модели и к расширению связей с Советским Союзом. Представители СДРПШ заявляли о своем одобрении советской социальной и экономической политики – хотя и применительно именно к условиям СССР или развивающихся стран (согласно многим документам, шведские социал-демократы на словах соглашались с советской позицией в разных сферах, но при этом дипломатично поясняли, что условия их страны не позволяют осуществить такие идеи). Произошло некоторое улучшение взаимоотношений между КПСС и СДРПШ, хотя последняя настаивала на приемлемости только неофициальных контактов[42].

В то же время продолжалась критика скандинавами Советского Союза и других соцстран. Шведы выражали опасения относительно «экспорта коммунизма» в капстраны, поддерживали «программу демократизации» в Чехословакии. К середине 1970-х годов оценка стала более жесткой – советские эксперты отмечали, что в проекте новой программы СДРПШ «вообще отвергается наличие развитых социалистических отношений в какой-либо стране», а также что шведские социал-демократы обвиняют соцстраны в узурпации власти «небольшой группой людей», «отсутствии демократии», свободы и равенства[43].

На советско-шведское сотрудничество влияло отрицательное восприятие шведами роли «сверхдержав» в мире: по их мнению, политика «сверхдержав» игнорировала интересы «малых стран», которые, в свою очередь, должны были дать «сверхдержавам» отпор (с другой стороны, шведские, норвежские и датские социал-демократы были готовы использовать противостояние «сверхдержав» в своих интересах, развивая идею о «посредничестве» между ними, создании «скандинавского моста» между Советским Союзом и США)[44].

Швеции отводилось особое место в советской внешней политике, а сотрудничество с ней в разных сферах всячески приветствовалось. Представители СССР убеждали лидеров СДРПШ в признании важной роли социал-демократов в рабочем движении капстран и в отсутствии «каких-либо нападок» на них в Советском Союзе (действительно, в Швеции заметили изменение советской позиции к социал-демократии в лучшую сторону). Ради расширения сотрудничества КПСС пошла навстречу пожеланиям СДРПШ касательно неофициального характера контактов между партиями[45].

---

[40] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 680. Л. 144, 165; Малые страны Западной Европы... С. 169.
[41] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 649. Л. 16–17; Малые страны Западной Европы... С. 197.
[42] АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 55. П. 93. Д. 12. Л. 185; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 679. Л. 60, 63, 66, 85–86, 133–134.
[43] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 370. Л. 189–191; *Плевако Н.С.* Указ. соч. С. 188.
[44] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 679. Л. 66.
[45] АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 65. П. 234. Д. 17. Л. 55–56; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 679. Л. 66; Там же. Д. 680. Л. 194, 196; Малые страны Западной Европы... С. 193–194, 197.

Однако в то же время внешняя политика Швеции не считалась безупречной, так как, по мнению советской стороны, шведские социал-демократы не воспринимали существующие реалии международного положения, в том числе «борьбу между силами социализма и империализма, ставшую главной детерминантой всемирного исторического процесса». В прогрессивных аспектах внешней политики Швеции виделся результат «давления рабочего движения», а СДРПШ обвинялась в торможении расширения контактов с КПСС. В 1974 г. М.Д. Яковлев сообщал в Москву, что «внешнеполитическая линия Швеции отличается известной противоречивостью и непоследовательностью» ввиду принадлежности ее к блоку капстран и «во многом совпадающих с ними идеологических позиций»[46].

Таким образом, несмотря на инициирование в СССР реформ, в рассматриваемый период серьезных изменений в оценке «Скандинавской модели» не произошло (хотя существенно снизились тенденциозность выводов и недоверие официальным данным Северных стран). Открытость к объективной оценке достижений капстран, к которым в СССР относили и скандинавские государства, не проявилась в должной мере, и советская система оставалась маловосприимчивой к этим достижениям, хотя, конечно, с капстранами осуществлялись политические контакты, торговля, обмен опытом в разных сферах.

«Скандинавская модель» по-прежнему не рассматривалась как вариант социализма или заметно прогрессивная по сравнению с «обычным» капитализмом. В СССР подчеркивали, что настоящий, «реальный социализм» и «социалистическая демократия» построены именно в Советском Союзе под руководством Коммунистической партии[47], что и транслировалось в качестве идеологической установки советским дипломатам, работавшим в Северных странах[48]. В рамках процесса «переработки» идеологии, начавшегося в СССР во второй половине 1960-х годов, не рассматривалась пригодность внедрения каких-либо аспектов «Скандинавской модели» (в результате была принята доктрина «развитого социализма», имевшая свои корни в идеологических исканиях Чехословакии, ГДР и других европейских соцстран).

Советские оценки «Скандинавской модели» даже во «внутренних», секретных документах были не вполне объективными – во-первых, по причине идеологического диктата, который априори предписывал оценивать капстраны максимально критично (закономерно, что с началом перестройки оценки «Скандинавской модели» в СССР существенно изменились и даже обсуждалось ее практическое применение[49]). Во-вторых, в этом проявилась проблема, свойственная советской государственной системе тех лет, – лакировка ситуации в официальных документах, сформированная, как отмечал Г.А. Арбатов, опасением дать слишком «нежелательные», «неприятные» для вышестоящего руководства оценки ситуации[50].

Характерной тенденцией советских оценок было то, что наиболее негативные из них были даны относительно политической и экономической сфер жизни Северных стран – а ведь именно в этих сферах сам СССР претерпевал наибольшие проблемы. В социальной сфере явных проблем у Советского Союза было меньше – возможно, поэтому советские эксперты охотнее признавали социальные достижения Северных стран, так как эти достижения не «угрожали» авторитету СССР. Кроме того, в советских документах нередко содержались противоречивые выводы[51] и подходы к ситуации в Северных странах

---

[46] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 859. Л. 155; Там же. Оп. 68. Д. 2058. Л. 10–11; *Плевако Н.С.* Указ. соч. С. 188.

[47] Вестник Архива Президента... С. 85–86.

[48] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 679. Л. 158.

[49] *Рымко Е.П.* Указ. соч. С. 254–259.

[50] См.: *Арбатов Г.А.* Человек системы: наблюдения и размышления очевидца ее распада. М., 2002. С. 311.

[51] См., напр.: АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 49. П. 64. Д. 15. Л. 24–25; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 367. Л. 136.

(например, признание «особых условий» Швеции и одновременно критика западных коммунистов, которые говорили об «особых условиях» капстран).

Акцентировавшиеся в советских документах проблемы политической системы Северных стран не являлись на самом деле чем-то «порочным», а наоборот, как мы сейчас видим, на контрасте подчеркивали недостатки советской системы (отсутствие политической борьбы за голоса избирателей, показное «единодушие» внутри КПСС, ригидность идеологии, подчиненное положение профсоюзов) либо были схожи с ними (проблемы модернизации идеологии). Хотя ситуация в Советском Союзе в определенных моментах выглядела выигрышно на фоне недостатков Северных стран (экономические кризисы, инфляция, безработица и пр.), однако на этих недостатках делался чрезмерный акцент, тем более что в самом СССР усиливались проблемы, многие из которых отсутствовали или были менее острыми в Скандинавии (замедление роста экономики и уровня жизни, товарный дефицит, связанный в том числе с перекосом экономики в сторону тяжелой промышленности, проблемы в сельском хозяйстве).

Советские прогнозы, которые были даны в рассматриваемый период, оказались неточными: не оправдались ожидания радикализации шведских социал-демократов, ошибочно было суждение об устойчивости их положения. Критика «Скандинавской модели» не совпала с истинными причинами ее кризиса, который стал проявляться в 1970-х годах и достиг кульминации к 1990-м годам (непомерный рост государственных расходов, расширение иждивенческих настроений у населения и пр.[52]), – из множества этих причин в рассматриваемый период в СССР фактически негативно оценивали только рост налогового бремени и снижение мотивации молодежи к получению образования (причем причину последнего видели не в «уравниловке» в зарплатах, а в безработице).

В то же время в «Скандинавской модели» Советский Союз и другие соцстраны видели угрозу (как и в целом в западной модели «государства благосостояния»), считая ее «антидотом для нарастающих трудностей капитализма» и потери трудящимися интереса к классовой борьбе[53]. Такие выводы были вполне обоснованными. В странах Запада усиливалась «деидеологизация» и деполитизация населения, обусловленная в том числе ростом уровня жизни.

В заключение хотелось бы выделить интересный момент, который требует отдельного глубокого изучения, – связь кризиса «Скандинавской модели» и крушения социалистической системы в Европе. Эти события произошли практически одновременно, и процесс демонтажа ряда аспектов «Скандинавской модели» (либерализация экономической политики, приватизация, реформа социальной системы и пр.[54]) имел сходство с событиями в постсоветской России (хотя в нашей стране эти процессы были реализованы в более жестком виде).

Библиография

Аллен Р. Глобальная экономическая история. Краткое введение. М., 2013.

Антюшина Н.М. Северная Европа: система социального партнерства // Политика социального партнерства (российский и зарубежный опыт). М., 2003. С. 156–166.

Арбатов Г.А. Человек системы: наблюдения и размышления очевидца ее распада. М., 2002.

Вестник Архива Президента. Специальное издание: Генеральный секретарь Л.И. Брежнев: 1964–1982. М., 2006.

Иванова Г.М. Советская модель «государства благосостояния»: общее и особенное // Труды Института российской истории РАН. 2015. № 13. С. 299.

---

[52] См.: Северная Европа: регион нового развития... С. 245–246; *Wihlborg C.* Op. cit. P. 18.

[53] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 608. Л. 159; *Фадеева Т.* Французский капитализм в поисках новой социальной доктрины (о некоторых тенденциях в идеологии буржуазных партий) // Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма. М., 1971. С. 423, 431; *Rudolf S.* Op. cit. S. 17.

[54] Северная Европа: регион нового развития... С. 77, 85, 260.

Колеченков Н.В. Скандинавская модель социализма и судьба России // Национальные концепции социализма и судьбы России. М., 2004. С. 275–282.

Малые страны Западной Европы / Отв. ред. Ю.И. Юданов. М., 1972.

Рымко Е.П. О Швеции, шведах и многом другом...: Записки посланника. М., 2007.

Плевако Н.С. К критике современных теорий «демократического социализма» шведской социал-демократии // Актуальные проблемы международного рабочего движения. М., 1974. С. 186–204.

Северная Европа: регион нового развития / Под ред. Ю.С. Дерябина, Н.М. Антюшиной. М., 2008.

Яхонтов Ю. Конец «эпохи Эрландера»? // Новое время. 1969. № 42. С. 20–21.

Gomulka S. L'incompatibilité entre le socialisme et l'innovation rapide // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 1984. Vol. 15. № 3. P. 92.

Henningsen B. Der Wohlfahrtsstaat Schweden. Baden-Baden, 1986.

Huntford R. The New Totalitarians: A Terrifying Portrait of an "Ideal" Society That Has Destroyed Democracy. New York, 1980.

Rudolf S. Szwedzka "polityka dobrobytu". Warszawa, 1978.

Sanandaji N. The Surprising Ingredients of Swedish Success // Free Markets and Social Cohesion: IEA Discussion Paper. № 41. London, August 2012.

Wihlborg C. The Scandinavian Models for Development and Welfare: The Research Institute of Industrial Economics Working Paper. № 324. Stockholm, 1992.

References

Allen R. Global'naia ekonomicheskaia istoriia. Kratkoe vvedenie [Global Economic History. Brief introduction]. Moskva, 2013. (In Russ.)

Antiushina N.M. Severnaia Evropa: sistema sotsial'nogo partnerstva [Northern Europe: The Policy of Social Partnership] // Politika sotsial'nogo partnerstva (rossiiskii i zarubezhnyi opyt) [The Policy of Social Partnership: Russian and Foreign Experience]. Moskva, 2003. P. 156–166. (In Russ.)

Arbatov G.A. Chelovek sistemy: nabliudeniia i razmyshleniia ochevidtsa ee raspada [The man of the system: observations and reflections of an eyewitness to its disintegration]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Iakhontov Iu. Konets "epokhi Erlandera"? [The End of the Erlander's Epoch?] // Novoe vremia [New Time]. 1969. № 42. P. 20–21. (In Russ.)

Ivanova G.M. Sovetskaia model' "gosudarstva blagosostoianiia": obshchee i osobennoe [The Soviet model of the "welfare state": general and special] // Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences]. 2015. № 13. S. 299. (In Russ.)

Kolechenkov N.V. Skandinavskaia model' sotsializma i sud'ba Rossii [The Scandinavian Model of Socialism and the Destiny of Russia] // Natsional'nye kontseptsii sotsializma i sud'by Rossii [National Concepts of Socialism and the Destiny of Russia]. Moskva, 2004. P. 275–282. (In Russ.)

Malye strany Zapadnoi Evropy / Otv. red. Iu.I. Iudanov [Small Nations of Western Europe / Ed. by Iu.I. Iudanov]. Moskva, 1972. (In Russ.)

Plevako N.S. K kritike sovremennykh teorii "demokraticheskogo sotsializma" shvedskoi sotsial-demokratii [To the Criticism of Modern Theories of "Democratical Socialism" of the Swedish Social Democracy] // Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo rabochego dvizheniia [The Topical Problems of the International Labor Movement]. Moskva, 1974. P. 186–204. (In Russ.)

Rymko E.P. O Shvetsii, shvedakh i mnogom drugom...: Zapiski poslannika [About Sweden, Swedes, and Many Other...: The Notes of Envoy]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Severnaia Evropa: region novogo razvitiia / Pod red. Iu.S. Deriabina, N.M. Antiushinoi [Northern Europe: The Region of New Development / Ed. by Iu.S. Deriabin, N.M. Antiushina]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Vestnik Arkhiva Prezidenta. Spetsial'noe izdanie: General'nyi sekretar' L.I. Brezhnev: 1964–1982 [Gerald/ Bulletin of the Archive of President. Special Edition: Secretary General L.I. Brezhnev: 1964–1982]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Gomulka S. L'incompatibilité entre le socialisme et l'innovation rapide // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 1984. Vol. 15. № 3. P. 92.

Henningsen B. Der Wohlfahrtsstaat Schweden. Baden-Baden, 1986.

Huntford R. The New Totalitarians: A Terrifying Portrait of an "Ideal" Society That Has Destroyed Democracy. New York, 1980.

Rudolf S. Szwedzka "polityka dobrobytu". Warszawa, 1978.

Sanandaji N. The Surprising Ingredients of Swedish Success // Free Markets and Social Cohesion: IEA Discussion Paper. № 41. London, August 2012.

Wihlborg C. The Scandinavian Models for Development and Welfare: The Research Institute of Industrial Economics Working Paper. № 324. Stockholm, 1992.

DOI: 10.31857/S013038640012271-6

© 2021 г. **Т.В. РАБУШ**

СОЮЗНИКИ СССР И СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА В АФГАНИСТАНЕ В 1980-е годы

Рабуш Таисия Владимировна *– доцент Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Россия).*
E-mail: taisarabush@mail.ru
Researcher ID: AAV-6691-2020

Аннотация. Политика Советского Союза в Афганистане в 1980-е годы не одобрялась большей частью государств планеты, тем не менее узкий круг союзников, поддерживающих эту политику, сформировался и существовал на протяжении 1980-х годов. В настоящей статье рассматривается позиция союзников СССР, поддержавших ввод советских войск в Афганистан и политику, проводимую СССР в Афганистане. Автора прежде всего интересует дипломатический аспект поддержки советских действий со стороны этих государств. Источники, послужившие основным материалом для работы, – сборники внешнеполитических документов СССР и документы ООН (в том числе резолюции, принимаемые на протяжении 1980-х годов). В блок государств, поддерживающих политику Советского Союза в Афганистане, входили преимущественно ближайшие союзники СССР. Автор анализирует причины, побудившие их поддерживать советскую политическую линию по «афганскому вопросу». Основных причин для оказания такой поддержки было две: либо тесные многолетние отношения с СССР, либо оказываемая государству-союзнику на тот период времени помощь со стороны Советского Союза (как правило, в локальном вооруженном конфликте). В статье прослеживается, как в 1980-е годы изменялась дипломатическая позиция советских союзников в отношении военного вовлечения СССР в афганские события. На основании анализа документов автор приходит к выводу, что уровень поддержки советских действий в Афганистане был самым высоким в 1980–1981 гг. и снизился во второй половине 1980-х. Тем не менее основной «костяк» государств, поддерживающих советскую линию в Афганистане на протяжении 1980-х годов, оставался практически неизменным.

Ключевые слова: афганский вооруженный конфликт, афганская война, холодная война, внешняя политика СССР в 1980-е годы, СССР и социалистические страны, СССР и союзники, СССР в Афганистане.

T.V. Rabush

Allies of the USSR and Soviet Policy in Afghanistan in the 1980s

Taisiya Rabush, Saint Petersburg University of Industrial Technologies and Design (Saint Petersburg, Russia).
E-mail: taisarabush@mail.ru
Researcher ID: AAV-6691-2020

Abstract. The policy of the Soviet Union in Afghanistan in the 1980s was not approved by most of the world's states, but a narrow circle of allies supporting this policy was formed and existed throughout the 1980s. In this article, the author examines the position of the allies of the USSR, who supported the policies pursued by the Soviet Union in Afghanistan. The sources that served as the main material for

the essay are collections of USSR foreign policy documents and UN resolutions adopted during the 1980s. In the article, the author attempts to prove that throughout the 1980s a "bloc" of states supporting the policies of the Soviet Union in Afghanistan was maintained, and it consisted mainly of the closest allies of the USSR. The author also analyzes reasons prompting the latter to support the Soviet political line as to the "Afghan issue", concluding that there were two major reasons for such support: either close long-term relations with the USSR or the assistance given to the allied states by the Soviet Union. The author traces the changes in the diplomatic position of the Soviet allies concerning the USSR's military involvement in Afganistan during the 1980s. She concludes that the level of support for Soviet actions in Afghanistan reached its peak in 1980–1981, but gradually declined during the second half of the 1980s. Yet, the composition of the group of states supporting the Soviet policy in Afghanistan remained virtually unchanged throughout the 1980s.

Keywords: Afghan armed conflict, Afghan war, Cold war, USSR foreign policy in the 1980s, USSR and socialist countries, USSR and allies, USSR in Afghanistan.

Как известно, ввод ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистан и последующие действия СССР были осуждены и мировым сообществом с трибуны ООН и некоторых других международных организаций, и отдельными странами. Когда исследователи, политики, журналисты пишут о реакции международного сообщества на действия СССР в Афганистане, обычно отмечают осуждение советских действий, крайне редко речь идет о поддержке политики СССР. Но эта поддержка, безусловно, имела место, и нельзя говорить, что с вводом своих войск в Афганистан СССР оказался в полной международной изоляции.

В статье рассматривается позиция союзников СССР в отношении советской политической линии в Афганистане в 1980-е годы и ее изменения. Актуальность темы состоит в том, что как «третий мир» в целом, так и отдельные государства по-прежнему являются важным направлением внешней политики России. Политика Советского Союза в Афганистане в 1980-е годы не одобрялась большей частью государств планеты, тем не менее узкий круг союзников, поддерживающих эту политику, сформировался и существовал на протяжении 1980-х годов. Нас прежде всего интересует, как поддержка советских действий в Афганистане проявлялась союзниками СССР на международной арене и какими мотивами руководствовались при этом союзники СССР.

Исследование основывается преимущественно на сборниках документов «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения» за 1980–1984 гг. По собранным в них документам можно проследить позицию стран – союзниц СССР в отношении и афганского вооруженного конфликта, и советской политики в Афганистане в 1980-е годы. Также привлекаются документы ООН: ежегодные резолюции «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности», осуждающие действия СССР в Афганистане и требующие вывода из страны советских войск, обсуждения этих резолюций в ООН; некоторые документы Архива национальной безопасности США.

Следует отметить, что данный вопрос практически не нашел своего освещения ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Существует работа «Правда об Афганистане»[1], вышедшая «по горячим следам» ввода войск и описывающая реакцию стран – союзниц СССР на события в Афганистане. Книга издана с привлечением документальных источников, а также зарубежной и советской прессы, но на эти документы и статьи в прессе в работе нет ссылок. Кроме того, интересующий нас вопрос затрагивается в монографиях Л.Б. Теплинского[2] и В.Г. Коргуна[3], в статье В.С. Христофорова[4],

---

[1] Правда об Афганистане. Документы, факты, свидетельства. М., 1980.

[2] *Теплинский Л.Б.* История советско-афганских отношений, 1919–1987. М., 1988. С. 304–316.

[3] *Коргун В.Г.* История Афганистана. XX век. М., 2004. С. 408.

[4] *Христофоров В.С.* Политическое урегулирование афганской проблемы в контексте международных отношений в 1980-е гг. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2014. № 18 (140). С. 116–125.

в исследованиях зарубежных ученых «Афганский капкан»[5] и «The Soviet Union in the Third World»[6], но лишь фрагментарно.

Просоциалистический режим в Афганистане, установившийся после победы Апрельской революции весной 1978 г., был признан СССР и его ближайшими союзниками в кратчайшие сроки: Демократическая Республика Афганистан (ДРА) «и ее революционное правительство быстро получили широкое международное признание. Первыми о его признании заявили Советский Союз, Болгария, Индия, Монголия, Чехословакия, Куба и Польша. 5 мая 1978 г. ДРА признали Пакистан, Турция, Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ), Вьетнам, Югославия и Иран. 6 мая 1978 г. о признании ДРА заявили ГДР, США, Великобритания, ФРГ, Италия, а также Южная Корея»[7].

Анализ документов, в частности бесед посла СССР в Афганистане А.М. Пузанова с послами Чехословацкой Социалистической Республики (ЧССР), Народной Республики Болгария (НРБ), Германской Демократической Республики (ГДР), Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) и Польской Народной Республики (ПНР), подтверждает, что вскоре после победы Апрельской революции и установления в Афганистане нового режима союзники СССР были настроены в его отношении благожелательно и расположены к дальнейшему сотрудничеству[8].

Поворотным моментом не только для советско-афганских отношений, но и для всего комплекса международных отношений того времени стал ввод ОКСВ в Афганистан, состоявшийся в конце 1979 г. 27 декабря 1979 г. Политбюро ЦК КПСС приняло документ «О наших шагах в связи с развитием обстановки вокруг Афганистана», в котором предлагалось провести мероприятия, направленные на разъяснение акта ввода советских войск в Афганистан союзникам из числа социалистических стран. Послам СССР в этих государствах предписывалось: «Незамедлительно посетите лично тов. Хонеккера (Герека, Кадара, Гусака, Т. Живкова, Ф. Кастро, Цеденбала, Ле Зуана...) и, сославшись на поручение советского руководства, сообщите ему следующее.

Мы считаем необходимым со всей прямотой информировать руководство друзей об акции, предпринимаемой нами перед лицом резкого ухудшения обстановки вокруг Афганистана... Грубое вмешательство со стороны некоторых держав в дела Афганистана продолжается, причем масштабы его увеличиваются, на афганскую территорию засылаются вооруженные формирования и оружие для контрреволюционных элементов и банд, деятельность которых направляется из-за границы...

Учитывая все это и просьбу нового афганского руководства о помощи и содействии в отражении внешней агрессии, Советский Союз, руководствуясь своим интернациональным долгом, принял решение направить в Афганистан ограниченные советские воинские контингенты, которые будут выведены оттуда после того, как отпадут причины, вызвавшие необходимость такой акции.

Предпринимая эту вынужденную временную акцию, мы разъясняем всем государствам, с которыми Советский Союз поддерживает дипломатические отношения, что откликаемся на просьбу... нового руководства государства Афганистан, которое обратилось к Советскому Союзу за помощью и содействием в борьбе против внешней агрессии. При этом Советский Союз исходит из общности интересов Афганистана и нашей

---

[5] *Алан П., Клей Д.* Афганский капкан. Правда о советском вторжении. М., 1999. С. 251.

[6] The Soviet Union in the Third World / Ed. C.R. Saivetz. Boulder, 1989.

[7] История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М., 1982. С. 332–333.

[8] Запись беседы с послами соцстран – Б. Пашеком (ПНР), Ким Ро Гоном (КНДР), С. Радославовым (НРБ), Б. Самониковым (СФРЮ), З. Кармелита (ЧССР) от 6 мая 1978 г. // Архив национальной безопасности США. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/ 1978.05.16.2.PDF (дата обращения: 23.09.2020); Запись беседы с руководителем делегации ГДР, заместителем министра путей сообщения, начальником гражданской авиации Клаусом Хенкесом от 20 мая 1978 г. // Архив национальной безопасности США. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/1978.05.31.PDF (дата обращения: 23.09.2020).

страны в вопросах безопасности, зафиксированной в Договоре о дружбе и сотрудничестве 1978 года, из интересов сохранения мира в этом районе.

Положительная реакция Советского Союза на эту просьбу руководства Афганистана вытекает также из положения статьи 51 Устава ООН...

Мы уверены, что друзья хорошо поймут мотивы, продиктовавшие нам необходимость оказания решительной помощи Афганистану в настоящей обстановке, и со своей стороны полностью поддержат эту нашу интернационалистскую акцию»[9].

Достигли ли эти мероприятия необходимых результатов? На наш взгляд, да, поскольку на протяжении 1980-х годов сохранялась группа стран, поддерживающих советскую политику в Афганистане. Рассмотрим, какова же была реакция на ввод ОКСВ в Афганистан мирового сообщества и союзников СССР.

Вскоре после ввода ОКСВ в Афганистан, 10 января 1980 г., была созвана 6-я Чрезвычайная специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, на которой действия СССР были осуждены большинством членов мирового сообщества – 104 голоса «за» и 18 голосов «против» принятия резолюции «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности»[10]. В контексте настоящего исследования нас интересует реакция союзников СССР, которые голосовали «против» принятия данной и последующих осуждающих действия СССР резолюций ООН. Стоит отметить, что основной «костяк» стран, поддерживающий на международном уровне политику СССР в Афганистане, оставался практически неизменным на протяжении 1980-х годов (таблица 1).

Таблица 1

Ежегодные итоги голосования за резолюции ООН «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности»[11]

Год	«За»	«Против»	Воздержались от участия в голосовании	Не приняли участия в голосовании
1980	111	Афганистан, Ангола, Болгария, Монголия, Польша, БССР, УССР, СССР, Вьетнам, Куба, Сирия, Сейшелы, Сан-Томе и Принсипи, Эфиопия, ГДР, Чехословакия, НДРЙ, Гренада, Венгрия, Лаос, Мадагаскар, Мозамбик	Алжир, Бенин, Финляндия, Кабо-Верде, Чад, Конго, Кипр, Гвинея-Бисау, Индия, Мали, Никарагуа, Зимбабве	Румыния, Бутан, Боливия, Доминика, Ирак, Ливия, Сент-Винсент и Гренадины, ЮАР, Йемен
1981	116	Афганистан, Ангола, Болгария, Монголия, Польша, БССР, УССР, СССР, Вьетнам, Куба, Сирия, Сейшелы, Сан-Томе и Принсипи, Эфиопия, ГДР, Чехословакия, НДРЙ, Гренада, Венгрия, Лаос, Мадагаскар, Мозамбик, Ливия	Алжир, Бенин, Финляндия, Кабо-Верде, Чад, Конго, Кипр, Гвинея-Бисау, Индия, Мали, Никарагуа, Уганда	Румыния, Бутан, Доминика, Сент-Винсент и Гренадины, ЮАР, Йемен

[9] О наших шагах в связи с развитием обстановки вокруг Афганистана. Решение Политбюро ЦК № П177/151 от 27.12.79. Указание совпослам и другим представителям о мерах пропагандистского обеспечения акции // Архив В. Буковского. URL: http://www.bukovsky-archives.net/pdfs/afgh/177-7924.pdf (дата обращения: 23.09.2020).

[10] 6-я Чрезвычайная специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН 10–14 января 1980 г. «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности». URL: https://www.un.org/ru/ga/sessions/emergency.shtml (дата обращения: 23.09.2020).

[11] «Поименно» указаны только страны, голосующие «против», воздержавшиеся и не принимавшие участия в голосовании.

1982	114	Афганистан, Ангола, Болгария, Монголия, Польша, БССР, УССР, СССР, Вьетнам, Куба, Сирия, Эфиопия, ГДР, Чехословакия, НДРЙ, Гренада, Венгрия, Лаос, Мадагаскар, Мозамбик, Ливия	Алжир, Бенин, Финляндия, Кабо-Верде, Чад, Конго, Кипр, Гвинея-Бисау, Индия, Мали, Никарагуа, Уганда, Йемен	Сейшелы, Сан-Томе и Принсипи, Румыния, Бутан, ЮАР, Белиз, Боливия, Вануату, Маврикий
1983	116	Афганистан, Ангола, Болгария, Монголия, Польша, БССР, УССР, СССР, Вьетнам, Куба, Сирия, Эфиопия, ГДР, Чехословакия, ЙНДР, Венгрия, Лаос, Мадагаскар, Мозамбик, Ливия	Алжир, Бенин, Финляндия, Кабо-Верде, Конго, Кипр, Гвинея-Бисау, Индия, Мали, Никарагуа, Уганда, Йемен, Ирак, Малави, Сан-Томе и Принсипи, Сейшелы, Буркина-Фасо	Румыния, Бутан, ЮАР, Экваториальная Гвинея, Гренада
1984	119	Афганистан, Ангола, Болгария, Монголия, Польша, БССР, УССР, СССР, Вьетнам, Куба, Сирия, Эфиопия, ГДР, Чехословакия, НДРЙ, Венгрия, Лаос, Мадагаскар, Мозамбик, Ливия	Алжир, Бенин, Финляндия, Буркина-Фасо, Кабо-Верде, Конго, Кипр, Гвинея-Бисау, Индия, Никарагуа, Уганда, Ирак, Мали, Сан-Томе и Принсипи	Румыния, Бутан, ЮАР, Сейшелы, Йемен, Сент-Китс и Невис
1985	122	Афганистан, Ангола, Болгария, Монголия, Польша, БССР, УССР, СССР, Вьетнам, Куба, Сирия, Эфиопия, ГДР, Чехословакия, НДРЙ, Венгрия, Лаос, Мадагаскар, Ливия	Алжир, Бенин, Финляндия, Кабо-Верде, Конго, Кипр, Гвинея-Бисау, Индия, Никарагуа, Ирак, Мали, Сан-Томе и Принсипи	Румыния, Бутан, ЮАР, Сейшелы, Йемен, Мозамбик
1986	122	Афганистан, Ангола, Болгария, Монголия, Польша, БССР, УССР, СССР, Вьетнам, Куба, Сирия, Эфиопия, ГДР, Чехословакия, НДРЙ, Венгрия, Лаос, Мадагаскар, Ливия, Буркина-Фасо	Алжир, Бенин, Финляндия, Кабо-Верде, Конго, Кипр, Индия, Никарагуа, Ирак, Мали, Уганда	Румыния, Бутан, ЮАР, Сейшелы, Йемен, Мозамбик
1987	123	Афганистан, Ангола, Болгария, Монголия, Польша, БССР, УССР, СССР, Вьетнам, Куба, Сирия, Эфиопия, ГДР, Чехословакия, НДРЙ, Венгрия, Лаос, Мадагаскар, Ливия	Алжир, Бенин, Финляндия, Конго, Кипр, Индия, Никарагуа, Ирак, Мали, Уганда, Буркина-Фасо	Румыния, ЮАР, Сейшелы, Йемен, Мозамбик, Кабо-Верде
1988	Принята без голосования			
1989	Принята без голосования			

Источник: URL: https://digitallibrary.un.org/search?ln-ru&cc-Voting+Data (дата обращения: 23.09.2020).

Итак, «против» принятия резолюции «Положение в Афганистане...» ежегодно голосовали союзники СССР, которых можно условно разделить на два блока. Первый составляли члены Организации Варшавского Договора (ОВД) – ГДР, ПНР, Венгерская Народная Республика (ВНР), ЧССР, НРБ. Отметим, что не все участники ОВД высказывались «против» принятия данной резолюции. Так, Социалистическая Республика Румыния (СРР) и в первом голосовании, и во всех последующих не принимала участия (вопреки распространенному мнению, что Румыния осудила действия СССР в Афганистане. О прямом осуждении речи не шло, было именно непринятие участия в голосовании).

Второй блок – государства из числа стран «третьего мира», в основном придерживающиеся в своей политике «социалистической ориентации». Среди них политику СССР в Афганистане: Народная Республика Ангола (НРА), Социалистическая Эфиопия, Народная Республика Мозамбик (НРМ), Демократическая Республика Мадагаскар, Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия, Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ), Куба, Монгольская Народная Республика (МНР), Лаосская Народно-Демократическая Республика (ЛНДР), НДРЙ и Сирийская Арабская Республика (САР).

Что интересно, перечень государств, не поддержавших советскую военную акцию в Афганистане, практически полностью совпадал с перечнем государств, осудивших новый режим в Кампучии после свержения власти Пол Пота и «красных кхмеров» в начале 1979 г., т.е. немногим ранее, чем произошел ввод ОКСВ в Афганистан. На этот факт указывает И.А. Конорева: «Ряд социалистических стран Европы и Азии (Румыния, Югославия, КНР[12], КНДР[13]), крупные капиталистические государства... заняли диаметрально противоположную позицию, осудив новый камбоджийский режим и потребовав восстановления свергнутого правительства... Парадокс ситуации состоял в том, что данная группа объединила страны, совершенно разные по политической ориентации и по подходам к решению других вопросов международной политики»[14].

Политика поддержки советских действий в Афганистане государствами – членами ОВД подробно рассматривается в одной из статей сборника, вышедшего в ФРГ в 1980 г.[15]

Наиболее яркая поддержка Советскому Союзу руководством этих государств была выражена в 1980 и 1981 гг. Так, Венгрия сделала это в начале 1980 г. во время официального визита министра иностранных дел ВНР Ф. Пуйя в СССР (17–18 марта). О выражении правительством Венгрии одобрения в отношении действий Советского Союза в Афганистане также упоминается в выпущенном Госдепартаментом США сборнике рассекреченных документов, посвященных политике США в социалистических странах Восточной Европы[16].

В том же 1980 г. Чехословакия также выразила поддержку политике СССР в Афганистане – министр иностранных дел этого государства Б. Хнеупек, находившийся с визитом в Москве в марте 1980 г., обсудил ситуацию в Афганистане с министром иностранных дел СССР А.А. Громыко и «от имени руководства ЧССР... заявил о полной поддержке позиции СССР в этом вопросе»[17]. О поддержке правительством Чехословакии

---

[12] Китайская Народная Республика, Китай.

[13] Корейская Народно-Демократическая Республика (Северная Корея).

[14] *Конорева И.А.* Проблема Индокитая на завершающем этапе «холодной войны» и политика СССР // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3 (19). Т. 2. URL: http://www.scientific-notes.ru/pdf/021-033.pdf (дата обращения: 23.09.2020).

[15] *Meier C.* Die sowjetische Intervention in Afghanistan und die Reaktion im Warschauer Pakt // Die sowjetische Intervention in Afghanistan. Baden-Baden, 1980. S. 273–298.

[16] Foreign relations of the United States. 1977–1980. Vol. XX. Eastern Europe. Washington (DC), 2015. P. 510.

[17] Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1980 год. Сб. док. / Сост. И.А. Кириллин, Н.Ф. Потапова. М., 1981. С. 36.

«советского вторжения в Афганистан» указывается в телеграмме, направленной из посольства США в Чехословакии в Госдепартамент 21 февраля 1980 г.[18]

ГДР официально выражала поддержку действиям СССР в Афганистане как минимум дважды – в 1980 и в 1981 гг.[19] В частности, 19–20 февраля 1980 г. министр иностранных дел ГДР О. Фишер в ходе визита в СССР заявил «о своей полной солидарности с ДРА в ее борьбе за свою национальную независимость» и потребовал «полного прекращения продолжающихся агрессивных действий извне против независимого, революционного Афганистана»[20].

Болгария также выразила поддержку советской политики в Афганистане дважды: в 1980 г.[21] и в 1981 г.[22] В январе 1980 г. министр иностранных дел ПНР Э. Войташек заявил «о своей солидарности с ДРА» и потребовал «прекращения агрессивных действий извне против этой страны»[23]. 3–5 июля 1981 г. Варшаву посетил А.А. Громыко, и в ходе этого визита СССР и ПНР снова «подтвердили свою принципиальную позицию в пользу политического урегулирования положения вокруг Афганистана... на путях прекращения агрессивных действий извне против ДРА и гарантий невозобновления таких действий, что позволило бы решить и вопрос о выводе советских войск»[24].

Таким образом, практически все восточноевропейские страны – союзницы СССР по ОВД – Польша, Чехословакия, ГДР, Венгрия и Болгария (за исключением Румынии) – поддерживали и советскую политику в Афганистане, и ввод ОКСВ в Афганистан. Кроме того, в совместных официальных заявлениях начиная уже с 1980 г. содержится информация о необходимости достижения мира в Афганистане и политического урегулирования «афганского вопроса».

Официальная поддержка политики СССР в Афганистане высказывалась странами-союзницами и во второй половине 1980-х годов. Приведем только некоторые примеры: выступление представителей ГДР Г. Отта и ЧССР Я. Цесара 12 ноября 1985 г. (A/40/PV.72) на 40-й сессии ООН; выступление представителя ВНР М. Эндреффи 12 ноября 1986 г. (A/41/PV.56) на 41-й сессии ООН; выступление представителя ПНР Э. Новорыты 12 ноября 1987 г. (A/42/PV.60) [25] на 42-й сессии ООН. В выступлениях особый акцент делается на необходимости политического урегулирования ситуации в Афганистане.

Политика ОВД в отношении различных конфликтных ситуаций кратко рассматривается в некоторых зарубежных монографиях[26], но тема Афганистана отдельно там не затронута. СССР не обращался к восточноевропейским союзникам с просьбами об оказании военной помощи в реализации целей построения социализма в ДРА. Но уже в первом документе ОВД, принятом после ввода советских войск в Афганистан, декларации государств – участников Варшавского Договора, принятой на совещании Политического консультативного комитета 14–15 мая 1980 г. касательно положения в ДРА, была подчеркнута «необходимость политического урегулирования положения, сложившегося вокруг Афганистана», и констатировалось, что только после прекращения любого «вмешательства извне» советские войска будут выведены из ДРА[27]. Стоит отметить, что

---

[18] Foreign relations... P. 342.

[19] Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1981 год. Сб. док. / Сост. И.А. Кириллин, Н.Ф. Потапова. М., 1982. С. 7.

[20] Внешняя политика Советского Союза... 1980 год. С. 30.

[21] Там же. С. 14.

[22] Внешняя политика Советского Союза... 1981 год. С. 65.

[23] Внешняя политика Советского Союза... 1980 год. С. 12.

[24] Внешняя политика Советского Союза... 1981 год. С. 81–82.

[25] Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/ga/documents/symbol.asp (дата обращения: 07.03.2021). Здесь и далее любой документ можно найти по ссылке на сайте ООН по указанному в скобках его номеру.

[26] *Holden G.* The Warsaw pact: Soviet security and bloc politics. Oxford, 1989; *Fodor N.* The Warsaw Treaty Organization: A Political and Organizational Analysis. New York, 1990.

[27] Внешняя политика Советского Союза... 1980 год. С. 60.

фундаментом благоприятного разрешения конфликта в Афганистане полагалось продолжение мирных непрямых переговоров между Афганистаном и Пакистаном[28].

Если говорить об экономических аспектах сотрудничества, то уже с 1980 г. ДРА была принята в качестве наблюдателя в работе сессий СЭВ и продолжала таковую деятельность на протяжении дальнейших лет[29]. СССР предпринимал небезуспешные попытки привлечь восточноевропейских союзников к оказанию экономической помощи ДРА. Так, уже в сентябре 1978 г. Болгария согласилась предоставить Афганистану кредиты в размере до 30 млн долл. с целью финансирования строительства ряда предприятий легкой и пищевой промышленности[30]; согласилась на оказание экономической помощи ГДР[31], и т.д. Можно говорить, что с начала 1980-х годов СССР пытается вовлечь Афганистан в экономическую орбиту социализма, но не в военную зону ответственности социалистических государств.

Неизменно поддерживали советский политический курс в Афганистане государства «третьего мира»: Сирия, Монголия, НДРЙ, Ливия, Ангола, Эфиопия, Вьетнам, Лаос и Куба. Сюда можно отнести и Мозамбик, хотя его позиция с течением времени изменилась.

В 1980-е годы отношения с Сирией были особенно теплыми[32]. Сирия выразила поддержку политике СССР в Афганистане в 1980 г., причем официально сделала это дважды на протяжении года. В конце января 1980 г. А.А. Громыко с официальным визитом посетил Дамаск, и в коммюнике по результатам этого визита отмечалось, что «стороны заявили о необходимости уважения воли Афганистана защищать свою землю, территориальную целостность»[33]. А в октябре того же года, когда президент Сирии Х. Асад нанес визит в СССР, стороны «заявили о солидарности с ДРА в ее борьбе за свою национальную независимость и суверенитет». Была подчеркнута «необходимость такого политического урегулирования положения, сложившегося вокруг Афганистана, которое должно надежно гарантировать полное прекращение и невозобновление всех видов вмешательства извне»[34].

Народная Демократическая Республика Йемен, как отмечает отечественный востоковед А.С. Гуськов, поддерживала «конструктивные международные усилия, направленные на нормализацию обстановки вокруг Афганистана, и, в частности, предложения правительства Афганистана по мирному политическому урегулированию так называемого “афганского вопроса”. Демократический Йемен занимает позицию солидарности с афганской революцией»[35]. Зарубежные исследователи также указывают, что НДРЙ в 1980-е годы поддерживала политику СССР в отношении Афганистана[36].

В коммюнике по итогам визита в СССР генерального секретаря Йеменской коммунистической партии, премьер-министра НДРЙ А.Н. Мухxамеда «стороны заявили о солидарности с ДРА в ее борьбе за свою национальную независимость и суверенитет,

---

[28] Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1983 год. Сб. док. / Сост. И.А. Кириллин, Н.Ф. Потапова. М., 1984. С. 15.

[29] Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1984 год. Сб. док. / Сост. И.А. Кириллин, Н.Ф. Потапова. М., 1985. С. 157.

[30] Запись беседы с послом Народной Республики Болгарии в ДРА Стояном Радославовым от 20 сентября 1978 г. // Архив национальной безопасности США. URL: https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/1978.09.20.PDF (дата обращения: 23.12.2020).

[31] Запись беседы с руководителем делегации ГДР...

[32] См. подробнее: *Hannah J.P.* At Arms Length: Soviet-Syrian Relations In The Gorbachev Era. Washington (DC), 1989; *Freedman R.* Moscow and the Middle East: Soviet Policy since the Invasion of Afghanistan. New York, 1991.

[33] Внешняя политика Советского Союза... 1980 год. С. 16.

[34] Там же. С. 146.

[35] *Гуськов А.С.* Демократический Йемен: 20 лет революции. М., 1983. С. 66.

[36] *Halliday F.* Revolution and Foreign Policy: the Case of South Yemen. 1967–1987. Cambridge, 2002. P. 30, 78.

в защиту завоеваний Апрельской революции... подчеркнута необходимость политического урегулирования положения, сложившегося вокруг Афганистана, которое должно надежно гарантировать полное прекращение и невозобновление всех видов вмешательства»[37].

Союзником СССР и его внешней политики была Монголия. Так, с 25 ноября по 1 декабря 1980 г. в СССР с визитом находился министр иностранных дел МНР М. Дугэрсурэн. Он выразил «поддержку усилиям руководства и народа ДРА в защите завоеваний Апрельской революции» и потребовал «прекращения развязанных империализмом и его пособниками агрессивных действий против афганского народа, урегулирования ситуации вокруг Афганистана политическими средствами»[38].

Кроме того, еще в январе 1980 г. постоянным представителем МНР при ООН Б. Дашцерэном в адрес Генерального секретаря ООН был направлен документ с просьбой не обсуждать действия СССР в Афганистане с прилагаемым к нему заявлением МИД МНР[39]. Что интересно, виновниками сложившейся в Афганистане внутриполитической ситуации именуются США и Китай: «Клеветнические антисоветские измышления понадобились Вашингтону и Пекину для прикрытия своих происков против независимого и прогрессивного развития ДРА, Народной Кампучии, Вьетнама, Лаоса и других государств... Именно США и Китай, выступая единым фронтом, подкармливают контрреволюционные силы внутри Афганистана и за его пределами, помогают им оружием и финансовыми средствами... Монгольский народ... хорошо знает действительно бескорыстный характер интернационалистской помощи СССР... МНР решительно выступает против обсуждения так называемого “афганского вопроса” в ООН как акта, полностью противоречащего целям и принципам ее Устава и служащего прямым посягательством на суверенное право афганского народа иметь государственный строй, соответствующий его воле»[40].

В июле 1981 г. Монголию посетила партийно-правительственная делегация СССР, и в ходе этой встречи снова прозвучало заявление о «поддержке народа и правительства ДРА в борьбе за осуществление революционных преобразований в стране, проведение курса на политическое урегулирование положения в этом районе»[41]. Монголия еще дважды выражала одобрение советской политике в Афганистане. В конце марта 1984 г. глава МИД МНР посетил СССР и выразил осуждение продолжающемуся «вмешательству сил империализма и реакции в дела этого неприсоединившегося независимого государства», заявив о солидарности «с народом и правительством Демократической Республики Афганистан». В конце октября того же года в ходе визита в СССР генерального секретаря ЦК Монгольской народно-революционной партии, председателя Совета министров МНР Ж. Батмунха в коммюнике по итогам визита выражалась совместная советско-монгольская поддержка предложениям правительства ДРА по урегулированию ситуации в Афганистане[42].

В регионе Юго-Восточной Азии политику СССР поддерживали Вьетнам и Лаос[43]. Последний не был ближайшим союзником СССР, но тем не менее последовательно поддерживал советскую линию в Афганистане (см. таблицу 1). Так, в октябре 1981 г. министр иностранных дел ЛНДР П. Сипасет совершил визит в Советский Союз и выразил

---

[37] Внешняя политика Советского Союза... 1980 год. С. 76.

[38] Там же. С. 180.

[39] Письмо постоянного представителя Монголии при ООН от 11 января 1980 г. на имя Генерального секретаря. № A/ES-6/6. URL: https://undocs.org/ru/a/es-6/6 (дата обращения 23.09.2020).

[40] Там же. С. 2, 5.

[41] Внешняя политика Советского Союза... 1981 год. С. 92.

[42] Внешняя политика Советского Союза... 1984 год. С. 28, 155–156.

[43] *Zagoria D.* The Soviet-Vietnamese Alliance // Postwar Indochina: Old Enemies and New Allies / Ed. J.J. Zasloff. Washington (DC), 1988. P. 133–146; *Stuart-Fox M.* Foreign Policy of the Lao People’s Democratic Republic // Laos: Beyond the Revolution / Eds J.J. Zasloff and L. Unger. London, 1990. P. 187–208.

«полную поддержку народу и правительству ДРА в их борьбе за независимость страны... Политическое урегулирование ситуации вокруг Афганистана может быть достигнуто только путем прекращения и невозобновления вооруженного и иного вмешательства»[44].

Активно афганскую политику СССР поддерживал и Вьетнам. Так, с 28 января по 4 февраля 1980 г. с официальным визитом в СРВ находилась делегация Верховного Совета СССР. В сообщении по итогам этого визита говорится, что «вьетнамская сторона дала высокую оценку помощи, оказанной Советским Союзом афганскому народу в точном соответствии с Договором между Афганистаном и СССР и Уставом ООН», также обе делегации «горячо приветствовали историческую победу народа Афганистана и искренне пожелали ему надежно защитить революционные завоевания». А в сентябре того же года СССР посетил министр иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхать. В коммюнике по итогам визита отмечалось, что «стороны заявили о своей неизменной поддержке правого дела афганского народа, твердо отстаивающего завоевания Апрельской революции. Они подчеркнули необходимость политического решения проблем, связанных с обстановкой вокруг Афганистана, на основе известных предложений правительства ДРА»[45].

В октябре 1982 г., в ходе визита в СССР партийно-государственной делегации от СРВ стороны «вновь заявили о солидарности с Афганистаном и потребовали прекращения вмешательства извне в афганские внутренние дела» и достижения политического урегулирования на основе предложений правительства ДРА. Кроме того, вьетнамская сторона положительно оценила «начало афгано-пакистанского диалога по проблемам политического урегулирования»[46]. Осенью 1984 г. министр иностранных дел СРВ посетил СССР, и снова в коммюнике по итогам его визита была выражена «солидарность с афганским народом, борющимся за защиту революционных завоеваний, прекращение необъявленной войны против Афганистана и вмешательство извне в его внутренние дела»[47].

Отдельно стоит сказать о позиции Народной Республики Кампучия (НРК). После 1978 г. в этом государстве установилось своего рода «двоевластие»: в Пномпене и частично на территории страны действовал провьетнамский политический режим во главе с Хенг Самрином, а в ООН Кампучию в 1980-е годы по-прежнему представляли дипломаты свергнутого полпотовского режима. Правительство Хенг Самрина было на стороне СССР в «афганском вопросе»[48]. Поддержка советской политики в Афганистане, солидарность с афганским народом и признание необходимости политического урегулирования ситуации в Афганистане были выражены представителями руководства Кампучии в 1980 г.[49] в ходе визита в СССР председателя Народного революционного совета НРК Хенг Самрина; в 1982 г.[50] в ходе визита в Советский Союза министра иностранных дел НРК Хун Сена и в 1984 г.[51], когда Кампучию посещала советская делегация. Позиция представителей «старой» Кампучии в ООН в отношении участия СССР в афганском вооруженном конфликте была враждебной.

Разумеется, все вышеназванные азиатские государства выражали солидарность с официальным правительством Афганистана, протест против внешнего вмешательства в афганские события (под таковым подразумевалась прежде всего засылка вооруженных формирований на территорию ДРА из Ирана и Пакистана) и надежду на достижение политического урегулирования в своих выступлениях в ООН по «афганскому вопросу»:

---

[44] Внешняя политика Советского Союза... 1981 год. С. 128.

[45] Внешняя политика Советского Союза... 1980 год. С. 27, 110.

[46] Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1982 год. Сб. док. / Сост. И.А. Кириллин, Н.Ф. Потапова. М., 1983. С. 129.

[47] Внешняя политика Советского Союза... 1984 год. С. 166.

[48] История Кампучии. Краткий очерк. М., 1981. С. 245; *Мосяков Д.В.* История Камбоджи. XX век. М., 2010. С. 516.

[49] Внешняя политика Советского Союза... 1980 год. С. 24.

[50] Внешняя политика Советского Союза... 1982 год. С. 139.

[51] Внешняя политика Советского Союза... 1984 год. С. 176.

выступление представителя СРВ Ле Ким Чунга 12 ноября 1985 г. (A/40/PV.71) на 40-й сессии ООН; представителя ЛНДР К. Вонгсая 12 ноября 1986 г. (A/41/PV.56) на 41-й сессии ООН; представителей САР Х. Масри 12 ноября 1987 г. (A/42/PV.60) и НДРЙ А. С. Аль-Ашталь 13 ноября 1987 г. (A/42/PV.62) на 42-й сессии ООН, и др. Вообще, дипломатические представители упоминаемых в этом разделе азиатских стран выступали практически на каждой сессии ООН в ходе обсуждения проекта резолюции «Положение в Афганистане...» с выражением поддержки ДРА и Советскому Союзу. Аналогично поступали и страны – члены ОВД, советские союзники из Восточной Европы.

Как видим, государствами Азии, поддерживающими политику СССР в Афганистане, были преимущественно страны социалистической ориентации (согласно политологической терминологии того периода).

Последовательно поддерживали советскую политику в Афганистане на протяжении 1980-х годов на африканском континенте Ангола и Эфиопия, близкие союзники СССР в то время (стоит сказать, что в этих государствах тогда, как и в Афганистане, шли региональные вооруженные конфликты, и СССР в этих конфликтах выступал на стороне правящих режимов). 18–24 января 1982 г. с визитом в СССР была партийно-правительственная делегация НРА. В коммюнике по итогам визита сообщалось, что «СССР и НРА вновь заявляют о своей полной солидарности с ДРА, которая отстаивает завоевания Апрельской революции, защищает свой суверенитет и независимость. Стороны требуют прекращения вооруженного и всех других форм империалистического вмешательства во внутренние дела этого государства. Они выступают за политическое урегулирование положения вокруг Афганистана на основе известных заявлений правительства ДРА»[52]. А когда 16–20 мая 1983 г. Советский Союз посетил президент НРА Ж.Э. душ Сантуш, заявление ангольской стороны по Афганистану было более сдержанным, чем годом ранее, и ограничивалось выражением солидарности, причем в тексте документа вооруженный конфликт в Афганистане упоминался в ряду с другими военными конфликтами в странах «третьего мира»: «Обе стороны подтвердили свою полную поддержку ДРА, миролюбивых инициатив стран Индокитая, осудили агрессивный курс США в отношении Кубы, Никарагуа и Гренады»[53].

Верным приверженцем политики СССР оставалась Эфиопия: она выразила поддержку афганскому политическому курсу Советского Союза в 1980, 1982 и в 1984 гг. и в целом поддерживала советскую внешнюю политику (это государство вступило на путь социалистической ориентации после революции и свержения монархии в 1974 г.)[54]. Первое заявление по Афганистану было сделано во время официального визита в СССР председателя Временного военного административного совета Эфиопии Менгисту Хайле Мариам (27 октября – 10 ноября 1980 г.). В совместном советско-эфиопском заявлении по итогам визита стороны заявили «о своей солидарности и полной поддержке правительства и героического народа ДРА в их борьбе за национальную независимость и суверенитет, в защиту завоеваний Апрельской революции. Они осуждают как явное, так и тайное вмешательство империалистов и реакционных сил... заявляют о полной поддержке конструктивных предложений правительства Афганистана, выдвинутых им 14 мая 1980 г.»[55]. Когда в октябре 1982 г. Менгисту Хайле Мариам снова посетил СССР,

---

[52] Внешняя политика Советского Союза... 1982 год. С. 11.

[53] Внешняя политика Советского Союза... 1983 год. С. 86.

[54] Об отношениях СССР и Эфиопии подробно см.: *Шведов А.А.* Независимая Африка: внешнеполитические проблемы, дипломатическая борьба. М., 1983. С. 195; *Карцева Е.Ю.* Советско-эфиопские отношения в условиях идеологического сближения после революции 1974 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 5. С. 107–113; *Anderson-Jaquest T.C.* Restructuring the Soviet-Ethiopian relationship: A case study in asymmetric exchange: PhD thesis. London School of Economics and Political Science. URL: http://etheses.lse.ac.uk/2110/ (дата обращения: 07.03.2021).

[55] Внешняя политика Советского Союза... 1980 год. С. 164.

в коммюнике по итогам визита также было отражено, что «Советский Союз и социалистическая Эфиопия требуют прекращения вооруженного и иного вмешательства империалистических и реакционных сил во внутренние дела ДРА. Они выступают за политическое урегулирование положения вокруг Афганистана»[56]. В ходе визита Менгисту Хайле Мариама в СССР в конце марта 1984 г. в совместном коммюнике также повторялись заявления о солидарности с ДРА в ее «борьбе за национальную независимость и суверенитет», требования прекращения вмешательства во внутренние дела в Афганистана и начала процесса политического урегулирования на основе предложений афганского правительства[57].

В ООН на стороне СССР на протяжении 1980-х годов также выступал Мадагаскар (см. таблицу 1). Нам не удалось обнаружить документальные источники, свидетельствующие, что Мадагаскар разделял политическую стратегию СССР как в Афганистане, так и в странах «третьего мира». Впрочем, советско-мадагаскарские отношения и внешняя политика Мадагаскара – не самые освещенные темы в отечественной и зарубежной историографии, хотя косвенно этот вопрос затрагивается в диссертации отечественного исследователя М.Н. Германчука, посвященной становлению и формированию внешней политики Мадагаскара[58].

Нельзя не отметить, что вплоть до середины 1980-х годов число сторонников политики СССР в Афганистане не сокращалось. Со временем, правда, их количество уменьшилось (см. таблицу 1). Так, Мозамбик, имевший в 1980-е годы тесные отношения с СССР, выражал поддержку советским действиям в Афганистане вплоть до второй половины 1980-х годов. В ноябре 1980 г. президент НРМ С.М. Машел посетил СССР. В совместном советско-мозамбикском заявлении по итогам визита отмечалось, что «стороны заявляют о своей солидарности с борьбой народа ДРА, отстаивающего завоевания Апрельской революции, защищающего суверенитет и независимость своей родины... высказываются за политическое урегулирование положения, сложившегося вокруг Афганистана, которое должно гарантировать прекращение всех форм вмешательства... и заявляют о полной поддержке конструктивных предложений правительства Афганистана от 14 мая 1980 г.»[59] Во время очередного визита в Советский Союз (28 февраля – 5 марта 1983 г.) президент Мозамбика снова заявил о солидарности с ДРА и потребовал «прекращения иностранного вмешательства, в том числе военного, империалистических и реакционных сил во внутренние дела этого суверенного государства»[60]. Но начиная с 1985 г. Мозамбик прекратил участвовать в голосовании по резолюции «Положение в Афганистане...». Следует отметить, что Ангола, государство с похожей на Мозамбик политической судьбой, во второй половине 1980-х годов также продемонстрировала некоторое охлаждение в вопросах поддержки советской внешней политики[61], хотя продолжала голосовать «против».

Начиная с 1981 г. и вплоть до самого вывода советских войск политику СССР в Афганистане неизменно поддерживала Ливия. В апреле 1981 г. ливийский политический лидер М. Каддафи посетил СССР. В ходе визита в числе прочего он заявил о солидарности с ДРА в ее борьбе за независимость и обозначил необходимость «такого политического урегулирования положения вокруг Афганистана, которое надежно гарантировало бы прекращение и невозобновление всех форм вмешательства извне». Каддафи отметил, что такое урегулирование могло бы рассматриваться также в увязке с вопросами безопасности Персидского залива[62]. В марте 1983 г. СССР посетила ливийская правительственная

---

[56] Внешняя политика Советского Союза... 1982 год. С. 133.

[57] Внешняя политика Советского Союза... 1984 год. С. 33.

[58] *Германчук М.Н.* Становление и развитие внешней политики Мадагаскара: проблемы и перспективы (1965–2005 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006.

[59] Внешняя политика Советского Союза... 1980 год. С. 178.

[60] Внешняя политика Советского Союза... 1983 год. С. 35.

[61] *Mcfaul M.* The demise of the world revolutionary process: Soviet-Angolan relations under Gorbachev // Journal of Southern African Studies. 1990. Vol. 16. Iss. 1. P. 165–189.

[62] Внешняя политика Советского Союза... 1981 год. С. 37.

делегация, и в коммюнике по итогам визита стороны снова выразили поддержку Афганистану в его борьбе и подчеркнули необходимость такого дипломатического урегулирования «афганского вопроса», которое смогло бы исключить дальнейшее невозобновление вмешательства в афганские дела[63].

Как отмечают отечественные авторы, «вместе с СССР и другими социалистическими и неприсоединившимися странами Ливия заявила о своей солидарности с ДРА на 6-й Чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, отказавшись поддерживать инспирированную США и их союзниками провокационную резолюцию "О положении в Афганистане"[64]. На совещании министров иностранных дел государств – членов НФСП[65] в Дамаске ливийские представители... разоблачили выдвинутый западной пропагандой лживый тезис об угрозе исламу в Афганистане»[66].

Союзников в Западном полушарии у СССР было меньше, чем в Европе, Азии или в Африке. Известно, что наиболее близким союзником СССР из числа латиноамериканских стран была Куба, однако она не выражала ярую поддержку действиям СССР в Афганистане. Тем не менее в голосованиях в ООН по поводу резолюций «Положение в Афганистане...» Куба на протяжении 1980-х годов голосовала «против» (см. таблицу 1). В целом Куба в 1980-е годы поддерживала дружественные отношения с Афганистаном, что отмечают разные исследователи[67] и о чем мы можем прочитать в кубинской прессе того периода[68].

Колебалась в своей позиции по вопросу поддержки советских действий в Афганистане Республика Никарагуа. Когда в марте 1980 г. СССР посетила партийно-правительственная делегация Никарагуа, в совместном коммюнике, принятом по итогам визита, обе стороны лишь осудили «кампанию нагнетания международной напряженности», развязанную в связи с событиями в Афганистане[69]. В ООН Никарагуа неизменно воздерживалась от голосования «за» принятие осуждающих действия СССР в Афганистане резолюций. Маленькое островное государство Гренада с 1980 по 1982 г. включительно голосовало «против» принятия резолюции «Положение в Афганистане...» В 1983 г. США предприняли вооруженное вторжение и оккупировали остров.

Следует отметить, что некоторые страны Африки и Латинской Америки (прежде всего Куба и Ливия) выражали свою солидарность с правительством Афганистана не только в совместных заявлениях с СССР, но и с трибуны ООН: выступление представителя Кубы А. Веласко Сан Хосе 12 ноября 1985 г. (A/40/PV.72) и представителя Ливии Эль-Герби 13 ноября 1985 г. (A/40/PV.74) на 40-й сессии ООН; выступление 13 ноября 1987 г. представителя Кубы А. Веласко Сан Хосе (A/42/PV.62) на 42-й сессии ООН, и т.д. Интересно, но делегации Анголы и Эфиопии, голосуя «против» принятия ежегодных резолюций «Положение в Афганистане...», ни разу не выступили в ходе обсуждений этих же резолюций странами – членами ООН. Представитель Мозамбика выступил на прениях единожды в 1980 г. Зато трижды (в 1980, 1982 и 1983 гг.) выступал представитель от Никарагуа.

Отметим, что в официальных двусторонних заявлениях, сделанных совместно с СССР государствами Азии, Африки и Латинской Америки, поддерживающими советскую политику в Афганистане, отмечается та же тенденция, что и в случае с заявлениями государств

---

[63] Внешняя политика Советского Союза... 1983 год. С. 43.

[64] Это замечание не является верным – поскольку на процедуре голосования за резолюцию «Положение в Афганистане...» осенью 1980 г. Ливия не принимала участия.

[65] Национальный фронт стойкости и противодействия. В него входили Алжир, Ливия, Сирия, НДРЙ и Организация освобождения Палестины.

[66] *Шведов А.А., Румянцев В.* Советско-ливийские отношения. М., 1986. С. 94.

[67] *Гриневич Э.А., Гвоздарев Б.И.* Куба в мировой политике. М., 1984. С. 286, 326; Латинская Америка в международных отношениях. XX век. 1988, в 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 262; *Bain. M.J.* Soviet-Cuban Relations, 1985 to 1991: Changing Perceptions in Moscow and Havana. Boulder, 2007.

[68] Например: Entrevistase con Fidel el canciller afgano // Granma, 24.09.1983. P. 1.

[69] Внешняя политика Советского Союза... 1980 год. С. 40.

Восточной Европы – практически всегда в них содержится не только выражение солидарности с народом Афганистана и осуждение «вмешательства извне» во внутриафганские дела, но и указание на необходимость политического урегулирования «афганского вопроса» и поддержка инициатив афганского правительства в этом отношении.

* * *

Вряд ли можно говорить, что после ввода ОКСВ в Афганистан СССР оказался в международной изоляции, – уже в начале 1980 г. сформировался блок государств, которые поддерживали политический курс Советского Союза, взятый им в Афганистане. В число этих стран вошли в основном союзники СССР по ОВД и ближайшие союзники СССР из стран «третьего мира». Отметим, что среди европейских, азиатских и африканских государств у СССР было примерно одинаковое количество сторонников его «афганской» политики – в среднем по пять государств на каждом континенте. Меньше всего сторонников советской политики в Афганистане было в Западном полушарии – только Куба и Гренада до событий 1983 г.

После 1985 г. сокращается число стран, поддерживающих политику СССР в Афганистане, о чем говорят результаты голосования в ООН за резолюции «Положение в Афганистане...» (см. таблицу 1). По всей видимости, основная причина данного явления не столько в затяжном пребывании советского военного контингента в Афганистане, сколько в новой внешнеполитической линии, начавшейся с избранием в СССР на пост генерального секретаря Центрального комитета КПСС М.С. Горбачева, согласно которой был взят курс на скорейшее дипломатическое разрешение «афганского вопроса». Хотя осознание необходимости урегулирования афганского вооруженного конфликта мирными средствами у советского руководства присутствовало и ранее, доказательством чему двусторонние заявления СССР и его союзников, в большинстве которых содержится указание на необходимость политического урегулирования ситуации в Афганистане и поддержка советских и афганских инициатив по этому вопросу.

Если говорить о причинах, обуславливающих поддержку союзниками СССР его политики в Афганистане, то они базировались либо на тесных многолетних отношениях с СССР (восточноевропейские государства, Куба, Монголия, Сирия, НДРЙ, отчасти Ливия); либо зиждились на поддержке данного государства СССР в настоящем или недавнем прошлом в ситуации регионального вооруженного конфликта (Эфиопия, Ангола, Мозамбик, Вьетнам). Особняком в ряду поддерживающих советскую политику в Афганистане стран стоит Мадагаскар – у этого государства не было очень тесных отношений с Советским Союзом, поэтому достаточно сложно объяснить проявленный им феномен солидарности. Стоит отметить, что во второй половине 1980-х годов некоторые союзники СССР дистанцировались от поддержки Советского Союза в «афганском вопросе» (например Мозамбик). Но в целом на протяжении 1980-х годов сохранялся хоть и небольшой, но стабильный блок государств, поддерживающих советскую политическую линию в Афганистане. У этих государств могли различаться мотивы поддержки, но итог был одинаков: солидаризация с СССР в курсе проводимой им в Афганистане политической линии.

Библиография

Алан П., Клей Д. Афганский капкан. Правда о советском вторжении. М., 1999.

Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1980 год. Сб. док. / Сост. И.А. Кириллин, Н.Ф. Потапова. М., 1981.

Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1981 год. Сб. док. / Сост. И.А. Кириллин, Н.Ф. Потапова. М., 1982.

Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1982 год. Сб. док. / Сост. И.А. Кириллин, Н.Ф. Потапова. М., 1983.

Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1983 год. Сб. док. / Сост. И.А. Кириллин, Н.Ф. Потапова. М., 1984.

Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1984 год. Сб. док. / Сост. И.А. Кириллин, Н.Ф. Потапова. М., 1985.

Германчук М.Н. Становление и развитие внешней политики Мадагаскара: проблемы и перспективы (1965–2005 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006.

Гриневич Э.А., Гвоздарев Б.И. Куба в мировой политике. М., 1984.

Гуськов А.С. Демократический Йемен: 20 лет революции. М., 1983.

История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М., 1982.

История Кампучии. Краткий очерк. М., 1981.

Карцева Е.Ю. Советско-эфиопские отношения в условиях идеологического сближения после революции 1974 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 5. С. 107–113.

Конорева И.А. Проблема Индокитая на завершающем этапе «холодной войны» и политика СССР // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3 (19). Т. 2. URL: http://www.scientific-notes.ru/pdf/021-033.pdf (дата обращения: 23.09.2020).

Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. М., 2004.

Латинская Америка в международных отношениях. XX век: в 2 т. Т. 2. М., 1988.

Мосяков Д.В. История Камбоджи. XX век. М., 2010.

Отчеты о голосовании по номерам резолюций ООН // URL: https://digitallibrary.un.org/search?ln-ru&cc-Voting+Data (дата обращения: 23.09.2020).

Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/ga/documents/symbol.asp (дата обращения: 07.03.2021).

Правда об Афганистане. Документы, факты, свидетельства. М., 1980.

Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений, 1919–1987. М., 1988.

Христофоров В.С. Политическое урегулирование афганской проблемы в контексте международных отношений в 1980-е гг. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2014. № 18 (140). С. 116–125.

Шведов А.А. Независимая Африка: внешнеполитические проблемы, дипломатическая борьба. М., 1983.

Шведов А.А., Румянцев В. Советско-ливийские отношения. М., 1986.

Anderson-Jaquest T.C. Restructuring the Soviet-Ethiopian relationship: A case study in asymmetric exchange: PhD thesis, London School of Economics and Political Science. URL: http://etheses.lse.ac.uk/2110/ (дата обращения: 07.03.2021).

Bain M.J. Soviet-Cuban Relations, 1985 to 1991: Changing Perceptions in Moscow and Havana. Boulder, 2007.

Fodor N. The Warsaw Treaty Organization: A Political and Organizational Analysis. New York, 1990.

Foreign relations of the United States. 1977–1980. Vol. XX. Eastern Europe. Washington (D.C.), 2015.

Freedman R. Moscow and the Middle East: Soviet Policy since the Invasion of Afghanistan. New York, 1991.

Halliday F. Revolution and Foreign Policy: the Case of South Yemen. 1967–1987. Cambridge, 2002.

Hannah J.P. At Arm's Length: Soviet-Syrian Relations In The Gorbachev Era. Washington (D.C.), 1989.

Holden G. The Warsaw pact: Soviet security and bloc politics. Oxford, 1989.

Mcfaul M. The demise of the world revolutionary process: Soviet-Angolan relations under Gorbachev // Journal of Southern African Studies. 1990. Vol. 16. Iss. 1. P. 165–189.

Meier C. Die sowjetische Intervention in Afghanistan und die Reaction im Warschauer Pakt // Die sowjetische Intervention in Afghanistan. Baden-Baden, 1980. S. 273–298.

Stuart-Fox M. Foreign Policy of the Lao People's Democratic Republic // Laos: Beyond the Revolution / Eds J.J. Zasloff and L. Unger. London, 1990. P. 187–208.

The Soviet Union in the Third World / Ed. C.R. Saivetz. Boulder, 1989.

Zagoria D. The Soviet-Vietnamese Alliance // Postwar Indochina: Old Enemies and New Allies / Ed. J.J. Zasloff. Washington (D.C.), 1988. P. 133–146.

References

Alan P., Clay D. Afganskiy kapkan. Pravda o sovetskom vtorzhenii [Afghan trap. The truth about the Soviet invasion]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Germanchuk M.N. Formation and development of foreign policy of Madagascar: problems and prospects (1965–2005) [Stanovleniye i razvitiye vneshney politiki Madagaskara: problemy i perspektivy (1965–2005 gg.)]: autoref. diss. ... candidate of historical sciences. Moskva, 2006. (In Russ.)

Grinevich E.A., Gvozdarev B.I. Kuba v mirovoy politike [Kuba in world politics]. Moskva, 1984. (In Russ.)

Gus'kov A.S. Demokraticheskiy Yyemen: 20 let revolyutsii [Democratic Yemen: 20 years of revolution]. Moskva, 1983. (In Russ.)

Istoriya Afganistana s drevneyshikh vremen do nashikh dney / Otv. red. Yu.V. Gankovsky [History of Afghanistan from ancient times to the present day / Ed. Yu.V. Gankovsky]. Moskva, 1982. (In Russ.)

Istoriya Kampuchii. Kratkiy ocherk [History of Kampuchea. Short essay]. Moskva, 1981. (In Russ.)

Kartseva E.Yu. Sovetsko-efiopskiye otnosheniya v usloviyakh ideologicheskogo sblizheniya posle revolyutsii 1974 g. [Soviet-Ethiopian relations in the context of ideological rapprochement after the revolution of 1974] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii [Bulletin of the Peoples ' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]. 2009. № 5. P. 107–113. (In Russ.)

Konoreva I.A. Problema Indokitaya na zavershayushchem etape "kholodnoy voyny" i politika SSSR [The problem of Indochina at the final stage of the "cold war" and the policy of the USSR] // Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University]. 2011. № 3 (19). Vol. 2. URL: http://www.scientific-notes.ru/pdf/021-033.pdf (access date: 23.09.2020). (In Russ.)

Korgun V.G. Istoriya Afganistana. XX vek [History of Afghanistan. 20th century]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Khristoforov V.S. Politicheskoye uregulirovaniye afganskoy problemy v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy v 1980-ye gg. [Political settlement of the Afghan problem in the context of international relations in the 1980s.] // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. Story. International relationships]. 2014. № 18 (140). P. 116–125. (In Russ.)

Latinskaya Amerika v mezhdunarodnykh otnosheniyakh. XX vek [Latin America in international relations. 20th century]: in 2 vol. Vol. 2. Moskva, 1988. (In Russ.)

Mosyakov D.V. Istoriya Kambodzhi. XX vek [History of Cambodia. 20th century]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Ofitsial'nyy sayt OON. Poisk dokumentov po uslovnym oboznacheniyam [Official site of the United Nations. Search for documents by conventions]. URL: https://www.un.org/ru/ga/documents/symbol.asp (access date: 07.03.2021). (In Russ.)

Otchety o golosovanii po nomeram rezolyutsiy OON [Voting reports by United Nations resolution numbers]. URL: https://digitallibrary.un.org/search?ln-ru&cc-Voting+Data (access date: 23.09.2020). (In Russ.)

Pravda ob Afganistane. Dokumenty, fakty, svidetel'stva [The truth about Afghanistan. Documents, facts, evidence]. Moskva, 1980. (In Russ.)

Shvedov A.A. Nezavisimaya Afrika: vneshnepoliticheskiye problemy, diplomaticheskaya bor'ba [Independent Africa: foreign policy problems, diplomatic struggle]. Moskva, 1983. (In Russ.)

Shvedov A.À., Rumyantsev V. Sovetsko-liviyskiye otnosheniya [Soviet-Libyan relations]. Moskva, 1983. (In Russ.)

Teplinsky L.B. Istoriya sovetsko-afganskikh otnosheniy, 1919–1987 [The history of Soviet-Afghan relations, 1919–1987]. Moskva, 1988. (In Russ.)

Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza i mezhdunarodnye otnosheniya. 1980 god. Sb. dok. / Sost. I.A. Kirillin, N.F. Potapova [Foreign policy of the Soviet Union and international relations. 1980. Collection of documents / Compiled by I.A. Kirillin, N.F. Potapova]. Moskva, 1981. (In Russ.)

Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza i mezhdunarodnye otnosheniya. 1981 god. Sb. dok. / Sost. I.A. Kirillin, N.F. Potapova [Foreign policy of the Soviet Union and international relations. 1981. Collection of documents / Compiled by I.A. Kirillin, N.F. Potapova]. Moskva, 1982. (In Russ.)

Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza i mezhdunarodnye otnosheniya. 1982 god. Sb. dok. / Sost. I.A. Kirillin, N.F. Potapova [Foreign policy of the Soviet Union and international relations. 1981. Collection of documents / Compiled by I.A. Kirillin, N.F. Potapova]. Moskva, 1983. (In Russ.)

Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza i mezhdunarodnye otnosheniya. 1983 god. Sb. dok. / Sost. I.A. Kirillin, N.F. Potapova [Foreign policy of the Soviet Union and international relations. 1981. Collection of documents / Compiled by I.A. Kirillin, N.F. Potapova]. Moskva, 1984. (In Russ.)

Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza i mezhdunarodnye otnosheniya. 1984 god. Sb. dok. / Sost. I.A. Kirillin, N.F. Potapova [Foreign policy of the Soviet Union and international relations. 1984. Collection of documents / Compiled by I.A. Kirillin, N.F. Potapova]. Moskva, 1985. (In Russ.)

Anderson-Jaquest T.C. Restructuring the Soviet-Ethiopian relationship: A case study in asymmetric exchange: PhD thesis, London School of Economics and Political Science. URL: http://etheses.lse.ac.uk/2110/ (access date: 07.03.2021).

Bain. M.J. Soviet-Cuban Relations, 1985 to 1991: Changing Perceptions in Moscow and Havana. Boulder, 2007.

Fodor N. The Warsaw Treaty Organization: A Political and Organizational Analysis. New York, 1990.

Foreign relations of the United States. 1977–1980. Vol. XX. Eastern Europe. Washington (D.C.), 2015.
Freedman R. Moscow and the Middle East: Soviet Policy since the Invasion of Afghanistan. New York, 1991.
Halliday F. Revolution and Foreign Policy: the Case of South Yemen. 1967–1987. Cambridge, 2002.
Hannah J.P. At Arm's Length: Soviet-Syrian Relations In The Gorbachev Era. Washington (D.C.), 1989.
Holden G. The Warsaw pact: Soviet security and bloc politics. Oxford, 1989.
Mcfaul M. The demise of the world revolutionary process: Soviet-Angolan relations under Gorbachev // Journal of Southern African Studies. 1990. Vol. 16. Is. 1. P. 165–189.
Meier C. Die sowjetische Intervention in Afghanistan und die Reaction im Warschauer Pakt // Die sowjetische Intervention in Afghanistan. Baden-Baden, 1980. S. 273–298.
Stuart-Fox M. Foreign Policy of the Lao People's Democratic Republic // Laos: Beyond the Revolution. / Eds J.J. Zasloff and L. Unger. London, 1990. P. 187–208.
The Soviet Union in the Third World / Ed. Carol R. Saivetz. Boulder, 1989.
Zagoria D. The Soviet-Vietnamese Alliance // Postwar Indochina: Old Enemies and New Allies. / Ed. J.J. Zasloff. Washington (D.C.), 1988. P. 133–146.

DOI: 10.31857/S013038640014699-6

© 2021 г. **Р.Х. СИМОНЯН**

СТРАНЫ БАЛТИИ: МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ПОСЛЕ ВСТУПЛЕНИЯ В ЕВРОСОЮЗ

Симонян Ренальд Хикарович *– профессор, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН (Москва, Россия).*
E-mail: simonyan.renald@yandex.ru
Researcher ID: T-9263-2017; Scopus Author ID: 15728501300

Аннотация. Трудовая миграция как наиболее наглядное проявление глобализации мирового хозяйства становится одной из важнейших тенденций общественного развития. Сегодня проблемы миграции, образования и функционирования диаспоральных сообществ являются ведущими темами общественного дискурса и предметом исследования различных отраслей общественных наук. В статье рассматриваются особенности трудовой миграции населения Латвии, Литвы и Эстонии как государств – экспортеров рабочей силы. Эмиграция из стран Балтии имеет длительную историю, начавшуюся еще в середине XIX в. Резкое увеличение миграционных потоков из этих государств произошло после их вступления в Европейский союз. Это привело к значительному сокращению их населения. Происходящая депопуляция населения, и прежде всего эмиграция представителей наиболее активных и образованных социальных групп населения, вызывает обоснованную тревогу как общественности, так и руководства государств Балтии. С привлечением широкого статистического материала автор рассматривает сложившиеся модели эмиграции в каждом из этих государств в течение первого десятилетия их членства в ЕС на общем фоне миграционных процессов в постсоциалистических странах Восточной Европы, вступивших в Евросоюз одновременно со странами Балтии. Эти годы наиболее показательны для анализа складывающихся миграционных процессов. В статье анализируются факторы, вызывающие трудовую эмиграцию, социальная и демографическая структуры складывающихся эмигрантских сообществ, нынешнее состояние, тенденции, направленность и масштаб эмиграционных потоков, противоречивые подходы к оценке трудовой эмиграции в этих странах. Выявляются особенности миграционных процессов в каждом из этих государств, рассматриваются перспективы миграционных процессов в связи с наметившимися положительными тенденциями в экономическом развитии стран Балтии, прежде всего в Литве и Эстонии.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, миграционные потоки, ЕС, молодежь и безработица, компактное и дисперсное проживание, страны Балтии.

R.H. Simonyan

The Baltic States: Migration Processes after Joining the European Union

Renald Simonyan, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: simonyan.renald@yandex.ru
Researcher ID: T-9263-2017; Scopus Author ID: 15728501300

Abstract. One of the manifestations of the globalization of the world economy is the international migration of labour, which in the modern world is becoming one of the most important trends in social development. Problems of migration, education, and functioning of diaspora communities are becoming the leading topics of public discourse and the subject of research in various branches of social sciences. The article deals with the features of labour migration of the population of Latvia, Lithuania, and Estonia as labour exporting countries. Emigration from the Baltic States has a long history, which began in the mid-19th century. The most dramatic increase in migration flows from these states occurred after they acceded to the European Union, which led to a significant reduction in the population in these States. Depopulation and, above all, emigration of the most active and educated social groups is a legitimate concern for both the public and the leadership of the Baltic States. Using a wide range of statistical data, the author examines the patterns of emigration that developed during the first decade in each of these states against the general background of migration processes in the post-socialist countries of Eastern Europe that joined the European Union simultaneously with the Baltic States. The article analyzes the factors that cause labour emigration, the social and demographic structure of the emerging emigrant communities, the current state, trends, direction, and scale of emigration flows from Latvia, Lithuania, and Estonia, and conflicting approaches to assessing labour emigration from these countries. The features of migration processes in each of these countries are revealed. Based on the analysis, the authors substantiate the prospects of migration processes in connection with the recent positive trends in the economic development of the Baltic States, primarily in Lithuania and Estonia.

Keywords: migration flows, EU membership, youth and unemployment, compact and dispersed residence, transfers of labour migrants.

В современном мире происходит резкое возрастание миграционных процессов, основную часть участников которых составляют трудовые мигранты. Численность мигрантов в мире быстро растет: если в 2013 г., по данным Международной организации по миграции, их было 232 млн человек, то в 2019 г. количество мигрантов в мире достигло 272 млн человек. Это подтверждает прогноз Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, опубликованный 11 сентября 2013 г., что численность мигрантов к 2050 г. достигнет 405 млн человек.

Движение трудовых ресурсов определяется территориальными особенностями международной системы разделения труда и связанной с ней профессиональной мобильностью с целью повышения качества жизни. В отличие от общемирового направления миграционных потоков, идущих по линии Юг – Север, на европейском континенте доминирующим направлением является Восток – Запад. Народы Восточной Европы, в том числе юго-восточного побережья Балтийского моря, издавна были источником трудовых ресурсов для быстро развивающихся западноевропейских государств. Так, из Российской империи за полувековой период после отмены крепостного права до начала мировой войны (1861–1914 гг.) эмигрировало около 5 млн подданных как русских, так и представителей других, в том числе прибалтийских, этносов. В основной массе это были безземельные крестьяне, ремесленники, малоквалифицированные рабочие, которые стремились в страны, характеризующиеся острой потребностью в рабочей силе, прежде всего в Америку.

В этот период из балтийских этносов наибольшую активность проявили литовцы, создавшие свои первые диаспоры в Северной и Южной Америке, а затем в Австралии и Новой Зеландии. После российской революции 1905–1907 гг., которая в наиболее радикальных формах проходила в Остзейском крае, десятки тысяч латышей, литовцев и эстонцев эмигрировали в США и Канаду, чтобы избежать репрессий царского правительства. Так возникла политическая мотивация эмиграции, ее следующая волна пришлась уже на последние годы Второй мировой войны. Из прибалтийских государств, памятуя о сталинских репрессиях 1940 г., эмигрировали на Запад (в основном

в Швецию, Великобританию, США, Канаду) десятки тысяч латышей, литовцев и эстонцев, пополнив имеющиеся там после первой волны миграции национальные диаспоры.

В Советском Союзе приграничный режим был жестко регламентирован, границы были закрыты, эмиграция стала возможна лишь в позднесоветский период и только в исключительных случаях. При этом переезд в другую страну лишал эмигранта права на возвращение. Происходящие во времена перестройки процессы демократизации привели к выходу страны из режима изоляции и разрешению въезда и выезда советских граждан[1], что вызвало поток эмиграции из Советского Союза, в том числе из республик Прибалтики, которые вскоре вышли из состава СССР и в течение 12 лет сохраняли статус независимых государств.

В мае 2004 г. Латвия, Литва и Эстония, наряду с другими постсоциалистическими государствами Восточной Европы[2], вступили в Евросоюз и перед ними открылся европейский рынок труда. Постоянные жители стран Балтии получили возможность свободно передвигаться по территории ЕС. Это вызвало новую волну трудовой миграции на Запад. К 2011 г. были отменены последние ограничения на перемещение трудовых мигрантов не только в рамках Евросоюза, но и на территории трех европейских государств, обладающих наиболее высоким уровнем доходов населения, но не являющихся членами ЕС, однако входящих в Европейскую экономическую зону (ЕЭЗ), – Исландии, Норвегии и Швейцарии.

Главным мотивом эмигрантов из стран Балтии, как и эмигрантов из других постсоциалистических стран Восточной Европы, были значительные различия по сравнению со странами Западной Европы в уровне доходов населения, определявшиеся состоянием экономики «новых» и «старых» членов Евросоюза. Об уровне отставания постсоциалистических стран в социально-экономическом развитии от стран Западной Европы дает представление такой интегративный экономический показатель, как внутренний валовый продукт (ВВП) на душу населения по паритету покупательной способности (ППС): в канун вступления в Евросоюз средний показатель стран Балтии был 12,9 тыс. долл., что в 2,3 ниже среднего по странам ЕС, наибольшее различие было с Германией (31,7 тыс. долл.), Великобританией (33,1 тыс. долл.), Нидерландами (35,2 тыс. долл.), Ирландией (38,0 тыс. долл.). Еще бóльшая разница была с государствами, не входящими в Евросоюз: Швейцарией – 40,4 тыс. долл., Норвегией – 53,1 тыс. долл.

Значительная диспропорция в доходах населения Западной и Восточной Европы существует и в настоящее время. По данным Всемирного банка за 2018 г., в Германии средняя зарплата составляла 18,8 евро в час. На Востоке Европы значительно меньше: в Латвии – 3,39 евро, в Румынии – 1,94 евро, а в Болгарии, которая по покупательной способности населения занимала тогда последнее место среди стран Евросоюза, всего лишь 1,67 евро.

Переходный период от директивно-плановой экономики к свободному рынку сопровождался в постсоциалистических странах высоким уровнем безработицы, которая явилась еще одним важным мотивом трудовой миграции.

Оценивая состояние экономики стран Балтии, следует указать два основных фактора ее динамики за постсоветский период. Во-первых, современная материально-техническая база, научный и профессионально-образовательный потенциалы, созданные в советский период. Во-вторых, эффективно, без особой спешки проведенные хозяйственные реформы в 1990-х годах, в том числе и экономическая модернизация. Все

---

[1] Закон о порядке въезда и выезда из СССР советских граждан принят Верховным Советом СССР 20 мая 1991 г.

[2] По сравнению с Советским Союзом социалистические страны Восточной Европы имели облегченный визовый режим, поэтому мигранты из этих стран и до 2004 г. присутствовали на рынках труда стран Евросоюза. Наибольшую активность проявляли трудовые мигранты из Польши, которых к 2004 г. насчитывалось в странах Евросоюза около 400 тыс. человек.

это позволило странам Балтии достигнуть существенных успехов в социально-экономическом развитии. Уже в 2015 г. бывшие советские республики – Латвия, Литва и Эстония – сумели почти в два раза увеличить ВВП на душу населения по ППС и сократить разницу по этому показателю со «старыми» (ЕС-15) государствами Евросоюза.

После падения «железного занавеса» в социалистических странах Европы начались общественно-исторические процессы перехода к свободному рынку, в 1990-х годах был определен политэкономический тренд стратегии построения современного демократического государства на основе свободного рынка. Проведение приватизации промышленных объектов было первым шагом на пути хозяйственного развития как в экономическом, так и, что еще важнее, в социальном аспекте. Была задана траектория развития общества. Эффективность проведенных в 1990-х годах экономических реформ позволила к 2020 г. еще больше сократить отставание от государств Западной Европы. По данным Всемирного банка, подушевой показатель ВВП по ППС Латвии составлял 65,1% от уровня ЕС, Литвы – 73,6%, Эстонии – 74,5%[3]. Хотя отставание от наиболее развитых стран сохранилось, но разница существенно сократилась (см. таблицу 1).

Таблица 1

ВВП на душу населения по ППС в 2004–2015 гг. (в тыс. долл. США)

год	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
ЕС	26,5	27,7	30,0	31,8	33,2	32,4	33,2	34,6	35,2	36,1	36,9	37,7
Латвия	12,5	14,1	16,6	19,0	19,9	17,0	17,4	19,5	21,1	22,6	23,5	24,3
Литва	13,3	14,7	16,7	19,3	20,8	18,3	22,5	23,6	24,5	26,5	27,7	27,7
Эстония	14,7	16,6	19,3	21,8	22,5	20,2	21,1	24,0	25,9	27,2	28,1	28,2

Источник: Всемирный банк, 2016. URL: http://data.worldbank. org/indicator/ (дата обращения: 20.11.2020).

Первыми, кто открыл свой рынок труда для мигрантов из постсоциалистичских стран в 2004 г., стали Великобритания и Швеция, имеющие традиционные исторические связи со странами Балтии. Их примеру последовали Ирландия (2005 г.), Финляндия, Португалия, Испания, Италия, Греция (2006 г.), Голландия и Люксембург (2007 г.), Франция (2008 г.), Бельгия и Дания (2009 г.). Последние ограничения на перемещение рабочей силы в рамках Евросоюза были отменены в 2011 г. в Германии и Австрии. Благодаря вступлению в Евросоюз граждане постсоциалистичских стран Европы получили возможность работать в государствах, не являющихся членами ЕС, но входящих в состав ЕЭЗ: Исландии (с 2006 г.), Норвегии (с 2009 г.), Швейцарии (с 2011 г.).

Экономика создает фундамент, на котором формируются многие другие стороны общественного развития, отражающиеся в показателях качества жизни. И здесь различия между странами Балтии и старыми членами Евросоюза сохраняются, что также способствует миграционным процессам[4].

Социальный состав мигрантов, перемещающихся с востока на запад Европы, не ограничивается только рабочей силой, в последнее время увеличивается число студентов, стажеров, участников научно-технического обмена, мелких оптовых торговцев («челноков»), представителей прочих социальных групп, получающих вид на жительство по разным юридическим основаниям.

---

[3] Всемирный банк. URL: http://data.worldbank. org/indicator/ (дата обращения: 20.11.2020).

[4] *Дрыночкин А.В.* Проблемы экономической оценки трансформационного развития Вишеградских стран // Современная Европа. 2015. № 6. С. 55.

Масштаб миграционного потока на Запад из постсоциалистических стран после их вступления в Евросоюз можно оценить на примере Польши. В канун вступления Польши в 2004 г. в Евросоюз там уже насчитывалось около 400 тыс. польских трудовых мигрантов[5]. К 2007 г. их количество уже составило 1,86 млн человек, что, по данным польской статистической службы, составляет более 5% населения страны. Аналогичные миграционные процессы, но в меньших масштабах были характерны и для стран Балтии.

По данным различных источников (включая нерегистрируемую миграцию, которая составляет, по мнению различных экспертов, от 15 до 20% регистрируемой), с 2004 по 2015 г. из Литвы мигрировали не менее 500 тыс. человек, из Латвии – 300–350 тыс. (на состоявшемся 26 января 2015 г. заседании Комиссии Сейма Латвии по долгосрочному развитию официально признан отъезд не менее 270 тыс. человек), Эстонии – 100–150 тыс.

Если после вступления стран Балтии в Евросоюз направление трудовой миграции из Эстонии в основном осталось прежним – Финляндия, то в Латвии и Литве произошли существенные перемены. Так, доля переезжающих в США, составлявшая до 2004 г. не менее 20% миграционного потока, в настоящее время уменьшилось до 3,3%. В целом трудовая миграция из стран Балтии ограничилась рамками Евросоюза. Перераспределение произошло и внутри Евросоюза: вместо доминировавшей до 2004 г. Германии (третья часть всей трудовой миграции) основным направлением, по данным статистических служб Латвии и Литвы, стала Великобритания (более 50%), за ней – Ирландия (более 10%). Далее следуют Германия и Норвегия (по 7%), Нидерланды (5%), Италия (4%), Испания (3,5%), Швеция (2,4%).

Таким образом, бóльшая часть (почти две трети) трудовых мигрантов Латвии и Литвы сконцентрировалась на Британских островах. Это можно объяснить двумя основными факторами: во-первых, британцы и ирландцы первыми открыли свои рынки труда; во-вторых, молодежь в странах Балтии обладает достаточно высоким уровнем владения английского языка. В Великобритании и Ирландии основной контингент латвийских и литовских мигрантов составляют молодые образованные люди. Старшая возрастная группа традиционно отдает предпочтение Германии.

В России также имеется большая литовская диаспора, насчитывающая около 35 тыс. человек, что по численности значительно превышает, к примеру, литовскую диаспору в Норвегии (20 тыс. человек). По мнению председателя Комиссии по делам восточных стран Всемирного общества литовцев Бируте Ненартавичюте, большинство осевших в России литовцев имеют хорошо оплачиваемую работу, пользуются уважением в обществе, что и обуславливает их нежелание возвращаться на родину[6].

Следует оговориться, что крайне сложно провести статистические подсчеты по миграции, да и официальные данные не в полной мере отражают реальность[7]. Тем не менее масштабы миграционных процессов наглядно отражаются в динамике численности населения, которое после советского периода стало весьма существенно сокращаться. Так, население Латвии в последний год советского периода (1990 г.) составляло 2 668 161 человек, в конце 2020 г. – 1 897 106 человек. В Литве – аналогичная картина – 3 706 299 и 2 794 472 человека.

Таким образом, за последние три десятилетия население Латвии сократилось на 28,9%, население Литвы – на 24,6%. За тот же период население Эстонии сократилось с 1 570 599 человек до 1 324 820 человек – на 15,5%. Как считают демографы прибалтийских стран, не менее чем на 80% это снижение произошло за счет фактора эмиграции. Литовский экономист П. Гилис так охарактеризовал происходящие в странах Балтии демографические процессы: «это уже не эмиграция, а эвакуация»[8].

---

[5] Тогда и возник популярный в странах Евросоюза термин «польский сантехник».

[6] Lietuvos ritas, 29.X.2013.

[7] *Симонян Р.Х.* Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 314.

[8] Kauno diena, 7.XII.2016.

Эксперты различают латвийский и литовский подходы к оценке эмиграции. В Латвии трудовую миграцию предпочитают рассматривать не столько в аспекте демографического ущерба, сколько в ракурсе жизненного успеха. Внимание общественности фокусируется на социально-гуманитарных аспектах: на тех возможностях, которые предоставляет людям миграция.

Свободное движение рабочей силы в Латвии расценивают как естественное явление, к которому нужно относиться конструктивно, искать способы, как компенсировать убыль, как воздействовать на эмигрантов, предлагая им рабочие места на родине. А сам миграционный процесс оценивается в качестве фактора, который оказывает положительное влияние на латвийское общество. Трудовые мигранты, приобретая передовой европейский опыт, как считают в Латвии многие социологи и экономисты, при репатриации будут применять его на родине, способствуя тем самым ее социально-экономическому развитию. Это мнение подтверждается практикой: репатрианты обладают более широким кругозором, более высокой самооценкой, у них больше стремления заняться предпринимательством, организовать собственный бизнес, чем у тех, кто не имеет зарубежного опыта трудовой деятельности.

Отношение к миграции в Литве в основном негативное, часто в категориях «катастрофа» и «исход». Внимание в большей степени фокусируется на анализе условий для репатриации. При этом как в общественном мнении, так и в дискурсе научного сообщества доминирует скепсис в отношении возможности создания этих условий, поскольку объективно Литве трудно состязаться с Западом в качестве жизни. В то же время у литовских аналитиков стали появляться надежды в среднесрочной перспективе на реэмиграцию, их подпитывает улучшающаяся экономическая ситуация в Литве, которая в последние годы выглядит относительно благополучно, – рост ВВП существенно опережает средний по ЕС: в 2016 г. – 2,3 против 1,9; в 2017 г. – 3,8 против 2,6; в 2018 г. – 3,6 против 1,9. По данным МВФ, в 2019 г. Литва по величине ВВП (ППС) на душу населения (38 567 долл.) не только оставила позади наиболее экономически успешную из постсоветских республик Эстонию (38 540 долл.), но наряду со Словенией и Чехией опередила все остальные европейские постсоциалистические государства.

К этому следует добавить, что за годы независимости Литва достигла значительных успехов: от 30% среднего ВВП по ЕС до 75%, что дает надежду на преодоление отставания уже к 2030 г. Следуя «потребительской логике», можно сделать вывод, что массовая эмиграция будет продолжаться еще около 10 лет. Поэтому литовское общественное мнение вынуждено воспринимать ее как объективную реальность.

В общественном дискурсе стран Балтии понятие «эмиграция» постепенно утрачивает драматическую коннотацию. Глобальные процессы изменяют не только общественную организацию, но и общественное сознание. Если прежде миграция ограничивалась различными барьерами и воспринималась негативно, то с объединением Европы стала, по существу, обыденным явлением. Прежде всего это относится к молодежи, для которой свобода передвижения органично воспринимается как одна из фундаментальных демократических ценностей. За 10 лет пребывания в Евросоюзе массовое сознание молодежи как наиболее мобильной социальной группы населения стало в значительной мере космополитическим, что нашло отражение в популярной формуле: «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Евросоюз». Жизнь молодежи в эмиграции стала одной их доминирующих тем в общественно-бытовом дискурсе стран Балтии, так как здесь почти каждая семья имеет близких родственников, проживающих за рубежом.

Сложилась типология форм и направлений миграционных процессов, отражающая национальные особенности каждой из стран Балтии. Одна из характерных черт латышской, и особенно литовской, эмиграции – стремление к концентрированному проживанию в принимающей стране. В отличие от дисперсного расселения российских эмигрантов, латыши, и особенно литовцы, склонны к компактному проживанию в новой стране,

располагаются землячествами, со своими культурными центрами и даже национальными школами. Социологические опросы показывают устойчивое стремление мигрантов из стран Балтии к сохранению связей с родиной, созданию в принимающем государстве особого пространства, на котором происходит социокультурное взаимодействие страны исхода и страны пребывания. Это стремление реализуется в форме создания национальных культурных центров, клубов, масс-медиа, социальных сетей.

В этом плане Литва по сравнению с Латвией и Эстонией обладает определенными преимуществами, связанными с большим количеством национальных диаспор в различных странах мира, общая численность которых составляет около 1,3 млн человек, из которых примерно 400 тыс. являются потомками мигрантов первой, довоенной волны. Литовская диаспора успешно адаптировалась к странам пребывания, что подтверждают основательные позиции ее представителей в политике, экономике, культуре и социальной сфере новых государств. С учетом нелегального трудоустройства до принятия Литвы в Евросоюз и легального после принятия в 2004 г. численность литовских мигрантов в Европе возросла более чем в три раза. В настоящее время это достаточно мощная диаспора, оформленная в многочисленные компактно проживающие национальные общины, создавшая свою социальную инфраструктуру, поддерживающую новых эмигрантов. Это во многом объясняет то, что жители Литвы с большей легкостью принимают решение об эмиграции.

Латвия не имела столь мощного диаспорального фундамента, но масштабы миграции оказались значительнее. Это вызвано тем, что Латвия сегодня – наиболее бедная из стран Балтии. Более сложная, чем в Литве и Эстонии, социально-экономическая ситуация[9] явилась стимулом для быстрого роста трудовой миграции, что привело Латвию по сравнению с другими странами Балтии к наибольшим демографическим потерям. Среди латвийских трудовых мигрантов также высока доля молодых людей с высоким уровнем образования, из которых более половины переезжают в Великобританию и Ирландию.

Эстония характеризуется наименьшими демографическими потерями от эмиграции. В этом определяющую роль играет географический фактор – близость Финляндии. Другая особенность эстонской трудовой миграции в ее социальном составе – это в основном представители рабочих профессий, дефицит в которых испытывает Финляндия. Обычно это строительство и сфера услуг (водители, продавцы, официанты, работники гостиничного бизнеса). Не менее трех четвертей трудовых мигрантов Эстонии находят работу в Финляндии, остальные – в Великобритании, Норвегии и Германии. Спецификой эстонской модели является то, что близость принимающей страны[10] определяет для сопредельных государств временный или даже маятниковый характер трудовой миграции[11].

При этом жители Эстонии и Латвии, имеющие статус неграждан[12], лишенные многих базовых гражданских прав, точно так же, как и граждане Эстонии и Латвии, наделены правом безвизового въезда в государства ЕС и возможностью получить там работу. В этом плане руководители Евросоюза оказались более демократичными и последовательными по отношению к правам этнических меньшинств, чем руководители Латвии и Эстонии.

Численность неграждан постепенно уменьшается, но пока еще составляет значительную часть населения Эстонии и Латвии. В основном это представители наиболее возрастных групп российской диаспоры в этих странах. Так, в Эстонии на 1 января

---

[9] Постсоветской Латвии досталась самая крупная в Прибалтике материально-техническая база промышленного производства, но проведенная в 1990-х годах приватизация, в отличие от Литвы и Эстонии, была менее безупречной.

[10] Расстояние между Таллином и Хельсинки – 80 км – паром преодолевает за два часа.

[11] Organization for Economic Cooperation and Development. Employment Outlook 2013. Retrieved 5 July 2018. P.16–17.

[12] Лица, обладающие специальными паспортами неграждан (aliens passport).

2016 г. с паспортами неграждан насчитывалось 81 178 человек, на 1 января 2020 г. – 71 051 человек, что составляет 5,3% населения страны. В Латвии на 1 января 2016 г. – неграждан было 252 017 человек, на 1 января 2020 г. – 197 888 человек, что составляет около 6,5% населения страны, из которых 130 402 составили те, кто при переписи указал национальность «русский». В силу возрастных особенностей неграждане менее активно участвуют в миграционных процессах (см. таблицы 2 и 3).

Таблица 2

Распределение эмигрантов из Эстонии по гражданству (2004–2015 гг.; человек)

год	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Граждане Эстонии	2279	3964	4971	3940	3860	3972	4665	5608	5968	6414	4314	8947
Граждане России	311	349	245	193	151	195	189	154	114	106	115	677
Неграждане	294	271	269	249	392	489	438	447	237	219	208	2613
Другие гражданства	43	26	49	2	3	–	2	5	2	1	0	766

Источник: Eesti statistikaamet, 2016.

Таблица 3

Распределение эмигрантов из Латвии по гражданству (2011–2015 гг.; человек)

год	2011	2012	2013	2014	2015
Всего	30311	25163	22561	19017	20119
Граждане Латвии	23630	20421	19150	16438	16579
Неграждане	3234	2543	1771	1188	977
Граждане других государств	3447	2199	1640	1391	2563

Источник: Centrālā stastistikas pārvalde Latvijas, 2016.

В Европейском союзе постсоветские республики Латвия, Литва и Эстония составляют общее пространство постсоветских государств Восточной Европы, уровень образования населения в большинстве которых был в среднем выше, чем в странах «старой Европы». Это не означает, что эмигранты из стран Балтии в принимающих странах находят занятия по специальности, но свидетельствует об определенных преимуществах при поисках места работы перед кандидатами из других государств. Советская система образования, высоко оцениваемая за рубежом, сыграла большую роль в развитии прибалтийских республик. В составе Советского Союза страны Балтии в полной мере воспользовались ее преимуществами. Прибалтийские республики отличались высокой долей жителей, имеющих высшее образование. Например, в 1989 г. в Эстонии таких было 32,7% в общей численности населения[13].

[13] Народное хозяйство СССР в 1989 г. Статистический ежегодник. М., 1990. С. 609.

Сложившиеся в странах Балтии за 50 лет советской власти традиции, ориентирующие молодежь на получение высшего образования, сохранились и поныне, что является еще одним фактором, способствующим миграции. Возникло острое общественное противоречие, характерное не только для балтийских, но и для большинства постсоциалистических стран Европы. Источник этого противоречия коренится в том, что на нынешнем рынке труда этих стран нет потребности в таком количестве специалистов, которое выпускают высшие учебные заведения. Диспропорция между количеством выпускников университетов и потребностями рынка труда особенно остро проявляется в малых странах, где малая емкость рынков труда, что приводит к ограниченности предложений для высококвалифицированных кадров. А это порождает естественное стремление как молодых, так и возрастных специалистов реализовать свои профессиональные способности в зарубежных государствах. В перспективе сложившаяся ситуация не только создает опасность утраты государством самой ценной части человеческого капитала, но и угрозу депопуляции, так как эмиграция молодых специалистов – представителей наиболее репродуктивной возрастной группы – неизбежно приводит к снижению рождаемости. Трудовые мигранты из бывших прибалтийских республик пользуются спросом на рынке труда Евросоюза, так как они отличаются высоким уровнем образования и профессиональным опытом по сравнению с мигрантами из других государств (см. таблицу 4). Это преимущество следует отнести к системе советского высшего образования, которая была одной из лучших в мире. Трудовые мигранты из советских республик сумели в полной мере продуктивно использовать эту систему. При этом высшее образование в странах Балтии и сегодня в целом сохраняет ее.

Таблица 4

Количество лиц с высшим образованием в возрасте 25–64 лет, включая носителей и соискателей научных степеней (в % от численности населения)

год	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
ЕС	21,9	22,5	23,0	23,5	24,2	25,1	25,9	26,8	27,7	28,6	29,3	30,1
Латвия	19,8	20,3	20,9	22,2	24,8	25,8	26,9	27,7	29,2	31,1	30,2	31,6
Литва	25,6	26,5	26,1	28,2	30,2	30,8	32,4	33,5	34,1	35,2	36,7	38,7
Эстония	30,9	33,2	33,2	33,3	34,2	36,2	35,5	36,9	37,6	37,4	37,6	38,1

Источник: Eurostat, 2016. URL: http://ec.europa.eu /eurostat/ data/ (дата обращения: 20.11.2020).

Для стран Балтии весьма болезненным оказался мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., вызвавший рост социального напряжения в этих странах, особенную остроту последствий которого ощутила Латвия, где недовольство населения выразилось в массовых митингах и уличных шествиях. Одной из основных причин антиправительственных выступлений стал взрывной рост безработицы (см. таблицу 5).

При этом безработица молодежи стран Балтии, которая, по данным Евростата, возросла в 2012 г. в Эстонии – до 32,9%; в Литве – до 35,3%; в Латвии – до 37,2% при среднеевропейской – 21,4%, вызвала особую тревогу за социальную стабильность в этих странах.

Безработица среди молодежи до 25 лет является наиболее острой общественно-политической проблемой во многих странах, так как представляет опасность протестных выступлений этой социальной группы. Динамика безработицы молодежи отражена в таблице 6.

Таблица 5

Уровень безработицы в странах Балтии (2004–2015 гг., в %)

год	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
ЕС	9,3	9,0	8,2	7,2	7,0	9,0	9,6	9,7	10,5	10,9	10,2	9,4
Латвия	11,7	10,0	7,0	6,1	7,7	17,5	19,5	16,2	15,0	11,9	10,8	9,9
Литва	10,9	8,3	5,8	4,3	5,8	13,8	17,8	15,4	13,4	11,8	10,7	9,1
Эстония	19,1	17,9	13,9	9,6	7,1	8,1	9,7	9,7	10,1	10,3	9,0	7,5

Источник: Eurostat, 2016. URL: http://ec.europa.eu /eurostat/ data/ (дата обращения: 20.11.2020).

Таблица 6

Уровень безработных среди молодежи до 25 лет в странах Балтии (2004–2015 гг., в %)

год	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
ЕС	19,2	19,0	17,7	15,9	15,9	21,4	20,3	21,7	23,3	23,7	22,2	20,3
Латвия	20,0	15,1	13,6	10,6	13,5	33,3	26,2	31,0	28,5	23,2	19,6	16,3
Литва	21,8	15,8	10,0	8,4	13,3	29,6	35,7	32,6	26,7	21,9	19,3	16,3
Эстония	23,9	15,1	12,1	10,1	12,0	27,4	32,9	22,4	20,9	18,7	15,0	13,1

Источник: Eurostat, 2016. URL: http://ec.europa.eu /eurostat/ data/ (дата обращения: 20.11.2020).

Государственными службами занятости стран Балтии трудовая миграция воспринимается как отток избыточной рабочей силы, как один из наиболее простых и надежных способов уменьшения безработицы. Позитивная роль трудовой миграции снижением уровня безработицы не ограничивается, она дает возможность также снижать уровень бедности в странах – экспортерах рабочей силы. Об этом красноречиво свидетельствуют данные Всемирного банка о величине денежных переводов из более развитых стран Евросоюза в страны Балтии за 2004–2015 гг. – 40,207 млрд долл. (Латвия – 18,212 млрд долл., Литва – 17,236 млрд долл., Эстония – 4,759 млрд долл.)[14].

Чтобы оценить масштабы поступлений в страну исхода денежных средств от трудовых мигрантов, возьмем в качестве примера Латвию, доходы государственного бюджета которой в 2009 г. составили 10,394 млрд долл. Это означает, что величина зарубежных переводов за 2004–2015 гг. составляет сумму, равную почти двум годовым государственным бюджетным доходам Латвии.

На диалектическое противоречие в оценке трудовой миграции было указано в обзоре МВФ, посвященном Латвии: «Эмиграция – это защитный клапан, с его помощью можно преодолеть серьезные проблемы с безработицей в Латвии. Но если предприниматели и наиболее квалифицированные работники будут уезжать в большом количестве, Латвия лишится как раз тех людей, что могли бы создать новые компании и рабочие места, а это в свою очередь снижает перспективы хозяйственного развития страны»[15].

Разумеется, перспективы развития каждого государства как для населения, так и для его руководителей являются базовой ценностью, но насущные потребности определяет повседневная жизнь, поэтому миграция на евразийском континенте в ближайшем

[14] Всемирный банк, 2016. URL: http://data.worldbank. org/indicator/ (дата обращения: 20.11.2020).

[15] Всемирный банк, 2016. URL: http://data.worldbank. org/indicator/ (дата обращения: 20.11.2020).

будущем сохранится, как и сохранится движение миграционных потоков в западном направлении. Страны Балтии не самые активные участники этого движения, сопредельные государства охвачены им более широко.

Так, в поисках работы жители Украины переезжают в соседнюю Польшу, а жители Польши по тем же соображениям – в соседнюю Германию, в которой численность польских граждан приближается к 3 млн человек. Точно так же жители Сербии, Хорватии, Северной Македонии, Словакии и Венгрии находят работу в соседней Австрии, а жители Албании в соседней Италии. Пространственная близость к собственной стране во многом определяет выбор мигрантами принимающей страны.

В русле общей тенденции происходят миграционные процессы в нашей стране: в Россию направляется широкий поток трудовых мигрантов из государств Южного Кавказа, Казахстана и Центральной Азии, а жители России уезжают трудиться в государства Евросоюза. По данным Росстата, на постоянное место жительства из России с 2013 по 2017 г. переехали в Латвию 4332 человека, в Литву – 3211, в Эстонию – 5822, в Финляндию – 3568[16].

Таким образом, движение трудовых ресурсов из стран Балтии, являясь следствием неравномерного социально-экономического развития отдельных обществ, отражает общемировую тенденцию роста миграционных процессов, прежде всего в форме перераспределения этих ресурсов в современных условиях усиливающегося разрыва в уровне жизни между группой ведущих развитых стран и менее развитыми странами, но отличается своей региональной спецификой, анализ которой позволяет глубже исследовать общественно-исторический характер перемещения огромных масс народов как сложного и противоречивого явления.

Библиография

Всемирный банк. URL: http://data.worldbank.org/indicator/ (дата обращения: 20.11.2020).

Дрыночкин А.В. Проблемы экономической оценки трансформационного развития Вишеградских стран // Современная Европа. 2015. № 6. С. 50–59.

Народное хозяйство СССР в 1989 г. Статистический ежегодник. М., 1990.

Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. 2018. М., 2019.

Симонян Р.Х. Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 313–326.

Centrālā statistikas pārvalde Latvijas. URL: http://www.csb.gov.lvhttp://stat.gov.pl/podstawowe-dane/ (дата обращения: 20.11.2020).

Eesti statistikaamet. URL: http://www. stat. ee/en (дата обращения: 20.11.2020).

Eurostat. URL: http://ec.europa.eu /eurostat/ data/ (дата обращения: 20.11.2020).

Lietuvos Respublikos statistikos Departamentas. URL: http:// www. stat.gov.lt (дата обращения: 20.11.2020).

Organization for Economic Cooperation and Development. Coping with Emigration in Baltic and East European Countries. Retrieved 5 July 2018.

References

Drynochkin A.V. Problemy ekonomicheskoj ocenki transformacionnogo razvitiya Vishegradskih stran [Problems of economic assessment of transformational development of Visegrad countries] // Sovremennaya Evropa [Modern Europe]. 2015. № 6. P. 48–57. (In Russ.)

Narodnoe hozyajstvo SSSR v 1989 g. Statisticheskij jezhegodnik [National Economy USSR in 1989. Statistical Yearbook]. Moskva, 1990. (In Russ.)

Rossiya v cifrah. Kratkij statisticheskij sbornik. 2018 [Russia in numbers. Brief statistical collection. 2018]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Simonyan R.H. Migracionnye nastroeniya rossijskoj molodezhi: regional'nyj aspect [Migration attitudes of Russian youth: regional dimension] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i

[16] Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. 2018. М., 2019. С. 83.

social'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2017. № 6. P. 313–326. (In Russ.)

Vsemirnyj bank [The world Bank]. URL: http://data.worldbank. org/indicator/ (access date: 20.11.2020). (In Russ.)

Centrālā statistikas pārvalde Latvijas. URL: http://www.csb.gov.lvhttp://stat.gov.pl/podstawowe-dane/ (access date: 20.11.2020).

Eesti statistikaamet. URL: http://www. stat. ee/en (access date: 20.11.2020).

Eurostat. URL: http://ec.europa.eu /eurostat/ data/ (access date: 20.11.2020).

Lietuvos Respublikos statistikos Departamentas. URL: http:// www. stat.gov.lt (access date: 20.11.2020).

Organization for Economic Cooperation and Development. Coping with Emigration in Baltic and East European Countries. Retrieved 5 July 2018.

DOI: 10.31857/S013038640014288-4

© 2021 г. **П.В. СТЕГНИЙ**

«Я БУДУ ЦАРСТВОВАТЬ ИЛИ ПОГИБНУ». Новые материалы Государственного архива РФ о переписке великой княгини Екатерины Алексеевны с английским послом Чарльзом Хенбери-Уильямсом в 1756–1757 годах*

Стегний Петр Владимирович *– доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный посол (Россия, Москва).*
E-mail: pstegny@inbox.ru
Researcher ID: AAC-8102-2021

Аннотация. В статье рассматривается малоизученный эпизод царствования императрицы Елизаветы Петровны, связанный с тайной перепиской Екатерины II, тогда еще великой княгини, с английским послом в Петербурге Чарльзом Хенбери-Уильямсом (1756–1757 гг.). Переписка, опубликованная в России и Великобритании, представляет собой уникальный по объему и значимости источник. Она дает возможность представить потаенную сторону дипломатии, связанную с процессом масштабных геополитических сдвигов накануне и во время «дипломатической революции» 1756 г. и Семилетней войны. Переписка с английским послом раскрывает властные амбиции Екатерины во время августовского и октябрьского кризисов хронической болезни императрицы, политическую подоплеку ее связи со С.А. Понятовским. Предметом исследования является новый источник, выявленный в Государственном архиве РФ, – «Записка о сэре Хенбери Уильямсе, его отношениях с Екатериной II и политике его времени». Этот документ был подготовлен в начале 1860-х годов Д.Н. Блудовым для Александра II, а затем хранился в личной библиотеке русских императоров. «Записка» Д.Н. Блудова состоит из пяти глав. Первые две посвящены биографии Уильямса и начальному периоду его работы в Петербурге (1755–1756 гг.). Третья и четвертая – собственно переписке посла с великой княгиней Екатериной Алексеевной, т.е. с отъезда Понятовского из России до его возвращения в Петербург в качестве чрезвычайного польско-саксонского посланника. В пятой главе рассматриваются события до отъезда Уильямса из России. Материал статьи сгруппирован по трем смысловым блокам, характеризующим основные направления дипломатической деятельности Уильямса в Петербурге, его участие в интригах группировок при елизаветинском дворе и роль в истории с Понятовским. Приводятся также уточненные сведения о личности Уильямса, его деятельности до приезда в Петербург, обстоятельствах отъезда из России, а также характеристика итогов его миссии[1].

Ключевые слова: Чарльз Хенбери-Уильямс, великая княгиня Екатерина Алексеевна, А.П. Бестужев, «дипломатическая революция» 1756 г., Семилетняя война.

---

* Окончание. Начало см. № 2 за 2021 г.

[1] Основные тезисы статьи изложены в выступлении автора 15 сентября 2020 г. на «круглом столе», посвященном 100-летию Государственного архива РФ.

P.V. Stegny

"I Shall Either Perish or Reign". New Materials from State Archive of Russian Federation on the Correspondence Between Grand Duchess Catherine and the British Ambassador Charles Hanbury Williams in 1756–1757

Piotr Stegny, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary (Moscow, Russia).
E-mail: pstegny@inbox.ru
Researcher ID: AAC-8102-2021

Abstract. The article deals with a little-studied episode of the reign of Empress Elizaveta Petrovna, related to the secret correspondence of Catherine II, then still a Grand Duchess, with the British Ambassador in St. Petersburg Charles Hanbury Williams (1756–1757). The correspondence published in Russia (1909) and the United Kingdom (1928) is a unique source in terms of volume and significance. It provides an opportunity to show the hidden side of diplomacy in the times of large-scale geopolitical shifts on the eve of and during the Diplomatic Revolution of 1756 and the Seven Years' War. Moreover, the correspondence with the British Ambassador reveals Catherine's power ambitions during the August and October crises of the Empress's chronic illness, the political background of her relationship with S.A. Ponyatovsky. The subject of the research is a new source found in the State Archive of the Russian Federation – "A Note on Sir Hanbury Williams, His Relationship with Catherine II, and the Politics of His Time". The "Note" consists of five chapters. The material of the article is grouped into three blocks characterizing the main directions of Sir Williams' diplomatic activity in St. Petersburg, his participation in the intrigues at the court of Elizaveta Petrovna, and his role in the romantic affair between the Grand Duchess and Stanisław Ponyatovsky. The article also provides updated information about Williams' personality, his activities before his arrival to St. Petersburg, the circumstances of his departure from Russia, as well as analysis of the results of his mission.

Keywords: Sir Charles Hanbury Williams, Grand Duchess Catherine Alekseevna, Alexey Bestuzhev, Diplomatic Revolution of 1756, Seven Years' War.

«ОДИН ЧЕЛОВЕК ОКАЗАЛСЯ НЕ СТОЛЬ ЛЮБЕЗНЫМ, ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ»

Вопросы борьбы вокруг наследования престола в случае смерти императрицы появляются в переписке великой княгини с английским послом уже на раннем ее этапе. Инициатором обсуждения этой чрезвычайно острой темы выглядит Екатерина. Уже во втором своем письме (от 5 августа) она предупреждает посла (шутливо), что «не сможет решить всех его проблем, пока он не сделает ее императрицей»[2]. Но вполне очевидно, что Уильямс сам подводит ее к этому, постоянно привлекая внимание к династическому подтексту интриг Шуваловых в пользу восстановления дипломатических отношений с Францией (за ними, «должно быть, кроется какой-то скрытый замысел, а может быть, секрет, находящийся в руках этого семейства»)[3]. Екатерина, по-видимому, еще не вполне доверяющая послу, продолжает отшучиваться. Уильямс меняет тактику. «Мне нужны новые друзья», – сообщает он, получив конфиденциальные сведения о скором приезде в Петербург французского посла. Намек более чем прозрачный – Уильямс, крайне недовольный Бестужевым, подумывал о том, не поиграть ли на противоречиях между канцлером и Шуваловыми.

---

[2] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 728. Рукописные материалы библиотеки Зимнего дворца. Оп. 1. Д. 137. Notice sur sir Hanbury Williams, ses relations avec Catherine II et les affaires de son temps (далее – «Записка»). Л. 397.

[3] Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уилльямса. 1756 и 1757 гг. / Под ред. С.М. Горяинова. СПб., 1909. С. 17.

В этой ситуации Екатерина предстает перед нами как умный, целеустремленный политик, прекрасно понимающий, что и зачем она делает. Она начинает уведомлять Уильямса о расстановке сил при дворе. Но говоря о попытках Н.Ю. Трубецкого и С.Ф. Апраксина помирить ее с Шуваловыми, подчеркивает, что не верит в искренность ни тех, ни других, замечая, что все они лишь пытаются устроить свое будущее на случай смены власти, поэтому она «платит им той же монетой»[4]. Столь же трезвые и исключительно точные характеристики дает великая княгиня А.И. Глебову, Р.И. Воронцову, И.Г. Чернышеву и другим влиятельным придворным. Успокаивая Уильямса, она пишет, что интриги Шуваловых, как и приезд французского посла, представляют собой серьезную опасность для нее и великого князя[5]. Именно поэтому она не собирается отдалять от себя Бестужева, рассчитывая на его «тщеславие и жадность». Да и в целом не видит необходимости приобретать новых друзей.

Тональность переписки Екатерины с Уильямсом меняется в начале августа, когда появляются сообщения об ухудшении здоровья Елизаветы Петровны. «Вода поднялась к низу живота, причиняя ей сильную боль», – пишет Екатерина, ссылаясь на придворного врача П.З. Кондоиди[6]. Особых оснований для волнений, как вскоре выяснилось, не было – к регулярным приступам, случавшимся с императрицей, начали привыкать. Тем не менее 12 августа великая княгиня решилась поделиться с сэром Чарльзом сокровенным. Этому способствовало, на наш взгляд, опубликованное в этот день утром решение обменяться дипломатическими представительствами с Францией. Подготовленный Шуваловыми по этому вопросу доклад подписали все члены Конференции, включая великого князя Петра Федоровича, хотя тот долго отказывался поставить свою подпись, ссылаясь на то, что действия Франции в Швеции, где не без ее участия произошел государственный переворот, наносят ущерб интересам Голштинского дома. Это был сильный удар по позициям Бестужева, уверявшего посла, что восстановление отношений с Францией будет уравновешено согласием России принять от Англии взнос по субсидному договору. Обозначившаяся таким образом перспектива очередного кризиса в отношениях Уильямса с Бестужевым, похоже, создала психологическую основу для того, чтобы Екатерина решилась обсудить с послом вопросы высшей государственной важности.

«Предположим самые дурные замыслы против меня, – писала великая княгиня 12 августа сэру Чарльзу. – В какое время, по Вашему, они осуществятся? Случится ли это при жизни императрицы? Вы знаете о неэффективности управления, всеобщем неудовольствии, в особенности между военными. К этому надо добавить страх перед тремя или четырьмя живыми претендентами (а эта статья производит на нее очень сильное впечатление), которым она предпочитает своих близких. Наконец, вследствие своего робкого характера она, как я надеюсь, при своей жизни остановится перед препятствиями, какие могут возникнуть, если бы она основала все свои надежды на судьбе двухлетнего ребенка»[7].

(Как показали дальнейшие события, претендентами на российский престол, по мнению Екатерины, императрица считала великого князя Петра Федоровича, великого князя Павла, которому было тогда два года, а также находившегося в Шлиссельбургской крепости представителя Брауншвейгской династии Иоанна Антоновича. Реальную опасность своим интересам Екатерина видела, прежде всего, со стороны Шуваловых, подозревая их в поддержке французских интриг в пользу Иоанна Антоновича).

Далее в том же письме: «Всякий насильственный переворот должен совершиться в 2 или 3 часа времени, к тому же, захотят ли они нас устранить или нам связать руки, они не могут произвести это одни». Вследствие этого важно «быть извещенным

[4] «Записка». Л. 368.
[5] Там же. Л. 396.
[6] Там же. Л. 371–372 об.
[7] Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 26–27.

вовремя» (такие поручения были уже даны восьми офицерам). Дав понять Уильямсу, что ею уже были приняты превентивные меры, Екатерина заключает: «Вина будет на моей стороне, если возьмут верх над нами. Но будьте уверены, что я не сыграю спокойной и слабой роли шведского короля, я буду царствовать или погибну». Эти слова станут ее девизом вплоть до июньского переворота 1762 г. Она повторит их Уильямсу еще не раз.

«Какая душевная твердость!» – восклицает Уильямс в эти дни. И далее: «Вы рождены, чтобы повелевать и царствовать»[8]. Но комментировать набросанный великой княгиней план остерегся. 13 августа он передал через нее письмо великому князю, в котором поблагодарил его за твердость в противодействии французскому влиянию в России, и продолжил настраивать Екатерину против Шуваловых, якобы обсуждавших с Дугласом перспективы смены династии. Как ни странно, но в пункте 7 инструкций маркизу Л'Опиталю, который вскоре будет назначен французским послом в Петербурге, ему действительно предписывалось прозондировать шансы на воцарение «князя Ивана»[9].

Далее в «Записке» следует пауза в пять дней. Многие при дворе считали дни, оставшиеся жить императрице. Критический момент, по мнению Екатерины, мог наступить в любое время[10]. Утром в воскресенье 18 августа она, наконец, обращается к Уильямсу, прося совета насчет мыслей, возникших у нее из-за «усилившихся в последние 24 часа недомоганий», называя их «своими мечтами». Далее излагается продуманный во всех деталях план действий. Получив от верных людей известие о смерти императрицы, Екатерина идет в комнату сына, затем связывается с обер-егермейстером А.Г. Разумовским и оставляет его при сыне. «Равным образом пошлю верного человека предупредить пятерых гвардейских офицеров, на которых я могу положиться; каждый из них приведет мне 50 солдат (в чем уже условлено по первому сигналу), которых, может быть, я не пущу в дело, но которые будут сопровождать меня в виде запаса во избежание всяких помех. Они будут подчиняться только великому князю и мне». После этого Екатерина была намерена предупредить канцлера Бестужева и генералов С.Ф. Апраксина и Ю.Г. Ливена. «В ожидании их я войду в покои умирающей, куда и велю позвать капитана, командующего караулом, и лично приму его присягу и удержу его при себе. Мне кажется, что будет лучше и безопаснее, чтобы оба великих князя оставались вместе, чем если бы один из них меня сопровождал; местом сбора моих людей будет моя передняя. При каком-либо движении, и даже самом малейшем, которое я бы заметила, я велю как своим людям, так и солдатам караула взять под стражу Шуваловых и дежурного генерал-адъютанта. Прибавьте к этому, что дежурные офицеры лейб-компанцы – люди надежные, я хотя и не имею сообщений со всеми, но могу в достаточной мере рассчитывать на двух или трех из них и настолько пользуюсь уважением, что заставлю повиноваться мне всякого, кто не будет подкуплен». Екатерина подчеркивает неофициальный характер обращения («пишу Вам как другу») и просит «исправить и предписать» ей «то, чего не достает и то, что не удалось предвидеть»[11].

Во второй части этого письма, написанной в тот же день вечером, Екатерина рассказывает о своей беседе с К.Г. Разумовским. Гетман заверил ее в твердой поддержке «малого двора» Измайловским полком, которым командовал его брат А.Г. Разумовский. Он гарантировал также поддержку действий Екатерины генерал-прокурором Н.Ю. Трубецким. По мысли Екатерины, А.Г. Разумовский должен был играть важнейшую роль при смене власти: он брался внимательно наблюдать за Шуваловыми, вице-канцлером М.И. Воронцовым и другими членами французской партии.

Письмо заканчивается фразой: «Бутурлин просил мне передать через третьи руки предупреждение, что будто бы Шуваловы держат принца Иоанна в Шлиссельбурге

---

[8] Там же. С. 33.

[9] Депеша Уильямса Митчеллу от 8 (19) октября 1756 г. – «Записка». Л. 222–223 об.

[10] Там же. Л. 415.

[11] Там же. Л. 414 об.–416; Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 47–48.

в 60 верстах от города; я знаю, что два месяца тому назад камергер [Р.И.] Воронцов желал туда...» Здесь текст обрывается. Авторы «Записки» обращают внимание на то, что последний листок, возможно, содержавший данные о планах Шуваловых, утерян[12].

В тот же день, 18 августа, Уильямс, одобрив («нельзя лучше придумать») план, разработанный Екатериной, особое внимание также обратил на планы Шуваловых и Воронцова в отношении Иоанна Антоновича: «Если против Вас замышляется заговор, то не будут ожидать смерти императрицы, чтобы привести его в исполнение»[13].

В «Записке» дается оценка действий Екатерины в условиях кризиса. «Не может не восхищать, – отмечается в ней, – чудесная ловкость, с которой великая княгиня заставляла двигаться самые разные колесики сложного политического механизма, налаживая взаимодействие людей противоположных политических взглядов как из своего окружения, так и вне его для того, чтобы подготовить исполнение своих амбициозных проектов. Не следует забывать, что она вела все эти сложные интриги, оставаясь женщиной, привлекая на свою сторону и друзей, и врагов, движимая страстью к графу Понятовскому, которую не могли игнорировать даже императрица и Шуваловы. Мы увидим дальше, что эта страсть была настолько сильна, что поставила ее на грань того, чтобы пожертвовать своими связями с канцлером. И все же именно он и во вторую очередь Апраксин, вне всяких сомнений, были ее настоящими конфидентами. Возможно, только они одни знали ей истинную цену. По крайней мере Бестужев. Она, возможно, презирала их за личные качества, прежде всего за недостаток благородства, но тем не менее сумела привязать их к своей судьбе, поскольку знала, что обширные ресурсы в искусстве интриг одного и влияние другого в армии были необходимы для ее величия. Разумовские, связанные скорее с Воронцовым, представлялись ей материальной силой, которую следовало иметь под рукой в столице: не приходилось надеяться добиться цели без поддержки гвардии. Гетман и его брат были заклятыми врагами Шуваловых, которые потеснили их рядом с императрицей. Это были порядочные люди, на преданность которых можно было полностью положиться. Из материалов, которыми мы располагаем, затруднительно сказать, договорились ли великая княгиня и канцлер о конечной цели – шла ли речь о возведении на трон великого князя Петра Федоровича или великого князя Павла Петровича. Однако в любом случае складывается ощущение, что править должна была великая княгиня. В инструкциях, данных гетману относительно переговоров с Трубецким и [А.Б.] Бутурлиным, на первый план выдвигается великий князь Петр. Вполне очевидно, что других возможностей привлечь их на свою сторону не имелось. Не исключено, что такое условие выдвигали и братья Разумовские. В отличие от них канцлер, знавший, что великий князь его ненавидел, имел все основания опасаться его изменчивого настроения и не был готов рисковать головой в царствование подозрительной Елизаветы, чтобы обеспечить ему приход к власти.

Уильямс [также] являлся конфидентом великой княгини. Он был предан только ей лично. И ради нее, и в то же время ради Великобритании он использовал свое положение иностранного дипломата для того, чтобы помочь ей советом в опасных и столь сложных интригах. Ни одно слово в его переписке не показывает, что у него даже на краткий миг возникали мысли и желания возвести на трон великого князя Петра. Но посол Англии был не более чем личным другом, чей интеллект и характер ценили, которого даже использовали в качестве посредника, но не могли допустить к самым главным секретам: тому, чего хотели добиться и избежать. Польза от него от этого не становилась менее значительной, а его содействие менее важным, поскольку он располагал самым нужным и незаменимым – деньгами, которые могли получить только от него. Кроме того, он гарантировал на будущее дружбу Англии и Пруссии, в которой

[12] Там же. Л. 417–420; Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 48–50.

[13] Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 52.

здесь были весьма заинтересованы, учитывая личное внимание кабинетов Вены и Версаля к великокняжеской чете, являвшейся открытыми врагами партии Шуваловых. Невозможно сказать на основании документов, которыми мы располагаем, вынашивали ли в действительности Шуваловы планы, которые им приписывали. Но можно утверждать, что на будущее они хотели оставить за собой различные варианты действий. С одной стороны, чтобы сохранить почти неограниченную власть, которой они располагали, а с другой – предотвратить несчастье, которое готовил им их заклятый враг Бестужев в случае, если бы к власти пришла великая княгиня, у которой также было немало претензий к ним. Хотя они выступали не столько против нее, сколько против канцлера. Последующие события это ясно показали: избавившись от него, они сблизились с великой княгиней»[14].

Августовские события стали для великой княгини чем-то вроде учебной тревоги на долгом и опасном пути к вершинам власти. По схожей схеме развивался и очередной кризис власти, случившийся через два месяца. 15 октября Уильямс узнал от великой княгини, что на заседании Конференции, состоявшемся накануне, Бестужеву лишь с большим трудом удалось предотвратить разрыв отношений с Англией, которого требовали Шуваловы. Из круга Шуваловых, как полагали, исходил и распространившийся в это время слух, что в случае объявления войны Фридрих был намерен объявить манифест в пользу Иоанна Антоновича. Когда этот слух дошел до Елизаветы Петровны, она вспылила, пообещав в случае малейшей угрозы «отрубить князю Ивану голову». Бестужев, как всегда бывало в критических ситуациях, повел себя двойственно. Через придворного ювелира Бернарди он попытался успокоить Уильямса, посоветовав великой княгине передать ему, что «русские войска, перейдя границу, не будут продвигаться в глубь Восточной Пруссии». Екатерина уведомила посла о разговоре с Бернарди. Но в том же письме сообщила, что хотя в ночь на 15 октября императрице во второй раз за последние три дня пустили кровь, состояние ее оставалось тяжелым – она перестала узнавать окружающих.

Через два дня, 17 октября, великая княгиня уточняет диагноз: ее хирург предполагает «апоплексический удар, который сразит ее безошибочно». Но Екатерина высказывается на этот раз более осторожно, заметив, что «канцлер думает, что императрица в худшем состоянии, чем я думаю сама». Тем не менее, отмечая изменение отношения к ней со стороны придворных, она пишет: «Видите, как мне льстят в момент развязки». И далее: «У меня имеются три лица, которые не выходят из ее покоев и которые не знают, каждый в отдельности, что они меня предупреждают, не преминут в решительный момент сделать это»[15].

16 октября Уильямс, отвечая на не сохранившееся письмо великой княгини, пишет: «В случае смерти Вы, благодаря Богу, на месте. Нужно, чтобы великий князь и Вы явились почти тотчас, но не прежде, чем будет принесена присяга вам обоим министрами или министром, которого вы допустите к себе первым. Он не должен целовать Ваших рук прежде, чем присягнет. Не принимайте никого худо в первые дни, но отличайте тех, кому Вы покровительствуете. Примите облик, который не выражал бы ничего, кроме значительной твердости и хладнокровия. Если великий князь Павел здоров, Вы должны будете взять его ненадолго на руки. Нет никакой необходимости даже думать о Вашей безопасности и о защите. Титул великого князя ясен, как день. Нет его лучше в Европе. Все склонится, распростется перед Вами, и Вы взойдете на престол так же легко, как я сажусь за стол. Если найдется завещание и если оно не совсем в Ваших видах, лучше его уничтожить. Не провозглашайте другого титула, кроме как кровь Петра Великого. Необходимо, чтобы великий князь немедленно собрал все гвардейские полки и показался им»[16].

---

[14] «Записка». Л. 420 об.–428.

[15] Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 211.

[16] «Записка». Л. 236–237.

В том же письме Уильямс, примеряясь, очевидно, к новой роли, которую обещало ему воцарение Екатерины, обронил фразу: «Депеши Панина из Стокгольма настолько хороши, что я вижу его в кресле вице-канцлера». «Я последую Вашим последним советам тем более охотно, что они кажутся мне наиболее подходящими к настоящим обстоятельствам», – отвечала Екатерина 17 октября. На фразу Уильямса о Панине заметила, что «давно уже видит его будущим вице-канцлером»[17]. Наводит на размышление и концовка письма: «Я желаю, чтобы свершилось Ваше блаженное видение, но между нами, скажу Вам, что боюсь не поддержать имени, слишком рано ставшего известным. Смею сказать, что во мне кроются великие враги моей славы, которых Вы можете вовсе не знать. Каким образом избежать того, чтобы не быть ведомым и как сделать, чтобы не быть ослепленным?.. Но клянусь Вам, что мое тщеславие и мое честолюбие трепещут из опасения, чтобы не потерпеть обиды от неизвестного врага»[18]. Те же сомнения звучат в ее письме от 19 октября: «Чем более я вижу приближение срока, тем более боюсь, что мой ум может меня обмануть и все оказаться мишурой или фальшивым серебром. Глупо, может быть, говорить Вам это, но клянусь, что мои слова продиктованы дружбой»[19].

Однако и на этот раз ожидания великой княгини и посла оказались напрасными. «Один человек вновь не оказался столь любезным, чтобы умереть», – будет с этих пор повторять Уильямс при очередном приступе болезни императрицы.

С конца октября династические вопросы исчезают из переписки Екатерины с Уильямсом. После катастрофического по своим последствиям его разговора с императрицей в доме Воронцова великая княгиня начинает смотреть на него другими глазами. И, похоже, дело не в том, что он с детской наивностью попал в ловушку, расставленную Воронцовым и Шуваловыми. Гораздо хуже было то, что почти месяц после этого он не хотел признавать, что оказался одурачен, сам сделав себя жертвой публичных насмешек.

Великая княгиня и Уильямс как бы меняются ролями. Екатерина перестает играть роль ученицы, осознав, надо думать, не только справедливость жалоб Бестужева на высокомерие и импульсивность Уильямса, но и, главное, несовместимость политической повестки посла с собственными интересами и широко понятыми задачами России. Думается, что от более решительных шагов ее удержала лишь заинтересованность в содействии посла в возвращении Понятовского. Стиль ее общения с Уильямсом начинают определять довольно плоские взаимные комплименты, напоминающие ее позднейшую переписку с Вольтером, Дидро и Гриммом. Но без того интеллектуального блеска, который составил славу ее общению с властителями дум просвещенного осьмнадцатого века.

ПАРАДОКСЫ ПОНЯТОВСКОГО

Борьба за возвращение Понятовского – это своего рода сквозной сюжет переписки, скрепляющий воедино логику действий таких разных персонажей, как великая княгиня, Бестужев и Уильямс. Без иррациональной, но всепоглощающей страсти Екатерины к молодому поляку (Понятовский был моложе ее на четыре года) этот странный треугольник вряд ли мог образоваться и действовать даже в странных реалиях кануна Семилетней войны. Бестужев способствовал отъезду Понятовского из России летом 1756 г., а затем вплоть до декабря сначала открыто, а затем тайно противодействовал его возвращению, опасаясь публичного скандала, который мог бы скомпрометировать великую княгиню. Уильямс, оказавшийся в силу сложившихся обстоятельств в незавидной роли

---

[17] Н.И. Панин был в это время послом в Стокгольме, где отстаивал интересы голштинской линии шведского королевского дома, боролся против Франции, стремившейся ограничить власть короля. В 1760 г. он будет назначен воспитателем великого князя Павла, примет участие в июньском перевороте 1762 г., приведшем Екатерину к власти, а затем до своей смерти в 1783 г. будет возглавлять Коллегию иностранных дел.

[18] «Записка». Л. 241 об.

[19] Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 218.

соглядатая прусского короля, придал этой истории помимо своей воли политическую окраску, во многом предопределившую кризис 1757–1758 гг., закончившийся ссылкой Бестужева, арестом и смертью Апраксина.

Для понимания особенностей функционирования треугольника важно иметь в виду, что Понятовский появился в Петербурге как представитель клана Чарторыйских, склонявшихся в этот период к переориентации Речи Посполитой с Австрии на Россию и избранию на польский престол после смерти Августа III «природного поляка». Не вызывает сомнений, что он испытывал к Екатерине глубокое чувство. Но дело не только в нем. Понятовский должен был заинтересовать Екатерину польскими делами, и он эту задачу выполнил. В 1757 г. великая княгиня направляет Бестужеву проект «выступить в делах Польши против графа Брюля», предложив послать в Варшаву М.П. Бестужева, брата канцлера, чтобы «разгромить всех, кто желал бы уничтожить сторонников России». Она отмечала, что в интересах России «иметь свою партию в соседнем королевстве, какова Польша»[20]. Уильямс, настроенный антисаксонски, поддерживал реформаторские планы Чарторыйских. Бестужев, напротив, продолжал оставаться сторонником австрийского союза, что побуждало его относиться к вопросу о возвращении Понятовского с большой осторожностью.

Подобные расхождения во взглядах (а мы видели, что они затрагивали широкий круг вопросов) сопровождались растущей неприязнью и взаимным недоверием между послом, видевшим причину всех своих неудач в «двойной игре» канцлера, и Бестужевым, ревниво относившимся, как отмечают авторы «Записки», к дружбе Екатерины с сэром Чарльзом. Уильямс настолько не доверял Бестужеву, что не поддержал возникшее на первых порах у великой княгини намерение ввести канцлера в курс своей переписки с английским послом. «Канцлер ничего не знает о нашей переписке; это мне кажется к лучшему, однако, если вы держитесь противного взгляда, я охотно к нему присоединяюсь», – писала Екатерина Уильямсу 23 августа. Отвечая в тот же день, что «никогда бы не согласился», чтобы канцлер был посвящен даже просто в секрет отношений великой княгини с Понятовским, Уильямс напомнил, что только «ввиду отъезда и (еще более) возвращения Понятовского являлось необходимым довериться ему» (канцлеру)[21].

Первые полтора месяца после отъезда Понятовского Бестужев под различными предлогами уклонялся от обсуждения вариантов его возвращения. Позиция канцлера не изменилась и после того, как в конце августа Уильямс начал выплачивать ему пенсию, пожалованную Георгом II. Канцлер отвечал послу тем же. В беседе 6 сентября он вновь посоветовал ему самому просить о своем отзыве из Петербурга, сказав, что императрица недовольна его поведением. И намекнул при этом не только на покровительство посла Понятовскому, но и на то, что великая княгиня ведет с ним тайную переписку. Уильямс, разумеется, возмутился, добавив в пылу полемики, что в дело Понятовского его впутали, не спросив. Но Бестужев, нащупав слабое место собеседника, демонстративно отказался пересылать письма великой княгини графу Станиславу. Только в середине сентября Бестужев под открытым давлением со стороны Екатерины (и скрытым – Уильямса) был вынужден сам просить посла содействовать переписке великой княгини с Понятовским.

Между тем 9 сентября, когда Понятовский находился уже в Варшаве, прусская армия вторглась в Саксонию. Это еще более осложнило выполнение замыслов великой княгини. Екатерине и Уильямсу пришлось разработать совместный план, чтобы побудить

---

[20] *Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй. Т. 1. Берлин, 1900. С. 347. Конференция, однако, на очередном заседании ограничилась решением «исподволь приуготовить Польшу, чтобы она проходу здешним войскам для атакования Пруссии не только не препятствовала, но паче охотно на то смотрела».

[21] С.М. Горяинов, по нашему мнению, неверно интерпретировал эти слова Уильямса, утверждая, что тот «должен был поневоле согласиться на это». Дальнейшая переписка ясно показывает, что Бестужев не знал о ней. – *Горяинов С.М.* Станислав-Август Понятовский и Екатерина II // Вестник Европы. 1908. Кн. 2. С. 625.

канцлера действовать. Решено было добиваться приезда Понятовского в официальном качестве – польско-саксонского представителя в ранге посланника (министра). Такой вариант не только обеспечивал его безопасность, но и делал логичным и даже необходимым содействие Бестужева. Уильямс, убежденный в неискренности Бестужева, внушал Екатерине, что она должна жестко добиваться от канцлера выполнения своих обещаний, повторяя при этом, что их переписка должна оставаться «непроницаемым секретом, в том числе для Бестужева и Бернарди».

В этот критический момент Екатерина направила личное письмо Бестужеву, в котором категорически потребовала его содействия в возвращении Понятовского в Петербург к Рождеству, не допуская больше «никаких отговорок» по этому поводу и увязывая это требование со «своим личным расположением и покровительством на будущее». Сообщая об этом Уильямсу, она пишет: «У меня голова идет кругом, я не знаю, что говорю, что делаю; смешно признаться, но я испытываю такое состояние первый раз в жизни. Не бросайте меня в беде». В эти дни Екатерина в нарушение всех требований дворцового протокола была готова явиться к Бестужеву лично и просить его выполнить ее просьбу. «Екатерина относится к этому делу со всей страстью, которой ее одарила природа, – отмечают авторы “Записки”. – Возвращение графа Понятовского не могло более зависеть ни от кого, кроме ее самой. И поэтому она чувствовала себя вправе ставить свою дружбу и свое покровительство в будущем в качестве цены за это возвращение, причем обязательно до Рождества»[22].

Канцлер дрогнул. 11 сентября он сообщил Екатерине, что направил письмо канцлеру Брюлю с ходатайством вернуть Понятовского в Петербург. Уильямс, однако, не поверил заверениям канцлера. С курьером 12 сентября он отправил в Дрезден 60 страниц служебных отчетов (в том числе просьбу поддержать кандидатуру Понятовского), а также письмо Понятовскому на 12 страницах, четыре письма от великой княгини, плюс деньги от нее, предназначавшиеся графу. Сообщая об этом Екатерине, Уильямс поклялся: «До приезда Понятовского Бестужев не получит ни су»[23].

Между тем 13 сентября канцлер вновь попытался убедить его использовать свое влияние, чтобы отговорить Понятовского от повторного появления в Петербурге. «Чтобы не поссориться с канцлером, не следует даже пытаться установить с ним хорошие отношения», – наставлял Уильямс Екатерину, сообщая о разговоре с Бестужевым[24]. Великая княгиня устроила показательный разнос Бернарди, через которого общалась с канцлером. Только 24 сентября канцлер, наконец, официально обратился к Брюлю с просьбой направить в Петербург «ввиду существующих политических условий» чрезвычайного посланника Польского королевства «с целью укрепления уз дружбы, связывающих оба правительства». При этом Бестужев указал на Понятовского как на лицо, которое «сумело снискать благоволение императрицы и расположение всего ее двора и вследствие этого могло лучше других оказать услуги своему королю и своей стране» (письмо Екатерины Уильямсу от 24 сентября, приложение).

Обращение Бестужева к Брюлю немедленно вызвало ответную реакцию противников Понятовского в Петербурге и Варшаве. В северной столице был пущен слух, что в Россию едет еще один шпион прусского короля. Успокаивая Екатерину, Уильямс сообщил ей, что посоветовал Бестужеву «не шутить с волей Екатерины, решившей добиться возвращения Понятовского во что бы то ни стало». «Господи, – писал Уильямс, – как бы я желал, чтобы Понятовский вернулся для моего собственного утешения! Такой верный друг, знающий и осторожный помощник неоценим!.. Я питаю к нему нежность отца» (письмо Уильямса великой княгине от 7 октября).

Между тем неоднозначные вести начали поступать из Польши. Возвращению Понятовского в Петербург воспротивилась его мать Констанция, которой он рассказал

[22] «Записка». Л. 160.
[23] Там же. Л. 163 об.
[24] Там же. Л. 169.

о своих отношениях с Екатериной. Это была серьезная проблема, поскольку Констанция обладала огромным моральным авторитетом в семейном клане Понятовских–Чарторыйских. Она согласилась отпустить сына только после того, как Уильямс написал ей, дав личные гарантии безопасности ее сына. Тем не менее, как показывает письмо Понятовского Уильямсу от 17 октября 1756 г., какие-то сомнения появились в это время и у самого Понятовского (возможно, в связи с появлением на горизонте Эльжбеты Любомирской, о которой он очень тепло вспоминает в мемуарах)[25].

Кроме того, оставались и трудности объективного характера. Дело в том, что для назначения Понятовского в официальном качестве необходимо было согласие польского сейма. Но перспектива его созыва в связи с войной оставалась неясной. В этих условиях родственники Понятовского разработали план оформления его миссии в Петербург через канцелярию канцлера литовского Адама Чарторыйского, дяди Понятовского.

Действовать обходными путями, однако, не пришлось. Помог русский поверенный в делах в Дрездене Генрих Гросс, передавший королю рекомендательные письма от императрицы и канцлера, полученные Понятовским при отъезде из России. По прибытии в Варшаву Август III принял решение направить стольника Понятовского в Петербург, предварительно наградив его орденом Белого Орла. 5 ноября саксонский поверенный в делах И.М. Прассе уведомил дипломатический корпус о скором прибытии графа Понятовского. Французский и австрийский послы немедленно приняли контрмеры в Петербурге. Резкие демарши были осуществлены французскими дипломатами и в Варшаве.

Следствием всей этой суеты выглядят и решения состоявшегося 7 ноября заседания Конференции, прошедшего под председательством Бестужева и в присутствии императрицы. Их суть изложена в выписке из протокола Конференции, направленной Екатериной Уильямсу на следующий день: «Ее Величество приказала: назначение графа Понятовского посланником неугодно Е.И.В. из-за его большой дружбы с господином Уильямсом. Вследствие этого Его Превосходительству великому канцлеру приказано устно сообщить секретарю саксонского посольства г-ну Прассе, что хотя Ее Величество направила графу Понятовскому рекомендательное письмо для его короля, его назначение ей неприятно. Эта милость была ему оказана только в связи с его просьбой и в надежде на то, что Его Величество король одобрит ее. Е.И.В. весьма желательно, чтобы саксонский посланник прибыл сюда сразу же после заседания Парламента в Швеции. Здесь ожидают назначения графа Герсдорфа, считая, что королю лучше служил бы его природный подданный, к которому мы могли бы относиться с полным доверием. Но если сейчас уже невозможно воспрепятствовать приезду графа Понятовского, не следует вступать с ним в обсуждение дел, которые могли бы продлить его пребывание здесь»[26].

Авторы «Записки» отмечают: «Думаем, не ошибемся, если предположим, что оригинал этой записки был направлен великой княгине Шуваловыми, чтобы еще раз показать ей двойную игру, которую вел Бестужев». В подтверждение они приводят выдержки из переписки Бестужева с Брюлем, опубликованные немецким историком Э. Херманном. Бестужев, в частности, давал понять в Дрезден, что опасается, как бы граф Понятовский, «известный своей приверженностью прусской системе, не злоупотребил бы секретами, которые будут ему доверены». Явно пытаясь оправдаться в глазах саксонского двора, Бестужев писал,

---

[25] Correspondence of Catherine the Great when Grand-Duchess, with Sir Hanbury-Williams and Letters from Count Poniatowski. London, 1928. P. 172–176. В переписке Понятовского с Екатериной и Уильямсом вместо имен придворных использовались псевдонимы, некоторые из которых звучат как краткие характеристики: императрица – Осторожность (Prudence), Бестужев – Патрон (Patron), вице-канцлер Воронцов – Честный (L'Integre), Лепид (Lepid, посредственный политик эпохи Цезаря, символ безликого чиновника), Иван Шувалов – Краснодеревщик (Acajou), Ливен – Слуга (Valet), Апраксин – Игрун (Joujou), Кирилл Разумовский (он был огромного роста) – Малыш (Le Petit).

[26] «Записка». Л. 304–305.

что «сумеет нейтрализовать возможные политические демарши посланника». Саксонцам же рекомендовал ориентироваться на сообщения, поступавшие от Прассе, поскольку информация от графа, будет, скорее всего, «никуда не годной, учитывая его неспособность к делам». Отвечая Бестужеву, Брюль прямо писал, что с учетом болезненного состояния императрицы в Дрездене желали бы заручиться и дружбой «молодого двора».

Вместе с тем в протоколе, попавшем в руки Екатерине, краски оказались сгущены. С.М. Горяинов разыскал в Главном архиве МИД России официальные протоколы заседания Конференции 7 ноября, отличающиеся значительно более сдержанными формулировками (по всей вероятности, Екатерине был передан черновик протокола обсуждения): «Королевско-польский двор начал уже действительно возвращать свою доверенность и милость старым своим и здешним партизанам князьям Чарторыжским, чему доказательством служит назначение сюда чрезвычайным министром стольника литовского графа Понятовского. Сие последнее для великой конвенции, в которой сей стольник известным образом находится с английским послом Уильямсом, при нынешних обстоятельствах, правда, не весьма желательно, но как отвращение того совсем уже невозможно, потому что оной теперь в дороге быть имеет, да и фамилия его тем крайне огорчена была бы, так что здешний двор, вступившись столь сильно за оную, супротивлением сему назначению пришед бы сам в некоторое с собой разноречие, то остается смотреть, каково будет ныне сего Понятовского здесь поведение и потому искусно размерять, как далеко имеет простираться оказуемая ему в делах доверенность».

В том же протоколе приводится текст рескрипта, направленного в Коллегию иностранных дел: «Назначение министром к нам стольника литовского графа Понятовского по причине великой его с английским послом Уильямсом конвенции при нынешних обстоятельствах подлинно не может нам быть приятно. Но понеже королевское при том намерение показать нам сим самым выбором некоторую угодность всегда, однако же, призвание заслуживает, то и надлежит, чтоб посланник Гросс пристойный о том комплимент Его Величеству королю учинял; но при том графу Брюлю в вышшей доверенности и для единственнаго королевского известия внушил, что хотя имевшее при том его величеством дружеское к нам намерение нам подлинно приятно, да и в протчем весьма бы мы к тому согласны были, чтоб сим способом вошли паки в прежнюю его величества милость и доверенность князья Чарторыжские с их друзьями, за которых мы у Его Величества заступление чинили и которых мы всегда в преданстве ко двору содержать стараться будем... Причем надобно, чтоб Гросс и о том в вышшем секрете графа Брюля предупредил, что буде граф Понятовский по приезде сюда не найдет тотчас такой доверенности, каковой бы в протчем пребывающий между нами теснейший союз требовал по неумалению нашей к королю дружбы, то сие единственно причиною тому будет, что граф Понятовский, будучи персонально в великой дружбе и конекции с послом Уильямсом, усердным комиссионером короля прусскаго, предосторожность и благоразумие требуют, по меньшей мере, увериться наперед о молчаливости сего молодого человека. Потребное из сего рескрипта к сведению нашего генерал-фельдмаршала Апраксина ему уже от нас сообщено»[27].

Как видим, наряду со смягченными формулировками в протоколе заседания Конференции в полной мере сохранились неприязнь к Уильямсу и недоверие к Понятовскому. Понятно, что в оставшееся до приезда графа время Екатерина не жалела усилий, чтобы создать нормальные условия для его работы в Петербурге. Уильямс, однако, находившийся с конца октября в болезненно-нервном напряжении, продолжал настаивать, чтобы великая княгиня прервала отношения с канцлером. «Говорите, что хотите, – отвечала ему великая княгиня, – но с ним можно поладить».

После заседания Конференции 7 ноября дело о возвращении Понятовского вновь несколько затормозилось. 18 ноября Бестужев передал Екатерине письмо от Понятовского

[27] *Горяинов С.М.* Указ. соч. С. 636–638.

и донесение от Гросса, сообщившего, что отъезд графа откладывается до уточнения вопроса об отношении в Петербурге к его назначению. Гросс описывал также интриги французского поверенного в делах в Варшаве Ф.М. Дюрана, пытавшегося убедить Августа III отправить вместо Понятовского в Петербург другое лицо. С большим трудом Екатерине удалось побудить канцлера написать Гроссу, чтобы Понятовскому было «оказано полное доверие» (письмо Екатерины Уильямсу от 20 ноября). В середине декабря Брюль сообщил, что «король доверяет» Понятовскому, но одновременно назначен его преемник – барон К. фон дер Остен-Сакен[28].

Между тем Уильямс, совсем пав духом, направил государственному секретарю лорду Холдернессу просьбу о своем отзыве. Из Лондона достаточно быстро пришло согласие, причем Уильямсу рекомендовали не вступать в политические дискуссии с императрицей даже во время прощальной аудиенции. Однако отзывные грамоты послу почему-то были направлены через Берлин. Фридрих, заинтересованный в том, чтобы Уильямс продолжал оставаться в Петербурге, написал в Лондон, прося продлить его пребывание. В том числе и потому, что, зная о болезни Елизаветы Петровны, он хотел, чтобы посол был рядом с Екатериной в момент кончины императрицы.

26 ноября, когда они еще не знали, что отъезд посла откладывается, Уильямс утешал великую княгиню, огорченную тем, что «оба ее друга будут разъединены», уверял ее в том, что он не сомневается в дружбе Понятовского и что «они найдут способ обмениваться мыслями». Концовка письма звучит пророчески: «Когда-нибудь Вы и король Пруссии в качестве Вашего помощника (lieutenant) сделаете Вашего молодого друга королем Польши»[29].

Понятовский прибыл в Петербург 23 декабря 1756 г.

Разместился он в «доме певца Марко против Казанского собора» (полковника Марка Федоровича Полторацкого, управлявшего придворной певческой капеллой), снятом для него Екатериной.

ЗАВЕРШЕНИЕ МИССИИ УИЛЬЯМСА. ЕЕ ИТОГИ

С приездом Понятовского для Уильямса начались новые испытания. 24 декабря Екатерина прислала ему выдержку из письма графа к ней: «Чтобы устроить мои дела при здешнем дворе, которые очень плохи, я разработал план. Во время моего визита к Патрону (канцлеру. – *П.С.*), который мне назначен между 11 и 12 часами, я заверю его в полной своей преданности и изложу ему главные идеи относительно моего образа действий. Моей второй задачей станет сближение с Эстергази, что, как я надеюсь, будет нетрудно, поскольку он для меня необходим. Когда я заручусь его поддержкой, прекратятся и интриги со стороны Дугласа. В течение трех недель (так в тексте, возможно, имелось в виду «трех месяцев». – *П.С.*) я буду избегать какой-либо связи с Мудростью (Уильямсом. – *П.С.*), которому я прошу Вас объяснить это в общих интересах нас троих; надеюсь через какое-то время оказаться ему полезным»[30].

Отвечая (письмо от 26 декабря), Уильямс одобрил план действий Понятовского, заметив, что и сам бы советовал ему не афишировать отношения с ним. Екатерина, которую, как можно легко себе представить, беспокоила реакция Уильямса, восклицает: «Как я Вам обязана, и как бы мне хотелось Вам это доказать!» В ответ Уильямс напомнил, что считает Понятовского своим приемным сыном и тот «потерял бы его дружбу и заслужил его презрение, если бы отказался от данного ему поручения». «Если же я страдаю, помните, что это ради вас обоих; в этом – мое утешение. Только в таких обстоятельствах познаются истинные друзья» (письмо от 30 декабря). На следующий день Екатерина написала Уильямсу, что прослезилась, читая его письмо.

---

[28] «Записка». Л. 356.
[29] Там же. Л. 340.
[30] Там же. Л. 495 об.–496.

Но жизнь быстро внесла коррективы в эти взаимные демонстрации благородства. 31 декабря (11 января) Понятовский имел аудиенцию у императрицы[31], во время которой произнес вполне антипрусскую речь, которая так понравилась Елизавете Петровне, что она распорядилась напечатать ее отдельной брошюрой. В тот же день было подписано соглашение о присоединении России к первому Версальскому договору. А 22 января (2 февраля) 1757 г. – австро-российская союзная конвенция. Расстановка сил в приближающейся войне определилась.

В изменившейся обстановке Уильямс и Понятовский оказались по разные стороны линии противостояния. Понятовский начал энергично налаживать отношения с Бестужевым, Шуваловыми, Эстергази и агентом королевского Секрета Ш. д'Эоном, причем великая княгиня поддерживала его. Понятно, что действия его были обусловлены обязательствами, которые он вынужден был взять перед Брюлем, «ненавидевшим в нем агента Чарторыйских»[32], и союзниками России по антипрусской коалиции. Психологически Уильямсу, однако, оказалось очень трудно приспособиться к ситуации.

Достоверно известно, что ответный визит Уильямса к Понятовскому состоялся 13 (24) января, причем он был недоволен тем, что на нем присутствовал и Прассе (Екатерина отозвалась об этом как о «злой нескромности известного вам лица)»[33]. Из факта ответного визита можно заключить, что ему предшествовал визит вежливости самого Понятовского. Уильямс пытался организовать у себя и дружеский обед для графа, причем по его просьбе он пригласил на него и Прассе, и секретаря Понятовского Г. Огродского. Но затем что-то, очевидно, не заладилось, и Уильямсу пришлось отменять обед под надуманным предлогом.

Уильямс не был бы самим собой, если бы не увязал поведение Понятовского с «дурным влиянием» на него канцлера. Посол был крайне раздражен тем, что ему «приходится платить за все ошибки канцлера и его предательство». Великой княгине пришлось вмешаться и потребовать у Бестужева «прекратить мстить Уильямсу». Послу же она писала, защищая Бестужева: «Он единственный, кто мне предан и имеет голову на плечах. Что Вы выиграете, погубив его? Моя потеря будет невосполнима, к тому же он друг Англии»[34]. Дружеское обращение Екатерины к Уильямсу (Mon ami) сменяется на официальное (Monsieur). Меняется и тон переписки, резко сокращается ее объем.

Оказавшись в изоляции, Уильямс начинает уделять основное внимание вопросам подготовки русской армии к предстоящим боевым действиям, но его донесения в Лондон и Берлин местами наводят на мысль о болезненной игре воображения. Характерна в этом отношении депеша Уильямса лорду Холдернессу от 28 декабря 1756 г. (8 января 1757 г.). Она написана в связи с несостоявшимся приездом на Крещение (6 января) в Петербург из Риги С.Ф. Апраксина. В ней Уильямс дает крайне предвзятую характеристику Апраксину («мало похож на военного», очень низкого мнения о своей армии, склонен к мотовству и потому беден). Он пишет, что «король Пруссии, знающий эти особенности Апраксина, считает, что можно было бы попытаться задержать марш русских войск, послав ему значительную сумму денег (une forte somme d'argent), так как для главнокомандующего найти предлог для промедления не составит большого труда. Это могло бы удастся, если бы великая княгиня взялась устроить это дело».

«Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть, что великая княгиня действительно участвовала в подкупе Апраксина, который и сам прекрасно умел замедлять развертывание своих войск», – пишут авторы «Записки». Тем не менее они соглашаются с тем, что отступление Апраксина после победы русской армии при Гросс-Егерсдорфе могло быть

---

[31] Описание высочайшей аудиенции польско-саксонского посланника графа Понятовского. – Там же. Л. 506–597.

[32] «Записка». Л. 494 об.

[33] Там же. Л. 519.

[34] Там же. Л. 510–512.

связано с перепиской, которую вели с ним Бестужев и великая княгиня. А из нее и выросло вскоре «дело Апраксина – Бестужева», в результате которого пострадали все трое. «Не подлежит никакому сомнению, – отмечают авторы “Записки”, – что наряду с обнаруженной открытой перепиской существовала и секретная переписка Бестужева и великой княгини с Апраксиным после его отъезда к армии»[35]. При этом они ссылаются, в частности, на депешу саксонского поверенного в делах Прассе канцлеру Брюлю от 20(31) января 1758 г. в которой утверждается, что целью секретной переписки было «задержать продвижение армии Апраксина». Хотя Прассе излагает и версию канцлера о том, что великая княгиня и он требовали от Апраксина продолжать наступление после победы под Гросс-Егерсдорфом[36].

В марте Уильямс жил за городом, в усадьбе барона Вольфа. Здоровье его настолько ухудшилось, что врачи порекомендовали ему меньше работать. Уильямс попросил было лорда Холдернесса отпустить его в отпуск, но ответа не получил: в Лондоне исходили из того, что решение о его отзыве в принципе принято, и инициативу в отношении своего отъезда должен проявить сам посол. Уильямс колебался, пытался следить за развитием обстановки. Но, наконец, в депеше в Лондон от 11(22) марта заявил, что его дальнейшее пребывание в Петербурге становится бесполезным. В тот же день Екатерина предупредила, что отдан приказ досматривать корреспонденцию иностранных послов, причем особое внимание будет уделено его переписке. Ответ Уильямса: «Я уже год знаю, что мои письма по почте вскрываются».

В апреле шевалье д’Эон повез в Вену план совместной кампании. 1 мая был подписан второй Версальский договор между Францией и Австрией, носивший характер наступательного союза. 2 мая армия Апраксина перешла границу Восточной Пруссии.

Окончательный отъезд Уильямса было решено синхронизировать с приездом в Петербург французского посла П.Ф. де Галуччо, маркиза де Л’Опиталя[37]. Отвечая Уильямсу на его сообщение об этом, великая княгиня «в самом большом секрете» просила ссудить ей еще 10 тыс. ф. ст. (письмо № 59, без даты). Причем просила устроить это напрямую, без участия Вольфа, дав понять, что на этот раз не хотела бы оставлять расписки (в переписке имеется записка без даты, которая выглядит как косвенное подтверждение получения денег)[38]. Судя по всему, деньги были получены еще до отъезда Уильямса.

Маркиз Л’Опиталь прибыл в Петербург 21 июня (2 июля) 1757 г. 27 июня (8 июля) его приняла императрица. В этот же день состоялась прощальная аудиенция Уильямса, прошедшая подчеркнуто холодно. Екатерина откликнулась на нее письмом от 2(13) июля, в котором назвала Уильямса «уникальным человеком», заверив его в дружеских чувствах («люблю Вас как отца») и подтвердив отношение к Великобритании как «естественному союзнику» России. Закончила она письмо оптимистической фразой: «Мы вместе укротим наших врагов»[39].

19(30) августа, в день победы армии Апраксина при Гросс-Егерсдорфе, Уильямс выехал в Кронштадт (этим числом датированы прощальные письма к нему от великого князя и великой княгини). Однако Россию он покинул только в конце октября, уже после отступления русской армии и ареста Апраксина. Похоже, что именно эти события положили конец его колебаниям с определением даты отъезда. Сначала он планировал ехать сухим путем через Польшу, затем, решив добираться морем через Финляндию и Швецию, не мог отплыть «из-за противных ветров». Наконец, отбыл, но тут же вернулся, как полагают, узнав о новом ухудшении здоровья императрицы в Царском Селе. Уехал в самый разгар следствия по делу Апраксина, когда тучи сгустились и над Бестужевым.

---

[35] Там же. Л. 403 об.
[36] Там же. Л. 500 об.–503.
[37] Там же. Л. 543.
[38] Там же. Л. 552–553.
[39] Там же. Л. 548.

Добирался домой с приключениями. В Гамбурге, где были отмечены первые признаки его психического расстройства, связался с «дамой полусвета», которая сначала обобрала его на 2 тыс. фунтов, а затем вынудила обещать жениться, хотя Уильямс был женат. Да и в целом вел себя неадекватно, упал с моста, увлекся афродизиаками. И в довершение всего, сочинил едкий памфлет на некоего Брауна, был вызван им на дуэль и избежал ее только с помощью друзей. В Гамбурге он встретился со своим преемником Робертом Кейтом, направлявшимся в Петербург (до этого был английским посланником в Вене). Из Колдбрука написал ему письмо, которое выглядит как жалкая попытка сохранить хорошую мину при плохой игре. Умер в своем родовом имении 2 ноября 1759 г.

Понятовский оставался в Петербурге до начала августа 1758 г. После ареста Бестужева 14(25) февраля 1758 г. для него и Екатерины, только что оправившейся от родов (9(20) декабря 1757 г. она родила дочь Анну, умершую в младенчестве; отцом ее считали Понятовского), настали тяжелые времена. Почти два месяца, до конца марта, Понятовский не появлялся в обществе, сказываясь больным. Сразу же после ареста И.П. Елагина, В.Е. Ададурова, Бернарди и камер-фрау Екатерины Владиславлевой, знавших в деталях о его связи с великой княгиней (и о многом другом), он написал Брюлю, попросив отозвать его на родину. Прервать домашнюю самоизоляцию его вынудил только приезд важных гостей – Фридриха Брюля, сына канцлера, а за ним (10 апреля) принца Карла Саксонского, будущего герцога Курляндского, остававшегося в России три месяца. Вскоре после приезда принца Карла Брюль разрешил Понятовскому вернуться в любое удобное для него время[40].

К этому времени, однако, выяснилось, что страхи Понятовского оказались преувеличенными. Арестованные молчали. Но ход дела Бестужева переломили, скорее, мужество и самообладание, проявленные Екатериной в критических для нее обстоятельствах. В ходе двух разговоров с императрицей, 13(24) апреля и 23 мая (3 июня) она сумела если не убедить Елизавету Петровну в своей невиновности, то, во всяком случае, объяснить ей мотивы своего поведения. Содержание разговоров нам достоверно не известно, но можно согласиться с Н.Д. Чечулиным, что в основе обвинений в адрес великой княгини лежало «не подозрение в тайной переписке с [...] фельдмаршалом Апраксиным, а ее вскрывшаяся переписка с Уильямсом и его польским протеже Станиславом Понятовским». Психологически точен, как нам представляется, и вывод Чечулина о том, что «уличив Екатерину в непозволительной переписке, Елизавета Петровна простила эту вину как натура крупная, искренне, потому что оценила и ту душевную драму, которая довела Екатерину до этого, и ту, которую пережила Екатерина, когда была уличена»[41].

Напряжение, в котором жили весной 1758 г. Екатерина и Понятовский, спало, но ощущение личной опасности, по крайней мере у возлюбленного великой княгини, осталось. И тем не менее его встречи с Екатериной, жившей летом в Ораниенбауме (Понятовский, сопровождавший принца Карла, жил по соседству, в Петергофе), стали более частыми. Тут и приключился с ним инцидент, ускоривший его отъезд. 23 июня (4 июля) он имел неловкость попасться на глаза Петру Федоровичу, когда, будучи переодетым, направлялся в Ораниенбаум на свидание с Екатериной. Выходя от нее, он был задержан людьми великого князя, потребовавшего объяснений. Разбором дела занимался Александр Шувалов, начальник Тайной канцелярии. Спас Понятовского Иван Шувалов, за которым, несомненно, стояла императрица, хотевшая избежать публичного скандала.

Понятовский описывает в мемуарах эту историю в жанре авантюрно-любовного романа, как бы даже несколько рисуясь[42]. Между тем и на этот раз спасла его, похоже, Екатерина, пошедшая на сближение с фавориткой великого князя Елизаветой Воронцовой, которую до этого она подчеркнуто игнорировала. По-видимому, он так и не понял, что

---

[40] *Zamoyski A.* The Last King of Poland. London, 1992. P. 68.

[41] *Чечулин Н.Д.* Царствование Екатерины II // Государи дома Романовых. Т. 2. М., 1913. С. 24.

[42] *Понятовский С.-А.* Мемуары. М., 1995. С. 135–139.

ценой его «примирения» с великим князем стала не только фактическая легализация связи Петра Федоровича с Воронцовой, но и компрометация великой княгини. Ночной инцидент в Ораниенбауме окончательно испортил отношения великого князя с супругой, во многом предопределив события, предшествовавшие перевороту 28 июня 1762 г.

После отъезда Понятовского Екатерина какое-то время надеялась вернуть его, но в отсутствие Уильямса и отправленного в ссылку Бестужева сделать это оказалось невозможным. Обратилась было к французскому послу, однако в сентябре 1760 г. Елизавета Петровна через Воронцова запретила даже думать об этом.

В июле 1762 г. Понятовский снова стал пытаться вернуться в Петербург. Екатерина остановила это только обещанием сделать его королем Польши.

Через два года она выполнила свое обещание.

* * *

Миссию Хенбери-Уильямса в Петербурге трудно охарактеризовать иначе как полный провал. В значительной мере виновен в этом был он сам. Человек в дипломатии в общем-то случайный, к тому же болезненно амбициозный, с завышенной самооценкой, во всех своих миссиях – в Дрездене, Берлине и Петербурге – он вел себя таким образом, что делал свой отзыв неизбежным. Он ссорился с Фридрихом II, Марией Терезией, В.А. Кауницем, Брюлем, в Петербурге – с Бестужевым. Тяжелые последствия для Великобритании имело русско-французское сближение, которое ему не удалось предотвратить. Любимое его детище, англо-русский субсидный договор, стало причиной, толкнувшей Фридриха II и Георга II подписать Вестминстерский договор и таким образом подготовить условия для «дипломатической революции» 1756 г. и Семилетней войны. Установленные им доверительные отношения с великой княгиней Екатериной Алексеевной, ставшие самым ярким его личным достижением, не принесли ни политических дивидендов Англии, ни какой-либо выгоды ему самому. История с Понятовским, авантюрная даже по меркам галантного осьмнадцатого века, также не украсила его миссию.

И тем не менее относить результаты миссии Уильямса в России только на счет его личных ошибок, по нашему мнению, несправедливо. Невыполнима была главная задача, поставленная перед ним, – обеспечить гарантиями безопасности германские владения английского короля со стороны двух будущих противников в Семилетней войне. Неудачи Уильямса в России – следствие системных ошибок внешней политики Великобритании при Ганноверской династии. В Лондоне не поняли масштаба происходивших перемен, существа процесса территориального переустройства Центральной и Восточной Европы, начатого войной за австрийское наследство и продолженного разделами Польши. Сведя свою континентальную политику к решению частных династических задач, английские дипломаты в европейских столицах стали неловкими статистами «дипломатической революции». Профессиональную судьбу Уильямса, заложника эпохи перемен, сформировали обстоятельства, в которых ему довелось жить. Это, собственно, и определяет актуальность обращения к его фигуре сегодня.

Но не только это. Памятником Уильямсу стала его переписка с великой княгиней Екатериной Алексеевной. Причем памятником своеобразным: ее участники, будучи уверенными, что их письма никогда не будут опубликованы, говорят собственными голосами, без оглядки на то, как они будут выглядеть в глазах современников и потомков. Это, на наш взгляд, объясняет, почему один из первых исследователей переписки Н.Д. Чечулин недоумевал, отмечая, что «писавшее эти письма лицо рассуждает вовсе не как русская великая княгиня; автор писем думает, чувствует и представляет себе государственные отношения как мелкие немецкие князья»[43]. А через сто лет после него М.А. Крючкова, лучший на сегодняшний день знаток мемуаров Екатерины, называет

[43] *Чечулин Н.Д.* Указ. соч. С. 23.

переписку «смесью политического авантюризма, салонного жеманства и неприкрытого цинизма»[44].

Это все так. Но именно нестандартность, «непричесанность» и делает переписку (и органически связанную с ней «Записку») подлинным, лишенным ретуши свидетельством о XVIII в., «столетье безумном и мудром». Ее поразительная откровенность, насыщенность деталями придворных интриг, характеристиками основных деятелей елизаветинской эпохи существенно дополняет наши представления о будущей великой императрице в наиболее сложный и, может быть, наименее изученный период ее жизни. Мы видим Екатерину готовой «царствовать или погибнуть» во время августовского и октябрьского кризисов, связанных с обострениями хронической болезни Елизаветы Петровны. Она собрана, сосредоточена, имеет продуманный план действий на случай смерти императрицы. Она уже обладает магической способностью привлекать к себе людей, среди ее сторонников различимы лица будущих участников «действа» 28 июня 1762 г., которые возведут ее на трон. Благодаря Уильямсу мы точно знаем, что Екатерина репетировала свой приход к власти за шесть лет до того, как это случилось.

Великие личности рождаются на крутых поворотах истории. Екатерина – дитя «дипломатической революции». Она стала великой государыней на конечном этапе Семилетней войны. Но уже за шесть лет до этого, при ее начале, она сумела лучше других уловить, куда склоняется вектор движения исторического процесса, осознать задачи России в новой расстановке сил в Европе. В уроках кризисов 1756–1758 гг. истоки ее внешней политики, ориентированной на «рациональный государственный интерес», стремление показать, что «Россия ни за кем хвостом не тащится». Но здесь же и разделы Польши вместе с Пруссией и Австрией, результатом которых стало не только создание Украины и Белоруссии в их этнических границах, но и гибель польского государства. И иллюзии Греческого проекта с внуком Константином на троне византийских императоров, в реализации которого Екатерина, впрочем, после присоединения Крыма и выхода России на берега Черного моря проявила разумную осмотрительность.

И еще одно, может быть, самое важное. В критических обстоятельствах начала Семилетней войны Екатерина поняла главное: «Если она мечтает стать русской императрицей, то должна высоко уважать этот сан, должна думать не о том, как захватить власть, а о том, чтобы заслужить ее... На целых четыре года мы почти теряем Екатерину из вида, и когда она выступает перед нами снова, уже как супруга императора, затем и как самодержавная императрица, мы видим зрелую женщину с большим запасом идей и знаний, сильной решимостью, огромным умением влиять на людей, – женщину, неутомимо работавшую и не переставшую работать до последнего дня жизни»[45].

Библиография

Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Т. 1. Берлин, 1900.

Горяинов С.М. Станислав-Август Понятовский и Екатерина II // Вестник Европы. 1908. Кн. 2. С. 620–695.

Крючкова М.А. Мемуары Екатерины II и их время. М., 2009.

Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уильямса. 1756 и 1757 гг. / Под ред. С.М. Горяинова. СПб., 1909.

Понятовский С.-А. Мемуары. М., 1995.

Чечулин Н.Д. Царствование Екатерины II // Государи дома Романовых. Т. 2. М., 1913. С. 1–127.

Correspondence of Catherine the Great when Grand-Duchess, with Sir Hanbury-Williams and Letters from Count Poniatowski. London, 1928.

Zamoyski A. The Last King of Poland. London, 1992.

---

[44] *Крючкова М.А.* Мемуары Екатерины II и их время. М., 2009. С. 212.

[45] *Чечулин Н.Д.* Указ. соч. С. 24–25.

References

Bil'bassov V.A. Istoriia Yekateriny Vtoroy [The History of Catherine the Second]. T. 1. Berlin, 1900. (In Russ.)

Chechulin N.D. Tsarstvovanie Yekateriny II [The Reign of Catherine II] // Gosudari doma Romanovykh [House of Romanov's Monarchs]. T. 2. Moskva, 1913. P. 1–127. (In Russ.)

Goriainov S.M. Stanislav-Avgust Poniatowskii i Yekaterina II [Stanisław-August Poniatowski and Catherine II] // Vestnik Evropy [European Bulletin]. 1908. Kn. 2. P. 620–695. (In Russ.)

Kriuchkova M.A. Memuary Ekateriny II i ikh vremia [Memoirs of Catherine II and their time]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Perepiska velikoi kniagini Yekateriny Alekseevny s angliiskim poslom Charl'zom Khenburi-Vill'iamsom / Pod red. S.M. Goriainova [Correspondence of the Grand Duchess Catherine Alekseevna with the English Ambassador Charles Hanbury-Williams / Ed. S.M. Goryainov]. Sankt-Peterburg, 1909. (In Russ.)

Poniatowski S.-A. Memuary [Memoirs]. Moskva, 1995. (In Russ.)

Correspondence of Catherine the Great when Grand-Duchess, with Sir Hanbury-Williams and Letters from Count Poniatowski. London, 1928.

Zamoyski A. The Last King of Poland. London, 1992.

DOI: 10.31857/S013038640014700-8

© 2021 г. **С.Н. Искюль**

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ: ТРЕТЬЯ И ПОСЛЕДНЯЯ БИОГРАФИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Рец. на книгу: Н.А. Троицкий. НАПОЛЕОН ВЕЛИКИЙ. Т. 1. Гражданин Бонапарт. 526 с.; Т. 2. Император Наполеон. 549 с. Подг. к публ., вступ. ст. М.В. Ковалева, Ю.Г. Степанова. М.: Издательство Политическая энциклопедия, 2020.

Искюль Сергей Николаевич *– доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).*
E-mail: iskiouls@yahoo.com
Researcher ID: AAY-4196-2020

S.N. Iskyul

NAPOLEON BONAPARTE: THE THIRD AND THE LAST BIOGRAPHY IN RUSSIAN

Rec. ad op.: N.A. Troizky. NAPOLEON THE GREAT. Vol. 1. Citizen Bonaparte. 526 p.; Vol. 2. Emperor Napoleon. 549 p. Prepared k publ., intro. st. M.V. Kovalev, Yu.G. Stepanov. Moscow: Izdatel'stvo Polititschekaja Encyclopedija, 2020.

Sergey Iskyul, Saint-Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia).
E-mail: iskiouls@yahoo.com
Researcher ID: AAY-4196-2020

Профессор Саратовского государственного университета Николай Алексеевич Троицкий известен в мире науки своими исследованиями широкого диапазона. Войной 1812 г. в России он занимался на протяжении всей своей жизни[1]. Попутно, надо полагать, «вызревал» у ученого интерес к личности императора французов.

Третья биография Наполеона Бонапарта на русском языке написана Н.А. Троицким через семьдесят лет после книги Е.В. Тарле «Наполеон», впервые выпущенной под редакцией К. Радека в 1936 г.[2] и с тех пор известной в многочисленных изданиях, и через тридцать с лишним лет после книги А.З. Манфреда «Наполеон Бонапарт», опубликованной в 1971 г.[3] и выдержавшей пять изданий. Это объясняет многократное обращение Н.А. Троицкого к трудам предшественников: он ссылается в своей книге на Е.В. Тарле не менее 60 раз и на А.З. Манфреда более 120. Автор не скрывает своего пиетета по отношению к обоим мэтрам отечественной историографии, особенно к Тарле, то соглашаясь с их точкой зрения, то аргументированно и доказательно полемизируя с обоими, считая работу Тарле «недостаточно полной» и «отчасти устаревшей», а «Бонапарта» Манфреда «яркой» и «обстоятельной», но «композиционно дисгармоничной» (т. 1, с. 26).

Задачей новой биографии видится детальное изложение жизненного пути своего героя, включая и последствия, и уроки «всего им содеянного», «с позиций научно сбалансированных», свободных от предвзятости и пристрастий. По словам Троицкого, «Наполеон Великий» основывается на традиционно разнообразных источниках, включая

[1] *Троицкий Н.А.* 1812: Великий год России. М., 1988.

[2] *Тарле Е.В.* Наполеон // *Тарле Е.В.* Сочинения: в 12 т. Т. VII. М., 1959.

[3] *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М., 1971.

источники архивные, «с учетом различных концепций» русской и зарубежной историографии.

Однако в книге фактически не используется новейшая (до 2007 г., когда книга была закончена) французская историческая литература – ни монографические исследования, ни научные статьи, ни материалы многочисленных конференций. Исключение составляют главы, посвященные эпохе российско-французского союза и войне 1812 г.

В рецензируемой книге не используется «Correspondance générale de Napoléon Bonaparte»[4], новое дополненное документальное издание, подготовленное Наполеоновским фондом в Париже под общей редакцией его директора Тьерри Лентца и выпущенное в 15 томах издательством «Fayard» с комментариями и компетентными статьями различных специалистов-историков к каждому тому. Заметим, что книга Троицкого была завершена, когда новое, весьма важное издание наполеоновской корреспонденции еще не было закончено, однако жаль, что не использовались уже вышедшие тома.

Вызывает некоторое недоумение, что Троицкий не раз (т. 1, с. 54, 129, 132, 133, 156, 170, 184) цитирует письма Наполеона к Жозефине по американскому изданию 1931 г., хотя имеются многочисленные французские издания, целиком или фрагментарно воспроизводящие наполеоновские тексты, в том числе и сборники мирового любовного эпистолярного наследия.

Автор ссылается большей частью на отечественные сочинения или на книги иностранных, чаще англоязычных, авторов в переводах на русский язык, выполненных еще в XIX в., которые в настоящее время имеют скорее историографическое значение. Оба тома пестрят ссылками «цит. по» – ссылками не на оригинальные сочинения, а на цитаты из них и указания в сочинениях других авторов.

Н.А. Троицкий ссылается на новейшее переиздание переведенной с немецкого языка книги швейцарского историка и библиографа Ф.М. Кирхейзена «Наполеон I. Его жизнь и его время»[5], первый том которой вышел на языке оригинала в 1911 г., на русском – двумя годами позднее. В этом 9-томном сочинении биография Бонапарта доводится до 1821 г., но последующие тома переведены не были и в «Наполеоне Великом» отмечены не были. Из первого тома приводится, между прочим, любопытный эпизод апреля 1789 г., когда молодой Буонапарте, младший лейтенант артиллерийского полка в Оксонне, проявил себя при подавлении «бунта городской бедноты», сумев бескровно разогнать толпу. Он выстроил солдат перед бунтовщиками, скомандовал: «На прицел!», но объявил: «Граждане, мне приказано стрелять только в негодяев. Порядочные люди пусть скорее уйдут!». Толпа сразу разбежалась... (т. 1, с. 67). Этот эпизод фигурирует только у Кирхейзена и ни в одном другом из исторических сочинений о Наполеоне не упоминается вовсе, более того, он почти повторяет анекдот, помещенный С.-Р. де Шамфором в собрании исторических анекдотов «Максимы и мысли. Характеры и анекдоты»[6]. У Шамфора событие отнесено к эпохе правления Людовика XV, бунтовщики прямо называются сволочью, а вместо младшего лейтенанта Буонапарте там фигурирует капитан королевских мушкетеров шевалье д'Авежан.

То, что событие в прочих биографиях Наполеона не встречается, должно было, по-видимому, вызвать исследовательский интерес и направить усилия к выяснению источника, но этого, к сожалению, не произошло, а между тем, если приведенный биографический сюжет и в самом деле связан с именем Наполеона, его смело можно было бы назвать характерным и уверенно отнести к чертам будущего генерала, политика и государственного деятеля. Далее Троицкий пишет о подавлении мятежа роялистов 18 вандемьера, когда после первого залпа картечью и первых жертв Бонапарт приказал заряжать пушки одним только порохом (т. 1, с. 118), дабы грохот канонады вносил смятение в мятежную толпу и заставил ее разойтись. Автор особо подчеркивает свойственное Бонапарту милосердие (т. 1, с. 355), в том числе и на войне (т. 1, с. 357–358), проявляющееся, например, в непременных объездах полей сражений с целью удостовериться, все ли раненые собраны, при этом без различия – свои или чужие.

В описании Итальянского похода Бонапарта – одна из лучших глав в книге – автор подробнейшим образом пишет о противоборстве республиканской армии и армии Священной Римской империи, подчеркивая «небывалый доселе в истории войн темп наступательных операций» и поражающие всякое воображение быстроту и маневренность, в которых от солдат Республики требовались выносливость и сверхчеловеческие усилия в преодолении препятствий (т. 1, с. 152–153).

---

[4] Correspondance générale de Napoléon Bonaparte. Vol. I–XV. Paris, 2004–2018.

[5] *Кирхейзен Ф.М.* Наполеон I. Его жизнь и его время. М., 1997.

[6] *Chamfort.* Maximes, pensées, anecdotes, caractères et dialogues, précédé de l'Histoire de Chamfort, par P.-J. Stahl. Paris, 1857. P. 136–137.

Возрастало тогда и «политическое» честолюбие главнокомандующего Итальянской армии. Помимо прочих важных подробностей, отдельная страница посвящена контрибуционным деяниям генерала – контрибуции французы взимали не только деньгами, но и предметами искусства (т. 1, с. 159–160). Вальтер Скотт называл командующего французской армией «первым лицом в истории войн и человечества, превратившим такое разнузданное и наглое лихоимство в закон». Однако исследователи, к трудам которых обращается автор, в том числе и английские военные историки, отмечают, что итальянская знать, сотрудничавшая с имперскими (австрийскими) властями, часто бывала неплатежеспособна и нередко сама предлагала произведения искусства из своих частных собраний в счет назначенных контрибуций.

Как и некоторые его предшественники, Троицкий подмечает далеко не простые отношения генерала Бонапарта с Директорией (т. 1, с. 191–192 и далее). В этом усматривается крепнувшее представление Бонапарта о собственной значимости как военачальника, в руках которого сосредоточено и управление действиями войск, и ведение дипломатических переговоров, закреплявших военные успехи.

Предпоследняя глава первого тома «Гражданин Первый Консул» представляется особенно важной для характеристики деятельности Наполеона в области внутренней политики, когда он впервые сосредоточил в своих руках «почти самодержавную власть». Будущий император последовательно строит свою политику, твердо основываясь на принципе закрепления завоеваний Революции: гражданского равенства, отмены сословий и феодальных привилегий вместе с повинностями, права собственности и свободы предпринимательства. По инициативе Бонапарта провозглашается всеобщая амнистия эмигрантам, которые получают реальную возможность проявить себя в различных областях, учреждается орден Почетного Легиона как единая и доступная награда для всех граждан Республики. Был фактически возрожден и упорядочен бюджет страны, обеспечивший техническое перевооружение промышленности в условиях конкуренции с Великобританией и рост доходов. Стоит упомянуть умиротворение мятежных Вандеи и Бретани, а также решение серьезных вопросов примирения и согласия государства с Церковью в связи с необходимостью упорядочения общественных отношений духом веротерпимости между различными конфессиями (т. 1, с. 341–366).

Важнейшим достижением Троицкий справедливо считает наполеоновский кодекс, который создавался в сложных условиях внутренних заговоров роялистов и республиканцев и войны в Европе. С началом Революции законы французского королевства утратили всякую силу. Творцом нового законодательства стал Первый Консул Бонапарт, возглавивший комиссию из четырех виднейших юристов Франции. Был создан образцовый, как ныне признано повсеместно, свод законов, увековечивший определяющие принципы Революции, в первую очередь принцип социального равенства (т. 1, с. 483–508).

В главе «Апогей», которой открывается второй том, автор обстоятельно пишет о коронации Наполеона и преображении Французской республики из консульского обличья в монархическое. Немало места уделяется коронации, церемониалу, участию или неучастию по разным причинам в этой церемонии различных деятелей эпохи, кстати, произнесенным словам и поступкам, которые запечатлелись в памяти современников. Правда, следовало бы осветить и актуальное появление в печати различных суждений о возможном и будущем развитии событий, и дискуссию вкупе с общественными настроениями во Франции в 1802–1804 гг., и более подробно само голосование по этому важнейшему вопросу (т. 2, с. 8). Стоит пояснить, что титул «император» на первых порах не воспринимался во Франции как непременно монархический, поскольку в древнеримской традиции, воспринятой в миросозерцании французского общества со времени Великой революции, четко усматривалось сугубо военное и полководческое начало, которое только впоследствии становится наследственно-монархическим.

Войны Франции и Наполеона с антифранцузскими (антинаполеоновскими) коалициями Троицкий считает «с точки зрения исторического прогресса» оправданными (т. 2, с. 57). В отечественной историографии автор едва ли не единственный, кто высказывается таким образом, и его практически не с кем сравнить. Собственно, этой своей мыслью Троицкий делится с читателем еще во введении (т. 1, с. 28) и возвращается к ней снова и снова (т. 1, с. 545; т. 2, с. 525).

Континентальная блокада как мера экономической политики представляется у автора мерой во многом вынужденной. «Владычица морей» не собиралась пускать в свои владения остальные державы и нейтральные государства, которые стремились осуществить свои законные права на участие в мировой торговле на морях со времен «Вооруженного нейтралитета». На английский декрет от 16 мая 1806 г., объявивший европейские порты, расположенные между Брестом и Гамбургом, в состоянии блокады, Наполеон ответил Берлинским декретом от 21 ноября 1806 г. и другими подобными актами (т. 2, с. 73 и далее).

Истоки войны 1812 г. Н.А. Троицкий видит в позиции российского императора, который уже вскоре после Тильзитского свидания в письме императрице Марии Феодоровне откровенно поделился своими планами на ближайшее будущее: готовиться к войне со своим союзником (т. 2, с. 146). Это собственноручное письмо, отправленное перед свиданием в Эрфурте, нечасто привлекает внимание историков, а между тем оно едва ли не ключевой источник, позволяющий проанализировать контекст франко-российского союза вплоть до 1812 г. и коалиционную составляющую политики держав, включая и Россию Александра I.

Значительное внимание в книге Троицкого уделено военной истории Консульства и Первой империи и не делается никакого различия между коалиционными войнами 1805–1815 гг. и предшествовавшими войнами держав против Франции. Это представляется логичным в плане соотношения завоевательного и освободительного начал в военно-дипломатических событиях наполеоновской эпохи (т. 2, с. 525–526). Н.А. Троицкий первый из российских исследователей приводит высказывание Наполеона, обращенное к «историку» в надежде, что тот сумеет найти слова в защиту его политики и его эпохи (т. 2, с. 490), и записанное на острове Св. Елены графом Э. де Лас-Казом. Однако, вероятно, следовало бы привести эту цитату полностью.

Достойно упоминания обстоятельное описание сражения при Аустерлице, закончившего первую коалиционную войну александровского царствования. Но автор не избежал ошибки некоторых из своих предшественников, включая и автора «Войны и мира»: «Наполеон, державший в руках все нити боя, приказал своей артиллерии бить ядрами в лед». И далее следует описание из мемуаров участника этих событий Ж.-Б. де Марбо: «Снаряды разбивали лед во многих местах... Мы видели, как тысячи русских солдат, их лошади, пушки и повозки медленно погружались в эту ледяную пропасть» и т.д., и т.д. (т. 1, с. 51–52). Военные историки уже давно отметили склонность к вымыслу блестящего наполеоновского генерала, записки которого, опубликованные во второй половине XIX в., послужили впоследствии основой для ряда беллетризованных сочинений[7].

Троицкий одним из первых среди отечественных историков пишет о несостоявшейся российско-французской войне в конце октября 1811 г. (т. 1, с. 201). Однако следовало подробнее остановиться на дипломатической стороне франко-российских отношений: российский посол в Париже так и не смог приступить к переговорам с французской стороной, поскольку ему не присылали полномочий и подолгу оставляли без инструкций.

Касаясь войны 1812 г. в биографии «Наполеон Великий», историк со знанием дела пишет о хорошо знакомых ему сюжетах, в том числе и о Москве при французах, о т. н. муниципалитете, созданном французами специально для упорядочения городской жизни в послепожарных условиях. Ссылается он при этом на публикацию в журнале «Русский Архив» 1868 г. (т. 2, с. 247). Но вызывает возражение мнение автора: Наполеон повелел «искать в уцелевших от пожара московских архивах документы о Е.И. Пугачеве, чтобы использовать их для возбуждения русских крестьян против русского же дворянства...» (т. 2, с. 249). Едва ли все это тогда имело место на самом деле. Император всегда говорил, что он никогда не будет «королем Жакерии», оставаясь тверд в своем убеждении никогда не потворствовать разгулу мятежа и анархии, тем более что он всерьез рассчитывал заключить с Александром I мир и, возможно, восстановить франко-российский союз. В этом, кстати говоря, кроется и ответ на вопрос о том, почему Наполеон не сделал тот последний шаг, которого ждали от него поляки, и не провозгласил воссоздание Речи Посполитой.

Странно и достойно сожаления, что маршал Франции Мишель Ней трижды упомянут в книге Троицкого как князь Московский (т. 2, с. 278, 380, 454). Если бы он был пожалован в князья Московские, так и титуловался бы как Prince de Moscou, но в 1813 г. он стал именно Prince de la Moskova, т.е. принцем Москворецким, по названию Москвы-реки, близ которой имело место генеральное сражение в 1812 г.

Главой с талейрановским названием «Начало конца» открывается во втором томе изложение событий истории очередных антинаполеоновских союзов держав, эпохи трудных решений, блестящих побед и конечного поражения в 1814 г., когда, «разгромив пять коалиций подряд, Наполеон уступил шестой коалиции» (т. 2, с. 293). Нежелание мира «ценой чести» руководило его помыслами и поступками вкупе с решительным отказом в ответ на предложения «поднять» нацию, усматривая в этом опасность гражданской войны (т. 2, с. 312).

Об отречении и последних днях пребывания Наполеона во Франции автор пишет, приводя немало свидетельств о малоизвестных фактах.

---

[7] См. статью о генерале Ж.-Б. Марбо французского историка Ж. Журкэна (J. Jourquin). – Dictionnaire Napoléon. Sous la rédaction de J.Tulard. Paris, 1999. Vol. II. P. 265–266.

Пребывание же Наполеона на острове Эльба было занято самыми разнообразными занятиями по благоустройству своего удела, но отмечено в книге Троицкого пристальным вниманием к тому, что происходило во Франции.

Эпоха 100 дней предстает у Троицкого судьбоносным временем, завершающим историю Империи, но «часы истории» были повернуты назад, и усилиями коалиций в борьбе против Франции и Наполеона на несколько поколений было задержано социально-политическое развитие Европы (т. 2, с. 526). Наполеон без единого выстрела прошел от залива Жуан до Парижа. Возврат к правлению сопровождался реформированием Империи, которой, по мысли императора, придавался либеральный вид. Согласно обнародованному 23 апреля 1815 г. Дополнительному акту, император, сохранив за собой всю полноту исполнительной власти, уступил часть законодательных прерогатив Палате депутатов и Палате пэров (т. 2, с. 391–392). Приверженцы Наполеона оказались в Палате депутатов в меньшинстве – из 620 депутатских мест 500 занимали либералы, а Дополнительный акт был принят при 3,5 млн воздержавшихся из участвовавших в голосовании.

В целом, если что и вызывает несогласие или возражение в книге Троицкого, то это относится лишь к отдельным моментам. Решительное же возражение вызывает позиция автора относительно кончины Наполеона. Еще в Т. 1 (с. 291) на этот счет имеется примечание о графе Ш.-Т. де Монтолоне, который «...как выяснилось лишь в недавнее время, отравил императора» на острове Св. Елены. В Т. 2 отравлению посвящен раздел 4 главы VII под названием «Кончена жизнь... Умер или убит?».

Н.А. Троицкий уже писал об этом в статье «Наполеон» для энциклопедии «Отечественная война 1812 года...»[8]. Подобная же биографическая статья помещена и во второй том нового расширенного издания этой энциклопедии, но ее автор – А.В. Чудинов – не поддерживает точку зрения, высказанную в предыдущем издании[9].

В разделе «Кончена жизнь...» историк подробно пишет о последних днях императора, измученного «казнью покоя», со ссылками на книги англоязычных и шведских авторов, вышедшие на русском языке. Но не упомянуты труды французских ученых, в том числе и специально посвященные изгнанию на острове Св. Елены, включая Dictionnaire de Sainte-Hélène[10], ни новейшие исследования, касающиеся вопроса о причине смерти Наполеона, например сборник с предисловием Жана Тюлара[11]. Авторы этого сборника подвергли решительному сомнению выводы шведских и англоязычных авторов об отравлении Наполеона мышьяком, посчитав их бездоказательными. Присутствие яда в волосах императора, отрезанных в память об усопшем и хранящихся в ряде частных коллекций, противники версии об отравлении объясняют использованием мышьяка в качестве консервирующего средства для сохранения цвета и качества срезанных человеческих волос.

В заключение следует сказать о благоприятном впечатлении, остающемся после прочтения этого тысячестраничного сочинения. Троицкий, в сравнении с другими биографами, не пренебрег подробностями характера и душевного склада своего героя, часто останавливаясь на свойственных ему чертах, которые пребывали неизменными на протяжении всей жизни и до сих пор вызывают симпатию. В своем стремлении по-своему «решить задачу», высказанном в книге, автор был последователен, и написанная им биография, безусловно, займет свое место в череде других, включая и будущие биографии «гражданина Бонапарта» и «императора Наполеона».

Библиография

Кирхейзен Ф.М. Наполеон I. Его жизнь и его время. М., 1997.

Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1971.

Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия в 3-х т. Т. 2. М., 2012. С. 558–561.

Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 493–495.

Тарле Е.В. Наполеон // *Тарле Е.В.* Сочинения: в 12 т. Т. VII. М., 1959.

Троицкий Н.А. 1812: Великий год России. М., 1988.

Chamfort. Maximes, pensées, anecdotes, caractères et dialogues, précédé de l'Histoire de Chamfort, par P.-J. Stahl. Paris, 1857.

Correspondance générale de Napoléon Bonaparte. Vol. I–XV. Paris, 2004–2018.

Dictionnaire Napoléon. Sous la rédaction de J.Tulard. Paris, 1999. Vol. II.

[8] Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 494.

[9] Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия в 3-х т. Т. 2. М., 2012. С. 560.

[10] *Macé J.* Dictionnaire historique de Sainte-Hélène. Chronologique, biographique et thématique. Paris. Tallandier, 2004. P. 207–211 (о версии отравления).

[11] *Dr J.-F.Lemaire, Dr Paul Fornès, Dr Pascal Kintz, Thierry Lentz.* Autour ¨L'empoisonnement¨ de Napoléon. Préface de Jean Tulard. Avant-propos du baron Gourgaud, président de la Fondation Napoléon. Paris, 2001.

Macé J. Dictionnaire historique de Sainte-Hélène. Chronologique, biographique et thématique. Paris, 2004.

Dr J.-F.Lemaire, Dr Paul Fornès, Dr Pascal Kintz, Thierry Lentz. Autour "L'empoisonnement" de Napoléon. Préface de Jean Tulard. Avant-propos du baron Gourgaud, président de la Fondation Napoléon. Paris, 2001.

References

Kircheisen F.M. Napoleon I. Ego zhizn' i ego vremia [Napoleon I. His life and his time]. Moskva, 1979. (In Russ.)

Manfred A.Z. Napoleon Bonaparte. Moskva, 1971. (In Russ.)

Otechestvennaia voina 1812 goda i osvoboditel'nyi pokhod russkoi armii 1813–1814 godov. Entsiklopediia v 3 t. [The Patriotic War of 1812 and the liberation campaign of the Russian army of 1813–1814. Encyclopedia in 3 vol.]. Vol. 2. Moskva, 2012. P. 558–561. (In Russ.)

Otechestvennaia voina 1812 goda. Entsiklopediia [The Patriotic War of 1812. Encyclopedia]. Moskva, 2004. P. 493–495. (In Russ.)

Tarle Eu.V. Napoleon // *Tarle Eu.V.* Sotschinenija: v 12 t. [Works: in 12 vol.]. Vol. VII. Moskva, 1959. (In Russ.)

Troizky N.A. 1812: Velikij god Rossii [Great Year of Russia]. Moskva, 1988. (In Russ.)

Chamfort. Maximes, pensées, anecdotes, caractères et dialogues, précédé de l'Histoire de Chamfort, par P.-J. Stahl. Paris, 1857.

Correspondance générale de Napoléon Bonaparte. Vol. I–XV. Paris, 2004–2018.

Dictionnaire Napoléon. Sous la rédaction de J.Tulard. Paris, 1999. Vol. II.

Macé J. Dictionnaire historique de Sainte-Hélène. Chronologique, biographique et thématique. Paris, 2004.

Dr J.-F.Lemaire, Dr Paul Fornès, Dr Pascal Kintz, Thierry Lentz. Autour "L'empoisonnement" de Napoléon. Préface de Jean Tulard. Avant-propos du baron Gourgaud, président de la Fondation Napoléon. Paris, 2001.

DOI: 10.31857/S013038640013545-7

© 2021 г. **О.С. Нагорная**

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ФЕНОМЕН СЭВ

Рец. на книгу: М.А. Липкин. СОВЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ АЛЬТЕРНАТИВНОГО ГЛОБАЛЬНОГО МИРОУСТРОЙСТВА (1949–1979). М.: Весь мир, 2019. 174 с.

Нагорная Оксана Сергеевна *– доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).*
E-mail: nagornaja.oxana@mail.ru
Researcher ID: R-3351-2019; Scopus ID: 35772771500

O.S. Nagornaya

A NEW VIEW ON THE PHENOMENON OF THE COMECON

Rec. ad op.: M.A. Lipkin. The Council for Mutual Economic Assistance. Historical Experience of an Alternative Global World Order (1949–1979). Moscow: Ves' mir, 2019. 174 p.

Oksana Nagornaya, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
E-mail: nagornaja.oxana@mail.ru
Researcher ID: R-3351-2019; Scopus ID: 35772771500

Исследования механизмов социалистической интеграции как альтернативной модерности второй половины XX в. переживают в настоящий момент новый подъем. Постепенный отказ от детерминистского восприятия социалистического лагеря лишь как жертвы «второй глобализации» меняет оптику анализа и открывает перспективы изучения СССР в качестве «сопродюсера» (Д. Марк, Т. Рупрехт[1]) «холодной войны». Монография директора Института всеобщей истории РАН

[1] *Mark J., Rupprecht T.* The Socialist World in Global History. From Absentee to Victim to Co-Producer // The Practice of Global History. European Perspectives / Ed. M. Middell. London – New York, 2019. P. 81–115.

д.и.н. Михаила Аркадьевича Липкина является значимым вкладом в определение и развитие дискуссионных полей историографического ландшафта. Написанное с позиций глобальной истории, исследование открывает перед читателем сразу несколько уровней анализа: историю концепций региональных интеграций, специфику дискурсивных полей и институциональных структур Восточного блока, внешних контактов «мировой системы социализма» с капиталистическими государствами и странами постколониальной периферии. Несмотря на компактность монографии, она представляет собой содержательное описание не только экономических аспектов социалистической интеграции, но и затрагивает широкие контексты региональной и глобальной политической конъюнктуры изучаемого периода. Устойчивые представления о функциях, внутренних механизмах и внешних эффектах СЭВ автору удается пересмотреть на основе документов объемнейшего архива этой организации, хранящегося в Российском государственном архиве экономики.

Одним из сквозных сюжетов исследования стал вопрос о том, чем же являлся Совет экономической взаимопомощи в условиях глобальной конъюнктуры второй половины XX в. Вопрос закономерен не только потому, что на протяжении первых двух десятилетий своего существования СЭВ не имел должной нормативной основы (устав организации был принят в 1959 г., а программа интеграции – в 1969 г.). Видение данной организации и наделение ее конкретными задачами и смыслами зависело во многом от стадии развития глобального противостояния и от логики внутренних процессов в Восточном блоке. По оценкам М.А. Липкина, в послевоенной ситуации СЭВ (первоначально под другим названием) задумывался руководителями СССР как центр притяжения для всей Европы, а не только для государств советской сферы влияния (с. 39). Несмотря на малое количество, а иногда и полное отсутствие подтверждающих документов, многое говорит в пользу того, что структуры экономической координации планировалось использовать для поставок в Европу ресурсов на привлекательных условиях, что дало бы советской экономике дополнительные импульсы развития и позволило бы вывести западноевропейские страны из-под влияния США. После смерти И.В. Сталина вопросы статуса и перспектив развития СЭВ превратились в поле борьбы членов «коллективного руководства» за власть. Символический капитал экономического сотрудничества с восточноевропейскими странами пытались поочередно использовать в своих интересах Л.П. Берия, В.М. Молотов, Г.М. Маленков, Н.С. Хрущёв. Последний, уже в годы своего безусловного политического лидерства, видел в СЭВ «политико-экономический орган социалистической ойкумены» (с. 92). Несмотря на последующую критику со стороны брежневской команды, именно хрущевские идеи были заложены в развитие интеграционных структур в период с конца 1960-х по конец 1970-х годов.

Из перспективы восточноевропейских стран, и здесь автор солидаризируется с позицией С. Годарда и Л. Крамп[2], СЭВ воспринимался как ключевое пространство внутриблоковой политической коммуникации, в рамках которого у стран – членов организации появлялась возможность артикулировать свои насущные интересы, оказывать давление на СССР в рамках отношений «патрон–клиент». Метафоры неуспешности СЭВ, критика «средневековых форм сотрудничества», сигналы об угрозе развала интеграционного проекта, тезис о бесполезности и ненужности организации в оценках местного населения использовались в беседах с советскими представителями в целях оказания давления и получения очередных преференций. Кроме того, структуры СЭВ позволяли восточноевропейским партнерам СССР аккумулировать технологические и экономические ресурсы для достижения соответствующего моменту уровня научно-технического развития, а также для весьма затратного позиционирования на глобальном Юге. Для государств постколониальной периферии СЭВ выступал притягательным интеграционным проектом, что отражается в достаточном количестве заявок на вступление и в выработке в 1970-х годах гибкой формы включения в орбиту влияния стран без полного членства. И если для стран народной демократии СЭВ был возможностью компенсировать собственные ресурсные дефициты, то для СССР интеграционный проект выступил фактором возникновения дефицитов. Как отмечает автор, политика активного инвестирования в восточноевропейские страны, частью которой были в том числе и возведенные промышленные объекты, и переданные безвозмездно ноу-хау, привела к дефициту золотовалютных резервов СССР уже к рубежу 1950–1960-х годов (с. 73).

Красной нитью через книгу проходит вопрос об импульсах и моторах социалистической интеграции, в качестве которых автор определяет смены глобальной экономической и политической конъюнктуры,

[2] *Crump L., Godard S.* Reassessing Communist Organizations. A Comparative Analysis of COMECON and the Warsaw Pact in Relations to the Cold War Competitions // Contemporary European History. 2017. Vol. 27. P. 1–25.

динамику развития взаимоотношений восточноевропейских стран, сопряжение между экономическими реформами государств – членов организации и социалистическим разделением труда, наконец, программные инициативы или их блокирование со стороны отдельных членов СЭВ. Сама идея создания интеграционных структур обсуждалась в сложной послевоенной ситуации ожидания новой мировой войны, опасений СССР, что может быть упущен контроль над двусторонними контактами стран народной демократии, конфликта с Югославией, начала процессов объединения экономик в Западной Европе, торговых санкций со стороны США. При рассмотрении различных ситуаций автор демонстрирует эффекты постоянных «тектонических сдвигов» в структурах СЭВ, где в ответ на внешние вызовы выдвигались и «гасли» бесчисленные инициативы, создавались временные и постоянные подразделения, осуществлялись попытки регулировать скорость и глубину экономической интеграции. Отсутствие монолитности и абсолютного доминирования СССР демонстрируются на примере неоднородного вовлечения отдельных стран Восточной Европы в интеграционные дискуссии и процессы. Если промышленно развитые страны (Польша, Венгрия, ГДР), опережая СССР, выдвигали инициативы по уплотнению и ускорению интеграции, то Румыния и Болгария с их экономиками, ориентированными на сельское хозяйство, напротив, настаивали на замедлении и даже на возвратном развитии. СССР, в свою очередь, стремясь сохранить хотя бы внешнюю видимость консенсуса, был вынужден идти на уступки, скрывая разногласия за завесой секретных протоколов и успокаивающих туманных формулировок.

Хотя вопрос об агентности социалистической интеграции не является для автора центральным, ему удается наметить перспективы развития тематического поля и поставить важные исследовательские вопросы. Ключевая роль кадровых конфликтов для судьбы самой организации продемонстрирована при исследовании начального периода ее существования, когда противостояние между секретарем СЭВ А.И. Лощаковым и представителем СССР в СЭВ А.А. Лаврищевым за право решающего голоса во вновь созданной структуре привело к передаче интеграционного проекта в кураторство А.И. Микояна и к сужению круга решаемых вопросов до области внешней торговли. Напротив, приход нового поколения чиновников интеграции, которых автор именует «сэвовский истеблишмент» (с. 162), меняет и внутренние правила игры, и позиционирование СЭВ в структурах Восточного блока. Ярким представителем элиты интеграционного проекта для автора выступает секретарь СЭВ Н.В. Фадеев, выполнявший ключевую функцию посредника в контактах с ЕЭС и привнесший в переговорный процесс собственные, в том числе «утопические», ожидания. В целом человеческое измерение социалистической интеграции, вопрос о развитости профессиональных и неформальных сетей обладают высоким исследовательским потенциалом, особенно на фоне отмечаемого автором монографии отсутствия ярких публикаций мемуарного характера.

Важными сюжетами для понимания глобальной роли СЭВ является история борьбы за позиционирование организации в качестве субъекта международного права (например, в ЮНКТАД и ЕЭК ООН), а также переговорного процесса о взаимном признании структур социалистической и западноевропейской интеграции. М.А. Липкин убедительно опровергает популярные в историографии тезисы о том, что контакты СЭВ и ЕЭС проще всего описать метафорой «диалога глухонемых», а также о том, что одной из причин срыва переговорного процесса явилось непонимание в СЭВ уровня правомочности Совета министров и Комиссии сообществ. М.А. Липкин выстраивает собственную объяснительную модель, исходя из внутренней динамики развития обеих интеграционных структур в 1970-х годах, из разницы целеполагания в переговорном процессе, а также из контекста хельсинкского процесса, интерпретации которого применительно к взаимным контактам у восточно- и западноевропейских партнеров были диаметрально противоположными. Автор приходит к важному для понимания механизмов глобального противостояния выводу, что, несмотря на неудачу затянувшихся переговоров (формальный документ о взаимном признании был подписан только в 1988 г.), консенсус был возможен. Об этом свидетельствуют и инициативы соцлагеря, преодолевшего свое принципиальное непризнание ЕЭС, и уступки Брюсселя, согласившегося включить в проект договора сферу торговли, и понимание чиновниками СЭВ (по крайней мере во внутриведомственной переписке) необходимости отказа от идеологии в пользу прагматических соображений.

В целом избранный автором ракурс глобальной истории позволил представить социалистическую интеграцию в качестве сложно структурированного и динамично развивающегося образования, позитивные и негативные эффекты которого вполне вписываются в общие тенденции «второй

глобализации» и «холодной войны». Многие вопросы в силу недоступности и объемности архивного материала, а также множественности измерений глобальной истории автор обозначает в качестве перспективных исследовательских полей для дальнейшего изучения. Одним из них видится хронологический отрезок 1980-х годов и вопрос о наследии социалистической интеграции в современном мире.

Библиография/References

Crump L., Godard S. Reassessing Communist Organizations. A Comparative Analysis of COMECON and the Warsaw Pact in Relations to the Cold War Competitions // Contemporary European History. 2017. Vol. 27. P. 1–25.

Mark J., Rupprecht T. The Socialist World in Global History. From Absentee to Victim to Co-Producer // The Practice of Global History. European Perspectives / Ed. M. Middell. London – New York, 2019. P. 81–115.

DOI: 10.31857/S013038640014701-9

© 2021 г. **О.А. Туминская**

МУЗЕОЛОГИЯ И МУЗЕОГРАФИЯ

Рец. на книгу: В.Г. Ананьев. ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ МУЗЕОЛОГИИ: ИДЕИ, ЛЮДИ, ИНСТИТУТЫ. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 392 с.

Туминская Ольга Анатольевна *– доктор искусствоведения, заведующая сектором эстетического воспитания, Методический отдел, Государственный Русский музей (Санкт-Петербург, Россия).*
E-mail: olgmorgun@yandex.ru
Researcher ID: P-5399-2016

O.A. Tuminskaya

MUSEOLOGY AND MUSEOGRAPHY

Rec. ad op.: V.G. Ananiev. THE HISTORY OF FOREIGN MUSEOLOGY: IDEAS, PERSONS, INSITUTIONS. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2018. 392 p.

Olga Tuminskaya, Methodic Department, the State Russian Museum (Saint-Petersburg, Russia).
E-mail: olgmorgun@yandex.ru
Researcher ID: P-5399-2016

В 2018 г. вышла в свет книга В.Г. Ананьева «История зарубежной музеологии: Идеи, люди, институты», дополнившая собой довольно обширный круг публикаций на тему истории и теории музейных концепций. Как отмечал П. ван Менш: «Начиная с 1960-х годов попытки критически рассмотреть теорию музеологии предпринимались неоднократно. Зачастую они были связаны с определением текущего статуса музеологии как академической дисциплины»[1]. Автор рецензируемой книги встраивает свою монографию в общий «научно-культурологический ландшафт», определяя ей роль элемента живой системы, а именно: возникнув на трудах корифеев музеографии и впитав целый ряд мыслей предшественников и коллег-современников, материал книги уникален в оценке описываемых явлений, не замыкается на результате, а намечает новые горизонты существования основных механизмов музейного строительства (институтов) и музейной жизни (институций). Текст насыщен цитатами иностранных авторов и ссылками на труды исследователей музейного дискурса Америки и Западной Европы, что логично вынесено в заглавие, определяя ведущую роль зарубежной музеологии, предоставляя возможность российскому читателю

[1] *Менш П. ван.* К методологии музеологии. М., 2018. С. 38.

расширить горизонты своих знаний о заявленной проблеме. История предполагает хронологию событий, что и отражено в структуре книги.

Читателю XXI в. предоставлен большой выбор научной литературы по теме «Музей» в различных направлениях его изучения: музеология[2], музееведение[3], история музейного дела[4], музейная педагогика[5], которая вошла в ранг учебных дисциплин и предложена в форме учебников[6] для студентов. Значительная часть этой литературы тяготеет к некоторой научной изоляции и развивается без достаточного диалога с «большой» историей, что, конечно, сказывается на ее научном качестве и востребованности ее наработок представителями близких гуманитарных дисциплин (в первую очередь – исторического круга). В этом отношении рецензируемая монография представляет собой исключение, а ее содержание оказывается близким таким направлениям в новой и новейшей истории начала XXI в., как интеллектуальная история, история идей или транснациональная история.

История описания и изучения музеев начинается с инвентарных описей, рукописных каталогов и записей учета экспонатов. Первыми «мусейонами» могут считаться «невольно созданные музеи» античных государств. Об этом времени свидетельствуют лишь атрефакты. Учетные записи музейных собраний появляются в Европе в Новое время, когда владельцы хранений раритетов издавали каталоги с рекомендациями по организации коллекций. К концу XIX в. сложился основной корпус литературы, получившей название «музеография», – каталоги, путеводители, исторические очерки, отчеты и труды музейных сотрудников по разным вопросам экспозиционной коммуникации. В конце XX в. музеография разделилась на популярную и научную. Притягательность первой для заинтересованных читателей связана с востребованной формой подачи материала: разнообразие литературы и яркое художественное оформление книг. С середины 1990-х годов массовый характер приобрели электронные формы публикаций музеев и о музеях. В последнее десятилетие XX в., как реакция на социализацию музея и усиление теоретического направления в музееведении, наметилась тенденция разделения понятий «музееведение» и «музеология».

Появление музеологии как отдельной научной дисциплины относится к последней четверти XIX в., когда в 1877 г. в Дрездене стал выходить первый специализированный «Журнал по музеологии и антиквароведению, а равно по родственным им наукам» (Zeitschrift für Museologie und Antiquitätenkunde sowie verwandte Wissenschaften). О.С. Сапанжа, систематизируя уровни исследований и практик социально-культурной деятельности музеев, «следуя принципу изоморфизма и рассматривая музейное образование как вид социально-культурной деятельности, предлагает следующую структуру (от общего к частному): музеология – теория музейной коммуникации – музейная педагогика – образовательная деятельность в музее»[7]. Следовательно, музеология – доминирующая формация, включающая в исследовательское поле целый ряд подчиненных или равноправных направлений культурологического знания.

В книге В.Г. Ананьева представлен новый, философско-культурологический подход к феномену музеологии, рассматриваемой в исторической перспективе; автор исследует также генезис этой культурной формы, от ее истоков до наших дней. Монография состоит из введения, трех глав, охватывающих исторические эпохи и раскрывающих основные достижения времени в вопросах понимания существования музейных институтов, заключения и списка использованных источников и литературы (442 наименования), большая часть из которых (352) написаны на иностранных языках (преимущественно английском и немецком). Отметим лишь неравномерность глав (вторая глава меньше других), вызванную, видимо, содержательно-хронологическим наполнением каждой из них.

Первая глава «Основные интеллектуальные парадигмы развития зарубежной музеологии» содержит анализ становления эмпирической науки, выделяются донаучная и эмпирически-описательная стадии развития музеологии. Текст разделен на параграфы и подпараграфы, последние из которых имеют наполнение от нескольких страниц до полустраницы (например, 1.3.1. «Иоганн Георг Теодор фон Грассе и “Музеология как научная дисциплина”» (с. 56–63) и 1.3.2. «Первая музейная революция и профессионализация как основа для развития музеологии»

---

[2] *Сапанжа О.С.* Музеология: историография и методология. СПб., 2014.

[3] *Решетников Н.И.* Музееведение: курс лекций. М., 2000.

[4] *Грицкевич В.П.* История музейного дела до конца XVIII века. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2004.

[5] *Столяров Б.А.* Музейная педагогика: история, теория, практика. Учебное пособие. М., 2004.

[6] *Юренева Т.Ю.* Музееведение: учебник для высшей школы. 2-е изд. М., 2003.

[7] *Сапанжа О.С.* Исследования социально-культурной деятельности в проблемном поле музеологии и музейной педагогики // Известия РГПУ имени А.И. Герцена. 2019. № 192. С. 79.

(с. 63)). Отмечая достижения музейных учреждений в различных областях деятельности, автор смещает акцент критики к коммуникативной позиции каждого из музейных сообществ. Так, например, он замечает: «На Западе одной из центральных проблем становится роль музея в современном обществе, – могут ли музеи обращаться к массовой аудитории и сохранять при этом значение научного учреждения, сочетать научно-исследовательскую и просветительскую деятельность с рекреационной, какое влияние может оказывать музей на развитие того сообщества, в котором он существует, и состояние окружающей среды» (с. 97). Точка отсчета по более тесному контакту участников музейной деятельности становится началом «Новой музеологии».

В выводах первой главы автор придерживается установленной прескрипции: осмысление музея и музейной коллекции как социальных институтов зависит от времени, отражает конкретную историческую ситуацию в обществе. Однако музей выступает не только хранилищем, отражением прошлого, но и новаторским институтом[8], в пространстве которого все настойчивее слышны призывы к переустройству самого понятия «музей», что более тщательно проанализировано в последующих главах.

Во второй главе «Базовые музеологические концепции конца XX – начала XXI в.» внимание уделено описанию методик общения с посетителями, определена роль коммуникации в музейном пространстве. Рассуждения автора вслед за идеями Д. Клиффорда способствуют утверждению значимости концепта «контактная зона» (с. 179).

Обозначенная неравномерность средней главы (55 с.) в сравнении с соседними (136 с. и 149 с. соответственно) авансируется содержательным материалом: великолепно восстановлены примеры работы таких известных музейных/музеологических деятелей, как Дж. Саймонс, Р. Синглтон, Дж. Льюис, а особенно – Сьюзен Пирс, Эйлин Хупер-Гринхилл и Ричард Сандэлл: «Если в работах С. Пирс музеи рассматриваются в первую очередь как институты, занимающиеся хранением и изучением материальной культуры, исследовательские интересы ее младшей коллеги и преемника на должности главы кафедры музейных исследований, осуществляемой в музеях. Э. Хупер-Гринхилл принято считать создателем современной модели музейной коммуникации» (с. 163).

Дихотомия музеологических концепций развития каждого из направлений определяет интригу повествования, появившуюся в результате сопоставления базовых и релятивных музеологических магистралей. Выделяются адресаты «кто говорит» и «кто слушает», корреспондирующие друг другу, и на этом базисе выстраиваются «культурные конструкты» института и институции. Главным открытием «институциональных стратегий» является определение ведущей роли специалистов в области образовательной деятельности (с. 166). О кризисе инициатив музейных педагогов высказывается, например, и О.С. Сапанжа: «Анализ корпуса публикаций показывает, что бум интереса к музейной педагогике пришелся на конец 1990-х годов и 2000-е годы. Сегодня же приходится констатировать замедление темпов научного осмысления стратегий и технологий организации образовательной среды в музее»[9]. Своевременным является обращение к тезису Э. Хупер-Гринхилл о специалистах в области образовательной деятельности и внимание к адресным программам для посетителей[10]. Главный субъект восприятия музейной информации — зритель, и потому направления по изучению формирования экспозиций для активизации зрительского интереса занимают отныне важное место в оформлении музейных пространств и создании музейных коалиций. Касаясь отечественного материала[11], можно вспомнить, что еще в 1920-х годах в Государственном Русском музее действовала Комиссия по изучению зрителя, которого «следовало воспитывать»[12].

Продолжением высказанного утверждения предстает разработка понятий «социальная

[8] См. также: *Ананьев В.Г., Кизил М.И.* Теория и практика музейной экспозиции в трудах зарубежных музеологов 1900–1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 25. С. 113–121.

[9] *Сапанжа О.С.* Исследования социально-культурной деятельности в проблемном поле музеологии и музейной педагогики. С. 77.

[10] Смею добавить, что определение «музейный педагог» не отвечает терминологическому наполнению, т.к. сотрудник музея, работающий с группами посетителей, не является для них педагогом. Он, скорее, интерпретатор, комментатор, медиатор, апологет музейной экспозиции. Желательно выстраивать общение с экспозиционным материалом так, чтобы у зрителя сохранилось собственное впечатление от посещения музея, возможно, не совпадающее с мнением организаторов экспозиции.

[11] Очерк основных вех профессиональной коммуникации см.: *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* Музейные форумы в России первых двух десятилетий XX в.: революция и преемственность // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2020. Vol. 13. Is. 1. P. 258–272.

[12] Ведомственный архив Государственного Русского музея. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 797. Планы, отчеты, статьи и методика. 1928–1933 гг. 14.07.1920–22.06.1932. Л. 87.

эксклюзия» и «социальная инклюзия» в области музейных технологий, однако в нынешнее время данный тезис понимается гораздо шире. На периферию социально-культурной жизни при поддержке государства вытесняются менее защищенные слои общества по разным причинам их ранжирования. Социальная эксклюзия для музеев в понимании представителя той же Лестерской школы музеологии Р. Сандэлла видится в трех пунктах: 1) репрезентация, 2) участие и 3) доступность (с. 167), т.е. 1) демонстрация примеров культурного наследия отдельной социальной группы населения, 2) участие сообщества при подготовке базиса и разработке основ выставочной экспозиции, транслирующей их проблемы, 3) достижение удовлетворительного результата в форме коммуникации. Деятельность музея, по мнению Р. Сандэлла, сравнима с «форумом для публичных дебатов» в отношении внешних, внемузейных факторов социально-культурного мейнстрима. Однако существует и армия профессионального музейного сообщества, в котором также происходит процесс преобразований, ведущих к эксклюзии. Например, вопрос о доступности культурологического образования и достижения вершин карьерной лестницы в музейных профессиях для женщин поднимается в третьей главе: «Образовательная деятельность, в том числе как одно из направлений музейной работы, на рубеже XIX–XX вв. рассматривалась как сфера, в которой наиболее полно могут быть реализованы именно женские умения и навыки. Такая гендерная маркированность приводила к тому, что именно в сфере просветительской удавалось наиболее полно реализовать себя женщинам, искавшим музейной карьеры» (с. 202). Сосредоточение внимания на обсуждении именно этих проблем – выбор автора. Для музейной профессиональной среды 2000-х годов этот вопрос чрезвычайно актуален.

Для сегодняшнего музейного сообщества остро стоит вопрос о повышении квалификации музейными сотрудниками, в частности, просветительского направления. Известно, что в Эрмитаже на заре формирования принципов просветительской службы заботились и о повышении знаний своих сотрудников: «Циркуляр № 35 от 31/VIII. 1920 г. Об организации 1) Эрмитажных экскурсий; 2) подготовки руководителей экскурсий; 3) курсов для подготовки галерейных служащих Эрмитажа»[13]. В 1930–1960-е годы в Государственном Русском музее проводились постоянные лекции, семинары и методические занятия для начинающих экскурсоводов, тестирование и анкетирование работающих сотрудников с целью повышения профессиональной квалификации.

Вывод второй главы заключается в утверждении модели взаимодействия теоретических и практикоориентированных подходов в музееведении. В XXI в. права на управление наследием в области культуры переходят к новым институциям: «гетерогенным практикам», «коалициям», «текучему миру процессов» и указывает на множественность как главную характеристику состояния актуального (с. 208–209).

Третья глава «Институциональная история зарубежной музеологии» позиционирует развитие институций музейного сообщества в масштабе международных организаций (Музейная ассоциация, Американская ассоциация музеев, ИКОМ, ИКОФОМ) и анализ структурных органов музееведческих коалиций. Материал этой главы затрагивает редко звучащие вопросы организации подготовки и переподготовки музейных работников, повышения квалификационного уровня, продвижения по служебной лестнице, распределения обязанностей в освоении различных видов музейной работы и другое.

Уникален подбор документов и цитат, освещающих деятельность американского музеолога Сары Йорк Стивенсон и ее соратников: аннотация практических занятий по определению, классификации и экспонированию предметов, описание и стоимость курса лекций для студентов (и прочих), атрибуция и экспертиза музейного предмета, подготовка этикетажа, изучение музейной климатологии, каталогизация предметов коллекции, связь с музейной практикой и др. (с. 215–221). Также притягательна идея об «эвокативных экспозициях», в постижении и объяснении которых ведущая роль принадлежит женщинам (с. 202).

Институциональная критика нацелена на выравнивание процессов развития культурологических сфер деятельности, но в начале XX в. происходит грандиозная общекультурная метаморфоза, которая с неизбежностью захватила все сферы и институты культуры. Интеллектуальная артподготовка к трансформации всех институтов культуры была начата еще леворадикальными культурфилософами и проходила под лозунгами М. Фуко, а затем широко популяризовалась их многочисленными последователями и вывела музейные институции на обретение совершенно новой формы и содержания, упустив работу со зрителем в новых социально-экономических условиях и идеологических установках. Нынешняя ситуация в музейном деле демонстрирует разрыв

[13] Архив Государственного Эрмитажа. Ф. I. Оп. 5. Д. 143. Л. 17.

видов презентации экспозиционных вещей и форм переработки поступающей информации, и на этом следует сосредоточить внимание кураторам музейных сообществ.

Выводы автора достаточно обстоятельны, справедливы, не слишком оптимистичны, отражают ситуацию музееведения в странах Запада (с уточнением развития культурологической и музейной ситуации в бывших социалистических странах Центральной и Восточной Европы ко второй половине XX в.). И все же критическое осмысление сложившегося положения дел в музеологии постимперского (постсоветского) времени дает возможность для реализации новых современных идей дальнейшего прогрессивного развития музеев в новых условиях институциональной трансформации молодыми профессионалами.

С сожалением следует отметить невнимание В.Г. Ананьева к темам онтогенеза музеев и коллекций культового (христианского) содержания. В какой-то мере описание музеев эпохи античности и Ренессанса восполняют сведения о пользе коллекционирования произведений коммеморативного характера (с. 65–67), но все же хотелось бы увидеть более обстоятельный анализ экспозиций «духовного содержания», которые представляют особый тип музейного собрания и требуют других подходов к экспонированию. Не зря В. Шерер «ставит своей целью показать, как художественные музеи смогли занять “почетное место” в “духовной жизни нашего народа”» (с. 72). «Интерес к русской иконе как к объекту коллекционирования появился в европейских странах, главным образом, в XIX в. В определенной степени он был вызван влиянием сложного и многопланового интеллектуального и художественного течения, получившего название романтизм. Отстаивая свою эстетическую платформу, романтики утверждали, что наряду с великими творениями древних греков и римлян существуют и не укладывающиеся в классические каноны шедевры творчества других народов. Стимулированный ими интерес к иным мирам и культурам повлек за собой формирование коллекций древнехристианского, византийского и раннесредневекового искусства»[14], – пишет Т.Ю. Юренева, затрагивая малоизученную в современном историко-культурном пространстве тему.

Книга В.Г. Ананьева адресована историкам, искусствоведам, культурологам, философам культуры, музееведам и музейным работникам, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами музеологии и ее исторических пертурбаций. Будет она интересна и историкам нового и новейшего времени, т.к. многие из ее героев принимали непосредственное участие в визуализации и конструировании дискурсов научного (исторического) знания XVII–XIX вв.

В монографии рассматриваются социальные функции музеев, их научно-исследовательская работа, вопросы фондовой, экспозиционной и культурно-образовательной деятельности, а также менеджмента и маркетинга. Книга является попыткой краткого и в то же время емкого и точного анализа подходов музейной теории и практики, в котором излагаются теоретические основы музееведения и методика музейной работы, представлен обзор музееведческих концепций в русле глобализации культуры. На обширном фактическом материале автор анализирует причины и обстоятельства возникновения музеев в различных регионах мира, прослеживает становление и развитие музея как социокультурного института, показывает его место и роль в каждой конкретной исторической эпохе.

Книга по музеологии как материальный объект печатной продукции может быть предметом музейной коллекции. В предоставленном образце наличествуют лаконичный строгий фон твердого переплета, репродукция картины со сфинксом на обложке (смысловая коннотация древности, вечности, провидения, взгляда в будущее), пропорционально подобранный шрифт. Пожалуй, для музейной «вещи» книге В.Г. Ананьева не хватает «кракелюров» времени: длительной истории существования, активной читательской судьбы, каталога критических суждений. Пожелаем всего этого книге «История зарубежной музеологии: Идеи, люди, институты», выпущенной издательством «Памятники исторической мысли» в 2018 г.

Библиография

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Музейные форумы в России первых двух десятилетий XX в.: революция и преемственность // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2020. Vol. 13. Is. 1. P. 258–272.

Ананьев В.Г., Кизил М.И. Теория и практика музейной экспозиции в трудах зарубежных музеологов 1900–1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 25. С. 113–121.

Грицкевич В.П. История музейного дела до конца XVIII века. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2004.

Менш П. ван. К методологии музеологии. М., 2018.

Решетников Н.И. Музееведение: курс лекций. М., 2000.

Сапанжа О.С. Исследования социально-культурной деятельности в проблемном поле музеологии и музейной

[14] *Юренева Т.Ю.* Русская икона в европейских музейных собраниях // Вестник славянских культур. 2017. Т. 45. С. 176–189.

педагогики // Известия РГПУ имени А.И. Герцена. 2019. № 192. С. 75–81.

Сапанжа О.С. Музеология: историография и методология. СПб., 2014.

Столяров Б.А. Музейная педагогика: история, теория, практика. Учебное пособие. М.: Высшая школа, 2004.

Юренева Т.Ю. Музееведение: учебник для высшей школы. 2-е изд. М., 2003.

Юренева Т.Ю. Русская икона в европейских музейных собраниях // Вестник славянских культур. 2017. Т. 45. С. 176–189.

References

Ananiev V.G., Buharin M.D. Muzejnye forumy v Rossii pervyh dvuh desjatiletij HH v.: revoljucija i preemstvennost' [Museums' Forums in Russia in First Two Decades of the Twentieth Century: on Revolution and Continuity] // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2020. Vol. 13. Is. 1. P. 258–272. (In Russ.).

Ananiev V.G., Kizil M.I. Teorija i praktika muzejnoj jekspozicii v trudah zarubezhnyh muzeologov 1900–1930-h gg. [The theory and praxis of museum exhibitions in the works of foreign museologists in 1900-1930th] // Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologija i is kusstvovedenie [Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history]. 2017. № 25. P. 113–121. (In Russ.).

Grickevich V.P. Istorija muzejnogo dela do konca XVIII veka. Izd. 2-e, ispr. i dop. [The history of museum field untile the end of 18th century. 2nd editions, ed. and expd.] Sankt-Peterburg, 2004. (In Russ.).

Mensch P. van. K metodologii muzeologii [Towards the methodology of museology]. Moskva, 2018. (In Russ.).

Reshetnikov N.I. Muzeevedenie: Kurs lekcij [A museum studies. Course of lectures]. Moskva, 2000. (In Russ.).

Sapanzha O.S. Issledovanija social'no-kul'turnoj dejatel'nosti v problemnom pole muzeologii i muzejnoj pedagogiki [The research in the field of socio-cultural work in cognitive domain of museology and museum pedagogy] // Izvestija RGPU imeni A.I. Gercena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. 2019. № 192. P. 75–81. (In Russ.).

Sapanzha O.S. Muzeologija: istoriografija i metodologija [Museology: historiography and methodology]. Sankt-Peterburg, 2014. (In Russ.).

Stoljarov B.A. Muzejnaja pedagogika: istorija, teorija, praktika. Uchebnoe posobie [Museum pedagogy: history, theory, praxis. Textbook]. Moskva, 2004. (In Russ.).

Jureneva T.Ju. Muzeevedenie: Uchebnik dlja vysshej shkoly. 2-e izd. [Museum studies: Textbook for high school. 2nd edition]. Moskva, 2003. (In Russ.).

Jureneva T.Ju. Russkaja ikona v evropejskih muzejnyh sobranijah [The Russian icons in museum collestions of Europe] // Vestnik slavjanskih kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]. 2017. Vol. 45. P. 176–189. (In Russ.).

DOI: 10.31857/S013038640014702-0

© 2021 г. **К.Н. Гернет**

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЯЛТА 1945: УРОКИ ИСТОРИИ»

Гернет Ксения Николаевна *– заведующая отделом научно-просветительских программ Государственного автономного учреждения культуры Республики Крым «Ливадийский дворец-музей» (Ялта, Россия).*
E-mail: livadia_prosvet@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6146-4122

K.N. Gernet

INTERNATIONAL CONFERENCE "YALTA 1945: LESSONS OF HISTORY"

Ksenia Gernet, Department of Scientific-Educational Programs of the State Autonomous Institution of Culture of the Republic of Crimea "Livadia Palace-Museum" (Yalta, Russia).
E-mail: livadia_prosvet@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6146-4122

18–19 февраля 2021 г. в Ялте в Ливадийском дворце-музее состоялась очередная ежегодная международная научная конференция «Ялта 1945: уроки истории», посвященная 76-летию Крымской (Ялтинской) конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. Более двух десятков лет конференция является заметным событием в жизни международного культурного и научного сообщества, с каждым годом привлекая все больше исследователей. В этом году доклады представили 29 ученых из Российской Федерации, Польши и США.

Организаторами конференции выступили Министерство культуры Республики Крым, ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей» и Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования (ФГАОУ ВО) «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (КФУ).

Открывая конференцию, с приветственными словами выступили заместитель директора Ливадийского дворца-музея К.В. Постников и члены организационного комитета – д.полит.н. С.В. Юрченко (КФУ) и заведующая научно-просветительским отделом музея К.Н. Гернет. Они отметили важность исторических уроков Крымской конференции 1945 г. в современном политическом процессе.

Пленарное заседание открыл С.В. Юрченко. Он рассмотрел решения Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г. в качестве не только геополитической, но и моральной матрицы, на основе которой формировалось послевоенное общество. Вопрос влияния Крымской конференции на формирование политического и правового аспекта послевоенной системы международных отношений осветил д.и.н. А.Ю. Плотников (Московский государственный лингвистический университет), Д.А. Блинцов (Ливадийский дворец-музей) остановился на политических мотивах британских дипломатов во главе с премьер-министром У. Черчиллем во время Крымской конференции. И.Г. Беликова (Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Севастопольский военно-исторический музей-заповедник») представила новый источник по истории Ялтинской конференции – воспоминания генерал-лейтенанта береговой службы Петра Алексеевича Моргунова.

Нападение японской авиации на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор в США называют «Днем позора». Этим событиям, а также действиям президента США Ф.Д. Рузвельта в связи с нападением Японии был посвящен доклад председателя Ассоциации гидов-переводчиков Крыма Т.Ю. Бухариной (Ялта) и кинодокументалиста Р. Тремблей (США). Известно, что после Крымской конференции делегация США во главе

с президентом Ф. Д. Рузвельтом отправилась в Египет. На борту крейсера «Куинси» президент принял короля Саудовской Аравии Абдул-Азиза ибн Абдуррахмана ибн Фейсала Аль Сауда. Было подписано соглашение, известное как «пакт Куинси», закрепляющее монопольное право США на разработку саудовских месторождений. Об этих событиях сделал доклад А.Н. Оранский (Ливадийский дворец-музей).

Д.и.н. С.В. Кулик (ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого») рассказал о преступлениях нацистов и их пособников на оккупированных территориях Северо-Запада России в 1941–1944 гг.

С онлайн-докладом «Планы создания немецкого антигитлеровского правительства на территории СССР (1943 г.)» выступил д.и.н. Б.Л. Хавкин (Российский государственный гуманитарный университет, Москва). Координатор крымского отделения общественно-политического движения «Суть времени» К.О. Парубина рассказала о монархических идеях на страницах газеты «Голос Крыма» в 1941–1944 гг.

Я. Томчак (Польша) в онлайн-формате затронул актуальную проблему сохранения исторической правды и памяти о подвиге Красной армии. В качестве примера он привел военные кладбища и места принятия присяги.

К.и.н. А.Д. Попов (КФУ) рассказал об источниковедческом аспекте изучения протокольных и неформальных контактов советского лидера Н.С. Хрущева с руководителями стран народной демократии в Крыму. Послевоенной истории Крыма было посвящено выступление Е.О. Солнце (Ливадийский дворец-музей), представившей доклад о трансформации Ливадии из режимного объекта и места проведения Крымской конференции в курорт для оздоровления и лечения советских граждан. Н.А. Шамрина (Ливадийский дворец-музей) рассказала об истории Ливадии как выставочного комплекса. Опираясь на фотографии из фондов музея, она продемонстрировала эволюцию подхода к изучению истории Крымской конференции в Ливадийском дворце.

Исторически сложилось так, что Крым всегда был многонациональным и многоконфессиональным регионом, сосредоточением геополитических интересов. К.и.н. Д.В. Конкин (КФУ) посвятил выступление событиям русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Он рассмотрел внешние кризисы и внутреннюю политику Российской империи в контексте настроений мусульман Крыма. К.и.н. Н.И. Храпунов и С.Н Храпунова (оба – КФУ) рассказали о проекте военного и государственного деятеля Христофора Антоновича Миниха по присоединению Крымского ханства к Российской империи. Д.и.н. Н.П. Таньшина (Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ) сделала доклад о противоречиях внутренней политики Российской империи в период Восточной (Крымской) войны на примере отношения к этому конфликту императора Николая I и министра иностранных дел К.В. Нессельроде.

Второй день конференции открыло выступление к.и.н. Р.Н. Белоглазова (Севастопольский государственный университет, СГУ) о проблемах историографии истории Севастополя в годы Великой Отечественной войны. Доклад «Типология конфликта. Балканские кризисы в XX и XXI вв.» представил д.и.н. Я.В. Вишняков (Московский государственный институт международных отношений МИД РФ).

Председатель межрегиональной общественной организации Российского общества дружбы и сотрудничества с Арменией д.социол.н. В.В. Кривопусков (Москва) затронул одну из самых актуальных современных проблем – Азербайджано-Карабахскую войну 2020 г., признав этот конфликт фактором кризиса миропорядка XXI в. К.полит.н. И.П. Пашковский (КФУ) рассмотрел исторический опыт императивов и детерминативов внешней политики России. Д.филос.н. М.В. Масаев (КФУ) сделал доклад «Геополитика А.Г. Дугина: аналитические размышления о трансформационных процессах современного миропорядка в контексте исторических уроков Ялтинской конференции 1945 г.».

К.и.н. Я.А. Иванченко (КФУ) рассмотрел «крымский вопрос» в контексте международных отношений. Он коснулся современного статуса Республики Крым, перспектив решения противоречий «крымского вопроса». А.П. Мащенко (КФУ) сравнил политику премьер-министров Великобритании Бориса Джонсона и Уинстона Черчилля.

К.филол.н. О.А. Москаленко (СГУ) представила анализ современной британской прозы, отразившей эпоху И.В. Сталина: «сталинский миф» в творчестве британских писателей и сегодня больше опирается на пропаганду, чем на исторические источники. Д.полит.н. А.А. Ирхин (СГУ) представил доклад об истории Черноморского региона в контексте интереса к нему великих держав, а также оценил потенциал региона как зоны укрепления сотрудничества между государствами, а не только конфликта. С современными научными направлениями комплексного регионоведения Большого Средиземноморья познакомила слушателей к.биол.н. С.И. Рубцова (СГУ).

Д.полит.н. М.В. Ильин (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

Москва) отметил важность решения современных внешнеполитических проблем, связанных со статусом Республики Крым, без решения которых невозможно полноценное современное социальное и политическое развитие не только России, но и всех стран, причастных к этому конфликту.

Доклад, посвященный развитию межконфессиональных отношений после Крымской конференции 1945 г., представил к.и.н. П.В. Кузенков (СГУ).

К 76-летию Крымской конференции было приурочено открытие выставки «Возложить обеспечение и организацию охраны Крымской конференции...», а также презентация книги Н.П. Таньшиной «Русофилы и русофобы. Приключения французов в николаевской России», в которой развеивается устоявшийся миф о сугубо негативном восприятии образа России первой половины XIX в. иностранцами.

DOI: 10.31857/S013038640014703-1

© 2021 г. **М.С. Бобкова**

К 70-летию МАРИНЫ ПАВЛОВНЫ АЙЗЕНШТАТ

Бобкова Марина Станиславовна *– доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).*
E-mail: bobkova_marina@list.ru
Researcher ID: 0000-0001-6293-2813

M.S. Bobkova

On the 70th ANNIVERSARY of MARINA PAVLOVNA EISENSTATT

Marina Bobkova, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: bobkova_marina@list.ru
Researcher ID: 0000-0001-6293-2813

Марина Павловна Айзенштат – известный российский историк, автор более 160 научных статей, трех индивидуальных и четырех коллективных монографий, ряда учебных пособий для средней и высшей школы, ответственный редактор 13 научных сборников по различным проблемам английской истории Нового времени и истории исторического знания.

Марина Павловна всю свою жизнь посвятила изучению самых разных аспектов истории Великобритании – от колониальной политики империи до работы английской почты и появления четвертой власти – английской прессы. Диапазон ее научных интересов охватывает политическую историю Великобритании XVII–XIX вв. и динамику отношения англичан к своему прошлому на протяжении этого ключевого периода для становления современного английского государства.

Без преувеличения можно сказать, что Марина Павловна имеет огромный научный авторитет в профессиональной среде и признана ведущим англоведом нашей страны. Как серьезный эксперт, она десятки раз оппонировала квалификационные работы на соискание научных степеней кандидатов и докторов наук, рецензировала авторефераты диссертаций. Много лет Марина Павловна работает в Диссертационном совете Института всеобщей истории (ИВИ) РАН.

За ее авторством опубликован целый ряд статей в энциклопедических изданиях. Большим багажом своих научных знаний и исследовательским опытом Марина Павловна щедро делится со студентами и молодыми начинающими исследователями. Она вполне успешно работает в медиапространстве. Большой интерес не только у историков, но и у людей, далеких от профессионального занятия историей, вызывают передачи с ее участием на телевидении, например о парламентаризме, викторианской эпохе, а также многочисленные интервью на радио.

Марина Павловна Айзенштат родилась 21 мая 1951 г. в Москве в семье военнослужащего. В ноябре

1968 г. после окончания средней школы она поступила на работу в Институт всеобщей истории АН СССР. Можно сказать, что научная биография Марины Павловны полностью совпадает с историей нашего института. В самом начале она исполняла обязанности секретаря двух научных секторов и одной научной группы: получала почту, печатала текущие материалы, вела делопроизводство.

В 1969 г. Марина Павловна поступила на вечернее отделение исторического факультета Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Серьезной специализации на вечернем отделении не было, но у Марины Павловны появился очевидный интерес к колониальной истории Британии. Поэтому после окончания вуза Марина Павловна стала соискателем в аспирантуре Института всеобщей истории и успешно сдала экзамены кандидатского минимума.

В первой половине 1970-х годов последовала очередная реорганизация структуры института. На смену страноведческому пришел проблемно-хронологический принцип организации подразделений. Поэтому она заняла должность секретаря сектора Новой истории и продолжила обучение уже в статусе аспирантки под руководством Ефима Борисовича Черняка. Кандидатскую диссертацию Марина Павловна подготовила за три года и в 1985 г. успешно ее защитила. В ней был изучен целый комплекс проблем, связанных с международной политикой Великобритании[1].

Уже в кандидатской работе Марина Павловна на основе тщательного анализа обширной и разнообразной источниковой базы пришла к ряду новых, очень интересных и значимых выводов. Традиционно современниками и впоследствии исследователями английские радикалы считались противниками не только расширения, но и обладания заморскими территориями. Зарубежные историки к этому времени только приступили к пересмотру этой концепции. Марине Павловне удалось выявить сложную и довольно противоречивую картину, характеризующую позиции радикалов. Они по-разному относились к владениям в Америке, Африке и на Востоке. Видели разницу между переселенческими колониями, для которых требовали расширения прав колонистов, введения самоуправления и ответственного правительства. Иной подход сложился в отношении Индии, которая в исследуемый период формально находилась под контролем торговой акционерной Ост-Индской компании. Радикалы отстаивали политику отказа от ограничений в восточной торговле, открытия восточного рынка для всех британских товаров, а со временем и внедрения там интенсивного ведения хозяйства. Тем самым работа выявила не антиколониальную позицию радикалов, а их новый взгляд на заморские территории в интересах торгово-промышленного капитала. Несколько позднее эта тема будет расширена в совместной с Т.Н. Геллой монографии[2].

В 1990-е годы М.П. Айзенштат стала участником большого и значимого научного проекта ИВИ РАН под руководством известного отечественного медиевиста Е.В. Гутновой по изучению истории политических институтов. Было решено начать работу с истории британского парламента[3].

В это же время была организована Ассоциация британских исследований. Марина Павловна стояла у истоков ее создания. С 2000 г. ассоциацию возглавил академик А.Б. Давидсон, а М.П. Айзенштат была и остается одним из его заместителей по организации ежегодных, затем двухгодичных конференций, в том числе международных, публикации коллективных трудов историков-англоведов[4].

---

[1] *Айзенштат М.П.* Утилитаризм и колонии // Проблемы Британской истории. М., 1982. С. 177–184; *Ее же.* Английские буржуазные радикалы и переселенческие колонии в первой половине XIX в. // Развитие политических партий в странах Западной Европы и Америки в новое и новейшее время. М., 1984. С. 54–71; *Ее же.* Английские буржуазные радикалы и Ост-Индская компания 1813–1833 гг. (по парламентским материалам) // Проблемы Британской истории. М., 1984. С. 189–197; *Ее же.* Английский буржуазный радикализм и колониальная политика Великобритании 1815–1848 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985. Специальность 07.00.03; *Ее же.* Английский буржуазный радикализм и колониальная политика Великобритании 1815–1848 гг.: рукопись дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985. Специальность 07.00.03; *Ее же.* Фритредеры и колониальные войны Великобритании в конце 30-х – начале 40-х годов XIX в. // Проблемы Британской истории. М., 1987. С. 178–185.

[2] *Айзенштат М.П., Гелла Т.Н.* Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке. М., 1999.

[3] *Айзенштат М.П.* Парламентские комитеты и комиссии в первой половине XIX века // Из истории европейского парламентаризма. Великобритания. М., 1995. С. 124–131.

[4] Например, Россия и Британия. М., 2000; История Британии: современные исследования. М., 2013; Британские исследования: традиции и новации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. № 1 (99). URL: http://history.jes.su/s207987840002269-4-1 (дата обращения: 12.02.2021); История Британии: современные исследования / Отв. ред. М.П. Айзенштат. М., 2013; Британский мир. История Британии: современные исследования / Отв. ред. М.П. Айзенштат. М., 2015; Британия и Россия: современные исследования социокультурных аспектов взаимодействия / Отв. ред. М.П. Айзенштат. М., 2015.

Наряду с этой большой организационной работой, столь важной и необходимой для консолидации профессионального сообщества, Марина Павловна продолжала постоянные и интенсивные научные исследования, значительно расширив их проблематику. В 1997 г. она опубликовала монографию «Британский парламент и общество в 30–40 гг. XIX в.». На обсуждении, оно предшествовало публикации, рукопись получила высокую оценку ведущих специалистов по истории Англии, которые рекомендовали представить ее к защите как докторскую диссертацию.

Значимость проделанной Мариной Павловной работы действительно трудно переоценить, поскольку в отечественной историографии этот период истории Британии традиционно рассматривался как чартистский. И основное внимание отечественных историков было привлечено к изучению чартистского движения, его возникновению, развитию, особенностей и т.п. Марина Павловна предложила совершенно новый подход к изучению и оценке этих десятилетий и выявления их роли в социально-политической жизни страны и государства. Проведенное ею исследование ясно показало, что именно в эти годы протекал процесс становления гражданского общества Британии. Доказательством тому являлись, например, очевидная политизация англичан, укрепление и дальнейшее развитие правового и гражданского самосознания.

В последующие годы М.П. Айзенштат расширила хронологические рамки своих исследований и в 1999 г. защитила докторскую диссертацию «Британский парламент и общество 1815–1849 гг.», впоследствии опубликованную. Монография основана на изучении сотен самых разноплановых источников, и столь мощный источниковый комплекс нацеливал Марину Павловну и в дальнейшем на изучение жизнеспособности британской политической системы на всех этапах ее истории. При этом первостепенное значение приобретал анализ деятельности парламента и правительства в периоды социально-политических и экономических кризисов, поисков путей выхода из них и проведения реформ. Особый интерес в связи с этим представляло для нее формирование действенного общественного мнения и способов его выражения, а также роль прессы в политической жизни общества.

Этим сюжетам была посвящена монография «Британский парламент и общество 1750–1850 гг.» (М., 2009). Столетний период позволил проследить развитие интересовавших ее сюжетов: становление гражданского общества, институтов самоорганизации, развития партийной системы.

После защиты докторской диссертации Марина Павловна начала преподавать историю Британии Нового времени на историческом факультете Государственного академического университета гуманитарных наук, где позднее работала в должности проректора по учебной работе; прочла курсы лекций по истории парламентаризма в Саратовском и Орловском университетах, а также по истории Великобритании Нового времени на историческом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Подготовила учебное пособие по истории Великобритании – «Британия Нового времени. Политическая история» (М., 2007).

М.П. Айзенштат активно участвовала в осуществлении многих коллективных проектов ИВИ РАН. Ею написаны разделы по истории Великобритании пятого тома обобщающего коллективного труда «История Европы»[5] и две главы пятого тома обобщающего коллективного труда «Всемирная история». Первая помещена в разделе «Становление индустриального общества: тенденции глобализации»; вторая – в разделе «Европа и мир»[6]. Кроме того, она автор ряда опубликованных статей в Российской исторической энциклопедии и Большой российской энциклопедии (БРЭ)[7].

В 2007 г. М.П. Айзенштат перешла в Центр истории исторического знания, который был тогда только создан, и работает в нем до сих пор. Здесь она возглавила научно-исследовательский проект «Историк и общество» и в его рамках провела три «круглых стола». В 2007 г. на обсуждение она предложила тему «Советский англовед: личность, ученый, педагог»[8], в 2008 г. – «Историк и общество: научная лаборатория исследователя»[9]. Третий «круглый стол» (2010 г.) был посвящен историческому факту в контексте политической истории[10].

---

[5] Разделы по истории Великобритании XIX в. // История Европы. Т. 5. М., 2000. С. 378–390 (в соавторстве).

[6] Политика и общество // Всемирная история. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. С. 210–245 (в соавторстве); Pax Britannica: Великобритания. С. 264–295. М., 2014.

[7] Например, Британская империя // Российская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 2016. С. 259–272; Пиль, Роберт // БРЭ. Т. 26. М., 2014. С. 209–210; Питт, Уильям старший // Там же. С. 294; Питт, Уильям младший // Там же. С. 296–295; Рассел, Джон // БРЭ. Т. 28. М., 2015. С. 237; Солсбери // БРЭ. Т. 30. М., 2015. С. 676, и др.

[8] Историк и общество: отечественное англоведение 1917–1991 гг. / Отв. ред. М.П. Айзенштат. М., 2008 (серия «АкадемКлуб: исторические науки», Вып. 5).

[9] Историк и общество: научная лаборатория исследователя / Отв. ред. М.П. Айзенштат. М., 2009.

[10] Историк и общество. Исторический факт и политическая полемика / Отв. ред. М.П. Айзенштат. М., 2011.

М.П. Айзенштат как член оргкомитета, руководитель секций и, конечно, докладчик активно участвовала в проведении целого ряда международных научных конференций. В частности: «Переходные периоды всемирной истории: динамика в оценках прошлого» (2011 г.), «Информационное пространство истории» (2013 г.), «Идея истории. Актуальные проблемы исторического познания», посвященной 100-летию М.А. Барга (2015 г.), «Историческая беллетристика. Публичное пространство истории» (2016 г.). А в 2017 г. она участвовала в организации Академической дискуссии «История и миф», где выступила с яркими, интересными исследованиями[11].

Уже 15 лет работает Междисциплинарный научный семинар «Люди и тексты» Центра истории исторического знания ИВИ РАН, в рамках которого прошло около 160 заседаний. Марина Павловна подготовила и обсудила в этом семинаре более 20 своих докладов, связанных с изучением английского историописания, отношением англичан к своему прошлому в XVII–XIX вв.

С момента основания она является членом редакционного совета Исторического альманаха Центра истории исторического знания «Люди и тексты», активно в нем работает и опубликовала целый ряд статей[12].

В 2019 г. вышла новая монография М.П. Айзенштат[13], в которой конкретное исследование разнообразных и разноплановых проявлений связи исторического знания и политики позволило автору не только раздвинуть границы традиционных подходов к анализу британской политической истории, но и существенно расширить возможности изучения состояния и форм проявления исторического знания в обществе на различных этапах его истории. В этом исследовании уже намечены перспективы дальнейшей работы. Например, изучение того, насколько актуализировалось прошлое (какое и как) в английской прессе XIX в.

Пожелаем Марине Павловне множества возможностей и блестящих перспектив, чтобы научная деятельность приносила радость и удовольствие, чтобы история не стояла на месте и открывала все новые границы.

[11] *Айзенштат М.П.* Классика британской беллетристики: Вальтер Скотт // Люди и тексты. Исторический альманах. Вып. 10. Историческая беллетристика. М., 2017. С. 283–293; *Ее же.* История и миф: кто кого? // Локус. Люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 41. М., 2017. С. 133–137; *Ее же.* Исторический миф в политической культуре Британии XVII–XVIII вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 6 (70). URL: https://history.jes.su/s207987840002269-4-1/ (дата обращения: 12.02.2021).

[12] *Айзенштат М.П.* История как компонент парламентской полемики (2-я половина XVIII века) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2012 / Гл. ред. М.С. Бобкова. М., 2013. С. 278–294; *Ее же.* Факторы актуализации прошлого в парламентской полемике Британии (вторая половина XVIII в.) // Люди и тексты. Исторический альманах. Вып. 6 / Гл. ред. М.С. Бобкова. М., 2014. С. 89–113; *Ее же.* Публикация парламентских материалов в Великобритании XVIII–XIX вв. // Люди и тексты. Исторический альманах. 2014 / Гл. ред. М.С. Бобкова. М., 2015. С. 351–372; *Ее же.* Историческое знание и политическая культура Британии XVIII в.: проблемы исследования // Люди и тексты. Исторический альманах. Вып. 12 / Гл. ред. М.С. Бобкова. М., 2019. С. 76–95.

[13] *Айзенштат М.П.* Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М., 2019.

Библиография

Айзенштат М.П. Pax Britannica: Великобритания // Всемирная история. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М., 2014. С. 264–295.

Айзенштат М.П. Английские буржуазные радикалы и Ост-Индская компания 1813–1833 гг. (по парламентским материалам) // Проблемы Британской истории. М., 1984. С. 189–197.

Айзенштат М.П. Английские буржуазные радикалы и переселенческие колонии в первой половине XIX в. // Развитие политических партий в странах Западной Европы и Америки в новое и новейшее время. М., 1984. С. 54–71.

Айзенштат М.П. Английский буржуазный радикализм и колониальная политика Великобритании 1815–1848 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985.

Айзенштат М.П. Британская империя // Российская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 2016. С. 259–272.

Айзенштат М.П. Британские исследования: традиции и новации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. № 1 (99). URL: https://history.jes.su/ s207987840013540-3-1/ (дата обращения: 12.02.2021).

Айзенштат М.П. Исторический миф в политической культуре Британии XVII–XVIII вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 6 (70). URL:https://history.jes.su/s207987840002269-4-1/ (дата обращения: 12.02.2021).

Айзенштат М.П. Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М., 2019.

Айзенштат М.П. Историческое знание и политическая культура Британии XVIII в.: проблемы исследования // Люди и тексты. Исторический альманах. Вып. 12 / Гл. ред. М.С. Бобкова. М., 2019. С. 76–95.

Айзенштат М.П. История и миф: кто кого? // Локус. Люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 41. М., 2017. С. 133–137.

Айзенштат М.П. История как компонент парламентской полемики (2-я половина XVIII века) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2012 / Гл. ред. М.С. Бобкова. М., 2013. С. 278–294.

Айзенштат М.П. Классика британской беллетристики: Вальтер Скотт // Люди и тексты. Исторический альманах. Вып. 10. Историческая беллетристика. М., 2017. С. 283–293.

Айзенштат М.П. Парламентские комитеты и комиссии в первой половине XIX века // Из истории европейского парламентаризма. Великобритания. М., 1995. С. 124–131.

Айзенштат М.П. Политика и общество // Всемирная история. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М., 2014. С. 210–245 (в соавторстве).

Айзенштат М.П. Публикация парламентских материалов в Великобритании XVIII–XIX вв. // Люди и тексты. Исторический альманах. 2014 / Гл. ред. М.С. Бобкова. М., 2015. С. 351–372.

Айзенштат М.П. Разделы по истории Великобритании XIX в. // История Европы. Т. 5. М., 2000. С. 378–390 (в соавторстве).

Айзенштат М.П. Утилитаризм и колонии // Проблемы Британской истории. М., 1982. С. 177–184.

Айзенштат М.П. Факторы актуализации прошлого в парламентской полемике Британии (вторая половина XVIII в.) // Люди и тексты. Исторический альманах. Вып. 6 / Гл. ред. М.С. Бобкова. М., 2014. С. 89–113.

Айзенштат М.П. Фритредеры и колониальные войны Великобритании в конце 30-х – начале 40-х годов XIX в. // Проблемы Британской истории. М., 1987. С. 178–185.

Айзенштат М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке. М., 1999.

Британия и Россия: современные исследования социокультурных аспектов взаимодействия / Отв. ред. М.П. Айзенштат. М., 2015.

Британский мир. История Британии: современные исследования / Отв. ред. М.П. Айзенштат. М., 2015.

Историк и общество. Исторический факт и политическая полемика / Отв. ред. М.П. Айзенштат. М., 2011.

Историк и общество: научная лаборатория исследователя / Отв. ред. М.П. Айзенштат. М., 2009.

Историк и общество: отечественное англоведение 1917–1991 гг. / Отв. ред. М.П. Айзенштат. М., 2008.

История Британии: современные исследования / Отв. ред. М.П. Айзенштат. М., 2013.

Россия и Британия. М., 2000.

References

Ajzenshtat M.P. Anglijskie burzhuaznye radikaly i Ost-Indskaya kompaniya 1813–1833 gg. (po parlamentskim materialam) [English bourgeois radicals and the East India Company of 1813–1833 (according to parliamentary materials)] // Problemy Britanskoj istorii [Problems of British History]. Moskva, 1984. P. 189–197. (In Russ.)

Ajzenshtat M.P. Anglijskie burzhuaznye radikaly i pereselencheskie kolonii v pervoj polovine XIX v. [English bourgeois radicals and displaced colonies in the first half of the 19th century] // Razvitie politicheskih partij v stranah Zapadnoj Evropy i Ameriki v novoe i novejshee vremya [Development of political parties in the countries of Western Europe and America in the new and modern times]. Moskva, 1984. P. 54–71. (In Russ.)

Ajzenshtat M.P. Anglijskij burzhuaznyj radikalizm i kolonial'naya politika Velikobritanii 1815–1848 gg.: diss. ... kand. ist. nauk. M., 1985 [English bourgeois radicalism and the colonial policy of Great Britain 1815–1848: diss. ... candidate of historical sciences]. Moskva, 1985. (In Russ.)

Ajzenshtat M.P. Britanskaya imperiya [The British Empire] // Rossijskaya istoricheskaya enciklopediya. T. 3 [Russian historical encyclopedia. Vol. 3]. Moskva, 2016. P. 259–272. (In Russ.)

Ajzenshtat M.P. Britanskie issledovaniya: tradicii i novacii [British studies: traditions and innovations] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational journal "History"]. 2021. № 1 (99). URL: https://history.jes.su/s207987840013540-3-1/ (access date: 12.02.2021). (In Russ.)

Ajzenshtat M.P. Faktory aktualizacii proshlogo v parlamentskoj polemike Britanii (vtoraya polovina XVIII v.) [Factors of actualization of the past in the parliamentary polemics of Britain (the second half of 18th century)] // Lyudi i teksty. Istoricheskij al'manah / Gl. red. M.S. Bobkova [People and texts. Historical almanac / Ed. M.S. Bobkova]. Moskva, 2014. P. 89–113. (In Russ.)

Ajzenshtat M.P. Fritredery i kolonial'nye vojny Velikobritanii v konce 30-h – nachale 40-h godov 19 v. [Fritreders and the colonial wars of Great Britain in the late 30s – early 40s of the 19th century] // Problemy Britanskoj istorii [Problems of British History]. Moskva, 1987. P. 178–185. (In Russ.)

Ajzenshtat M.P. Istoricheskij mif v politicheskoj kul'ture Britanii 17–18 vv. [Historical Myth in the Political culture of Britain of the 17th–18th centuries] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational journal "History"]. 2018. T. 9. Vyp. 6 (70). URL: https://history.jes.su/s207987840002269-4-1/ (access date: 12.02.2021). (In Russ.)

Ajzenshtat M.P. Istoricheskoe znanie i politicheskaya kul'tura Britanii 18 v.: problemy issledovaniya [Historical knowledge and political culture of Britain in the 18th century: problems of research] // Lyudi i teksty. Istoricheskij al'manah. Vyp. 12 / Gl. red. M.S. Bobkova [Historical almanac. Issue 12 / Ed. M.S. Bobkova]. Moskva, 2019. P. 76–95. (In Russ.)

Ajzenshtat M.P. Istoricheskoe znanie v politicheskoj kul'ture Britanii vtoroj poloviny XVIII veka [Historical knowledge in the political culture of Britain in the second half of the 18th century]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Ajzenshtat M.P. Istoriya i mif: kto kogo? [History and myth: who is who?] // Lokus. Lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly [Locus. People, society, cultures, meanings]. 2017. № 41. Moskva, 2017. P. 133–137. (In Russ.)

Ajzenshtat M.P. Istoriya kak komponent parlamentskoj polemiki (2-ya polovina 18 veka) [History as a component of parliamentary polemics (2nd half of the 18th century)] // Lyudi i teksty. Istoricheskij al'manah. 2012 / Gl. red. M.S. Bobkova [People and Texts. Historical almanac. 2012 / Ed. M.S. Bobkova]. Moskva, 2013. P. 278–294. (In Russ.)

Ajzenshtat M.P. Klassika britanskoj belletristiki: Val'ter Skott [Classics of British fiction: Walter Scot] // Lyudi i teksty. Istoricheskij al'manah. Vyp. 10. Istoricheskaya belletristika [People and Texts. Historical almanac. Issue 10. Historical fiction]. Moskva, 2017. P. 283–293. (In Russ.)

Ajzenshtat M.P. Parlamentskie komitety i komissii v pervoj polovine 19 veka [Parliamentary committees and commissions in the first half of the 19th century] // Iz istorii evropejskogo parlamentarizma. Velikobritaniya [From the History of

European Parliamentarism. Great Britain]. Moskva, 1995. P 124–131. (In Russ.)

Ajzenshtat M.P. Pax Britannica: Velikobritaniya [Pax Britannica: United Kingdom] // Vsemirnaya istoriya. T. 5. Mir v XIX veke: na puti k industrial'noj civilizacii [World History. Vol. 5. The world in the 19th century: on the way to industrial civilization]. Moskva, 2014. P. 264–295. (In Russ.)

Ajzenshtat M.P. Politika i obshchestvo [Politics and Society] // Vsemirnaya istoriya. T. 5. Mir v 19 veke: na puti k industrial'noj civilizacii (v soavtorstve) [World History. Vol. 5. The world in the 19th century: on the way to industrial civilization (coauthored)]. Moskva, 2014. P. 210–245. (In Russ.)

Ajzenshtat M.P. Publikaciya parlamentskih materialov v Velikobritanii 18–19 vv. [Publication of parliamentary materials in Great Britain of the 18th–19th centuries] // Lyudi i teksty. Istoricheskij al'manah. 2014 / Gl. red. M.S. Bobkova [People and Texts. Historical almanac. 2014 / Ed. M.S. Bobkova]. Moskva, 2015. P. 351–372. (In Russ.)

Ajzenshtat M.P. Razdely po istorii Velikobritanii 19 v. (v soavtorstve) [Sections on the history of Great Britain of the 19th century (coauthored)] // Istoriya Evropy. T. 5 [History of Europe. Vol. 5]. Moskva, 2000. P. 378–390. (In Russ.)

Ajzenshtat M.P. Utilitarizm i kolonii [Utilitarianism and colonies] // Problemy Britanskoj istorii [Problems of British History]. Moskva, 1982. P. 177–184. (In Russ.)

Ajzenshtat M.P., Gella T.N. Anglijskie partii i kolonial'naya imperiya Velikobritanii v 19 veke [English parties and the Colonial Empire of Great Britain in the 19th century]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Britaniya i Rossiya: sovremennye issledovaniya sociokul'turnyh aspektov vzaimodejstviya / Otv. red. M.P. Ajzenshtat [Britain and Russia: modern studies of sociocultural aspects of interaction / Ed. M.P. Eisenstatt]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Britanskij mir. Istoriya Britanii: sovremennye issledovaniya / Otv. red. M.P. Ajzenshtat [The British world. The History of Britain: Modern Studies / Ed. M.P. Eisenstatt]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Istorik i obshchestvo. Istoricheskij fakt i politicheskaya polemika / Otv. red. M.P. Ajzenshtat [Historian and society. Historical fact and Political polemics / Ed. M.P. Eisenstatt]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Istorik i obshchestvo: nauchnaya laboratoriya issledovatelya / Otv. red. M.P. Ajzenshtat [The historian and society: the Researcher's Scientific laboratory / Ed. M.P. Eisenstatt]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Istorik i obshchestvo: otechestvennoe anglovedenie 1917–1991 gg. / Otv. red. M.P. Ajzenshtat [Istorik i obshchestvo: otechestvennoe anglovedenie 1917–1991 gg. / Ed. M.P. Eisenstatt]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Istoriya Britanii: sovremennye issledovaniya / Otv. red. M.P. Ajzenshtat [The History of Britain: Modern Studies / Ed. M.P. Eisenstatt]. Moskva, 2013. (In Russ.)

Rossiya i Britaniya [Russia and Britain]. Moskva, 2000. (In Russ.)

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: https://nni.jes.su (требуется регистрация на сайте) или по электронной почте редакции: novistor57@mail.ru.
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта – 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200–230 слов) и ключевые слова (до 5–9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.

13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10–15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: https://nni.jes.su

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Ю.А. Рябчикова, Е.В. Котова

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Подписано к печати 01.05.2021 г. Тираж 356 экз. | $70 \cdot 100^{1}/_{16}$. Зак. 10/3а. | Уч.-изд. л. 23.4 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- **формирование учебно-методических комплексов**
- **развитие научной периодики**
- **внедрение новых стандартов научной коммуникации**

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- **интеграция науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **сетевое взаимодействие научных и методических центров**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

ГАУГН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций

АСПИРАНТУРА

История
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотренных федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).